

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Лев Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. фельштинский, Г. И. Чернявский

Предисловие

В советской истории не было персонажа более оболганного, чем Троцкий. В его советских биографиях, кроме даты смерти, все остальное было ложью. Даже сегодня о Троцком писать сложно: много сил уходит на споры с устоявшимися заблуждениями. Троцкий был революционером. Как любой революционер, ради будущего он готов был не считаться с настоящим. Жизнь человека и человечества он воспринимал абстрактно. Не будучи садистом или убийцей (по крайней мере, в нашем распоряжении нет фактов, говорящих о том, что он лично участвовал в расправах), Троцкий никогда не испытывал даже малейшего дискомфорта от того, что из за подписанных им бумаг или сказанных слов где то (в метре или в десятках тысяч километров от него) одни люди убивали других (и сами при этом часто гибли). Троцкому было приятно сознавать себя вершителем судеб человечества, и в этом смысле он получал прилив адреналина, когда из за него (и за него) умирали люди. В партии большевиков Троцкого не любили. Троцкий всегда стоял особняком. Не случайно на рубеже 1917 г. он не оказался руководителем своей собственной партии и политически располагался между меньшевиками и большевиками, идеологически тяготея к последним. Для типичного большевистского руководителя, к каковым относились, например, Ленин, Сталин и Молотов, Троцкий был слишком высокомерен и харизматичен. Он рассматривал себя как часть мирового революционного движения, хотя, безусловно, как очень важную часть. Но в первые десять лет революции он даже ни разу не вспомнил, что день Октябрьского переворота приходился на его день рождения. Было не до дней рождения.

Троцкий был оратором, которого слушала толпа (но и Ленин был хорошим оратором, сравнимым с Троцким). Он был поразительно работоспособен (но и Свердлов, Сталин и позже Молотов много работали и мало спали). Однако Октябрьская революция, как мы ее знаем, произошла именно под руководством Троцкого, а не Ленина, так как именно Троцкий, возглавлявший Петроградский Совет, договорился с Петроградским гарнизоном о поддержке (в обмен на решение Петросовета не отсылать гарнизон на фронт, на чем настаивало Временное правительство). Ленин в те дни скрывался и руководить революцией в Петрограде не мог. Именно «межрайонец» Троцкий в первый же день революции заключил с большевиком Лениным очень важный союз, гарантировавший Ленину пост председателя в новом советском правительстве. Без поддержки Троцкого Ленин ни правительства сформировать бы не смог, ни пост председателя получить. Политический блок Троцкого и Ленина в первые революционные дни обеспечил возможность захвата власти Советами сначала в столице, а затем и во всей стране.

Ореол создателя и руководителя Красной армии Троцкий получил не столько потому, что первым выдвинул идею использования старых царских офицеров как военспецов (с объявлением членов их семей заложниками на случай измены), а потому, что на своем бронепоезде носился по железной дороге из точки в точку, выступая перед солдатскими массами. Тогда это было вполне эффективное нововведение. Фактическим же руководителем Красной армии на уровне приказов, постановлений и декретов был верный заместитель и секретарь Троцкого Э. Скаянский. Именно им писались многочисленные документы, которые только и успевал подписывать Троцкий (а когда не успевал, Скаянский подписывал их за него).

Позиция Троцкого по Брестскому миру относится к самой фальсифицированной странице советской истории. Поэтому забудем все то, что нам про Троцкого писали в этой связи тысячи советских историков. Все написанное было абсолютной ложью. Позиция Троцкого «ни мира, ни войны» поддерживалась в период брестских переговоров подавляющим большинством партии. Следующая группа революционеров, во главе с Н.И. Бухариным, настаивала на немедленном объявлении Германии революционной войны, а Ленин со своей предательской (с точки зрения интересов мировой революции) идеей подписания унижительного «Тильзитского» мира с аннексиями и контрибуциями был всегда в меньшинстве. Подписанная бумажка о Брестском мире – документ, на котором в конце концов через всякие ухищрения и обманы настоял Ленин, – никогда никем всерьез не воспринималась, ни немцами, ни большевиками (включая Ленина). Договор не принес Советской России мира и передышки, как пропагандировал Ленин, и был забыт историей в ноябре 1918 г. В вопросе Брестского мира Троцкий во всем оказался прав, и в теории, и на практике. Но об этом все, в первую очередь сам Троцкий, поспешили забыть, чтобы не ставить Ленина – единственного союзника Троцкого в партии большевиков – в неловкое положение, не напоминать ему о совершенном предательстве революционных

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. принципов и интересов.

Троцкий никогда не верил во власть и к власти в партии никогда не стремился. Власть он откровенно не любил. Удивительно, но остальные большевики видели в этом скорее угрозу, чем залог своей безопасности. Сила Троцкого никогда не заключалась в наличии партийной или государственной должности. Потеря регалий не воспринималась им как катастрофа. В 1927 г. Троцкий не помнил, когда именно был исключен из Политбюро (и был ли). Сегодня мы знаем, что отчасти именно из за пренебрежения атрибутами власти, должностями Троцкий проиграл битву со Сталиным первым и с легкостью. Партаппаратчиком и бюрократом Троцкий, безусловно, не был. Сталин относился к Троцкому с животной ненавистью. Сталин вообще был человеком жестоким. После неудачной попытки сына Якова покончить с собой Сталин время от времени дразнил сына: даже покончить с собой не смог. При допросах арестованных партийных товарищей в 1930 х гг. Сталин нередко собственноручно расписывал, как именно пытаться заключенных. То есть Сталин, конечно, был садистом. Но столько энергии, сколько потратил Сталин на уничтожение семьи Троцкого, он не затратил ни на кого. И это говорит нам о том, что Сталин Троцкого ненавидел.

За что? Простого ответа здесь быть не может. Прежде всего за то, что в период 1922 – 1923 гг., когда Ленин обратился к Троцкому за помощью в деле борьбы со Сталиным, Троцкий заключил с Лениным политический блок и пытался вместе с Лениным отстранить Сталина от власти (в недели и месяцы, когда Сталин с Дзержинским предпринимали усилия, чтобы снять Ленина с должности председателя СНК). Мы знаем, что это противостояние закончилось смертью Ленина в январе 1924 г. И есть все основания считать, что Ленин умер не без помощи Сталина. Иными словами, что Ленин был убит. Мы знаем странную историю о том, что Троцкий не приехал на похороны Ленина. Сталин сделал вид, что Троцкий не вернулся с отдыха в Москву из неуважения к Ленину. Троцкий сделал вид, что ему умышленно назвали неправильную дату похорон. На самом деле Троцкий не приехал в те дни в Москву, так как знал – не подозревал, а знал, – что Ленина убили заговорщики, что среди этих заговорщиков генеральный секретарь партии Сталин и руководитель ВЧК Дзержинский. И что если Троцкий приедет в Москву, его, скорее всего, тоже убьют, что он – следующий.

Много лет спустя Троцкий признался, что вскоре после смерти Ленина была предпринята попытка его отравления. Он выжил. Но в кремлевской аптеке лекарства с тех пор уже не покупал.

А потом все начали умирать, и все при странных обстоятельствах. Просто какой то мор начался в партии. Заместитель Троцкого Э. Склянский утонул. М. Фрунзе умер на операционном столе. Скоропостижно скончался Л. Красин. От сердечного приступа умер Ф. Дзержинский. И пока они все умирали, уже в 1926 г. стали исключать из партии Троцкого. В 1926 – 1927 гг. его и других троцкистов исключили, в 1928 м – Троцкого сослали, в 1929 м – выслали, в 1940 м – убили. За непродолжительный отрезок времени, с 1917 по 1940 г., Троцкий прошел путь от руководителя страны и революции до политического (1929) и физического трупа. Немаловажная деталь: Троцкий был убит в августе 1940 г., через 10 дней после публикации в США статьи Троцкого о том, что Сталин отравил Ленина.

Последние 10 лет жизни Троцкий много писал. У него, безусловно, было время подумать и поразмышлять. Похоже, он пытался разобраться в своих ошибках и просчетах (пусть даже оставаясь на старых революционных марксистских позициях). Однако в его огромном архиве, переданном в 1940 г. Гарвардскому университету в Бостоне, есть лишь одна фраза, слабо напоминающая критическую оценку происходившего: «Ленин создал аппарат. Аппарат создал Сталина». Для Троцкого это было серьезным сдвигом в осознании событий прошлого. Но дальше этого он уже продвинуться не сумел.

* * *

Историография, посвященная Троцкому, многочисленна. Но основная часть сколько нибудь объемистых книг о Троцком – это политизированные тексты, написанные с позиций либо сугубой ненависти и предвзятого недоброжелательства к своему персонажу, либо оценивающие его восторженно или апологетически. Даже автор наиболее серьезной, на наш взгляд, книги о Троцком, видный французский историк Пьер Бруэ не смог освободиться от социалистических пристрастий и в своей работе преувеличил и близость Троцкого к Ленину, и черты сходства между троцкизмом и ленинизмом, отстаивая обоснованность употребления самих этих терминов [1].

В несомненно большей степени восторженно коммунистическая предвзятость была характерна для трехтомной биографии, написанной Исааком Дойчером [2], который к тому же весьма небрежно относился к источникам и часто подменял собственно

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. биографию всевозможными публицистическими рассуждениями самого общего плана [3] . Что же касается единственной крупной по объему работы, созданной российским автором, – двухтомника Д.А. Волкогонова [4] , то она полезна читателю новым архивным материалом, впервые извлеченным из ряда до этого строго засекреченных фондов, однако представляет собой именно попытку создания портрета, а не биографии. Автор буквально мечется между далеко отстоящими друг от друга эпохами, вплетая в ткань повествования темы и сюжеты, никак не относящиеся к жизни и деятельности Троцкого, противоречит сам себе, позволяет себе безответственные предположения и надуманные «альтернативные» ходы, вплоть до того, что в случае победы Троцкого вся страна была бы превращена в ГУЛАГ, а если бы Троцкий победил Сталина и дожил до ядерной эры, он не остановился бы перед применением оружия массового уничтожения для разрушения империализма. Волкогонов допускает при этом огромное количество фактических ошибок и неточностей, которыми пестрит буквально каждая страница его двухтомника [5] . Любопытно, что книга Волкогонова была встречена в штыки как теми консерваторами, которые по традиции продолжают ненавидеть Троцкого, так и его немногими, но весьма активными в России апологетами. Показательно в этом смысле объемистое «критическое эссе» (как оно было представлено), написанное троцкистом В.З. Роговиным [6] , в основном представляющее собой набор инвектив, столь же догматических, как и суждения противников Троцкого. В то же время научно взвешенная, основанная не на эмоциях, а на достоверном фактическом материале и его анализе и разносторонней оценке критика труда Волкогонова содержится в статье А.В. Панцова и А.Л. Чечевишникова [7] .

В какой то мере сходна с работой Волкогонова появившаяся в 2009 г. биография Троцкого, написанная британским историком Робертом Сервисом [8] . В этом 600 страничном труде на уровне школьного учебника дается масса самых общих сведений и далеких от темы рассуждений. И в то же время автор лишь крайне бегло останавливается на поворотных моментах деятельности своего героя (например, создании Южно Русского рабочего союза, Венской конференции 1912 г., конфликтах с Лениным до 1917 г.). Сервис пытается найти в черновиках мемуаров Троцкого вычеркнутые им места, которые с той или другой стороны, в той или иной степени его компрометируют, хотя непредвзятое ознакомление с ними свидетельствует, что сокращения были стилистические и делались только для того, чтобы текст стал более компактным. Точно так же из воспоминаний о личности Троцкого Сервис извлекает почти исключительно те фрагменты, которые характеризуют его отрицательно.

Чтобы как можно более рельефно подчеркнуть еврейское происхождение Троцкого, Сервис до 23 летнего возраста героя называет его официальным именем Лейба, хотя с малых лет родные именовали Троцкого Львом, Лево́й. Случайное упоминание о том, что юный Бронштейн читал книгу Шопенгауэра об искусстве спора, Сервис превращает в принципиальную проблему и посвящает этому большой фрагмент, доказывая нечестность Троцкого и его готовность использовать любые средства, чтобы обыграть противника.

В ряде случаев факты передаются по ряду неточным вторичным источникам, тогда как существуют надежные первичные документы. Недоумение вызывает хронология: в качестве рубежных моментов жизни Троцкого Сервис называет 1913 – 1914 и 1919 – 1920 гг., что совершенно неоправданно с точки зрения развития исторических и биографических событий. Точно так же необоснованно бегло, всего лишь несколькими небольшими фрагментами, автор останавливается на таких узловых моментах деятельности своего героя, как организация объединенной оппозиции в СССР и сплочение сил альтернативного коммунистического движения за рубежом.

Сервис дает крайне неточное представление о первом покушении на жизнь Троцкого 24 мая 1940 г., причем вообще не упоминает о главном организаторе этого теракта – И. Григулевиче. Удивительно, но автор допускает ошибки в элементарных вопросах, не дав себе труда проверить факты (например, называет Ф. Лассаля марксистом, а А.П. Чехова – социалистом; слово «жаргон» – украинский вариант слова на идиш – считает украинским и т. п.). Автор перепутал двух деятелей по фамилии Лурье – М.З. Лурье (Ю. Ларина) и С.Д. Лурье, у которого в 1917 г. действительно некоторое время проживал Троцкий. Не соответствуют действительности детали биографии Х.Г. Раковского, в 1917 г. румынского социалиста, которого автор называет членом петроградской Межрайонной группы. Перечень фактических ошибок можно было бы продолжить.

Увы, не очень далек от истины американский последователь Троцкого Дэвид Норт, который в своей сугубо апологетической книге «В защиту Льва Троцкого», содержащей критику ряда изданий о своем кумире, восторгающийся им и отнюдь не скрывающий этого, назвал один из разделов своей книги «Вклад Роберта Сервиса в фальсификацию истории» [9] .

Некоторые публикации носят не только халтурный, но и жульнический характер,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

например несколько книг Ю. Папорова, особенно книга «Троцкий: Убийство большого затейника» (СПб.: Нева, 2005). Автор заявляет, что он якобы работал «старшим исследователем» в Доме музея Троцкого в Мехико в 90-е гг., был лично знаком с окружением Троцкого, в частности с художниками Д. Риверой и Ф. Кало (к этому времени их давно уже не было в живых). Между тем руководство музея в ответ на наш запрос сообщило, что ни Папорова, ни какого либо другого русского сотрудника, ни должности «старшего исследователя» в музее нет и не было. Книга Папорова состоит из небрежно приводимых цитат из различных изданий, разбавленных антиисторическими ремарками автора вплоть до того, что Организация Объединенных Наций была создана в 1936 г. Анекдотически выглядит заключение, в котором автор вполне серьезно «беседует» с призраком Троцкого [10]. В результате в распоряжении читателей как в России, так и за рубежом есть масса кратких очерков разного качества, книги, посвященные частным проблемам, но нет ни одной разносторонней, основанной на комплексе первоисточников подробной биографии Троцкого [11].

Дискуссии по поводу наследия Троцкого, его деятельности и идей продолжают в наши дни и, безусловно, будут продолжаться. Одним из признаков этого является постановка на очередную сессию авторитетной Американской ассоциации содействия славистическим исследованиям (AAASS) в Филадельфии в ноябре 2008 г. проблемы «Интеллектуальное и политическое наследие Льва Троцкого», по которой был заслушан, в частности, явно апологетический доклад председателя Международного издательского совета Мирового социалистического веб сайта Дэвида Нортона «Лев Троцкий, советская историография и судьба классического марксизма». Этот доклад завершался показательным заявлением: «Я полагаю, что мы скоро станем свидетелями возрождения интенсивного научного интереса к жизни и трудам Льва Троцкого» [12]. Интенсивный научный интерес к Троцкому действительно необходим, и прежде всего потому, что исключительно важно объективно и панорамно представить эту выдающуюся, динамичную, мятущуюся личность, защитить ее от агрессивных апологетов и не менее злобных хулителей.

Жизнь и деятельность Льва Давидовича Троцкого были настолько насыщены, разнообразны, переменчивы, связаны с постоянными перемещениями и всевозможными контактами, что любая попытка воссоздать их в одном труде неизбежно обречена на известную долю упрощения. Просто невозможно коснуться более или менее детально той массы дел, огромного документального, печатного и рукописного наследия, которые были связаны с активностью Троцкого.

Любой исторический труд обречен на известную долю субъективизма. Перед авторами этого исследования стояла задача рассмотреть деятельность Троцкого с двух точек зрения, в двух перспективах. С одной стороны, мы стремились представить его в контексте эпохи, той среды, в которой он обитал и под влиянием которой находился, сам оказывая воздействие на различные сферы своего обитания, в рамках той политической культуры, которая была свойственна первой половине XX в. С другой стороны, мы пытались рассказать о Троцком с высоты семидесятилетия, прошедшего после его гибели, с дистанции, позволяющей по новому, на основании накопленного исторического опыта, на базе огромного количества имеющихся ныне в распоряжении историков документов оценить его личность и деятельность.

Золотое правило подлинного портретиста – представить свой персонаж так, чтобы его можно было рассматривать с различных точек зрения, под разными углами. Только в этом случае персонаж предстанет панорамно, разносторонне, то есть более или менее объективно. Читатель оценит, насколько удалось выполнение этой весьма нелегкой задачи.

Среди источников, находившихся в распоряжении авторов, были и собрания сочинений Троцкого на русском, английском и французском языках, и издававшиеся под его началом журналы и иная пресса; документы партий и организаций, которые действовали под руководством Троцкого и с которыми он был связан; всевозможные материалы личного характера (воспоминания, переписка, дневники).

Многие из этих источников были извлечены из архивов. Два архива были особенно важны. Во первых, Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ), в котором авторами были изучены не только документы фонда Л.Д. Троцкого (в него попали и материалы, переданные Федеральной службой безопасности России, включая те, которые были выкрадены из Парижского филиала Международного института социальной истории в Амстердаме в ноябре 1936 г.), но также материалы различных организаций российской социал демократии и большевистской партии начиная с 1917 г., включая ЦК и Политбюро, а также личные фонды И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского и др. Во вторых, Хогтонская библиотека Гарвардского университета, где хранится огромный личный фонд Л.Д. Троцкого [13]. Авторы имели возможность использовать также фонды некоторых других архивов (Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива общественных объединений Украины, Отраслевого

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. государственного архива Службы безопасности Украины, Архива Гуверовского института войны, революции и мира, Отдела рукописей Библиотеки Конгресса США, архивы Международного института социальной истории в Амстердаме [14]), в каждом из которых обнаруживались значительные первичные материалы, позволявшие более панорамно представить личность персонажа книги и его окружения. Весьма интересны также документы и иллюстративные материалы мемориальных музеев Л.Д. Троцкого и Ф. Кало в Мехико, столице Мексики. Очень ценны были опубликованные архивные документы [15] , особенно те из них, которые хранятся в архивах, все еще закрытых для исследователей, в частности в Архиве Президента Российской Федерации. Сам Троцкий и его супруга Наталья Ивановна Седова оставили ценные мемуары, которые, как и любой источник такого рода, воссоздают неповторимый колорит эпохи, мыслей и действий авторов, но в то же время весьма коварны, ибо легко могут увлечь в омут тех страстей, которые владели их авторами, когда они писали свои воспоминания. Поэтому, используя воспоминания и прибегая к их помощи, мы старались проверять память мемуаристов имеющимися в нашем распоряжении архивными и другими источниками.

Разумеется, мы не пренебрегали существующей исследовательской и научно популярной литературой, но стремились каждое свидетельство, приводимое ее авторами, также проверить на основе первичной документации. Особенно осторожно мы относились к так называемой «психоистории», получающей ныне все большее распространение и во многих случаях подменяющей анализ фактов и документов произвольными рассуждениями. Достаточно привести в качестве единственного примера книгу американского историка Ф. Помпера «Ленин, Троцкий и Сталин: Интеллигенция и власть» [16] , содержащую попытку психологических и психоаналитических характеристик Ленина, Троцкого и Сталина. Дальше нескольких малодоказуемых психологических гипотез и прослеживания воздействия морально политических воззрений предыдущих поколений революционеров на формирование личности этих деятелей Помпер продвинуться не смог. В книге немало произвольных характеристик и сравнений, например меньшевикам приписывается «женский характер», а большевикам – «мужской».

Троцкий является главным или побочным персонажем массы художественных произведений, начиная с восторженных его описаний в стихах и прозе Ларисы Рейснер и завершая полусатирическими и полусочувственными образами в произведениях Дж. Оруэлла «1984» и «Скотный двор». В советской художественной литературе с конца 20 х гг. упоминание имени Троцкого как положительного персонажа, естественно, было запрещено. Только некоторым авторам во времена «оттепели» и непосредственно после нее удалось включить в свои произведения образы, в той или иной степени напомиавшие этого большевистского лидера в период Гражданской войны. Одним из таких произведений стала повесть Василия Аксенова «Дикой». Сюжет отчасти совпадал с сюжетом в воспоминаниях Троцкого, где он рассказывал о своем выступлении перед арестованными красноармейцами дезертирами [17] . У Аксенова в повести приехавший московский начальник назван комиссаром (нарком Троцкий – это и есть народный комиссар). «Он подъехал в большой черной машине, сверкавшей на солнце своими медными частями. Он был весь в коже, в очках и, что очень удивило нас, абсолютно без оружия». И спутники его тоже не были вооружены. Комиссар, поднявшийся на «качающуюся трибунку», спросил, имея в виду конвоиров: «Что это за люди?.. Я спрашиваю, что это за люди с оружием?» Голос оратора был похож на «звук, что тянется за нынешними реактивными самолетами». Услышав, что это конвой, комиссар произнес: «Немедленно снять конвой!.. Перед вами не белогвардейская сволочь, а революционные бойцы». «Товарищи революционные бойцы! – зарокотал комиссар. – Чаша весов истории клонится в нашу пользу. Деникинские банды разгромлены под Орлом!» По всему полю прокатилось «ура», и через пять минут каждая фраза комиссара вызвала восторженный рев. Все присутствовавшие, и дезертиры и конвоиры, смотрели на фигуру комиссара «с дрожанием над головой кулаком на фоне огромного, в полнеба багрового заката, поднимающегося из за горизонта, как пламя горящей Европы, как огонь американской, азиатской, австралийской, африканской революций» [18] . Есть и художественные фильмы о нашем персонаже – американско английская лента известного режиссера Джозефа Лоузи «Убийство Троцкого» (1972) с Ричардом Бертоном в главной роли (другие роли исполняют столь известные актеры, как Роми Шнайдер и Ален Делон) [19] и российская кинокартина «Троцкий» (1993), где его образ воплотил Виктор Сергачев. А в российской документалистике на Троцкого буквально возникла мода. По нашим подсчетам, в 1990 – 2011 гг. на голубом экране было продемонстрировано более 25 документальных, полудокументальных и псевдодокументальных фильмов о Троцком, ни один из которых, впрочем, не отличался глубиной [20] . В итоге сколько нибудь цельный образ Троцкого в художественной литературе и искусстве пока создан не был.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. Настоящая биография Троцкого – самая подробная из когда либо написанных. Мы постарались при этом сделать ее максимально популярной, рассчитывая, что она привлечет внимание не только специалистов историков, но и широкий круг читателей. Через биографию одного человека мы попробовали показать эпоху, ушедшую со смертью Троцкого. Послевоенный мир во многом был уже абсолютно другой. В нем не осталось места ни жестким утопиям Ленина, ни революционным абстракциям Троцкого. Сталинско брежневский социализм был циничен и саморазрушителен. Он довел советскую систему до публичного унижительного самоубийства, осознать первопричины которого читателю поможет это издание.

Глава 1 Выбор пути

1. Детские годы

Ранние годы жизни выдающихся личностей обычно оставляют мало следов, которые были бы важны для формирования их судеб, по той простой причине, что невозможно предугадать известность, славу или бесславие, которые через много лет будут связаны с этими людьми. В свидетельстве о рождении, выданном местной синагогой родителям ребенка – Давиду Леонтьевичу и Анне Львовне Бронштейн, значилось традиционное еврейское имя – Лейба, Лейб. Но ни сами родители, которые в значительной мере ассимилировались в русско украинской среде, ни друзья детства этого имени никогда не употребляли. Ребенка называли Лев, Лева.

Лева Бронштейн родился 26 октября (7 ноября по н. ст.) 1879 г. Через много лет, когда он станет одним из крупнейших советских партийно государственных деятелей, и позже, в сложных перипетиях своей судьбы, наш персонаж не раз будет вспоминать с оттенком некоторого, может быть, даже восторженного мистицизма совпадение даты его рождения с датой государственного переворота в Петрограде, приведшего к власти большевиков. Сам он, правда, будучи в принципе убежденным материалистом, буквально обрывал себя в таких случаях. В автобиографической книге он писал: «День моего рождения совпадает с днем Октябрьской революции. Мистики и пифагорейцы [21] могут из этого делать какие угодно выводы. Сам я заметил курьезное совпадение только через три года после Октябрьского переворота» [22]. Но ведь он не просто заметил это совпадение, но и не преминул написать о нем в предисловии к своим мемуарам, чем только привлек к совпадению внимание читателей!

Небезынтересна метаморфоза с датой рождения Иосифа Джугашвили, который станет на протяжении двух десятилетий смертельным политическим и личным врагом Троцкого. В СССР официальной датой рождения будущего Сталина считалось 9 (21) декабря 1879 г. Иначе говоря, Троцкий по официальным бумагам был старше Сталина на полтора месяца. На самом деле, однако, Сталин родился годом раньше. Так что Сталин был старше Троцкого [23].

Любопытно, что, тогда как Сталин сделал себя на год моложе, Троцкому прибавили год жизни, обозначив датой его рождения 1878 г., поскольку оказалось, что возрастом он слишком юн для поступления в первый класс, а уровнем подготовки значительно выше сверстников. «Метрическая книга велась в колонии Громоклей не очень исправно. Многие записывались задним числом, – вспоминал Троцкий. – Когда понадобилось мне поступить в среднее учебное заведение и оказалось, что я не вышел еще годами для первого класса, то в метриках перенесли мое рождение с 1879 го на 1878 год. Поэтому годам моим велся всегда двойной счет: официальный и семейный» [24]. Так что Троцкий и Сталин как бы поменялись годами рождения. Давид и Анна Бронштейн были уроженцами небольшого еврейского местечка на Полтавщине, откуда они переселились в Херсонскую губернию, которая лишь постепенно заселялась пришлым крестьянством на протяжении XIX в. Низкая плотность населения в херсонских степях предопределила усилия правительственных чиновников империи по созданию здесь более или менее стабильных колоний из числа немцев, греков, болгар и представителей других народов. В их числе оказались и евреи. Разделы Польши в последней трети XVIII в. привели к тому, что к российским подданным постепенно прибавилось почти миллионное, в основном бедствовавшее, еврейское население Белоруссии, Подолии, Волыни, Литвы, а также центральной части Польши (она была закреплена за Россией Венским конгрессом 1815 г.).

Евреи, проживавшие на этих территориях, в основном занимались ремеслом (сапожники, портные, цирюльники), но среди них были и владельцы постоянных дворов и почтовых станций, арендаторы винокурен. В крестьянской России эти занятия не рассматривались в качестве достойного, производительного труда. Более того, у низших слоев складывалось впечатление, которое подчас поощряли представители знати и власти, в том числе видные писатели, журналисты, общественные и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. политические деятели, что евреи существовали за счет обмана. Постепенно возникли и усиливались антисемитские настроения и чувства, в частности в крестьянской среде, где евреев рассматривали, часто никогда не видя их воочию, как хитрецов, нечестных менял и т. п. Крестьянский же труд евреям был до поры до времени запрещен.

Уже в начале XIX в. в высших сферах империи предпринимались попытки разработать политику в отношении евреев, для чего император Александр I в ноябре 1802 г. образовал особый Комитет по благоустройству евреев, а последний выработал Положение об устройстве евреев, утвержденное императором через два года [25]. В числе прочих мер Положение предоставляло евреям право обзаводиться фабриками и заводами, покупать для занятий сельскохозяйственным трудом незаселенные земли. Впервые законодательно была закреплена сословная группа евреев земледельцев. Евреям, желавшим стать земледельцами, был пожалован статус колонистов (иностранцев поселенцев, занимавшихся сельским хозяйством). Им предоставлялось право получать земли в бессрочное пользование (пока, однако, не в собственность), им могли выдаваться денежные ссуды на переезд и устройство хозяйства, в течение нескольких лет они освобождались от уплаты податей. Переселение евреев в Новороссийский край (так тогда называлась южная часть украинских земель), начавшееся еще в конце XVIII в., приняло относительно широкий характер вскоре после обнаружения этих законоположений. Утвержденное императором Николаем I в 1835 г. новое Положение о евреях позволяло не только получать землю в бессрочное пользование, но в пределах «черты постоянной еврейской оседлости» (она охватывала во второй половине XIX в. царство Польское и пятнадцать западных губерний Российской империи, включая Полтавскую и Херсонскую [26], что важно для нашего повествования) евреи могли теперь покупать и арендовать земельные участки. Особенно поощрялась покупка земли специально для заселения своими единоверцами, которые образовывали бы частновладельческие колонии, сходные по структуре с кооперативными хозяйствами [27].

Частновладельческие колонии с 1841 г. находились в распоряжении Министерства внутренних дел и в непосредственном подчинении губернских присутствий. Положение о евреях земледельцах от 26 декабря 1844 г. давало разрешение евреям не только переходить в земледельческое сословие в тех губерниях, в которых они проживали, но также переселяться для ведения сельского хозяйства в земледельческие губернии. В Херсонской и Екатеринославской губерниях земельный надел евреев был определен в 30 – 40 десятин на семью из шести ревизских душ (то есть лиц, подлежащих официальному учету и налогообложению). Евреям земледельцам предоставлялись существенные льготы: освобождение на 10 лет от платежей повинностей и податей, освобождение на 25 лет от рекрутской воинской повинности, освобождение от платежей всех недоимок по прошлому состоянию [28].

Именно этими льготами и воспользовалась семья Бронштейн, когда в середине 70-х гг. (точная дата неизвестна) переселилась в Херсонскую губернию [29], земельные угодья которой почти не были освоены, хотя и находились в частной собственности. Здесь у местного обедневшего помещика полковника Яновского, выбившегося в офицеры из рядовых, но оставшегося служакой и не сумевшего наладить хозяйство, был выкуплен крупный участок земли, на котором была основана еврейская сельскохозяйственная колония Громоклея (по названию протекавшей здесь речки, впадавшей в Южный Буг) [30]. Колонисты постепенно обживались, колония развивалась. В 1898 г. в ней проживало 254 человека, занимавшиеся земледелием на территории в 483,5 десятины [31].

Правда, постепенно политический курс царизма в отношении земельных поселений евреев стал ужесточаться. В 1864 г. евреи девяти западных губерний «черты оседлости» были лишены права приобретать земли. На оставшиеся шесть губерний, включая Херсонскую и Екатеринославскую, этот запрет был распространен почти через 20 лет – в 1882 г. Но обратной силы новое законоположение не имело [32]. На статус Бронштейнов и их соседей его действие не распространилось.

Во второй половине XIX в. в аграрном секторе южной части Украины бурно развивались товарно-денежные отношения. За 1861 – 1909 гг. цена на десятину земли выросла с 11 – 14 до 185 рублей. Быстро росла и арендная плата [33]. Трудолюбивые жители Громоклеи имели возможность более или менее безбедно существовать.

Вначале Бронштейны были весьма активными участниками жизни своей колонии, исправно трудились и занимались общественно-благотворительной деятельностью. Потомки жителей Громоклеи передают переходившие из поколения в поколение рассказы своих предков, например о том, что Анна Бронштейн (девичья фамилия Животовская) возглавляла местную общину, что в основном на пожертвованные ею 1000 рублей были построены синагога и хедер (еврейская начальная школа, сходная с церковно-приходскими школами в деревнях с православным населением, но

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. дававшая, наряду с элементарной грамотой, начальные знания в области иудейской религии и древнееврейской традиции) [34].

Однако Давид Бронштейн, обладавший хорошей хозяйственной сметкой, трудолюбием, самостоятельностью, индивидуализмом, решительностью и жадой выбиться в люди, в колонии не ужился. Незадолго до рождения Левы, в том же 1879 г., он купил землю, расположенную в районе небольшой деревни Яновки (названа по имени уже упомянутого местного помещика), за четыре версты от Громоклеи. Чтобы стать собственником и арендатором 300 десятин земли (100 десятин стали его собственностью, остальная земля арендовалась), он влез в немалые долги, но вел хозяйство расчетливо и аккуратно, был трудолюбив и экономен и постепенно расквитался с задолженностью. Он исправно, два раза в год, вносил арендную плату приезжавшей старушке полковнице, вдове Яновского, которую вначале встречал на вокзале на наемном экипаже, запряженном лошадьми, а позже и на собственном рессорном фаэтоне – конной коляске с откидывавшейся верхней частью – свидетельстве все более растущей зажиточности.

По сути дела, Давид Бронштейн стал со временем хозяином Яновки [35], так как почти все ее жители были работниками на полях, в мастерских либо на других небольших кустарных предприятиях, которые постепенно обустроивал энергичный землевладелец. Хозяйство специализировалось на производстве зерна, направлявшегося не только на внутренний рынок, но также через посредников на экспорт (главный экспортный комиссионер находился в Николаеве, куда Давид регулярно ездил). Только на постоянных хозяйственных работах в самом имении было занято около двух десятков человек. Поля же обрабатывали сезонные рабочие, число их в страдную пору подчас доходило до нескольких сот.

Появились амбары, коровник, свиной хлев (свиньи, правда, свободно ходили по двору со всеми вытекавшими отсюда последствиями), птичник и другие хозяйственные помещения. Давид построил единственную в округе мельницу, куда стали везти свое зерно все окрестные крестьяне, нередко неделями дожидаясь очереди. Созданная в имении ремонтная мастерская также обслуживала не только собственные нужды, но и соседей и приносила доход. В завершение хозяйственных инициатив энергичный Давид Бронштейн соорудил небольшой кирпичный завод, и кирпич с клеймом «Б» оказался основным строительным материалом для всей округи. Работой обеспечивались жители не только самой Яновки, но и соседней Кетрисановки и некоторых других деревень [36].

На реке Столбовой были вырыты пруды, в которых разводилась рыба. Давид Бронштейн собирал неплохие урожаи. Предприимчивый хозяин задумал прикупить землю, но, пока он изыскивал средства, последовал запрет 1882 г., не позволивший ему этого сделать. Так что приходилось довольствоваться дополнительной земельной арендой, что существенно не меняло положения.

С наемными работниками устанавливались в основном нормальные для того времени экономические отношения. Хозяин стремился получить максимальную выгоду, соседские крестьяне, в целом добросовестно работая, были, естественно, далеко не всегда довольны тем натуральным и денежным вознаграждением, которое получали за свой труд. Но в эти отношения никогда не вмешивался национальный момент. Скорее всего, иудейское происхождение хозяина, о котором его работники не могли не знать, ибо по большим праздникам он с семьей в праздничной одежде ненадолго отправлялся в Громоклеевскую синагогу, воспринималось как нечто нормальное, не препятствовавшее взаимной толерантности.

В то же время в самой Громоклее Давида лишь терпели, но не относились к нему со скольнибудь явной симпатией. Его называли «ам хаарец» (человек земли), хотя и сами громоклеевцы были не меньшими, чем он, «людьми земли». Эта полупрезрительная кличка, скорее всего, была связана с тем, что Давида считали мужланом, не знавшим грамоты и не проявлявшим религиозного рвения.

Имея в виду политическую привязанности Троцкого, производит впечатление, что в своих мемуарах он ничего не пишет о крайней нужде или нищете окрестного крестьянства в период своего детства. Это говорит о многом. Уж если бы какие то указания на крайнюю нужду в Яновке Троцкому запомнились, он не преминул бы о них как можно подробнее написать.

Лева был пятым ребенком в семье. За ним последовали еще трое. Однако четверо детей Анны и Давида умерли в младенчестве. Вырастить удалось, кроме самого Левы, старшего брата Александра (он родился в 1870 г.), старшую сестру Елизавету (появившуюся на свет в 1875 г.) и младшую сестру Ольгу (она родилась в 1883 г.). Александр приобретает профессию агронома. Он не будет принимать участия в политике, но во время Большого террора подвергнется аресту и в апреле 1938 г. будет расстрелян. Елизавета выйдет замуж за одесского медика (она станет носить фамилию мужа – Мейльман) и сама станет работать зубным врачом. Елизавета скончается в начале 1924 г. [37] Старшие брат и сестра на протяжении всей своей жизни сохраняют теплые чувства к младшему брату, но решительно откажутся

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. следовать его революционному примеру. Младшая же сестра Ольга, окончив Высшие женские курсы, вслед за братом весьма активно включится в революционное движение.

Мать Льва часто болела, и это наложило отпечаток на ее характер. Она была раздражительна и нередко несправедливо относилась к детям. Родители временами ссорились. Тем не менее Анна была трудолюбивой и энергичной хозяйкой. Во время частых отъездов мужа по коммерческим делам она управлялась и с домом, и с делами имения. Однако здоровье все более ухудшалось. Скорее всего, у Анны была злокачественная опухоль. Пришлось поехать в Берлин, где ей удалили одну почку. Состояние сначала несколько улучшилось, но вскоре болезнь возобновилась с новой силой, и в 1910 г. мать Льва скончалась.

Горе не сломило Давида. Утешением ему были хозяйственные дела. Он прожил намного дольше, хотя и на его долю выпали немалые потрясения. Во время Гражданской войны он, как «сельский помещик и эксплуататор», лишился нажитого имения. «Октябрьская революция отняла у него, разумеется, все, что он нажил», – констатировал сын без всякого сожаления [38]. Сам же Давид, судя по семейному преданию, говорил: «Отцы трудятся трудятся, чтобы заработать на старость, а дети делают революцию и оставляют их ни с чем» [39].

Давид подвергался преследованиям и красными (в качестве «буржуа»), и белыми (как еврей, да еще и отец самого Троцкого). После революции Давид пешком и попутными средствами транспорта добрался до Москвы, появился в квартире сына в Кремле.

Непочтительный Лев напомнил отцу его давние слова: «Царских порядков хватит еще на триста лет». Привыкший к независимости, гордый Давид в семье сына не остался, а самостоятельно устроился управляющим на какую-то государственную мельницу под городом, где проработал пару лет и в 1922 г. скончался от сыпного тифа [40].

Как раз в этот момент Троцкий участвовал в IV конгрессе Коммунистического интернационала, выступал на нем с докладом и буквально на несколько минут заглянул в дом, где отца готовили к похоронам. Сын не разрешил похоронить Давида на еврейском кладбище. Могилу вырыли во дворе дома, где тот умер [41].

Раннее детство Левы проходило подобно первым жизненным годам подавляющего большинства детей из сравнительно зажиточных крестьянских семей. В автобиографической книге Троцкий так описывал сохранившуюся в его памяти общую картину своих ранних лет: «Мое детство не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, поднимающихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление. В этом обиходе детям доставалось скромное место. Мы не знали нужды, но мы не знали и щедростей жизни, ее ласк. Мое детство не представляется мне ни солнечной поляной, как у маленького меньшинства, ни мрачной пещерой голода, насилий и обид, как детство многих, как детство большинства. Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки» [42].

Эти воспоминания писались в первый год после выдворения Троцкого из СССР. Еще одним косвенно мемуарным источником является книга американского журналиста Макса Истмена [43], который провел в Советской России около двух лет в 1922 – 1924 гг., женился на сестре большевистского деятеля Н.В. Крыленко [44] Елене Васильевне, сблизился с Троцким (правда, лишь в той небольшой степени, в какой это было возможно, учитывая и характер, и тогдашнее положение наркома по военным и морским делам), записывал его воспоминания, а также воспоминания членов его семьи и других лиц. Затем Истмен выпустил книгу о юности Троцкого [45].

Как рассказывал Троцкий Истмену, он родился в глиняном доме из пяти тесных и темных комнат, с низкими потолками, под соломенной крышей. Во время дождей крыша протекала [46]. Позже, однако, был построен значительно более презентабельный большой двухэтажный каменный дом с железной крышей, который также оказался уникальным. Он был первой в селе постройкой, превышавшей один этаж, и представлялся односельчанам чуть ли не дворцом.

После Гражданской войны в этом доме почти два десятилетия размещалась начальная школа, а когда для нее было наконец построено специальное здание, дом был продан двум местным колхозникам, которые разобрали его на кирпичи. Память же о давнишних хозяевах сохранилась хотя бы в том, что местные крестьяне шутили над предприимчивыми односельчанами: «Вернутся Троцкие, они вам покажут» [47].

Троцкий несколько преувеличивал в воспоминаниях скудость «материального обеспечения» своего раннего детства, и это было неудивительно. В то время, когда писались его мемуары (1928 – 1929), любое упоминание о материальном достатке играло на руку его политическим противникам и личным врагам, и поэтому Троцкий тщательно обходил вопрос о зажиточности своих родителей.

К «официальному» начальному образованию Лев Бронштейн приступил в 1886 г. в громоклеевском учебном заведении – то ли школе, то ли хедере, – где, кроме

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. элементарных религиозных знаний, его обучали русскому языку и арифметике. Первый учитель ребе Шуфер помог ему лучше овладеть навыками осмысленного чтения и письма. «Я сохраняю.. о моем первом учителе благодарное воспоминание», – писал Троцкий в своих мемуарах [48]. Со своими соучениками Лева общался мало, так как они говорили в основном на языке идиш, который в семье Бронштейн почти не употреблялся, и Лев им так и не овладел. В воспоминаниях он даже несколько высокомерно именуется этот язык «жаргоном», имея в виду, что он действительно был основан на одном из вариантов немецкого языка, в который проникли слова и выражения из других европейских языков. Едва научившись читать и писать, Лева стал предпринимать попытки сочинять стихи. И, только убедившись, что в этом деле он явно не сможет оказаться первым, в еще молодом возрасте оставил свои попытки. Впрочем, тяга к письменным подвигам однажды обернулась для ребенка неприятностью. Порой он слышал, как взрослые люди, не только из низшего класса, но и его собственный отец, произносили некие особые слова и выражения, полагая, что детей нет поблизости. Смысла этих слов Лева не понимал, догадывался, что они неприличны, но тем более острым было его любопытство. Он начал эти слова записывать. «Я сознавал, что делаю не то, что надо, – рассказывал Троцкий в мемуарах, – но слова были заманчивы именно своей запретностью. Роковую записочку я решил положить в коробочку из под спичек, а коробочку глубоко закопать в землю за амбаром. Я далеко не довел своего документа до конца, как им заинтересовалась вошедшая в столовую старшая сестра. Я схватил бумажку со стола. За сестрой вошла мать. От меня требовали, чтобы я показал. Сгорая от стыда, я бросил бумажку за спинку дивана. Сестра хотела достать, но я истерически закричал: «Сам достану». Я полез под диван и стал рвать там свою бумажку. Отчаянию моему не было предела, как и моим слезам» [49]. Так собственный опыт учил ребенка известной осторожности и даже хитрости, неизбежным во многих житейских делах, даже в отношениях со своими родными и близкими.

В возрасте 9 лет Лев покинул сельскую школу и был отправлен родителями в Одессу для получения систематического образования. Пребывание в течение нескольких лет в Одессе просто не могло не наложить отпечатка на умственное и духовное развитие подростка, не исключавшее возникновения первых политических интересов, предопределенных тем, что в промышленном и культурном центре Новороссийского края оппозиционные настроения буквально бурлили. Можно полагать, что на складывание характера Льва оказал влияние космополитический характер города, быстрое развитие, торговые связи и морское сообщение которого с зарубежным миром привлекали людей самых разных национальностей – греков, немцев, французов, болгар, евреев, турок, отлично уживавшихся с местными украинцами и русскими. Правда, с поступлением в школу, как уже указывалось вначале, возникла неувязка из за возраста. Однако за взятку было выписано новое метрическое свидетельство, в котором годом рождения был обозначен не 1879, а 1878 г. Лева сдавал экзамены в первый класс мужского реального училища имени Святого Павла, которое считалось лучшим в городе учебным заведением этого типа, и тут возникла вторая неувязка, также не оказавшаяся катастрофической. Ребенок не проявил достаточного уровня знаний, чтобы преодолеть процентную норму. Мальчика приняли в подготовительный класс, откуда он смог бы без серьезных проблем, разумеется при высоком трудолюбии, перейти через год в первый класс.

В Одессе Лев жил в семье дяди – Моисея Филипповича Шпенцера, человека образованного. Когда Троцкий поселился в этом доме, второй его заботой, кроме школьных занятий, стал уход за новорожденной дочерью хозяев. Домашние обязанности позволяли ему чувствовать себя почти взрослым и были своего рода развлечением [50]. Сам Троцкий так никогда и не узнал, кем станет эта девочка, родившаяся в 1890 г., через год после того, как он поселился у Шпенцеров. Имя Вера ничего ему не говорило. А она оказалась очень талантливой и через годы стала известна как крупная писательница Вера Инбер [51]. Сама же Вера, ставшая Инбер по фамилии первого мужа, но поменявшая свое отчество и известная как Вера Михайловна [52], безусловно, знала из рассказов родителей, что в младенчестве ее баюкал тот, кого в сталинские времена проклинали как самого страшного врага советского строя и агента мирового империализма. Можно представить себе, как опасалась она ареста в зловещие годы Большого террора.

Правда, ей нельзя было отказать в известной смелости, может быть, даже в безрассудности. В 1936 г., то есть как раз тогда, когда в СССР развертывался Большой террор, Инбер осмелилась опубликовать очерк о Ларисе Рейснер – большевистской комиссарше, близкой к Троцкому и недолгое время являвшейся его любовницей: «Ни волжской пуле, ни вшивой шинели в Свияжске, ни поручику Иванову в Казани не удалось причинить никакого вреда Ларисе Рейснер» [53]. Свияжск был тем самым городом, где Рейснер встретила с Троцким, которому посвятила написанную ею затем поэму «Свияжск». Вне сомнения, все это хорошо знали Сталин и его окружение.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Возвратимся, однако, в Одессу конца XIX в. и в ту семью, в которой Лев жил и которая его опекала. У Шпенцеров была хорошая библиотека, и Лева в полной мере, насколько ему позволяла немалая занятость школьными уроками, использовал оказавшиеся в его распоряжении прекрасные книги – русскую и мировую классику, современную литературу, популярные издания по естествознанию и т. д. [54] Да и сам Шпенцер был из тех людей, которым по их любознательности и инициативности впечатлительный мальчик мог подражать и брать с них поучительный пример. Он переводил греческие трагедии, снабжая их примечаниями, писал рассказы для детей, занимался популяризацией истории и составлял сложные хронологические таблицы, которые в наше время назвали бы синхронистическими, ибо они предназначались для сопоставления времени важных событий в разных областях – политике, военном деле, социальной жизни, культуре и науке. Моисей Филиппович, кроме того, помогал своей жене Фанне Соломоновне, являющейся управительницей, то есть, говоря современным языком, заведующей, хозяйством еврейской школы для девочек (ее девичья фамилия была Бронштейн, именно она являлась прямой родственницей – двоюродной сестрой отца Левы).

Как раз в это время Шпенцер занялся издательским делом. Вначале он выпускал небольшие издания, а также всевозможные бланки, но позже стал одним из организаторов крупного научного издательства Mathesis («Математика»), существовавшего до 1925 г. (пайщиками этого издательства были авторитетные профессора Южно-Российского университета), и в доме появились не только книги, но и рукописи, типографские корректуры (все это Лева читал с нескрываемым любопытством). Позднее Шпенцер станет одним из наиболее известных издателей на юге России.

Дом Шпенцеров нередко посещал Сергей Иванович Сычевский – писатель и литературный критик, завоевавший не только местную, но и общероссийскую известность своими книгами и статьями о русской и западноевропейской литературе, работами по педагогике, художественными очерками, публиковавшимися под псевдонимом Стрелка. Однажды Сычевский, обративший внимание на жадно слушающего разговоры взрослых мальчика, дал ему два стихотворения – «Разговор книгопродавца с поэтом» Пушкина и «Поэт и гражданин» Некрасова и предложил написать сочинение, сравнив эти два произведения. Через час мальчик представил строгому критику текст. Тот оценил его буквально восторженно. «Вы только посмотрите, что он написал, такой молодчина!» – воскликнул Сычевский и стал цитировать сочинение юного автора, у которого от гордости огнем горели щеки. «Поэт жил с любимой им природой, каждый звук которой, и радостный и грустный, отражался в его сердце», – цитировал Сычевский сочинение до предела наивное и тривиальное, но искреннее и взволнованное, написанное к тому же подростком.

Сам Шпенцер и люди из круга его друзей и знакомых придерживались леволиберальных взглядов. Они охотно критиковали существовавшие порядки, с интересом и симпатией следили за прорывавшимися наружу слухами о тайных действиях народовольцев, но отнюдь не призывали следовать их примеру. Их идеалом была конституционная монархия с демократическим законодательством, парламентской системой и местным самоуправлением. Когда в 1894 г. умер император Александр III, проведший ряд контрреформ и отменивший целый ряд прогрессивных законов своего предшественника Александра II, они стали возлагать большие надежды на нового царя Николая II, однако вынуждены были испытать горькое разочарование, ибо молодой государь при приеме делегации земцев назвал конституционные надежды «бессмысленными мечтаниями».

В городе Лев получал не только образование – в училище и дома, но и овладевал навыками приличного поведения и культуры, свободной от деревенских влияний, обусловленных примитивизмом быта и сложившимися традициями. «Мне шаг за шагом объясняли, что нужно здороваться по утрам, содержать опрятно руки и ногти, не есть с ножа, никогда не опаздывать, благодарить прислугу, когда она подает, и не отзываться о людях дурно за их спиной» [55]. Судя по всему, все это попадало на благоприятную, восприимчивую почву. Во всяком случае, Лев никогда не сожалел об утрате деревенского образа жизни, не стремился к нему возвратиться, отнюдь не страдал яновской ностальгией.

Учась в подготовительном классе, Лев впервые попал в театр на украинский спектакль «Назар Стодоля» по пьесе Т.Г. Шевченко, в котором не только подчеркивалась национальная идентичность украинского народа, но и содержались скрытые призывы к освободительной борьбе. В своих воспоминаниях Троцкий, надо сказать, признавался, что значительно больше ему тогда понравился одноактный водевиль «Жилец с тромбоном», который в качестве приложения шел после пьесы Шевченко [56]. Правда, в следующие годы подросток пристрастился к итальянской опере, спектакли которой в замечательном Одесском оперном театре проходили регулярно. Он даже стал давать платные уроки младшим ученикам, чтобы накопить деньги на посещение оперы. Несколько месяцев он был тайно влюблен в некую

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. певицу, носившую таинственное имя Джузеппина Угет, у которой было колоратурное сопрано. Это имя, но прежде всего его носительница казались ему «сошедшими с небес на подмостки одесского театра» [57]. Немалым событием было обнаружение у Льва близорукости. Когда доктор распорядился, чтобы он носил очки, радости подростка не было предела. Очки, по его мнению, придавали значительность и интеллигентность. Детские мечтания (поначалу Лева лелеял надежду стать великим актером [58]) уступали место более трезвым текущим делам. Постепенно Лев втягивался в регулярную школьную жизнь. Лева продолжал много читать, хотя и бессистемно, но, обладая великолепной памятью, умел обращать внимание на всевозможные оригинальные факты и мнения, сравнения, показательные цифровые характеристики. Особенно поразительным было именно мгновенное усвоение цифр. В доме Шпенцеров Лев мог целыми вечерами одинаково легко говорить о Юлии Цезаре, Наполеоне Бонапарте или Льве Толстом, но в первую очередь Лев интересовался историческими книгами и запоминал хронологию не хуже, чем статистику. Он не без интереса пролистывал Библию, но никакого чувства трепета она у него не вызывала. К священной книге он относился так же, как к любому другому историческому или художественному сочинению.

Лев рано научился эффективно и эффектно использовать полученные, часто случайные знания в выгодных для себя ситуациях, стремясь превзойти окружающих, получить наиболее высокие оценки, короче говоря, был весьма самолюбив. По воспоминаниям Шпенцеров, некоторые учителя боялись задавать ему вопросы, чтобы не оказалось, что он знает больше, чем его наставники [59]. Жена Шпенцера не находила слов для того, чтобы похвалить Льва в его школьные годы. Отчасти это можно объяснить тем, что в 1920-х гг., когда она беседовала на эту тему с Истменом, Троцкий стал всесильным наркомом по военным и морским делам, и родство со знаменитым большевиком придавало вес, а возможно, и большую долю безопасности самим Шпенцерам. Но думается все же, что рассказ был в своей основе искренним, ибо при желании можно было найти и другие черты у маленького Льва, более соответствовавшие устоявшимся к тому времени советским представлениям о вожде Троцком. Истмен же услышал рассказы о том, как великолепно Лев учился, как его любили учителя, какой он был чистенький и всегда занятой: «Я никогда не видела его грубым и злым. Но я беспокоилась, что он чрезмерно аккуратен». И далее следовал рассказ, как однажды Лев получил новый костюм, в котором пошел гулять со своей тетей. Вдруг ему показалось, что из пиджака торчит нитка, и он, очень обеспокоенный, все хотел ее как то оторвать [60]. Сам Шпенцер в свою очередь рассказывал Истмену: «Я определенно могу сказать только две вещи: в это время он не интересовался девочками и не интересовался спортом... Он был очень умным мальчиком – не только в своих книгах. В то же время он был очень тактичен. Он понимал, что оказался в чужой семье, и знал, как себя вести. Ему было только десять лет, но он был сдержанным и уверенным в себе. И у него было необычайное чувство долга, возможно, инстинктивное. Никто не должен был заботиться о его подготовке, никто не должен был беспокоиться о его уроках. Он всегда делал больше, чем от него ожидали» [61].

Шпенцеры воспроизводили и привлекательный внешний облик своего питомца: загорелое лицо с резкими, но правильными чертами, живой взгляд близоруких глаз, блестящих за стеклами очков, густая грива черных, всегда аккуратно причесанных волос, жизнерадостный, бойкий вид. Не все в этой характеристике было точным (и к девочкам, и к физическим упражнениям Лев проявлял интерес, будучи нормальным, не оторванным от жизни подростком). Но главное здесь было передано верно – уже в те годы формировалось желание, стремление во всем быть первым, выделиться из окружающей среды и осознавалось, что для этого требовалось приложить большие усилия. К чести Шпенцеров, рассказывая о жизни Левы в их семье, они не утаили и весьма компрометирующей детали: однажды юный воспитанник попросту украл несколько книг из библиотеки своих родственников и продал их, чтобы купить конфет [62]. Может быть, это была первая произведенная будущим революционером Троцким экспроприация? По крайней мере, соученик Льва по Одесскому реальному училищу Скорчелетти оставил рукописные воспоминания [63], как некий школьник Кологривов в личном разговоре в присутствии Бронштейна сказал, что дворянство – это «ноги, на которые опирается гигантская Россия», Лев в ответ запальчиво возразил: «Наверное, у этих ног ступни из глины – они рассыпятся, и вся Россия пойдет к чертям» [64].

И влюбленный тогда в Троцкого Истмен, и сам Троцкий, и в какой то мере Скорчелетти идеализировали (естественно, с ретроспективной или даже коммунистической точки зрения) его детские «социальные проявления». Но возможно, некий фундамент будущего участия в политических бурях, порой доходившая до

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. театрализованного публичного вызова личная отвага постепенно закладывались в те ранние годы, точно так же, как и тяга к книге и получению знаний в самых различных областях. Хотя, проявляя разнообразные интересы и обладая великолепной памятью, Лев не формировал глубоких познаний ни в одной области [65]. Несмотря на свое еврейское происхождение, ущемлений по национальному признаку в училище Лев не ощущал. Ведь нельзя же считать таковыми «покачивание попки головой по поводу еврейчиков» [66]. Однако враждебное отношение к полякам, тем более католикам, и придирчивость учителя француза к немцу остались в памяти. «Национальное неравноправие послужило, вероятно, одним из подспудных толчков к недовольству существующим строем, но этот мотив совершенно растворялся в других явлениях общественной несправедливости и не играл не только основной, но и вообще самостоятельной роли». Очень любопытно, что мемуары, рассказывающие о годах, проведенных в реальном училище, косвенно подтверждают все более растущие гуманитарные интересы и склонности Троцкого. Мы встречаем на страницах воспоминаний рассказы об уроках литературы, о столкновениях с учителем иностранного языка и т. п., но ни слова нельзя обнаружить в них о тех предметах, которые составляли сердцевину обучения в реальных училищах России последней трети XIX в. А ведь гуманитарные предметы в них считались в лучшем случае второстепенными, если вообще не находились на задворках. Главными же являлись предметы действительно «реальные» – таковыми считались черчение (ему уделялось непропорционально большое время) и естествознание (рассматриваемое, однако, не с научной, а с чисто практической, профессиональной точки зрения). Для Льва Бронштейна этих предметов как будто не существовало. Видимо, он относился к их изучению формально, как к неизбежному злу, лишь бы получить удовлетворительную оценку. Вместе с подготовительным классом Лев провел в Одесском реальном училище семь лет. Седьмого класса, который был необходим для дальнейшего продолжения образования, в училище не было. Между тем отец сохранял желание дать Льву высшее образование и решил отправить его в другой город, в Николаев, где Александровское реальное училище имело седьмой класс, в который попасть не представляло особой сложности, несмотря на существование процентной нормы, так как это учебное заведение особым престижем не пользовалось. Так в 1896 г. Лев Бронштейн в стремлении получить аттестат, пригодный для поступления в университет, оказался в значительно более провинциальном, нежели Одесса, Николаеве. Но этот год стал переломным в его жизни. К сказанному можно добавить, что в начале 20 х гг. Одесское реальное училище, в котором учился Лев, было переименовано в трудовую школу имени Троцкого, и она носила это название до того времени, пока Троцкий не был изгнан из СССР.

2. Политический сад Швиговского

Покидая Яновку, как оказалось, почти навсегда (только осенью 1896 г. он приехал к родителям с кратким последним визитом), Лев Бронштейн поначалу представлял себе свою будущую карьеру почти так же, как о ней думал его отец. Хотя Лев увлекался литературой и пытался писать, но в соответствии с представлениями, господствовавшими и в окружении отца, и в семье Шпенцер, литература была вещью интересной, но естественные науки, инженерное дело, а возможно, математика с практической точки зрения были несравненно предпочтительнее. В 17 лет Лев поселился в семье неких Дикштейнов. Познакомившись с книготорговцем Галацким, он стал брать у него вначале пропущенные цензурой книги, а затем и некоторые нелегальные издания (скорее всего, книги Лев получал в пользование за умеренную плату). Так он познакомился с той народнической литературой, которая рассматривалась в кругах политически одержимой молодежи как своего рода социальное Евангелие.

Постепенно зрели теперь уже не стихийные, как в Яновке и в Одессе, а более или менее сознательные, подкрепляемые авторитетами идеи социального протеста. Любопытно, что в числе тех книг, которые были его «учителями», Троцкий не называл «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, видимо по той причине, что к этому автору он, в отличие, скажем, от Ленина, относился весьма критически из за ригористичности и низкого художественного уровня упомянутого романа. Формированию и укреплению новых идей способствовали молодые люди, с которыми Лев познакомился случайно, когда вместе с соучениками забрел к садовнику Францу Швиговскому, запомнившемуся как человек «с длинной бородой и большими бровями» [67], чеху по происхождению, арендовавшему один из городских садов (скорее скверов), где он построил избушку и то ли от скуки, то ли из неких идейных соображений собирал приезжих студентов, бывших ссыльных и местную молодежь. Швиговский произвел на Льва огромное впечатление. «В его лице я видел впервые рабочего, который получал газеты, читал по немецки, знал классиков, свободно

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. участвовал в спорах марксистов с народниками» [68] . Можно полагать, что через 30 с лишним лет, работая над воспоминаниями, Троцкий невольно или сознательно существенно преувеличил личность своего первого «учителя по социализму», тем более что в воспоминаниях вообще ничего не говорится о мировоззрении Швиговского, который был, скорее всего, неким эклектиком, человеком оппозиционного склада ума, тяготевшим к народничеству, но в основном довольствовавшимся революционными разговорами. Однако для пытливого юноши важно было другое – общение с людьми, которые то ли сами встречались с героями народовольцами – Андреем Желябовым, Софьей Перовской, Верой Фигнер, – то ли слышали о них от своих старших товарищей.

Лев зачастил в сад Швиговского, который Истмен удачно назвал «садом идей» [69] . В летнее время он и его товарищи собирались под яблоней, рассаживались вокруг самовара и, с аппетитом поглощая скудную пищу, купленную в складчину, толковали о возможностях усовершенствования человеческого общества. Школьные занятия он запустил, уроки часто пропускал, да и в тех случаях, когда ходил в училище, делал это скорее для того, чтобы привлечь в «сад идей» новых приверженцев социальных изменений, а не для завершения образования. Однажды на квартиру, где Лев снимал комнату, явился школьный инспектор, чтобы выяснить причину неявок в класс. Троцкий вспоминал: «Я чувствовал себя униженным до последней степени. Но инспектор был вежлив, убедился, что в семье, где я жил, как и в моей комнате, царил порядок, и мирно удалился. Под матрацем у меня лежало несколько нелегальных брошюр» [70] . Школьное начальство особенно не интересовалось, чем занимались великовозрастные «реалисты» вне школы.

Лев жадно поглощал революционную литературу, исторические труды, произведения по социологии, логике и эстетике – Джона Стюарта Милля, Юлиуса Липперта, Огюста Минье, Чернышевского (но не роман «Что делать?»). В то же время Лев с интересом читал и даже изучал книгу мыслителя, далеко отстоявшего от его политических взглядов: «Эристику» Артура Шопенгауэра, но по совершенно иной причине. Эта небольшая книга, название которой можно перевести как «Искусство спорить», трактовала вопрос о способах победить противника в споре, независимо от того, какая из спорящих сторон занимает верную позицию [71] . Искусство победить в споре любой ценой вполне могло заменить любые тома глубоких трактатов.

Газеты и журналы Лев стал читать «под политическим углом зрения», стремясь создать себе представление о политической системе в Западной Европе и США. Наибольшим авторитетом пользовалась большая либеральная газета «Московские ведомости» .

С тех пор среди мемуарных источников, дающих представление о Льве Бронштейне, наряду с различными вариантами его собственных воспоминаний появляется еще один, написанный человеком, ставшим позже политическим оппонентом Троцкого. Им был Григорий Зив, уроженец Николаева, в то время студент медицинского факультета Киевского университета, приехавший в родной город на рождественские каникулы 1896 г. К этому времени, учитывая наступление зимы, компания, собиравшаяся в саду Швиговского, переместилась в его хижину, которая стала «салонем» радикально социалистической молодежи. Жаркие споры шли по вопросам, возможен ли в России капитализм, суждено ли ей пойти по стопам Западной Европы, или же стране уготован какой то особый путь. Постепенно выделились «марксисты» и «народники», хотя принадлежность к тому или другому направлению носила скорее эмоциональный, а не идеологическо теоретический характер. С политической точки зрения, однако, споры были совершенно невинными, призывы к «ниспровержению» не раздавались [72] .

В городе «сборища» в саду Швиговского пользовались страшной репутацией, их считали центром политических заговоров. Скорее всего, в этой группе молодых людей постепенно формировались не два: марксистское и народническое, а большее число оппозиционных политических направлений – наряду с теми, кто позже признал необходимость мирной эволюции, стал на либерально демократические позиции; сюда приходили и люди, оказавшиеся затем в лагере крайних революционных радикалов. «Ходили туда, как в клуб, где все чувствовали себя хорошо, уютно и непринужденно. Времяпрепровождение далеко не ограничивалось одними спорами на указанные серьезные темы: там веселились, дурачились, встречали Новый год» [73] .

Лева Бронштейн был самым смелым и решительным спорщиком, принимал участие во всех дискуссиях в «салоне» Швиговского, обдавал противника безжалостным сарказмом, был всегда уверен в своей победе. «Ему казалось, что его устами говорит сама непреборимая и неутомимая логика. Интонацией и всей манерой спора он как бы говорил упрямому противнику о бесполезности борьбы против неотразимой силы железных силлогизмов» [74] . В действительности, однако, его знания были гораздо слабее, чем можно было бы предположить на первый взгляд, слушая казавшиеся весьма убедительными выступления Льва. Скорее речь шла о природных

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. дарованиях. Бронштейна мало привлекали усидчивые кропотливые занятия, точнее, Лев Бронштейн занимался кропотливо, но не сосредоточивался на одном предмете. Поэтому он значительно расширял свой запас знаний, но этот запас был как бы рассеян, раздроблен по многим областям. Иными словами, формировался не кабинетный ученый, а интеллектуальный политик, который мог на первый взгляд произвольно и моментально извлечь из своей памяти аргументацию из самых различных областей гуманитарного знания. Как пишет Зив, «обладая блестящей памятью, он умел на лету схватывать доводы соперников и противников, быстро ассимилировать нужное ему и тут же преподносить слушателям продукт своей талантливой импровизации, заполняя пробелы прочным цементом непобедимой «логики» [75] .

Впрочем, свойственные Льву в то время воззрения если и носили вначале народнический характер, относились скорее к умеренно либеральному крылу народничества, которое в 90 х гг. отчасти вытеснило революционных экстремистов (последние вскоре возродятся в партии социалистов революционеров, которая начнет формироваться с первых годов XX в.). Не собираясь устраивать заговоры или призывать к немедленной революции, Лев и его товарищи продолжали напряженно искать свои жизненные пути.

Между тем серьезный конфликт возник во взаимоотношениях с родителями. Приезжая в Николаев по своим коммерческим делам, Давид Бронштейн узнал (мир не без «добрых людей») об опасных знакомствах сына. Произошло бурное выяснение отношений. Отец пытался образумить Льва, переходил от уговоров, что ему предназначена блестящая карьера инженера и что ему следует учиться за границей, к грубой брани. Сын отвечал менее резко, но столь же упрямо и непримиримо. Он пытался объяснить отцу, что перестройка человеческого общества значительно важнее, чем карьера инженера. Диспут окончился тем, что отец заявил: «Или ты оставишь все это и займешься делом, или перестанешь тратить мои деньги» [76] . В результате Лев напрочь рассорился с отцом, отказался от его материальной помощи, покинул снимаемую им комнату и поселился вместе со Швиговским и несколькими юношами из круга «политических знакомств» в новом саду, который Швиговский арендовал вместе с новой, более вместительной хижинкой.

Возникла своего рода полуспартанская коммуна, в содержание которой каждый из ее членов вносил свой вклад. В коммуну входили, кроме Льва и Швиговского, братья Илья и Григорий Соколовские, Зив (когда он приезжал на каникулы) и еще два три юноши. Жили очень скромно, без постельного белья, питаясь похлебкой собственного приготовления, причем поварские обязанности исполнялись по очереди. Юные организмы не удовлетворялись, естественно, той дешевой и некалорийной пищей, которую они могли себе позволить. Чувствовался постоянный голод. Однажды Лев приехал в Одессу в изношенной одежде и не отказался, когда дядя повел его в ресторан, где «накормил завтраком, а затем еще одним завтраком, прежде чем он насытился» [77] . Бронштейн стал давать частные уроки. Его ученики часто менялись. Однажды он стал домашним учителем сына некоего купца, но за несколько недель насадил в голову этого юноши такие крамольные знания и мысли, что купец отказался платить и выгнал Льва из дома [78] . «Мы носили синие блузы, круглые соломенные шляпы и черные палки. В городе считали, что мы примкнули к таинственной секте. Мы беспорядочно читали, неистово спорили, страстно заглядывали в будущее и были по своему счастливы» [79] , – писал о тех днях Троцкий.

Очень скоро, однако, эта группа активной молодежи почувствовала, что далее вариться в собственном соку недостойно и невозможно. Обсуждались различные пути того, как приступить к активной общественной деятельности. Решено было создать общество для распространения в народе полезных книг. Это была дерзкая инициатива, имея в виду прежде всего почти полное отсутствие денежных средств. И все же каким то образом члены кружка Швиговского стали собирать небольшие суммы, сами вносили членские взносы, на которые и стали покупать дешевые книги. Обществу было присвоено наименование «Рассадник» [80] , но его организаторы не имели «связей с народом» и не знали, как собранные и приобретенные ими книги «распространять». Затея быстро провалилась, так как работавший в саду Швиговского ученик подросток, которого пытались «сагитировать», отнес несколько подозрительных книг в местное жандармское управление. Книги оказались легально изданными, и даже элементарные неприятности для «коммунаров» не возникли, хотя новорожденное или скорее только собиравшееся родиться общество на этом распалось, а за садом Швиговского был установлен полицейский надзор. Однако стремление к активной общественной деятельности не угасало. Лев упорно искал возможности проявить публично свои ораторские, организаторские и зарождавшиеся публицистические способности. У него не было склонности к театру или к музыке. Художественная литература же во все большей степени воспринималась им как своего рода политическое средство. Лев неплохо знал стихи Н.А. Некрасова

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. и прозу Г.И. Успенского, часто цитировал обоих писателей в качестве аргументов во время дискуссий, да и просто для того, чтобы продемонстрировать свою начитанность. Одно время он увлекался Козьмой Прутковым и даже называл афоризмы и сатирические стихи Пруткова (коллективного псевдонима Алексея Толстого и братьев Алексея, Владимира и Александра Жемчужниковых) «философией интеллигенции». Образы Козьмы Пруткова, как и произведения М.Е. Салтыкова Щедрина, который стал любимым писателем, их едкий сарказм были очень близки настроениям и взглядам Льва, который многократно их цитировал во время дискуссий в саду и избушке Швиговского (и будет цитировать на протяжении всей жизни) [81]

Вскоре после неудачи с обществом распространения книг Бронштейн попытался попробовать свои силы в политической журналистике. Узнав о том, что народнический журнал «Наше слово», выходивший в Петербурге, перешел в руки марксистов, он написал в редакцию журнала «Вестник Европы» страстное письмо с протестом против «козней» оторванных от простых людей интеллигентов [82]. Для легально выходившего в Одессе журнала либеральных народников «Южное обозрение» он написал резкую статью, направленную против тогдашнего авторитета марксиста П.Б. Струве [83]. Статью он назвал нагло – «Рептилии на страницах Санкт-Петербургского журнала» [84]. Отправил этот материал он по почте, но через неделю поехал за ответом сам: «Редактор через большие очки с симпатией глядел на автора, у которого вздымалась огромная копна волос на голове при отсутствии хотя бы намека растительности на лице. Статья не увидела света. Никто от этого не потерял, меньше всего я сам» [85], – вспоминал Троцкий.

Можно, разумеется, усомниться, что это последовавшее через много лет признание соответствовало настроениям юного автора в тот момент, когда ему отказали. Статья вызвала сочувственный отклик редакции, но отказ в публикации был вызван именно молодостью и предполагаемой неопытностью автора. В редакции сочли, что статья вызовет возражения марксистов, а у Бронштейна не будет достаточных аргументов, чтобы вступить в полемику [86].

За этой инициативой, однако, следовали другие. Льву удалось добиться, что на годовом собрании читателей Николаевской публичной библиотеки была восстановлена 5 рублевая плата за пользование абонементом вместо введенной незадолго до этого 6 рублевой и избрано более либеральное правление. Своей речью на собрании постоянных читателей библиотеки Лев убедил их отказаться от подписки на журнал «Новое слово», так как тот сменил свою народническую ориентацию на марксистскую. Другие же юношеские «акции», в том числе и такая амбициозная, как попытка создать «университет» на началах взаимобучения, сразу же провалились [87]. Однако «действительная индивидуальность Бронштейна», по воспоминаниям Зива, была «не в познании и не в чувстве, а в воле. Бронштейн как индивидуалист весь в активности. Активно проявлять свою волю, возвышаться над всеми, быть всюду и всегда первым – это всегда составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками» [88]. Льву казалось тогда, что он прочно стал на позиции революционного народничества. Этому способствовали встречи с возвратившимися из ссылки второстепенными народническими деятелями, которые проживали в Николаеве под надзором полиции. Скорее всего, не они сами, а те люди, о которых они рассказывали, те сказочные для юноши деятели народнического движения – Андрей Желябов, Софья Перовская, Вера Фигнер – становились подлинными его героями.

3. Рабочая организация в Николаеве

Конец XIX в. знаменовался интенсивным индустриальным развитием России, строительным бумом, возникновением рабочих организаций, которые, отдавая дань народническим воззрениям, в то же время постепенно увлекались марксизмом в различных его интерпретациях. Новые рабочие союзы стремились найти некую путеводную нить для деятельности в перспективе, но реально обращали основное внимание на стремление улучшить условия труда и быта. В 1896 г. в Петербурге произошла крупная забастовка ткачей. Слухи о ней достигли Николаева, о ней узнали и в саду Швиговского, о ней спорили тамошние «народники» и «марксисты». Вряд ли в Николаеве знали о создании в 1895 г. в Петербурге Ю.О. Мартовым [89] и В.И. Ульяновым Союза борьбы за освобождение рабочего класса, но о других рабочих союзах, возникавших, в частности, на юге России, вести доходили. Однажды в сад заглянула родная сестра братьев Соколовских Александра. Возможно, этот визит был вызван любопытством: братья немало рассказывали ей о Льве Бронштейне, отзываясь о нем как о человеке, который сможет ей объяснить все на свете в силу своей несгибаемой логики. «Никто его не собьет!» – твердили братья, буквально влюбленные во Льва, тем более что вместе с Григорием Соколовским Лев в это время задумал написать драму, в центре которой должен был стоять конфликт

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

между народниками и марксистами (работа была начата, но не завершена, а черновики пьесы пропали после ареста авторов). Под впечатлением рассказов Саша ожидала увидеть кого то, напоминающего бородатого профессора, а встретила элегантно одетого юношу с аккуратными, коротко подстриженными, но все же непослушными черными волосами, орлиным носом и яркими голубыми глазами. При виде старшей по возрасту (Александра была почти семью годами старше Льва, она родилась в 1872 г.), уверенной в себе и в то же время нежной, стройной и очаровательной девушки молодой человек внутренне дрогнул, однако не ступивался. Они обменялись нелюбезными репликами. «Вы полагаете, что вы марксистка? – спросил Бронштейн. – Я не могу представить себе, как юная девушка, полная жизни, может придерживаться этого сухого, узкого, непрактичного взгляда». Александра, однако, в долгу не осталась: «А я не могу представить себе, как человек, который полагает, что он логичен, может соглашаться с этой массой неопределенных идеалистических эмоций» [90].

Семья Соколовских сравнительно незадолго до рассматриваемых событий перебралась в Николаев из города Верхнеднепровска Екатеринославской губернии. Саша была старшей дочерью в семье, у нее было три брата и две сестры. Все они в разное время стали революционерами. Несколько лет Александра училась в Одессе, где в повивальной школе при Павловском родильном приюте приобрела профессию акушерки. В портовом городе она встретила с молодыми людьми, которые то ли в это время, то ли ранее были студентами в Женеве, где познакомились с членами основанной там в 1883 г. первой русской марксистской организации Г.В. Плехановым [91] и В.И. Засулич [92]. Знакомые убедили Сашу в том, что марксистское учение – это единственно правильная социальная теория, дающая научные ответы на все возможные вопросы общественного развития, что народничество препятствует социальному прогрессу России. В результате Саша оказалась принципиальным идеологическим противником Льва, причем таким противником, которого одолеть было значительно тяжелее, чем, допустим, Зива.

Саша была девушкой начитанной, целеустремленной, серьезной. Это вполне устраивало Льва. Но, к огромному его сожалению, она разделяла марксистские взгляды, которые, по его тогдашнему мнению, были черствыми, далекими от реальной жизни. По всей видимости, у Бронштейна возникло и чувство ревности, скорее всего небезосновательное, к тем одесским знакомым, с которыми в течение нескольких лет встречалась не только по вечерам, но, скорее всего, и в постели юная акушерка. Между Львом и Александрой, которая смотрела на него сверху вниз и из за разницы в возрасте, и из за политических расхождений, начались непрерывные и бурные столкновения. При этом Александра стала бывать у Льва Бронштейна довольно часто, но во время каждой встречи они стремились как можно больнее уязвить друг друга. Однажды Саша предложила Льву прочитать книгу хорошо известного русского марксиста Плеханова. Лев раскрыл книгу и увидел острую атаку автора на одного из почитаемых теоретиков народничества. Плехановский труд был тут же презрительно брошен на пол. В ответ Лев решил устроить розыгрыш. Когда в избушке Швиговского устроили встречу Нового, 1897 года, была приглашена и Саша, которой один из братьев сообщил новость: «Бронштейн стал марксистом!» Когда же наступил Новый год, Лев поднялся с тостом: «Проклянем всех марксистов, всех тех, кто хочет внести сухость и тяжесть во все жизненные отношения!» Потрясенная Александра, заплакав, выбежала из комнаты со словами: «Я не желаю иметь с ним ничего общего!» [93]

Взгляды Бронштейна и его товарищей в целом оставались крайне неопределенными: «В маленькой квартире Швиговского... читались зимой вслух «Русские ведомости»... велись радикальные беседы и горячие дискуссии по поводу марксизма, народничества, субъективизма и пр. материй, о которых я в те времена имел крайне смутное представление, преимущественно из вторых рук» [94]. В 1896 и начале 1897 г. он все еще считал себя противником Маркса, которого, правда, знал только в изложении Н.К. Михайловского [95]. Из воспоминаний Троцкого невозможно установить, когда именно и как произошло принципиальное изменение в его жизни: переход от народничества к марксизму. В мемуарах фиксируется внимание не на идеологической переориентации, а на создании рабочей организации. По всей видимости, одно происходило параллельно с другим, причем какое то время Бронштейн все еще полагал, что можно создать рабочую организацию, не будучи социал демократом; затем, что можно быть социал демократом, не будучи марксистом [96], но вскоре, видимо к весне 1897 г., пришел к выводу, что скучные, как ему ранее представлялось, марксистские схемы отражают реалии общественного развития, что именно они являются ключом к коренной перестройке общества. По мнению Истмена, даже в то время, когда Бронштейн причислял себя к народникам, защищал «индивидуализм», образ «критической личности», «божественное право» крестьянина не только на землю, но и на руководство русской революцией, он не брал на себя труд пойти к этим самым крестьянам, разделить с ними труд и участь, а общался в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. основном с интеллигентами и в меньшей степени с промышленными рабочими. «Его практическая интуиция шла впереди его интеллектуальной философии. Он был народником в теории и моральных эмоциях, которыми были проникнуты его речи, но в целом он был человеком действия и уже фактически находился там, где были расположены основные силы» общественного развития [97].

Вместе с Ильей и Григорием Соколовскими, Зивом и Александрой, с которой теперь уже происходило сближение и на почве совместной деятельности, и в силу все нараставших взаимных нежных чувств, Лев начал поиски «сознательных рабочих», которые готовы были бы войти в намечаемую организацию. Происходило все это достаточно наивно, почти по детски: «Мы знали, что связи с рабочими требуют большой конспирации. Это слово мы произносили серьезно, с уважением, почти мистически. Мы не сомневались, что в конце концов перейдем от чаепитий к конспирации, но никто определенно не говорил, когда и как это произойдет. Чаще всего в оправдание оттяжек мы говорили друг другу: надо подготовиться» [98].

Вскоре молодые люди познакомились с Иваном Андреевичем Мухиным, электротехником, бывшим религиозным сектантом, который, отказавшись от религиозных воззрений, теперь использовал их для антиправительственной агитации. Вот как Троцкий описывал одну из первых встреч с Мухиным и его товарищами: «Мы сидели в трактире, группой человек в пять шесть. Музыкальная машина бешено грохотала над нами и прикрывала нашу беседу от посторонних. Мухин, худощавый, бородка клинышком, щурит лукаво умный левый глаз, глядит дружелюбно, но опасно на мое безусое и безбородое лицо, и обстоятельно, с лукавыми остановочками, разъясняет мне: Евангелие для меня в этом деле, как крючок. Я с религии начинаю, а перевожу на жизнь... Я даже вспотел от восторга, слушая Ивана Андреевича. Вот это настоящее, а мы мудрили, да гадали, да дожидались» [99].

Так или иначе, при помощи Мухина и небольшой группы его товарищей Бронштейн, Соколовские, Зив и еще несколько юных интеллигентов ранней весной 1897 г. начали организовывать рабочие кружки, фактически почти не связанные между собой, но получившие претенциозное наименование Южно Русского рабочего союза [100]. В названии Союза сказалось влияние предшественника – Южно российского союза рабочих, первой российской рабочей организации, образованной по инициативе Евгения Осиповича Заславского в Одессе в 1875 г. и поддерживавшей связи с несколькими городами, в том числе с Николаевом (союз был разгромлен властями в 1877 г., его члены осуждены на каторгу и ссылку). В 1924 г. в анкете на вопрос «С какого года работаете в рабочем движении?» Троцким был дан ответ: «С 1897» [101].

Встречи происходили, как правило, в трактирах. Из Одессы был привезен рукописный заношенный экземпляр «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса с многочисленными пропусками и искажениями [102]. В руководстве новоявленного союза Лев Бронштейн получил свою первую подпольную кличку Львов – подлинная фамилия была известна только его товарищам по саду Швиговского. Бронштейну, Соколовской и нескольким другим «жильцам» и посетителям сада удалось установить, вначале через Мухина, а затем непосредственно, связи с несколькими другими рабочими – Романом Коротковым, Виктором Немченко, Тарасом Нестеренко, Ефимовым, Бабенко, солдатом Григорием Лейкиным. Через них стали образовываться пропагандистские кружки, собиравшиеся в трактирах и на квартирах, где их участники обменивались брошюрами и прокламациями, говорили о необходимости сбросить царя, создать республику, обеспечить свободу слова, прессы и собраний, обсуждали необходимость забастовок как средства борьбы. Особые споры вызывал крестьянский вопрос, в частности возникали разногласия по поводу того, как относиться к крестьянским бунтам – поддерживать их или же оставаться индифферентными. Было написано некое подобие программы, которую намного позже кто то показал Плеханову. Патриарх российского марксизма рассмеялся: «Это, должно быть, дети» [103].

Через много лет Троцкий напишет: «Влияние союза росло быстрее, чем формирование вполне сознательных революционеров. Наиболее активные рабочие говорили нам: насчет царя и революции пока поосторожнее. После такого предупреждения мы делали шаг назад, на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию. Тактические наши воззрения, повторяю, были очень смутны» [104].

Когда число членов кружка доходило до установленной организаторами предельной нормы – 20 человек, кружок почковался. Первый кружок возглавил Лев, после образования второго его стала вести Александра. Состав кружков был, однако, крайне нестабильным. Основная группа участников была привлечена с судостроительного завода «Адмиралтейство», но существовало несколько небольших групп и на других предприятиях. 27 октября 1897 г. на квартире Мухина состоялось первое, как его называли, «общее собрание» союза. На самом деле это было не общее собрание, а собрание представителей восьми кружков (по два делегата). Присутствовали также кассиры, бухгалтеры, контролеры, всего около 40 человек.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Как видим, бюрократической отчетности Львов и его товарищи придавали немалое внимание.

Известный советский марксистский исследователь В.И. Невский, знавший, кто укрылся под псевдонимом Львов, но раскрывавший этот псевдоним только в самом конце своей работы, писал: «Самым видным деятелем «Союза», бесспорно, является Львов, восемнадцатилетний молодой человек, только что окончивший реальное училище» и являвшийся «неутомимым, энергичным, страстным агитатором» [105]. Невский, по видимому, ошибся в одном – никаких свидетельств того, что Бронштейн успел окончить реальное училище, нет. Троцкий вообще не упоминает об этом в своей автобиографии.

Само по себе проживание в саду Швиговского вместе с другими «подозрительными личностями» было достаточным основанием для показательного исключения из училища. Скорее всего, училищное начальство на этот шаг не пошло, чтобы не создавать в городе шума. Дело замяли. Лев просто перестал посещать занятия и был без громких оповещений исключен из списков. В то же время накопленная потенциальная энергия, которая в течение сравнительно долгого времени сдерживалась в ходе бесконечных абстрактных и догматических споров у Швиговского, вырвалась теперь наружу. Одна за другой были написаны почти десяток прокламаций, в том числе листовка «Дума рабочего» – в стихотворной форме на украинском языке [106]. Член организации коротков сотворил даже «пролетарский марш», начинавшийся словами: «Мы альфы и омеги, начала и концы».

Прокламации вначале писались от руки (о пишущей машинке, которая стоила очень дорого и приобретение которой могло вызвать подозрения полиции, даже подумать тогда не могли), причем Бронштейн оказался самым аккуратным переписчиком собственных текстов. «Я выводил печатные буквы с величайшей тщательностью, считая делом чести добиться того, чтобы даже плохо грамотному рабочему можно было без труда разобрать прокламацию, сошедшую с нашего гектографа». Этот гектограф, скорее всего, был привезен Львом из Одессы, с тайными марксистскими организациями которой была установлена связь. «Каждая страница требовала не менее двух часов. Зато какое чувство удовлетворения доставляли сведения с заводов и с цехов о том, как рабочие жадно читали, передавали друг другу и горячо обсуждали таинственные листки с лиловыми буквами. Они воображали себе автора листовок могущественной и таинственной фигурой, которая проникает во все заводы, знает, что происходит в цехах, и через 24 часа уже отвечает на события свежими листками» [107]. Представляется, что и сам юный Лев Бронштейн в то время воображал себя именно такой «таинственной и могущественной» фигурой. Первые прокламации Льва были документами наивными, подчас просто примитивными. В одной из них говорилось: «В последний год многие рабочие Николаева собрались в союз и решили начать борьбу с хозяевами. Но мы сможем вести борьбу только тогда, когда все вы, товарищи, объединитесь с нами и мы объединимся в братском союзе. Давайте начнем новую жизнь с началом нового года – жизнь людей, борющихся со своими врагами... Мы не хотим грабить или убивать; мы только стремимся сделать наши жизни лучше и жить, как должны жить люди... Мы хотим этого не только для себя, но для всех рабочих» [108].

Вначале гектограф размещался в «коммунальной» хижине Швиговского, но через некоторое время был перенесен в квартиру некоего пожилого рабочего, потерявшего зрение в результате несчастного случая в цеху и поэтому испытывавшего жгучую ненависть к «эксплуататорам» (его фамилия в воспоминаниях не называлась). Вскоре Бронштейн и его товарищи затеяли выпускать то ли гектографический журнал, то ли газету. Было придумано название «Наше дело» и выпущено три номера, распространенные в городе и вызвавшие определенный интерес читающей публики, которая тайком знакомилась с крамольными суждениями. Удавалось печатать от 200 до 300 экземпляров [109]. Автором всех статей, заметок и даже карикатур был Лев. Он же переписывал текст печатными буквами. Четвертый номер выпустить не удалось, так как произошел провал и члены организации были арестованы [110]. К устной агитации организаторы союза приступить не решались. Только один раз, 1 мая 1897 г., они все же рискнули созвать тайное собрание в окрестном лесу, на котором Лев Бронштейн произнес свою первую публичную политическую речь. Сам он признавал, что этот блин оказался комом. «Каждое собственное слово, прежде, чем оно выходило из горла, казалось мне невыносимо фальшивым... Знания были недостаточны, и не хватало умения надлежащим образом преподнести их» [111]. Особого впечатления десятиминутная речь Львова не произвела, скорее всего, потому, что у него «не было непосредственно осязаемого объекта, на котором он мог бы изощрять свой сарказм, свою находчивость, смелость и решительность атаки» [112]. Выступать в кругу людей примерно одного с ним уровня оказалось легче, чем произносить речи, рассчитанные на разнородную и в образовательном, и в политическом отношении массу, а писать оказалось еще легче, чем выступать. Пройдет примерно восемь лет, прежде чем Троцкий овладеет искусством устной

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. агитации, но зато овладеет им в такой степени, что сможет увлекать за собой толпу на самые отчаянные действия.

Пока же устную пропаганду решили ограничить организацией цикла лекций. Каждый член «коммуны» Швиговского должен был выступить 1 – 2 раза. На лекции намечалось пригласить местных жителей и после каждого выступления устраивать открытые дебаты. Бронштейн избрал своей темой сущность социологии и философии истории, хотя и об одном и о другом имел самое отдаленное представление. Лекцией заинтересовались некоторые более или менее образованные люди, которые оказали честь организаторам. Согласно одному свидетельству, на удивление товарищам и прежде всего самому себе, Лев не опозорился. После небольшого вступительного слова он отвечал на вопросы и критические ремарки, причем настолько ловко схватывал мысль оппонента со всей ее противоречивостью, что уличить его в невежестве оказалось невозможным. Впрочем, у Истмена зафиксировано еще одно – противоположное – воспоминание по поводу этой первой лекции Троцкого. Выступавший обильно цитировал, в частности, Д.С. Милля; ему было трудно говорить; он был буквально залит потом, и сердобольные слушатели думали о том, как бы его остановить, а после лекции никто не задал ни одного вопроса и не выступил в прениях [113].

Бронштейн, ранее живший в Одессе и неплохо знавший город, регулярно ездил туда по разным конспиративным делам Южно Русского рабочего союза. Нередко вечерами он шел на николаевскую пристань, покупал билет третьего класса, который давал возможность ночевать только на пароходной палубе, укладывался поближе к трубе, чтобы было потеплее, а утром просыпался при подходе к одесскому порту, приводил себя в порядок и по сложившейся привычке, и для того, чтобы особенно не бросаться в глаза, покидал корабль и отправлялся по знакомым адресам. Когда в течение дня выдавалось недолгое свободное время, Лев посещал богатую Одесскую публичную библиотеку. Только когда темнело, он возвращался в порт и отправлялся в Николаев таким же образом, каким прибыл в Одессу.

Особенно полезным было знакомство с приехавшим из Киева Альбертом Поляком, по профессии наборщиком, ставшим к этому времени профессиональным революционером, являвшимся членом Киевского рабочего союза, придерживавшегося марксистских взглядов. Через него николаевская группа стала получать свежую агитационную литературу. «Это были сплошь новенькие агитационные брошюры в веселых цветных обложках. Мы по много раз открывали чемодан, чтобы полюбоваться своим сокровищем. Брошюры быстро разошлись по рукам и сильно подняли наш авторитет в рабочих кругах» [114].

Лев попытался использовать для печатания листовок одесскую типографию, принадлежавшую его дяде Шпенцеру, занявшемуся издательским делом. При этом юноша совершенно не задумывался над тем, в какое опасное положение ставит человека, так тепло к нему относившегося и так много сделавшего для его образования. Подобные соображения этического свойства были для революционеров, как правило, чужды, и Бронштейн быстро схватывал тот бездушный и циничный аморальный практицизм, который всячески насаждался в его теперешней среде.

С группой единомышленников Лев разработал целый план действий, стремясь предусмотреть все мелочи и возможные случайности. Он подробно выяснил процедуру, которой подвергались рукописи в типографии, в частности формальности, связанные с цензурным контролем. Он установил, что цензуру вроде бы нетрудно обойти: после того как рукопись допущена цензором к печати, следует сохранить только обложку и страницу с цензорской визой, а далее можно вставить совершенно новый, крамольный текст. Молодые авантюристы не думали о том, что таким образом можно будет выпустить одну, максимум две брошюры, после чего афера будет обнаружена. Шпенцеру же грозило как минимум разорение, но, возможно, и арест, и судебное преследование, вплоть до длительного тюремного заключения или высылки в Сибирь. Впрочем, у ряда членов руководства Южно Русского рабочего союза этот план не встретил сочувствия, разумеется, не по этическим соображениям, а в силу своей малой практичности и реализован не был. Видимо, к числу этих более осторожных молодых людей уже тогда относился Григорий Зив, ибо, по словам последнего, Лев Бронштейн подарил ему собственную фотографию с дидактической надписью на обороте «Вера без дел мертва есть», явно намекая на то, что Зив, стремясь поскорее окончить университетский курс, стал пренебрегать делами союза. Это был своего рода мягкий выговор [115].

Николаевскому рабочему союзу, а точнее, Льву Бронштейну удалось установить связи и с другими нелегальными организациями – в Екатеринославе и других городах, однако подробности этих связей отсутствуют [116]. Скорее всего, речь идет о случайных встречах (или единственной встрече), а может быть, нерегулярной письменной информации (односторонней или взаимной). В ходе всей этой конспиративной работы менялся, точнее, формировался характер самого Бронштейна. Он становился все более жестким, твердым и решительным, по существу превращался

в фанатика революции, хотя не отказывал себе в небольших жизненных радостях (которые, впрочем, подчас строго осуждал у других). А.Л. Соколовская через много лет вспоминала: «Он мог быть очень нежным и сочувствовавшим, он мог быть очень наступательным и высокомерным, но в одном он никогда не менялся – в своей верности революции. На протяжении всей моей революционной деятельности я никогда не встречала другого человека, столь полностью сконцентрированного» [117] на одной цели.

Давно окончилось время, когда Лев тщательно следил за своей внешностью, сдувал пылинки с рукавов форменного мундира: «Хороший полицейский арестовал бы его на месте. Большой клок непричесанных черных волос, незастегнутая рубашка, костюм, нарочито старый, и нечищенные ботинки, но сам он исключительно чистый, манеры высокомерные, а язык одновременно интеллигентный и сильный, полный осознания своих крайних взглядов – он явно выглядел как сын богатого человека, вступивший на дурной путь» [118]. Надо сказать, что позже Лев восстановит манеру весьма аккуратно, с иголочки одеваться и сохранит ее в течение всей своей жизни. Однажды в саду Швиговского появился неожиданный посетитель. Это был Давид Бронштейн, решивший предпринять еще одну попытку вразумить сына и во имя этого даже несколько пренебречь своей гордостью. Истмен назвал действия отца «вооруженным перемирием». Один из тех юношей, которые жили в саду Швиговского, Вениамин Вегман [119], позже ставший социал демократическим эмигрантом, а затем коммунистическим деятелем в Сибири, рассказывал журналисту, как однажды, проснувшись рано утром, он увидел над собой фигуру высокого человека с бакенбардами, который несколько агрессивно заявил: «Здравствуй, ты тоже сбежал от своего отца?» Давид пытался уговорить Швиговского, чтобы тот использовал свое влияние и побудил Льва завершить среднее образование. Ничего и на этот раз не получилось. Но взаимоотношения отца и сына все же восстановились. Давид не оставлял своих усилий. Он привлек М. Шпенцера, который, в свою очередь, занимался уговорами во время приездов Льва в Одессу. «У всех нас бушевали эти идеи в юности. Пусть пройдет десять лет. Я клянусь, что через десять лет ты будешь смеяться над этими идеями», – уверял дядя племянника. Тот не оставался в долгу: «Я не собираюсь связывать свои идеи с твоими копейками» [120].

Между тем приближались последние дни первой революционной организации Льва Бронштейна. Он признавал через много лет, насколько наивно и примитивно с точки зрения конспиративной техники было задумано все дело: «Но николаевские жандармы были тогда немногим опытнее нас». Долго, однако, в таком «подвешенном состоянии» дело продолжаться не могло. Над Бронштейном и его товарищами стали сгущаться тучи. «Весь город говорил под конец о революционерах, которые наводняют заводы своими листками. Наши имена назывались со всех сторон. Но полиция медлила, не веря, что «мальчишки из сада» способны вести такую кампанию, и предполагая, что за нашей спиной стоят более опытные руководители. Они подозревали, по видимому, старых ссыльных. Это дало нам два три лишних месяца» [121]. Вносились предложения временно прекратить собрания и другую деятельность. Лев усиленно готовил новый номер журнала.

В саду Швиговского обсуждалось, что в случае арестов скрываться не следует, чтобы рабочие не говорили, будто руководители их покинули. Но все же члены руководящей группы решили на некоторое время оставить Николаев. Однако, пока продолжались эти споры, полиция наконец решила действовать. 27 января Лев, как бы чувствуя неизбежный арест, побывал в гостях у родителей. Едва он покинул отчий дом, туда ворвалась полиция. После тщательного обыска командовавший отрядом офицер заявил Давиду, что тот воспитал опасного государственного преступника, которого повесят без суда, как только его удастся схватить [122]. На следующий день, 28 января, были произведены аресты в Николаеве. За решеткой оказалось свыше 200 человек. Среди них, впрочем, как обычно бывает в подобных случаях, было немало случайных людей, вскоре освобожденных из заключения за недостаточностью улик.

Сам Лев был схвачен не в Николаеве, а в имении крупного помещика Соковника, к которому Швиговский перешел на службу садовником. Именно туда Бронштейн заехал, спасаясь от преследования, «с большим пакетом рукописей, рисунков, писем и вообще всякого нелегального материала». Когда нагрянули жандармы, Швиговскому удалось спрятать пакет за кадкой с водой, а затем шепнуть старухе экономке, чтобы она его перепрятала. Та зарыла плотный, непромокаемый пакет в снег, но, когда вскоре началась весна, крамольные бумаги были легко обнаружены и свезены в жандармское управление. Они были приобщены к делу, причем разные почерки рукописей послужили уликами сразу против нескольких лиц [123]. Так Лев Бронштейн впервые оказался в руках царских карательных органов. Теперь ему предстояло показать, чего он стоит в совершенно новых условиях, представлявшихся для молодого человека, которому шел двадцать первый год, чрезвычайным испытанием сил и воли. Как оказалось, это испытание он прошел, с точки зрения

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. революционера, достойно, в значительной степени благодаря своему целеустремленному эгоцентристскому характеру и стремлению быть во всем незаменимым и первым.

Глава 2 Первая ссылка и первая эмиграция

1. Скитания по тюрьмам

Пребывание в тюрьме, разумеется, никогда не бывает комфортным. Любое заключение – это тягчайшая ноша для каждого человека, тем более для юноши, полного сил и энергии. Но все же условия тюремного заключения необходимо сопоставлять. Политические заключенные царской России, включая социал демократов, которые стремились к созданию «нового мира» в своей стране, никак не могли предположить в конце XIX – начале XX в., что условия их пребывания за решеткой и тем более условия сибирской ссылки могли бы показаться земным раем по сравнению с тем, в какой ад будут превращены исправительные учреждения после прихода к власти в России одной из социал демократических фракций. Но это – дело будущего. Пока же Лев Бронштейн оказался примерно с тридцатью сокамерниками в большой камере старой николаевской тюрьмы.

Было ужасно холодно. Лишь на ночь выдавали соломенный матрас, который отбирали поутру. Днем узники надевали пальто и калоши, садились, опершись спинами о едва теплившуюся печь, и дремали. Но долго так посидеть не удавалось. Необходимо было согреться, для чего арестанты бегали из угла в угол [124].

Через разносчиков пищи, тоже заключенных, Лев узнал об аресте всех ведущих членов организации, в том числе и Александры. Оказалось, что она собиралась выехать в Екатеринослав, чтобы избежать ареста, и даже отправилась на железнодорожный вокзал, села в поезд и проехала несколько станций, но затем передумала, предположив, что у полиции нет серьезных доказательств ее «подрывной деятельности». Саша была арестована тут же, на Николаевском вокзале, как только сошла с поезда. Из первоначально задержанных пары сотен людей правительство сочло виновными 28. 6 членов организации были «интеллектуалами». Остальные 22 – кузнецами, кочегарами, переплетчиками; один – солдатом, одна – портнихой [125]. В Николаевской тюрьме Лев и его товарищи провели несколько месяцев. Предание их суду власти затягивали, так как надежных доказательств вины в распоряжении правительства не было. Тем временем наступила весна, и в саду, где работал Швиговский, как было сказано выше, обнаружился сверток с бумагами Южно Русского союза. Появились, таким образом, документальные доказательства вины арестованных [126]. Однако и после этого городские полицейские чиновники и прокуроры медлили, хотя жандармский ротмистр Дремлюга и прокурор окружного суда Сергеев стремились выслужиться и организовать грандиозный политический процесс. Победила «партия» более осторожных, которым очень уж не хотелось заводить в городе крупное судебное дело. В конце концов местным деятелям удалось убедить свое начальство, что это дело им неподсудно уже в силу того, что носит не местный, а по крайней мере региональный характер.

Вслед за этим арестованные были переведены в Херсон. Бронштейна с полным основанием считали главным заговорщиком. Его везли одного в почтовом вагоне под присмотром двух жандармов. В Херсоне Лев оказался в одиночке, пребывание в которой он перенес еще тяжелее, чем заключение в многонаселенной камере. Грызла «жесточкая тоска одиночества». Смены белья не было. Не выдавали мыла. Заедали паразиты. Пища была скудной, тем более для молодого организма. Но Бронштейн не унывал. Он занимался зарядкой, ходил из одного угла камеры в другой, сочинил несколько революционных песен, в том числе «Революционную камаринскую», текст которой начинался словами: «Эх и прост же ты, рабочий человек». Весьма посредственного качества, стихи эти позже приобрели большую популярность. Они вошли в несколько сборников революционных песен [127]. В связи с тем, что заключенным не давали бумагу и карандаши, придуманные агитационные песни заучивались наизусть [128]. Впрочем, Льву с его прекрасной памятью это не составляло никакого труда.

Вскоре, однако, ситуация существенно изменилась. В камере появились свежее белье, одеяло, подушка, хорошие продукты питания. По тону надзирателя, сообщившего, что все это передано его матерью, Лев понял, что тюремные начальники получили немалую взятку [129]. Матери удалось также передать ему 10 рублей – довольно значительную по тем временам сумму, чтобы он мог свободно пользоваться тюремной лавкой [130].

Пребывание в Херсоне оказалось недолгим – около трех месяцев. Следующим этапом была Одесская тюрьма, построенная за несколько лет до этого по последнему слову техники. После Николаева и Херсона она предстала перед глазами Бронштейна как

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. «идеальное учреждение»: «Она полностью отличалась от тюрем в Николаеве и Херсоне. Там были старые провинциальные тюрьмы, приспособленные главным образом для уголовных преступников. Одесская тюрьма, можно сказать, была последним словом американской техники... Шаги, удары, обычные движения отчетливо звучали по всему зданию. Кровати, прикрепленные к стенам, поднимались в дневное время и опускались к ночи... Весной окна открывались, и арестанты, взбираясь на столы, перекликались между собой. Это было, конечно, строго запрещено, и иногда администрация действительно наводила «порядок». Но были периоды ослабления, когда разговоры велись в полную силу. Меня привезли в одесскую тюрьму в мае [1899 года], и, когда я впервые высунул свою голову в окно, меня назвали «Май» (каждый из нас имел условное тюремное обозначение, чтобы охрана, слушая наши разговоры, находясь во дворе, не могла догадаться, кто с кем разговаривал). Я, однако, мало участвовал в разговорах, так как эти крики через окна давали мало и в то же время сильно нервировали» [131].

В тюрьме была библиотека, о которой Троцкий отзывался по разному. В беседах с Истменом он вспоминал, что из этой библиотеки он получал многие книги, в том числе тома сочинений В.Г. Короленко, религиозно философскую литературу, даже как то книгу о средневековых гильдиях ремесленников [132]. В воспоминаниях говорится совершенно другое – что в библиотеке был лишь скудный запас консервативных и религиозных журналов. Что бы там ни было, Лев пользовался доступными ему печатными изданиями с «неутомимой жадностью» [133]. Через некоторое время он стал получать от единомышленников литературу из «внешнего мира», в том числе социалистические издания – известную плехановскую книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», работы итальянского последователя Маркса Антонио Лабриолы. Вызывали интерес новые работы Михайловского, «Происхождение видов» Ч. Дарвина [134].

Бывалые заключенные научили Льва всем премудростям тюремной «службы связи» – не только переключке через окна, но и перестукиванию, передаче записок [135].

Поначалу он почти не владел «тюремным телеграфом», но все же представлял себе некоторые его начальные хитрости. Однажды он услышал, что в стену его камеры упорно стучит сосед, причем стук был однообразным, монотонным и утомительным. Лев решил, что это какой то уголовник всего лишь мается от безделья, и не отвечал. Но позже он подумал, что сосед просто не знает условных обозначений и выбивает каждую букву согласно ее месту в алфавите. Поняв это, Бронштейн смог установить с соседом осмысленную переписку. Оказалось, что это был один из братьев Соколовских – брат Саши, которая к тому времени уже считалась его невестой. Вместе с Соколовским Бронштейн продолжал овладевать «телеграфом». Вскоре оказалось, что между камерами есть прямая коммуникация – в одном месте кирпичи лежали непрочны, их можно было вынимать и передавать записки [136].

Через пару месяцев новый офицер, заподозрив неладное, перевел Бронштейна в другую камеру. Но и на этот раз заключенному повезло. Его соседом оказался старый знакомый по саду Швиговского и рабочему союзу Григорий Зив. Зив был не столь интересным собеседником, как Соколовский. Сказывалось, видимо, и то, что первый сосед был братом любимой девушки, и то, что взгляды Зива постепенно развивались в сторону большей умеренности, желания улучшить положение рабочих через переговоры с предпринимателями и реформы, а не революционным путем. Зив становился сторонником того направления, которое уже в то время в социал демократических кругах называли «экономизмом», а позже всячески поносили как оппортунизм [137].

Бронштейн придумал оригинальный способ изучения иностранных языков: сестра принесла ему книги Евангелия на четырех языках. Опираясь на школьное знакомство с немецким и французским, Лев стал путем сопоставления текстов овладевать английским и итальянским. Видно, такой способ изучения языков не был эффективным. Троцкий, хотя он и продвинулся в изучении языков, в совершенстве так и не овладел ни одним из них, хотя позже жил в разных европейских странах и мог говорить и читать на немецком, английском и французском [138].

Изучение языков при помощи Евангелия имело побочным результатом овладение самим евангелическим текстом, который позже Троцкий широко использовал в самых разнообразных литературно полемических схватках. На весьма примитивном уровне эти схватки Лев пытался затевать уже в тюрьме. Оказалось, что помощником надзирателя корпуса, в котором он содержался, был некий Миклин – все время напевавший церковные гимны. Во время прогулок по тюремному двору Лев стал уверять Миклина, что тот играет такую же роль, какую играли римские солдаты по отношению к первым христианам. Стражник не оставался в долгу и всерьез дискутировал с заключенными на библейские темы [139].

Отношения между заключенными и надзирателями в российских дореволюционных тюрьмах часто были достаточно патриархальные. Находясь в Одесской тюрьме, Лев Бронштейн заводил всевозможные споры и дискуссии

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

и с заключенными. Пользуясь тем, что здесь выдавали в достаточном количестве бумагу и карандаши, в письменной форме, через переписку, был даже проведен диспут о роли личности в истории. В другой раз возникли споры о сдельной и повременной заработной плате, причем Лев ратовал за научный хронометраж производственных процессов, то есть в зародыше формулировал некоторые идеи, позже вошедшие в знаменитую систему Тейлора, которую Ленин до 1917 г. клеймил как «научную систему выжимания пота», а после революции, наоборот, всячески ратовал за ее применение в Советской России.

Зив высказывал мнение, что к этому времени его товарищ по заключению фразеологию марксизма, «несомненно, усвоил в совершенстве и рассуждать о роли личности, о классовой борьбе, значении производительных сил и т. п. ... мог, как самый заправский марксист и с присущим ему талантом. Но как только он пытался от усвоенной теории перейти к практике, к марксистскому творчеству, к применению материалистического понимания истории к живой жизни, он неизменно обнаруживал полное бессилие» [140] .

С подобным суждением согласиться трудно прежде всего потому, что марксистская теория была весьма абстрактной, что любой переход к практическим действиям на базе этой теории всегда приводил к тому или иному отступлению от нее, к возникновению самых разнообразных трактовок, к ожесточенным спорам, в ходе которых оппоненты не только привлекали вырванные из контекста цитаты из «основоположников», но и обливали друг друга ушатами грязи. Как раз в практических действиях Бронштейн был не менее силен и активен, чем в марксистской догматике. В то же время Троцкий явно сохранил эмоциональные связи с народническим течением, что проявлялось в подчеркивании им роли личностей в исторических изменениях, величия их героизма и самопожертвования. Лев оставался романтиком и нетерпеливым оптимистом. Эти черты намного больше соответствовали его ментальности, нежели сухие марксистские выкладки по поводу неуклонных закономерностей исторического процесса.

В тюремном заключении Бронштейн заинтересовался сущностью франкмасонства. Он прочитал много книг об этом оригинальном идейно нравственном течении, по поводу которого распространялись и нагнетались всевозможные сплетни и слухи, вполне объяснимые, учитывая сохранение масонами различных тайных ритуалов и странных обычаев. Конспектируя книги о франкмасонстве, которые приносили ему родные, он сопровождал выписки собственными соображениями о масонах с точки зрения материалистического понимания истории. Резюме выводов, которые были им сделаны, в воспоминаниях передавалось так: «Идейный инвентарь переходит от поколения к поколению, несмотря на то что от бабушкиных подушек и одеял отдает кислым запахом. Даже вынужденные менять существо своих взглядов люди втискивают его чаще всего в старые формы» [141] .

Надо признать, что это был весьма примитивный взгляд на сущность течения, охватившего многие страны Европы и Америки, в котором принимали участие сотни уважаемых и просвещенных людей. Тем не менее Бронштейн написал целую книгу о масонстве, рукопись которой вначале кочевала из рук в руки родных и близких, а затем осела в архиве газеты «Искра», где в конце концов затерялась. «По видимому, ее израсходовала на растопку печей или на другие надобности та швейцарская хозяйка, которой архив был сдан на хранение. Я не могу не послать упрека этой почтенной женщине», – писал Троцкий в мемуарах с немалым оттенком пренебрежения к тому печатному органу, в котором он начал свою публицистическую деятельность общероссийского масштаба, и с очевидным уважением к своему явно слабому труду [142] .

Объяснение потери рукописи было весьма сомнительным, имея в виду, как тщательно хранился искровский архив, через много лет оказавшийся в Москве [143] . Скорее всего, труд был сочтен не заслуживающим не только публикации, но и хранения. В тюрьме Лев взял на себя организацию коллективной подготовки к допросам и суду. С этой целью он написал подробную записку с изложением версии, которой должны были придерживаться все обвиняемые по делу Николаевского союза. Написать он стремился так, чтобы, с одной стороны, дать представление о благородных замыслах арестованных, а с другой – попытаться свести к минимуму вину своих товарищей и свою собственную. Письмо, исполненное искрометного сарказма и злой сатиры, тайком передавалось из одной камеры в другую и обеспечило единство позиций. Тем временем в тюрьму поступали вести с воли, которые жадно воспринимались арестованными социал демократами. До них дошли сведения о состоявшемся в Минске в марте 1898 г. нелегальном I съезде Российской социал демократической рабочей партии (РСДРП), на котором присутствовало всего лишь девять человек, к тому же почти сразу арестованных. Реально социал демократическую партию это собрание образовать не смогло, но съезд воспринимался как символ предстоявшего практического конструирования марксистской партии в России. Доходили сведения о студенческих демонстрациях и активизации либералов.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

Политические заключенные искренне чувствовали себя интернационалистами, своеобразными космополитами, гражданами всего мира. Их волновали события не только на родине, но и далеко за ее пределами. Англо-бурскую войну они воспринимали как борьбу между крупным и мелким капиталом. Однажды в тюрьму проник слух, что во Франции произошел переворот, свергнута республика и восстановлена королевская власть: «Мы были охвачены чувством несмываемого позора. Жандармы бегали в беспокойстве по железным коридорам и лестницам, чтобы унять стуки и крики. Они думали, что нам снова дали несвежий обед. Нет, политический флигель тюрьмы бурно протестовал против реставрации монархии во Франции» [144]. До формирования концепции перманентной революции Троцкого оставалось еще несколько лет, но все эти накапливавшиеся юношеские впечатления, включая тюремные, являлись эмоциональным и умственным вкладом в копилку будущей системы политических взглядов.

Однажды у Льва в разгар диспута произошел странный приступ. Он потерял сознание, начались судороги. Правда, его легко привели в себя, и самочувствие почти сразу стало нормальным. Подобные случаи происходили и позже с разной степенью тяжести (обычно гораздо легче), чаще всего на публике. Известный социал-демократ Лев Григорьевич Дейч [145] высказал мнение, что у Троцкого произошел приступ эпилепсии [146]. Но Дейч не имел никакого отношения к медицине (у него было незаконченное высшее философское образование) и вряд ли мог в этом вопросе считаться авторитетом. Сам Троцкий и лечившие его после 1917 г. лучшие советские медики, судя по имеющимся материалам, никак не определяли характер заболевания. Один из кремлевских докторов Ф.А. Гетье [147], с которым у семьи Троцкого установились доверительные отношения, полагал, что имела место особая форма малярии, которую Троцкий подхватил в тюрьме, но и он не был уверен в точности своего диагноза. Постепенно загадочная болезнь приобрела новые формы: резко повышалась температура, возникали желудочные расстройства, особенно в моменты наиболее интенсивного нервного напряжения [148]. Нередко Троцкий после такого приступа должен был несколько дней находиться в постели. Современные медики полагают, что Троцкий, скорее всего, был подвержен вегетативно-сосудистым кризам, связанным с крайними перегрузками нервной системы.

Одно несомненно: приступы, которые с конца 90-х гг. происходили редко, но неожиданно, в немалой степени затрудняли весьма сложную, полную интриг и крайней неприязни, перераставшей в откровенную ненависть, политическую деятельность Троцкого.

10 октября 1899 г. в Одесском суде был вынесен сравнительно мягкий приговор по делу об участии в Южно-Русском рабочем союзе. Четверо главных обвиняемых (Бронштейн, Александра Соколовская и два ее брата) подлежали ссылке в Восточную Сибирь на четыре года. Остальные подсудимые отделались двухгодичной ссылкой или даже просто высылкой из Николаева под гласный надзор полиции. После этого приговоренные были отправлены в Москву, где еще в течение полугода ожидали этапа в пересыльную тюрьму. Именно здесь Лев впервые услышал имя Н. Ленина (так подписывались в то время публикации будущего большевистского вождя) и прочитал вышедшую незадолго до этого книгу Ленина «Развитие капитализма в России». Судя по краткости и сухости, с которыми Троцкий сообщал об этом в своих мемуарах, книга особого впечатления на него не произвела [149]. Это был весьма скучный, полный заимствованных таблиц и статистических исчислений трактат, по существу дела повторявший многочисленные исследования о развитии товарно-денежных отношений в российском городе и российской деревне. Существенным отличием ленинского труда были едкие ремарки, порой сменявшиеся грубыми ругательствами.

Однажды в начале 20-х гг. Троцкий пригласил Истмена вместе с ним посетить здание московской пересыльной тюрьмы, показал мрачную цементную камеру в Пугачевской башне, в которой он содержался почти за четверть века до этого, и двор, где заключенные играли в лапту. Он не преминул рассказать Истмену, что как то во время игры появился некий тюремный начальник. Лев его не заметил, и тот накинулся на Бронштейна с криком, требуя, чтобы Лев снял шапку. «Не кричите на меня, я не ваш солдат», – ответил Троцкий и был тотчас отправлен в карцер на хлеб и воду [150].

Более существенным событием, произошедшим в московской пересыльной тюрьме, была женитьба Льва Бронштейна на Александре Соколовской. Молодые люди хотели вступить в брак еще во время пребывания в Одесской тюрьме. Но тогда в связи с возрастом на вступление Льва в брак было необходимо согласие отца. Давид же категорически отказался дать разрешение. Он наивно полагал, что во всех бедах сына виновата Александра – старшая по возрасту девица легкого поведения, совратившая сына и поведшая Льва по пагубному пути.

Давид тщетно надеялся, что, отказав в благословении на брак, он спасет сына.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

Отец послал даже телеграмму министру юстиции, чтобы тот случайно не разрешил вступление в брак без его согласия [151]. Зив вспоминает: «Лева рвал и метал и боролся со всей энергией и упорством, на какие он был способен. Но старик был не менее упорен и, имея преимущество – пребывание по ту сторону ограды, остался непобежденным» [152]. Пришлось отложить дело и ожидать необходимого взрослого брачного возраста.

Сохранились нежные письма, которыми обменивались молодые люди, находя возможность переправлять их из одной камеры в другую. В одном из них (17 ноября 1898 г.) Лев сообщал, что он порвал со своими родителями и отказался от их материальной помощи, что у него было свидание с отцом Александры, который был даже доволен этим разрывом. Он считал, что родители Льва «гордятся в гораздо большей мере своим богатством, чем своими личными достоинствами» и что таким образом «устраняется вопрос имущественного неравенства». Лев писал своей невесте: «Я теперь так близко сижу от тебя, что, кажется, ощущаю твое присутствие. Если бы ты, спускаясь по лестнице на прогулку, сказала бы чтонибудь, я бы обязательно услышал. Попробуй, Сашенька! Мне тяжело... Я хочу тебя слышать, тебя видеть... Жизнь все таки так хороша, когда Саша так хороша и когда хочется так целовать и ласкать ее. Как мы будем счастливы. Как Олимпийские боги. Всегда, всегда неразлучно вместе... Но приходит ли тебе в голову, что ко времени нашего возвращения из ссылки в России будет уже возможна легальная деятельность. Ничего невозможного в этой идее нет. О как мы с тобой будем тогда работать» [153].

Парадоксально, но в этом же письме Лев упомянул, что некоторые социал демократы предполагают, что в России не будет либеральной революции и что революция сразу станет социальной. «Это нелепое мнение», – писал Лев, совершенно не подозревая, что сам он менее чем через десять лет станет наиболее известным пропагандистом идеи непрерывной социальной революции, которую он назовет «перманентной». В конце концов супружескую связь благословил ребе по иудейскому обычаю. Молодые рассматривали это как досадную скучную формальность, необходимую для того, чтобы они были поселены в ссылке вместе. Впрочем, Троцкий в мемуарах явно преуменьшает силу своих тогдашних чувств по отношению к Александре. Это было связано, по всей видимости, и с тем, что позже их брак распался и что к моменту написания воспоминаний он был уже женат на другой женщине, Наталье Седовой. По понятным причинам Троцкий теперь писал о Соколовской исключительно как о товарище по революционной борьбе: «Александра Львовна занимала одно из первых мест в южнорусском рабочем союзе. Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали ей непререкаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала нас. Чтобы не быть поселенными врозь, мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме» [154].

На самом деле на свиданиях Лев обнаруживал трогательную нежность по отношению к своей невесте, а потом жене, и нежность эта проявилась также во время этапа по железной дороге в Иркутск. Зив вспоминает, что конвой обращался с ними «хорошо, и это путешествие было довольно приятным»: «Нас из вагона все время не выпускали и к нам никого не впускали. Бронштейн, однако, ни к чему не обнаруживал никакого интереса. Он весь был поглощен А. Соколовской» [155].

О том, что его сын вступил в конце концов в брак, Давид Бронштейн какое то время не знал. Вместе с женой он вскоре обратился с ходатайством по месту ссылки к иркутскому генерал губернатору, чтобы тот воспрепятствовал предполагаемой женитьбе. В прошении говорилось, что девица Соколовская старше Льва на десять лет (на всякий случай разница в возрасте была преувеличена), что она сбила его с пути и хочет сочетаться с ним браком, чтобы продолжить пагубное свое воздействие. «Мы, родители, опасаемся, что этот брак угрожает нашему сыну полной нравственной гибелью, и мы уверены, что без влияния Соколовской он исправится и по отбытии наказания возвратится в семью и сделается полезным гражданином» [156]. Было, однако, уже поздно. Александра и Лев отправлялись в ссылку как законные супруги, и иркутское начальство ничего поделать с этим не могло.

2. Усть Кут и Верхоленск. «Восточное обозрение»

Поезд с арестантским вагоном отправился из Москвы на восток, в направлении Иркутска 3 мая 1900 г. В ряде городов заключенных перегружали, причем нередко подолгу держали в местных пересыльных тюрьмах. К окончательному месту ссылки прибыли только через полгода, глубокой осенью. Этим окончательным местом оказалось довольно большое село Усть Кут на реке Лене. В селе было около сотни изб. Вокруг прекрасная дикая природа. «Кругом лес, внизу река. Дальше к северу по Лене лежали золотые прииски. Отблеск золота играл по всей Лене» [157], – вспоминал Троцкий.

Но сам характер сельского быта и нравов, с которыми Лев столкнулся вблизи

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. впервые (в доме отца он жил в господском, хотя и сравнительно скромном доме), вызывал не только самые отрицательные мысли, но и чувство глубокой тоски. Бронштейн и Соколовская воочию узнали, что такое идиотизм сельской жизни. «Хозяин и хозяйка нашей избы пили непробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лицу. Приходилось время от времени выселяться на день два и открывать настежь двери на 30 градусный мороз. Летом мучила мошкара. Она заедала насмерть корову, заблудившуюся в лесу. ...Весною и осенью село утопало в грязи» [158] .

По видимому, уже в то время у будущего Троцкого зародилась стойкая неприязнь к тогдашнему деревенскому быту, к жизни села вообще. Он не раз будет говорить и писать о значении крестьянского движения в русской революции, но все эти заявления станут сопровождаться теми или иными оговорками, в какой то мере явно навеянными личным опытом. Во всяком случае, Бронштейн убеждался, что рассчитывать на создание некоей политической организации, в которой крестьянство будет играть более или менее самостоятельную роль, не приходится. Сочувствуя крестьянству, всячески желая, чтобы его материальный уровень повысился, а нравы и культура хотя бы в какой то степени развивались в направлении приближения к городским эталонам, Лев все более отчетливо понимал, что это может быть достигнуто только усилиями просвещенных людей. Во время ссылки он причислял к таковым не только революционеров, но и либерально настроенных «легальных марксистов». Через много лет, в начале 1923 г., Троцкий так описывал свое пребывание в Усть Куте: «В Сибири, в Усть Куте, мы жили на одной квартире с польским сапожником Микшей. Это был прекрасный товарищ, внимательный, заботливый, великолепный повар, но он выпивал, и чем дальше, тем больше. Время делилось между хозяйственной работой и чтением. Рубка дров, подметание, мойка посуды, помощь Микше по кухне. Чтение было очень разнообразно: Маркс, социалистическая литература, художественные произведения мировой литературы... Литературная работа – особенно ночью. Нередко до 5 – 6 часов утра... Однажды мне не выдали почту в почтовом отделении. Я бурно запротестовал. Меня приговорили к трем рублям штрафа. Извещение это меня застало в Верхоленске, откуда я вскоре бежал. Так три рубля штрафа не были уплачены, в числе многих других моих долгов царизму» [159] .

В Усть Куте Александра 14 (27) марта 1901 г. родила девочку, зачатую еще на одной из пересылок. Новорожденную назвали Зиной. Чтобы как то облегчить себе быт, супруги попытались было переселиться по легко полученному разрешению иркутского генерал губернатора восточнее, на реку Илим, где у них были знакомые. Там Лев недолгое время прослужил конторщиком у купца. Но однажды Бронштейн, скорее всего задумавшись о высоких материях или о социальных делах, совершил непозволительную ошибку, записав фунт краски как пуд, и тут же был с позором выдворен со служебного места. Впрочем, верный себе, Троцкий в воспоминаниях изображает дело так, будто ушел со службы сам: «Моя репутация была подорвана, и я взял расчет». Лютой зимой пришлось возвратиться в Усть Кут. «На коленях у меня была десятимесячная девочка. Она дышала через меховую трубу, сооруженную над ее головой. На каждой остановке мы с тревогой извлекали девочку из ее оболочки. Путешествие прошло все же благополучно» [160] , – вспоминал Троцкий.

Еще через непродолжительное время Бронштейну удалось получить разрешение на перемещение в Верхоленск – крохотный уездный городок, но все же место, где имелась колония образованных ссыльных, где были люди, с которыми можно было общаться, обсуждать политические проблемы, вырабатывать общую точку зрения или же ожесточенно спорить. Это была та питательная среда, без которой Лев не мог существовать. Настроение ссыльных поддерживали и переходившие из поколения в поколение рассказы (подчас и легенды) об истории ссылки, центром которой был этот городок. Существовал даже термин: Верхоленская ссылка. Здесь в свое время побывали и декабристы, и, позже, участники Польского национально освободительного восстания 1863 г.

В своих воспоминаниях Троцкий рассказывал, что своего рода «аристократию» среди ссыльных составляли старые народники, которые находились в ссылке долгие годы и смогли как то устроиться. Особый слой составляли молодые марксисты. Именно здесь Лев познакомился с 27 летним Моисеем Соломоновичем Урицким [161] , который разделял марксистские взгляды. Вместе с Троцким Урицкий примет участие в революционных событиях в Петербурге в 1905 г., вместе с ним станет членом «межрайонной» социал демократической группы, а затем, в 1917 г., большевиком. После Октябрьского переворота Урицкий возглавит Петроградскую чрезвычайную комиссию в тогдашней столице и будет убит в 1918 г. молодым эсером.

Другим верхоленским знакомым оказался еще более молодой 23 летний Феликс Эдмундович Дзержинский [162] – польский социал демократ, будущий председатель всесильной и кровавой Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), а затем ее

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. преемника – Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), один из организаторов и исполнителей красного террора. Троцкий вспоминал, как «темной весенней ночью, у костра, на берегу широко разлившейся Лены Дзержинский читал свою поэму на польском языке. Лицо и голос были прекрасны, но поэма была слаба. Сама жизнь этого человека стала суровой из поэм» [163]. Назвать жизнь руководителя красного террора и советской карательной системы «суровой поэмой», будучи исключенным из партии, снятым со всех постов и к тому же высланным из страны, мог только такой оторванный от жизни теоретик революции, как Троцкий. Судьбы ссыльных складывались совершенно по разному. Бывали случаи самоубийства, кое кто в тоске спивался. Бронштейна, как и некоторых его единомышленников марксистов, спасали умственная работа, бесконечные споры и дискуссии, публицистическая деятельность. Но как бы то ни было, они пока еще не стали сухарями догматиками, хотя именно в этом направлении развивалась ментальность новых марксистов, а оставались молодыми людьми, стремившимися разнообразить свой скучный быт. Большой популярностью у ссыльной молодежи пользовались спортивные игры, особенно крокет, дававший возможность проявить ловкость, находчивость, собранность, причем «и тут, как всюду и во всем остальном, где ему так или иначе предоставлялся случай проявить свою индивидуальность, Бронштейн органически не переносил соперников... и одержать победу над ним в крокете было самым верным средством приобрести злейшего врага» [164].

Понятно, что Лев сразу же включился в ожесточенные споры ссыльных. Бывший член «Народной воли» Н.Н. Фрейлих рассказывал видному советскому историку и идеологу Е.М. Ярославскому, какое глубокое впечатление на него и других народников произвел Троцкий в ссылке одним из докладов своей «красочностью, яркостью, истовостью» [165]. Ярославский, ставший затем одержимым сталинским подхалимом, горько сожалел, что в свое время почти восторженно воспроизвел отдельные этапы революционного пути Троцкого. Очевидно, с полным основанием Ярославский полагал, что этого факта при первом удобном случае Сталину будет достаточно, чтобы объявить его «врагом народа» и жестоко с ним расправиться. Однако в годы чисток Ярославского не тронули.

Именно в Верхоленске Лев стал овладевать квалификацией профессионального журналиста. С тревогой и неуверенностью он послал первые свои корреспонденции в выходящую в Иркутске еще с 1882 г. газету «Восточное обозрение». Это было провинциальное, но довольно солидное издание, основанное писателем, историком, путешественником и краеведом Н.М. Ядринцевым, в котором сотрудничали легальные народники и легальные марксисты.

«Восточное обозрение» имело очень небольшой штат постоянных сотрудников, но это были люди, чьи статьи удовлетворяли высоким требованиям газеты. Издателем газеты с 1894 г. был либерал Иван Иванович Попов, бывший революционный народник и даже член ЦК партии «Народная воля», позже примкнувший к кадетам. Основную практическую работу по выпуску газеты проводил секретарь редакции В.С. Ефремов, также бывший революционный народник, терпимо относившийся к марксистам. Хотя ссыльным было категорически запрещено публиковаться в прессе, Ефремов шел на риск, требуя лишь, чтобы они печатались под псевдонимами [166].

Власти нередко делали «предупреждения» газете и даже закрывали ее на определенный срок, после чего газета открывалась снова. Она выходила до 1906 г., когда в конце концов издание было запрещено правительством [167].

Троцкий вспоминал, что он был «поддержан редакцией». Действительно, в «Восточном обозрении» одна за другой стали появляться его корреспонденции, а затем и более солидные статьи. Бронштейн начал с материалов деревенской тематики. Подписывать их своим настоящим именем было явно нецелесообразно и по соображениям собственной безопасности перед местными полицейскими властями, и с точки зрения интересов газеты, а возможно, еще потому, что в Восточной Сибири нежелательно было подписывать статьи еврейской фамилией. Наудачу раскрыв итальянский словарь, Лев обнаружил там вполне подходящий, с его точки зрения, термин – antidoto (противоядие) и, слегка переиначив его, превратился в Антида Ото. Псевдоним Антид Ото станет одним из основных в его публицистической практике на протяжении многих лет.

Первая корреспонденция в «Восточном обозрении» появилась в октябре 1900 г. Называлась она длинно: «Малозаметный, но весьма важный винтик в государственной машине» [168]. Речь здесь шла об элементарной «социальной клеточке» российского государственного строя – сельском обществе, или сельской общине. Используя, в частности, произведения своего любимого писателя Глеба Ивановича Успенского, автор показывал дифференциацию, усложнение функций и внутренних взаимоотношений в этой «клетке» и усиление ее взаимодействия со всем общественным организмом. Но это были общие рассуждения, навеянные тем, что Антид Ото прочитал о деревне Европейской России. В Сибири же земских учреждений не было вообще, а все дела вершились волостными писарями. В корреспонденции приводилась опись «книг» и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

«дел» этого низового чиновника, показывавшая, что подобные лица не только «заведовали» всеми делами, вплоть до мелочей быта, но были всевластными господами в сибирской деревне, а представляемые деревенским писарем «наполовину фиктивные цифры идут по начальству, подвергаются обработке, ложатся в основу многих официальных и земских статистических обзоров и исследований, которые составляют в свою очередь предмет ожесточенной полемики отечественных публицистов» [169] .

Бронштейн продолжал ту же тему земства и в следующей корреспонденции [170] . Теперь он высказывал вполне определенное мнение, что введение в Сибири земских учреждений есть лишь вопрос времени, что земское самоуправление является не измышлением «публицистов непохвального образа мыслей», а категорическим и естественным требованием жизни, что земство является органом необходимым и «займет подобающее ему место в обороте всероссийской жизни». Автор отмечал, что «бессословность» уже существующих земств является весьма относительной, ибо крестьянское и вообще недворянское представительство в них совершенно незначительно. Высказывалось требование, чтобы двери земских собраний были широко открыты представителям народных масс. «Только в таком случае земское обложение станет самообложением, после чего упреки по адресу земства в мотовстве и расточительности будут равносильны упрекам в самообирании...»

Цикл из четырех статей под общим названием «Обыкновенное деревенское» [171] был посвящен разнообразным большим вопросам сельского быта, непосредственным свидетелем которого являлся автор. Фактически это были корреспонденции с места действия. Здесь рассматривались и «медицинская беспомощность» сибирской деревни, и сельская «тюремка», в которую запирали буянов, психических больных и бесприютных инвалидов. Шла речь об издевательствах безграмотных, озлобленных, пьяных крестьян над своими беспомощными женами, которые подвергались свирепым избиениям, о примитивизме церковно-приходской школы, а также, вновь и вновь, о проблемах всеобщей волости.

«Об одном старом вопросе» – так называлась статья, трактовавшая вопросы женской эмансипации [172] . Публицист отвергал «вульгарный феминизм», обращая внимание на социальную стратификацию женщин: «То, чем женщина одного класса пользуется с избытком, для женщины другого класса является лишь идеалом». Только в этой статье, да еще в крохотной заметке о том, что фабричных рабочих «оскорбляют обыском» перед тем, как они выходят за ворота предприятия после окончания рабочего дня [173] , можно выискать слабые указания на марксистское мировоззрение автора. Все остальные статьи носили общедемократический и социокультурный характер. Эти работы отличались знанием предмета и соответствующей публицистической и социологической литературы, в том числе на иностранных языках. Порой даже казалось, что Антид Ото чрезмерно щеголяет владением немецкого и французского языков, перечислением имен известных зарубежных общественных деятелей, их произведений и их позиций. Правда, за исключением отдельных неудачных мест все отсылки «к авторитетам» звучали обоснованно и существенно подкрепляли аргументацию автора. Изложение было ярким, подчас красочным и даже красивым. Иногда, впрочем, Лев увлекался образностью стиля, использовал длинные и несколько запутанные обороты, а краснота статьи оказывалась на грани безвкусного китча. Это, однако, были вполне естественные издержки творческой манеры начинающего журналиста, которые отчасти станут манерой письма и зрелого Троцкого.

Важной положительной стороной большинства корреспонденций по социально-политическим вопросам было не просто глубокое знание материала, а использование личных наблюдений нравов восточносибирской деревни, автобиографических элементов, выдержек из собственных бесед с крестьянами, а также мелкими сельскими чиновниками, деревенскими учителями и т. д. Главным содержательным моментом рассмотренного цикла статей были осуждение сословности, открытой или же скрытой, призыв к модернизации села, естественно на базе развития производительных сил и распространения культурных навыков и знаний, то есть на путях капиталистического развития.

В еще большей степени общедемократическое содержание относилось к значительно большему по количеству и разнообразию проблематики циклу публикаций, посвященных социальным аспектам художественной культуры и смежным вопросам, которые появлялись в «Восточном обозрении» с января 1901 г. Здесь молодой автор ставил и пытался разрешить с точки зрения собственного понимания марксистской этической теории вечные вопросы человеческой жизни – оптимизм и пессимизм, любовь и вражда, дружба и предательство, смерть и вечность и многое другое. Но постоянно доминировала у него тема взаимоотношений личности и общества, причем, разумеется, акцент делался на долге индивидуума перед массой, на оправданности и необходимости самопожертвования во имя высоких идей социальной справедливости. Через много лет, в середине 20-х гг., сортируя статьи из «Восточного обозрения»

для включения их в соответствующий том своего собрания сочинений, Троцкий разбил их на четыре раздела: «От дворянина к разночинцу», «Будни», «На задворках публицистики» и «Перед первой революцией». Эта разбивка была несколько искусственной. В частности, название последнего раздела совершенно не соответствовало его реальному содержанию, да и по времени довольно далеко отстояло от 1905 г. В действительности более или менее четко выделялись группы статей, посвященных творчеству писателей классиков и представителей новейших тенденций в художественной литературе, общим вопросам социологии литературно-художественного творчества, бытовым вопросам. Всего в «Восточном обозрении» было опубликовано примерно 30 статей Бронштейна по культурной проблематике. Среди них были и краткие заметки, и обширные публикации, появлявшиеся с продолжением. Некоторые материалы были сочтены редакцией настолько острыми, что не увидели света, например статья 1901 г. «История литературы, г. Боборыкин и русская критика», опубликованная в собрании сочинений по рукописи из архива Троцкого [174]. Это была предельно острая оценка книги беллетриста и литературоведа П.Д. Боборыкина о европейском романе [175].

С этой книгой, писал Антид Ото, «случился совершенно исключительный казус: ее никто, кроме самого автора, не понял». Далее следовали сопровождаемые примерами утверждения о «неуклюжих повторениях», «топтании на одном месте вместо аргументирования», утверждение, что «за гераклитовой темнотой изложения отнюдь не скрывается гераклитова глубина мысли». Грубые и безапелляционные суждения понадобились Льву для того, чтобы отвергнуть «благонамеренно умеренную мещанскую пошлость» в критике, как и в беллетристике, «провозгласить необходимость слияния историко-литературного исследования и публицистической критики в единое целое в сочетании с эстетической оценкой конкретных художественных произведений». Столь решительный напор юного автора оказался неприемлемым для «Восточного обозрения», и статья не увидела света.

Еще одной статьей, оставшейся неопубликованной, был небольшой этюд под заголовком «Нечто о сомнамбулизме». В этом фрагменте шла речь о таком состоянии, при котором человек способен во сне или наяву совершать некие действия, неосмысленные или полусмысленные, но иногда направленные на осуществление определенной цели. Однако автор рассматривал сомнамбулизм отнюдь не как медицинский или же психологический факт. Он высокомерно и довольно неуклюже высмеивал тех, кто, по его мнению, занимаются совершенно ненужным делом, вплоть до филателистов, которые, по его словам, отдают себя делу «совершенно бескорыстному и в высокой степени бессмысленному и бесцельному, словом, идеально чистому водотолчению» [176].

Пожалуй, «водотолчением» занимался и сам автор этой статьи, действительно не заслуживающей публикации. Однако подавляющее большинство статей, направленных Троцким в «Восточное обозрение», встретили положительный отклик редакции и теплый прием читателей, несмотря на неочевидные и нестандартные оценки автора. Так, статья о В.А. Жуковском являлась весьма спорной оценкой русского романтизма, который Бронштейн характеризовал как «средство не улучшения жизни, а малодушного бегства от нее», как «мечтательную апатию». Но в то же время в очерке выражалось безоговорочное согласие с мнением В.Г. Белинского о том, что без Жуковского мы не имели бы Пушкина. «Это страшно много, и нужно уметь быть за это благодарным», – заключал автор [177].

Исключительно высокой была оценка творчества Н.В. Гоголя, особенно появления «Мертвых душ» в «мрачное и глухое время». Это произведение, которое Троцкий не без основания считал главным достижением великого писателя, было исходным моментом для плодотворных рассуждений по поводу того, насколько расширился ныне «нелепый мир» «Мертвых душ». Сопоставляя Гоголя с М.Е. Салтыковым Щедриным, автор ставил опасный в то время вопрос, имеют ли эти писатели «в наши дни» лишь художественную ценность, и сам же отвечал: «О, если бы!..» [178]

Естественной следует считать статью о А.И. Герцене, даже не столько о самом писателе, сколько о том, как о Герцене и его наследниках высказался один из авторов столичного журнала «Вестник всемирной истории» Г. Белозерский [179]. Лишь частично соглашаясь с оценками Белозерского, Бронштейн издевательски писал о его «азартной умеренности» в оценке роли «молодого поколения» (революционных народников). Статья завершалась словами: «Мы искренне и глубоко убеждены, что личность Герцена настолько громадна, выпукла, заслуги его в области развития русского общественного самосознания столь велики, что исключают надобность и возможность какой бы то ни было переоценки, преувеличения, особенно купленного ценою принижения поколения, шествовавшего на смену Герцену, поколения, занявшего самостоятельное и далеко не последнее место в памяти передовых групп русского общества» [180].

Остальные литературные и философские статьи Троцкого были посвящены Н.А. Добролюбову, Г.И. Успенскому, К.Д. Бальмонту, Л.Н. Андрееву, Г. Ибсену, Г.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

Гауптману, А. Шницлеру и другим писателям и публицистам. Антид Ото высказывал свое отрицательное мнение о философии сверхчеловека, разработанной Ф. Ницше, об отрывном календаре, который начало выпускать издательство И.Д. Сытина, о писателях, которые «не пишут, а зудят», о психологических аспектах воздействия квалифицированных ораторов на толпу и т. д. и т. п. Особо следовало бы остановиться на полурецензии полуэссе, посвященной книге Н.А. Бердяева о Н.К. Михайловском, которого Троцкий совсем еще недавно боготворил, а теперь резко критиковал как легального народника [181]. В основном эта работа была посвящена не столько самому Михайловскому, сколько книге Бердяева и предисловию к ней, написанному П.Б. Струве и опубликованному в журнале «Мир Божий». Имея в виду, что названные авторы незадолго перед этим перешли с марксистских позиций на иные идейные платформы (Струве вскоре станет одним из лидеров российского либерализма, а Бердяев – видным философом идеалистом), можно легко понять негодование Бронштейна. В самых резких тонах он упрекал обоих в том, что они составляют «этический преискурант к наследию веков», хотя и заявляют о «нерациональности» такого рода деятельности. «Здание», которое строят бывшие марксисты, уверял Антид Ото, окажется «просто старой продырявленной метафизической скворечницей, которую за негодностью покинули даже легкомысленные скворцы и в которую вряд ли удастся заманить мудрую сову Минервы» [182]. Гонорары, которые платили редакция, были сравнительно небольшими. Вначале платили по две копейки за строку, но вскоре вознаграждение повысили: Антид Ото стал получать по четыре копейки за строчку печатного текста. «Это было высшим выражением успеха», – писал Троцкий через много лет с некоторым оттенком иронии [183]. Однако, имея в виду плодовитость Льва Бронштейна, эти копейки выливались в рубли, которые, дополняя 38 рублей в месяц, получаемые от правительства ссыльными (по 19 на Александру и Льва), позволяли семье жить более или менее безбедно.

Антид Ото попробовал свои силы и в качестве кинокритика, если можно назвать кинорецензиями его крохотные заметки о фильмах, которые крайне редко демонстрировались в Верхоленске.

Время от времени Лев с разрешения местного полицейского начальства ездил в Иркутск, разумеется изобретая какие то фиктивные предлоги и не признаваясь, что едет в редакцию газеты, с которой установилось тесное сотрудничество, или на встречи с антиправительственными элементами. Каждый раз в этом случае он испрашивал и получал «проходное свидетельство». В одном из свидетельств, сохранившемся в его архиве, говорилось: «Дано сие состоящему под гласным надзором полиции административно ссыльному Лейбе Давидову Бронштейну в том, что согласно разрешения» [184] Иркутского губернского управления от 20 февраля сего [1902] года ему разрешается проезд в г. Иркутск на один день, куда он должен следовать неуклонно и нигде во время пути не останавливаться без особо уважительных причин и обязательств, в последнем случае заявлять об этом местной полицейской власти для наложения на свидетельстве надписи» [185].

В Иркутске связь была установлена не только с журналистами. Лев смог встретиться с местными марксистами, стал получать от них нелегальную литературу. Более того, он написал нечто среднее между воспоминаниями и публицистическим очерком о рабочем союзе в Николаеве и своей работе в нем, который был передан иркутским единомышленникам, а последние смогли отправить его в Женеву. Там эта работа была выпущена в одной брошюре со сходным очерком социал демократа Ю.М. Стеклова (псевдоним О.М. Нахамкиса) [186], посвященным рабочим кружкам Одессы, в создании которых Нахамкис принимал участие несколькими годами ранее (он был сослан и в 1894 г. бежал за границу) [187]. В этом очерке Бронштейн пытался определить, по каким причинам именно в Николаеве был образован рабочий союз, и видел их прежде всего в быстром росте крупных предприятий с соответствующим увеличением числа рабочих сравнительно молодого возраста и относительно высокого уровня грамотности. В очерке содержались предостережения против излишней централизации рабочих организаций.

Так за границей появилась первая работа будущего Троцкого, выпущенная отдельным изданием, которой он, впрочем, не придал серьезного значения. Она даже не упоминается в его воспоминаниях. Значительно более важными ему казались статьи, предназначенные для иркутской газеты. «Я просиживал ночи, черкая свои рукописи вкряк и вкось, в поисках нужной мысли или недостающего слова. Я становился писателем», – констатировал Троцкий в своей автобиографии [188]. Думается, что несколько более точным он был в беседах с Истменом, которому говорил, что думал о себе как о «революционном журналисте, чье искусство должно носить памфлетный характер и чей стиль должен быть боевым» [189].

3. Побег и эмиграция

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Социальная атмосфера в России тем временем все более накалялась. Во многих городах возникли подпольные социал демократические организации, в том числе в Сибири. С одной из организаций Бронштейн установил связь и писал для нее тексты воззваний и листовок [190]. Называлась она Сибирский социал демократический союз, и через непродолжительное время Троцкий будет представлять ее на II съезде РСДРП.

Традиционная, ортодоксальная система марксистских взглядов подвергалась критике не только со стороны либеральной интеллигенции, но также внутри самого марксистского течения. В 1898 г. германский социал демократ Эдуард Бернштейн опубликовал брошюру «Предпосылки социализма и задачи социал демократии», в которой критиковал некоторые устаревшие установки К. Маркса и Ф. Энгельса. Бернштейн был ранней предтечей течения демократического социализма, которое широко развернулось только после Второй мировой войны. «Ортодоксы», прежде всего Плеханов, а вслед за ним Ленин, бичевали Бернштейна, называя его и его последователей «ревизионистами». Этим ругательным термином обозначались те, кто стремился пересмотреть, усовершенствовать, приспособить марксистские взгляды к новой эпохе. Отзвуки этих страстей докатывались до сибирской ссылки, где, в свою очередь, разгорались ожесточенные споры по поводу путей социального преобразования. Наряду с «ревизионистами» и «оппортунистами», против которых вели ожесточенную борьбу ортодоксы, появились и те, кто критиковал марксизм «слева». В районе сибирского города Вилюйска, не очень далеко от места ссылки Льва, находился в ссылке польский революционер, бывший марксист Ян Вацлав Махайский [191], рассылавший по соседним колониям гектографированные тетради, в которых не без основания утверждал, что существующие социалистические теории и планируемый будущий социализм основаны на эксплуатации рабочих интеллигенцией. Другие ссыльные, и Бронштейн в первую очередь, обвиняли Махайского в анархизме и желчно критиковали его воззрения [192].

Летом 1902 г. Лев Бронштейн, побывав в Иркутске, получил несколько книг, в переплеты которых были вклеены свежие заграничные марксистские издания, напечатанные на папиросной бумаге. Он узнал, что начат выпуск газеты «Искра», которая поставила своей задачей создание централизованной организации профессиональных революционеров. Вслед за этим нелегально была получена посвященная этому же вопросу брошюра Ленина «Что делать?». Чувство глубокого удовлетворения вызвало фактически полное совпадение позиций Троцкого с тем, что говорилось в газете и брошюре. Лев вспомнил, как совсем недавно он на собрании иркутского марксистского кружка набросился на тех, кто считал необходимым вести борьбу только за улучшение условий труда рабочих (сторонников этого течения стали презрительно называть «экономистами») [193]. «Мои рукописные рефераты, газетные статьи и прокламации для Сибирского союза сразу показались мне маленькими и захолустными перед лицом новой грандиозной задачи. Надо было искать другого поприща. Надо было бежать» [194], – писал Троцкий.

Троцкий был не единственным, кто подумывал о побеге из ссылки. Как он вспоминал позже, «ссылчные не хотели больше оставаться на своих местах. Началась эпидемия побегов. Приходилось устанавливать очереди» [195]. Бежать было не очень трудно. Полиция была малоопытна, немногочисленна и ленива. Но трудности создавала сама природа. Огромные сибирские пространства, где после побега легко было замерзнуть или утонуть, так и не вырвавшись на свободу, были, как поначалу казалось полиции, лучшим лекарством от побегов неугомонных революционеров.

Что же касается Троцкого, то чисто бытовые, семейные дела ставили возможность нелегального отъезда или побега под сомнение. Через год после Зины на свет появилась вторая дочка, которую назвали Ниной. Лев чувствовал себя не вправе бежать один. А побег с семьей не представлялся возможным. Но Александра была женщиной твердого революционного нрава. Через много лет Троцкий писал, что она первая стала настаивать на побеге мужа. Как и сам Лев, она была убеждена, что ему предстоит большие дела в руководстве организованного революционного социал демократического движения. По крайней мере, именно так утверждал Троцкий много лет спустя в своих воспоминаниях, как бы оправдываясь, что бежал, оставил жену с двумя крохотными девочками в ссылке.

Всю тяжесть выращивания детей Соколовская взвалила на свои плечи. Впрочем, через некоторое время и она постепенно отошла от заботы о детях. Дочери выросли болезненными. Обе они заболели туберкулезом. По окончании четырехлетней ссылки Александра оставила старшую дочь на воспитание родителям Льва. Зина жила с ними и своей тетей Елизаветой до 9 лет, а затем воспитывалась в семье сестры Александры. Сама же Александра выехала за границу, где выполняла поручения руководства социал демократической организации. Нина оставалась со своей матерью [196].

Верность революционным идеалам оборачивалась душевной слепотой и почти полным безразличием к судьбам собственных детей, хотя на первый взгляд казалось, что

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Лев и Александра относились к своим дочерям с нежностью. Нравственная относительность в данном случае проявилась весьма отчетливо. Главным был абстрактный революционный долг, который приводил к фактической душевной опустошенности в элементарных жизненных человеческих проявлениях. Бегство Льва из ссылки привело к распаду семьи, хотя поначалу ни он, ни Александра этого не предполагали. Дело было в августе 1902 г. Телеграмма об отлучке Троцкого датирована 22 м числом. Из Верхоленска Лев был вывезен знакомым крестьянином. Для того чтобы выиграть пару дней, в постели Льва соорудили некое чучело, а Александра говорила знакомым, в том числе и местным полицейским, что ее муж заболел и находится в постели. Бегство, однако, раскрылось уже на следующий день. В телеграмме верхоленского исправника иркутскому полицмейстеру говорилось: «Вчера самовольно отлучился лейба Бронштейн 23 лет, 2 аршина с половиной, волосы каштановые, подбородок двойной, разделенный, носит очки. [По] заявлению жены, Бронштейн выехал [в] Иркутск» [197].

Историк И. Дойчер с полным основанием отмечает, что режим в царских тюрьмах и местах ссылки был «смесью грубости и «либеральной» неэффективности» [198]. Именно эта «неэффективность» и безразличие жандармов, прикрываемые внешней суровостью, позволяли ссылкепоселенцам сравнительно легко становиться беглецами, причем в большинстве случаев успешными. На крестьянской телеге Лев отправился вместе с некой Е.Г., «переводчицей Маркса», инициалы которой по каким то непонятым причинам в воспоминаниях Троцкий не раскрывает. Может быть, эта переводчица в конце 20 х гг. занимала какой нибудь пост в СССР и Троцкий не хотел ее компрометировать. Крестьянин, везший беглецов и получивший за это соответствующую мзду, ночью укрыл их сеном и рогожей. Дважды в пути сменяли лошадей. Не доезжая Иркутска, попутчики расстались. Лев благополучно добрался до города, местные марксисты передали ему подлинный бланк паспорта, куда оставалось только вписать фамилию и имя. Подержав в руках паспорт, Лев вспомнил фамилию старшего надзирателя Одесской тюрьмы – Троцкого, человека, имевшего величественную фигуру, опиравшегося на длинную саблю, считавшего себя в тюрьме царьком и «орлиным взором» осматривавшего «свои владения» [199]. Скорее всего, просто из мальчишеского озорства Лев вписал в паспорт именно эту фамилию, ни в малейшей степени не предполагая, что она станет его главным и постоянным псевдонимом на всю жизнь, что именно под этой фамилией он войдет в историю. С осени 1902 г. Бронштейна более не существовало. Вместо него на свет появился Лев Давидович Троцкий.

Иркутские друзья помогли новоиспеченному Троцкому погрузиться в вагон поезда дальнего следования, снабдили его более или менее приличной одеждой, бельем, галстуком «и прочими атрибутами цивилизации». «Я ехал по сибирской линии на запад, – вспоминал Троцкий. – Вокзальные жандармы равнодушно пропускали меня мимо себя. Рослые сибирячки выносили на станцию жареных кур и поросят, молоко в бутылках, горы печеного хлеба. Каждая станция походила на выставку сибирского изобилия. На всем протяжении пути весь вагон пил чай, заедая дешевыми сибирскими пышками».

Лев наслаждался не только чаем с пышками, но и «Илиадой» Гомера в переводе Н.И. Гнедича. «Я читал гекзаметры и мечтал о загранице. В побеге не оказалось ничего романтического: он целиком растворился в потоке чаепития» [200].

Троцкий сделал остановку в Самаре, где находился своего рода «внутренний штаб» «Искры» во главе с инженером Глебом Максимилиановичем Кржижановским. Последнему были знакомы публикации Бронштейна в «Восточном обозрении», и он несколько насмешливо присвоил ему новую подпольную кличку – Перо. По поручению самарской организации Перо посетил Харьков, Полтаву и Киев, где пытался установить связь с тамошними социал демократами или же создать соответствующие организации. Результаты поездки были плачевными. В Харькове он никого не обнаружил по тому адресу, который у него был. В Полтаве «наткнулся на областной патриотизм», про Киев Троцкий даже сообщать ничего не стал [201].

Ленин торопил его ехать за границу [202]. Бойкий и резкий стиль статей, вышедших из под пера Пера, предположение, что Троцкий станет верным клеветом Ленина во время подготовки к партийному съезду, видимо, побуждали его к встрече. Сам Лев крайне тяготился провинциальной организационной деятельностью и стремился вырваться за рубеж. Получив билет до пограничной станции, скудную сумму денег на дорогу до Вены и не очень хорошо изготовленные фальшивые документы, Троцкий выехал в Каменец Подольский, а оттуда, с помощью местных контрабандистов, благополучно перешел венгерскую границу и поездом отправился в Вену. На последней пограничной станции полицейский попросил у Льва паспорт, чем сильно напугал молодого конспиратора. Но фальшивый паспорт был найден в полном порядке и равнодушно возвращен хозяину.

Каменец Подольский был известным пунктом контрабанды; цена проводнику за перевод через границу была установлена в 11 рублей. Правда, учитывая, что Троцкий вез

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. большой груз литературы, который частично нес провожатый, а также то, что часть пути, по болоту, контрабандист нес Троцкого на спине, Лев дал ему за услуги 25 рублей, чем тот был несказанно доволен. По дороге проводник «утешал» Льва рассказами о том, какие именно страсти могут произойти, если их обнаружат, и что недавно на пограничном мосту был застрелен человек, пытавшийся пронести коммерческую контрабанду. Все, однако, обошлось благополучно. По ту сторону границы Троцкий сел в вагон поезда, отправлявшегося в Вену, и, сэкономив полученные деньги, проехал до австрийской столицы «зайцем» [203]. Завершился первый этап революционной деятельности Льва Бронштейна. На историческую арену выходил Лев Троцкий, которому очень скоро, несмотря на весьма молодой возраст, доведется стать одной из наиболее ярких и противоречивых фигур в российской социал демократии, в советско большевистской тоталитарной системе и в мировом коммунистическом движении.

Глава 3 Ленинец, меньшевик, центрист

1. Ленинский адепт

Первое впечатление, которое произвела на пришельца из сибирской ссылки Вена, можно определить как шоковое. Были две причины такого состояния. Одна, быстро преодолённая, относилась ко всем людям, которые попадали в чужую страну впервые, наивно полагая, что знают язык этой страны, но, как оказывалось, не могли понять почти ни слова из того, что говорили прохожие. Вторая, более существенная причина, была связана с австрийской и вообще центрально европейской ментальностью, которая отличалась спокойствием, упорядоченностью, правильным режимом, неизменным распределением времени, отводимого на работу и на отдых. Троцкий с его бурным темпераментом никак не мог ожидать, что такое свойство может относиться не только к мещанским слоям – к ним он испытывал чувство презрения, но и к социал демократам, к их лидерам, даже к тому человеку, который не только в его представлении, но во всем 2 м Интернационале рассматривался как общепризнанный «вождь» австро венгерского рабочего движения, к 50 летнему Виктору Адлеру [204], с которым Троцкий решил встретиться во что бы то ни стало немедленно по прибытии в Вену в полной уверенности, что Адлер забросит все дела, чтобы обеспечить ему дальнейшее продвижение в швейцарский Цюрих, где проживал видный русский марксист Павел Борисович Аксельрод [205], один из основателей группы «Освобождение труда». Собственно говоря, Лев мог бы просто купить билет на поезд до Цюриха, ибо на австро швейцарской границе документы проверялись лишь формально, но у него не было достаточной суммы денег, а рисковать безбилетным проездом через границу он не решался. Аксельрод же, в свою очередь, должен был помочь Троцкому добраться до Лондона, где находился Ленин.

С большим трудом Троцкий разыскал помещение центральной австрийской социалистической газеты Arbeiter Zeitung («Рабочая газета»), для чего на часть сэкономленных денег был куплен у уличного мальчишки свежий ее номер с адресом. Лев, разумеется, был потрясен, когда воочию увидел (по рассказам и из прессы он, разумеется, об этом знал), что «подрывной» печатный орган свободно продается вместе с респектабельными изданиями. С первых дней пребывания за границей он начал привыкать к завоеваниям «буржуазной» демократии, которую в своих печатных выступлениях всячески чернил. Помещение редакции оказалось почти пустым, и портье не желал пускать незваного посетителя внутрь. Случайно оказавшийся там редактор Фриц Аустерлиц, спускавшийся по лестнице, резко и беспардонно заявил, что в воскресный день господин Адлер отдыхает и беспокоить его не следует ни в коем случае. Все же, употребив все свое красноречие, проявив настойчивость и наглость, Лев добился адреса Адлера. Адлер принял его вначале не самым приветливым, но постепенно смягчился и, главное, выдал Троцкому небольшую необходимую сумму 25 крон, на следующий отрезок пути [206]. Из Цюриха, где с Аксельродом сразу же установились теплые взаимоотношения, хотя Лев среди ночи бесцеремонно вторгся в его квартиру, да еще попросив заплатить таксисту, путь лежал через Париж в Лондон. (Неформальные отношения между Троцким и Аксельродом продлятся вплоть до 1917 г. В середине 20 х гг. Сталин в своих усилиях по разгрому троцкизма и дискредитации Троцкого будет весьма активно спекулировать тем, что одну из своих работ последний посвятил «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду».)

В Швейцарии, являвшейся в конце XIX – начале XX в. подлинным центром российской политической эмиграции разных направлений, своего рода Меккой марксистов многих стран, где кроме Аксельрода жили Плеханов, Вера Фигнер и другие выдающиеся личности [207], Троцкий решил не задерживаться. На рассвете одного из дней поздней осени 1902 г. в квартире на окраине Лондона, где жили Ленин и Крупская

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. (Хелдорф сквер, 30), раздался условный громкий стук дверным кольцом три раза (так постучать Троцкого проинструктировал Аксельрод). Едва проснувшись Крупская подошла к двери и заинтересовалась, кого занесло в такую рань. Услышав, однако, имя Перо, она сразу же впустила Троцкого в дом и разбудила своего мужа словами: «Приехало Перо».

Крупская рассказывала, что, оставив их вдвоем, она пошла объясняться с извозчиком, так как у Троцкого опять не было денег, чтобы расплатиться. «Когда я вернулась, я застала Владимира Ильича уже сидящим на постели и оживленно толкующим с Троцким на какую то довольно отвлеченную тему. И горячие рекомендации «молодого орленка», и первый их разговор заставили Владимира Ильича особенно внимательно присматриваться к приезжему». Особенно Ленина интересовала оценка Троцким полтавского «Южного рабочего». «Определенность формулировок», его оценка разногласий с редакцией этой газеты, осуждение им стремления сохранить обособленность полтавской группы Ленину весьма импонировали [208]. Точно так же Ленин был явно удовлетворен весьма критическими оценками организационной расхлябанности социал демократов в Харькове, тем, что на русско австро венгерской границе явка находится в ненадежных руках. Скорее всего, это было своеобразное прощупывание Пера, его проверка на лояльность, и проверку тот на данном этапе выдержал.

Так состоялось знакомство Ленина с Троцким. Между ними, правда ненадолго, установились деловые отношения, основанные на взаимопонимании, сходной оценке ситуации в России и задач российской социал демократии. Ульянов показал Бронштейну достопримечательности Лондона. Троцкий комментировал свои впечатления от Ленина во время этой прогулки достаточно абстрактно: «Незримая тень господствующего класса как бы ложилась в его глазах на всю человеческую культуру, и эту тень он ощущал всегда с такой же несомненностью, как дневной свет» [209].

Как то Ленин завел Троцкого в церковь, где проходило социалистическое собрание. Через 12 лет Троцкий рассказывал: «Рабочий наборщик... говорил речь, по тем временам довольно революционную, против господствующих классов, за революцию и проч[ее], а затем все поднимались и пели хором гимн или псалом на такую тему: праведный Боже, помоги, чтобы не было ни богачей, ни королей, ни угнетателей» [210].

В ходе этих внешне экскурсионных прогулок недоверчивый Ленин продолжал экзаменовывать Троцкого, задавая ему массу вопросов. Речь шла о его отношении к современным философским и экономическим спорам, к махаевщине, то есть взглядам сибирского ссыльного Махайского, отрицавшего роль интеллигенции и склонявшегося к анархизму, о бернштейнианстве, то есть попытке пересмотреть учение Маркса, о тактике социал демократов. Троцкий счел нужным похвалить Ленину по поводу огромного статистического материала, включенного в его книгу «Развитие капитализма в России» (хотя эта книга казалась ему скучной). Ленин воспринял эту похвалу как должное; он вновь убеждался, что в Троцком он нашел преданного ему и ценного сотрудника.

Троцкий был поселен неподалеку, в доме, в котором проживали известные члены группы «Освобождение труда» – Вера Ивановна Засулич и Юлий Осипович Мартов. О своем лондонском жилище Троцкий вспоминал: «Квартира эта, по обычному английскому типу, располагалась не горизонтально, а вертикально: в нижней комнате жила хозяйка, а затем друг над другом жильцы. Была еще общая комната, где пили кофе, курили и вели бесконечные разговоры и где, не без вины Засулич, но и не без содействия Мартова, царил большой беспорядок. Плеханов после первого посещения назвал эту комнату вертепом» [211].

Из крохотного сибирского Верхоленска Троцкий попал в самое гнездо крайне левой российской политической оппозиции, в своего рода директивный центр социалистического движения, в среду противоречивых, но весьма заметных личностей. Их превосходства над собой он, однако, не ощущал. С первых дней пребывания в Лондоне Лев, несмотря на разницу в возрасте, в опыте, в знаниях, стал вести себя с ними на равных. Он стал выступать с небольшими сообщениями перед русской социалистической эмиграцией, в которой были представлены социал демократы, народники (они начали формироваться в Партию социалистов революционеров, которую сокращенно называли эсерами) и анархисты, отвергавшие централизованное государство и выступавшие за самоуправление местных общин. Он внимательно читал «Искру» и сопутствовавший ей журнал «Заря», выпускавшийся той же редакцией, в которой главную роль играли Плеханов, Мартов и Ленин. После «пробных» рефератов в Лондоне Троцкого решили «испытать» на эмигрантской аудитории в Бельгии и Франции. Его доклад был посвящен защите исторического материализма от так называемой «субъективной» школы, то есть тех социологов, которые отстаивали значительную роль личности, мыслительной деятельности, критического анализа в социальной эволюции.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Ленин просмотрел тезисы доклада Троцкого, одобрил их и посоветовал ему подготовиться на эту тему статью для «Зари». Троцкий утверждал, что он не отважился выступить с чисто теоретической статьей «рядом с Плехановым и другими» [212]. Может быть, именно из-за этой не написанной Троцким статьи с самого начала между Троцким и Плехановым отношения не сложились. Правда, имеется версия, что невольным виновником этого была восторженная, несмотря на свой немолодой возраст (в 1902 г. ей исполнилось 53 года), Вера Засулич. Согласно этой версии, пущенной в ход Анатолием Васильевичем Луначарским [213], Засулич сказала Плеханову: «Этот юноша, несомненно, гений». Плеханов ответил: «Я никогда не прощу этого Троцкому» [214].

Вряд ли Засулич могла дать столь напыщенную оценку Троцкому, с которым она только познакомилась и который еще не имел серьезных теоретических работ; вряд ли Плеханов мог столь серьезно отнестись к суждению Засулич. Сам Троцкий отмечал «высокомерно насмешливый тон Плеханова» [215], и Плеханов, даже если он и произнес эти слова, скорее всего, шутил. Несколько позже, 25 февраля 1903 г., Мартов, сообщая А.Н. Потресову [216], что собирается послать ему статью Троцкого о Горьком, комментировал: «Статья хорошая, ее одобряет даже Вера Ив[ановна], которая не любит писательской манеры автора» [217]. Так что Засулич к Троцкому относилась неоднозначно.

В действительных причинах нелюбви Плеханова к Троцкому разобраться очень трудно, но тот факт, что юного 23 летнего революционера Плеханов сразу же невзлюбил, бесспорен, и это враждебное отношение сохранилось до конца жизни Плеханова. Сам Троцкий находил «социологическое», экстраполирующее объяснение отношения Плеханова к нему, считая, что это было отношение не только к его личности как таковой, но вообще ко всему молодому социал демократическому поколению: «Для Плеханова в эти годы уже начиналась... пора упадка. Его подкашивало как раз то, что придавало силу Ленину: приближение революции. Вся деятельность Плеханова носила идейно подготовительный характер. Он был пропагандистом и полемистом марксизма, но не революционным политиком пролетариата. Чем более непосредственно надвигалась революция, тем более явственно Плеханов терял почву под ногами. Он не мог не чувствовать этого сам, и это лежало в основе его раздраженного отношения к молодым» [218].

Скорее всего, в отношении Плеханова к Троцкому сказывались одновременно оба момента: и раздражение по отношению ко всем «молодым недоучкам», и особая неприязнь к «наглому», по мнению Плеханова, Перу. В определенной мере это мнение подтверждают воспоминания Крупской, которая писала, что Плеханов сразу взял Троцкого «на подозрение», увидев в нем сторонника «молодой части редакции «Искры»» [219]. Совершенно иным было восприятие Троцкого Лениным. Убедившись, что Бронштейн полностью разделяет его взгляды о необходимости создания четко структурированной подпольной социал демократической партии с твердой дисциплиной и единым руководством, находящимся в руках небольшой группы профессиональных революционеров, Ленин стал добиваться включения Троцкого в состав редколлегии «Искры», полагая, что это укрепит его собственную позицию в редакции газеты по отношению к Плеханову и Мартову, которого Ленин считал слишком мягким.

Редколлегия в это время состояла из шестерых: троих «старых» – Плеханова, Засулич и Аксельрода и троих «молодых» – Ленина, Мартова и Потресова, и было совершенно очевидно, что появление Троцкого в ней решающим образом изменит соотношение сил в пользу «молодых», прежде всего твердокаменного Ленина. 18 декабря 1902 г. Ленин писал Аксельроду, забыв, вероятно, что тот уже был знаком с Троцким: «Может быть нам удастся вскоре послать к Вам на подмогу молодого и очень энергичного и способного товарища отсюда (кличка «Перо»)» [220].

В названных качествах Пера Ленина убеждали не только личные впечатления, но и первые публикации Троцкого, появившиеся в «Искре». Поначалу их посылал для публикации сам Ленин в качестве редактора. Дебют Льва в зарубежной социал демократической газете произошел 1 ноября 1902 г., когда увидели свет сразу два его материала. Одним из них была небольшая, посвященная второстепенному вопросу заметка [221], пронизанная духом непримиримости и отщепенства: «Не раскрыл ли вам очей страх перед зловещим для вас завтрашним днем? Если так, то вы должны видеть, что по крепостным стенам Шлиссельбурга до сего дня бродят неотмщенные тени замученных вами рыцарей свободы. Они взывают о мести, эти страдальческие тени. Не о личной, но о революционной мести. Не о казни министров, а о казни самодержавия».

По всей видимости, этот довольно пустой материал импонировал Ленину своими интонациями. Правда, Троцкий завершил статью цитатой из «Илиады» Гомера, которую читал в поезде по дороге из Сибири, и это Ленину совсем не понравилось. «Но это же Гомер», – пытался настаивать Троцкий. Ильича древний авторитет не убедил, и строки Гомера были вычеркнуты [222].

Вторым материалом явилась несколько большая по объему статья «Бобчинские в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. оппозиции». Ни глубиной, ни широтой охвата проблемы она не блистала. Но статью отличал весьма задиристый, почти непримиримый настрой по отношению к русским либералам, которые как раз в это время начинали формирование своих организационно политических структур. С 1902 г. за пределами России выходил либеральный журнал «Освобождение», который редактировал бывший марксист П.Б. Струве. Его и других либеральных оппозиционеров Троцкий призывал к решительной поддержке автономии земств, но тут же высказывал твердое убеждение, что это совершенно нереально, ибо «земское холопство и оппозиционное лакейство» сходятся в единый курс. «Какие же египетские казни, какие российские скорпионы нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконец, угодливо согнутую спину либерального земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручным «представителей русского правительства», но уверенным в себе работником народного освобождения!» [223]

Вслед за этим в «Искре» был опубликован еще ряд статей и заметок Троцкого. Они посвящались разнообразным темам – все той же земской оппозиции и безрезультатности ее деятельности, программной речи правого деятеля – нового министра внутренних дел и шефа Отдельного жандармского корпуса Вячеслава Константиновича Плеве, взяточничеству чиновников и другим проявлениям коррупции, верноподданническим заявлениям местных деятелей, «идеалистической гамме» русских философов и литераторов, «славянофильскому шарлатанству» правящих кругов. Отдельные печатные выступления касались попыток самодержавия навязать финнам русский язык и отменить их автономию, исключения М. Горького из Императорской академии и пр. [224]

Троцкий обрушивался на только что сформировавшуюся партию социалистов революционеров, в особенности в связи с террористическими актами, которые начала предпринимать ее боевая организация. Он даже высказал предположение, что полиция идет на прямую провокацию – создает марионеточные подпольные террористические организации, которые оттягивают молодежь из политического подполья. Это его утверждение вызвало волну негодования не только среди эсеров, но и среди либералов, которые в значительно большей степени симпатизировали народническим террористам, видя в них заблуждавшихся героев, нежели марксистским теоретикам. Летом 1902 г. лидер либералов П.Н. Милюков [225] посетил в Лондоне редакцию «Искры», в целом сдержанно похвалил газету, но выразил недовольство ее кампанией против терроризма [226].

Троцкий публиковал в «Искре» и статьи, посвященные рабочему движению и политике властей в рабочем вопросе. Среди них выделялась статья «Зубатовщина в Петербурге» [227], о движении, названном по фамилии начальника Московского охранного отделения полковника Сергея Васильевича Зубатова [228]. Зубатов попытался создать сеть легальных рабочих организаций – «обществ», чайных, читален и т. п., находившихся под надзором полиции. Он считал, что экономические выступления рабочих закономерны, так как порождены естественным стремлением улучшить материальное положение, но видел свою задачу в лишении рабочих выступлений политической направленности. Троцкий был в числе первых, обративших внимание на то, что он назвал хождением правительства «в народ». Издеваясь над «чисто русским духом», который приписывала одна из столичных газет «Утро» рабочей «сословной самодеятельности и взаимной помощи» под контролем полиции, Троцкий утверждал, что патент на этот дух выдан Департаментом полиции и состоит из «смеси полицейского самодержавия, полицейского православия и полицейской народности» [229].

Надо сказать, что Лев переоценил «хождение властей в народ» – правительство, и особенно министр финансов С.Ю. Витте, с глубоким подозрением относилось к зубатовским экспериментам. Решающее слово осталось за предпринимателями, которые засыпали власть имущих жалобами на нетривиального жандарма. В конце концов деятельность зубатовцев была ограничена только лекциями и чайными.

Еще одной теме, связанной с рабочим движением, посвящалась статья «Фабричная инспекция и децентрализованная помпадурья» [230]. Здесь кратко прослеживалась история фабрично заводской инспекции в России, признавалась прогрессивность ее введения. В то же время, используя сатирическое выражение М.Е. Салтыкова Щедрина из повести «Помпадурья и помпадурши», Троцкий указывал на противоречие между насущными нуждами промышленности (ей необходим работоспособный, по возможности культурный пролетарий) и самодержавия (ему нужен темный, забитый и запуганный подданный). Именно этим автор объяснял несогласованность в действиях административных органов – стремление подчинить фабричную инспекцию Министерству внутренних дел и в то же время подготовку закона о фабричных старостах (он был утвержден Государственным советом империи менее чем за месяц до опубликования статьи – 10 июня 1903 г.), который вводил институт фабричных старост как посредников в переговорах между предпринимателями и рабочими. Вывод состоял в том, что при каждом новом правительственном эксперименте «острые железные зубья» самодержавия «впиваются в живое тело русского народа» [231].

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Ленин был явно доволен первыми зарубежными печатными выступлениями своего подшефного Пера. Он отверг требования партийных товарищей о возвращении Троцкого в Россию [232], в январе 1903 г. написал в Россию Кржижановскому, что «Перу» не хочется уезжать» [233], подключил к делу Льва Григорьевича Дейча, который очень хорошо относился к Троцкому [234], и 2 марта 1903 г. формально обратился к Плеханову (как к неофициальному руководителю издания) с предложением включить Троцкого в состав редколлегии газеты «Искра» в качестве седьмого редактора: «Я предлагаю всем членам редакции кооптировать «Перо» на всех равных правах в члены редакции (думаю, что для кооптации нужно не большинство, а единогласное решение). Нам очень нужен седьмой член и для удобства голосования (6 – четное число) и для пополнения сил. «Перо» пишет уже не один месяц в каждом номере. Вообще работает для «Искры» самым энергичным образом, читает рефераты (пользуясь при этом громадным успехом). По отделу статей и заметок на злобу дня он нам будет не только весьма полезен, но прямо необходим. Человек, несомненно, с недюжинными способностями, убежденный, энергичный, который пойдет еще вперед. И в области переводов и популярной литературы он сможет сделать не мало» [235].

Далее Ленин пытался парировать возможные доводы против включения Троцкого в состав редколлегии: его молодость, возможность скорого отъезда в Россию, следы фельетонного стиля с чрезмерной вычурностью. Признавая эти недостатки, Ленин считал, что «чутье» члена партии – дело наживное, что отъезд Троцкого в Россию остается под вопросом, что недостатки стиля – дефект не важный. «Выровняется. Сейчас он принимает «поправки» молча (и не очень то охотно). В коллегии будут споры, голосования и «указания» примут более оформленный и настоятельный вид». Не удовлетворившись сказанным выше, Ленин добавил к этому письму постскрипtum, в котором прямо таки ставил чуть ли не ультиматум, ссылаясь на «изрядное недовольство» Троцкого, которому казалось, что его все еще «третируют... как «вьюношу». Если мы не примем «Пера» сейчас, и он уедет, скажем, через месяц в Россию, то я убежден, что он поймет это, как наше прямое нежелание принять его в редакцию. Мы можем «упустить», и это было бы весьма скверно» [236]. По воспоминаниям Троцкого, «вьюношей» его шуточно называл Л.Г. Дейч, и никто другой [237], но Ленин заострял это почти непроявлявшееся недовольство Троцкого в своих собственных целях. Как оказалось впоследствии, Троцкий не соответствовал тем качествам послушного последователя, которые вначале приписывал ему Ленин, и все эти хвалебные словеса весьма скоро – как только Троцкий проявил самостоятельность – сменились у Ленина злобными и презрительными репликами. К мнению Ленина в тот момент полностью присоединился Мартов, который, хотя в то время стоял на тех же организационно политических позициях, что и Владимир Ильич, был не столь прагматичен, более гибок и, главное, более человечен. 10 марта 1903 г. Мартов со своей стороны сообщил Аксельроду о предложении Ленина включить Троцкого в редколлегию «Искры» «на полных правах». Характеристика литературных и ораторских качеств Пера была у Мартова еще более высокой, нежели несколько сдержанная характеристика Ленина. В письме говорилось: «Его литературные работы обнаруживают несомненное дарование, он вполне «свой» по направлению, целиком вошел в интересы «Искры» и пользуется уже здесь (за границей) большим влиянием благодаря недюжинному ораторскому дарованию. Говорит он великолепно – лучше не надо. В этом убедились и я, и Вл[адимир] Иль[ич]. Знаниями он обладает и усиленно работает над их пополнением. Я безусловно присоединяюсь к предложению Владимира Шльича» [238]. Ранее, 4 марта, Мартов писал члену редколлегии «Искры» Александру Николаевичу Потресову, что Ленин предложил включить Пера в редакцию, что он, Мартов, безусловно за прием, что Засулич колеблется. «Она не имеет ничего против, но опасается, что из этого предложения вырастет новый конфликт с Плех[ановым]» [239]. Уже после политического разрыва с Троцким Мартов подчеркивал, что теория народнического социализма и его политика были подвергнуты критике в «Искре», в частности в статьях Троцкого, ставшего постоянным сотрудником газеты с конца 1902 г. Однако вопрос о включении Троцкого в редколлегию «Искры» не был тогда решен положительно. Возражал Плеханов, который, правда, пошел на компромисс, предложив отложить решение до съезда партии [240]. Плеханов считал Троцкого выскочкой, недоучкой, фразером. Он полагал, что статьи Троцкого с их цветистой риторикой снижают уровень газеты, что его стиль – вычурный и напыщенный. По поводу статей Троцкого Плеханов как то заявил Ленину: «Перо вашего «Пера» мне не нравится». Ленин, судя по воспоминаниям Крупской, ответил: «Стиль – дело наживное, а человек способен учиться, будет очень полезен» [241]. Троцкий раздражал Плеханова прежде всего тем, что демонстративно держался с ним на равных. Плеханов нередко буквально саботировал публикацию статей Троцкого, задерживал их у себя в течение долгого времени – до тех пор, пока они не

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. устаревали. Потресов писал Мартову 4 апреля 1903 г.: «Рукопись «Пера» я давным давно передал Г[еоргию] В[алентиновичу]. Она у него находится и теперь, но прочел ли он, не знаю» [242]. Спросить же авторитетного Плеханова с замашками барина напрямую о статьях Троцкого Потресов не решался. Сам Троцкий утверждал, что предложение Ленина, поддержанное Мартовым, стало основой острого недоброжелательства Плеханова, который справедливо полагал, что Ленин стремится к созданию в редакции твердого большинства, направленного именно против Плеханова. Большинство же членов редколлегии высказывались за привлечение Троцкого на ее заседания по крайней мере с правом совещательного голоса. Плеханов, однако, возражал и против этого. Засулич, осмеливавшаяся вступить с Плехановым в прямой спор, в связи с этим драчливо заявила: «А я его приведу». И действительно привела Бронштейна на ближайшее заседание, которое проходило в Лондоне при участии Плеханова. «Не зная закулисной стороны дела, я был немало озадачен, когда Георгий Валентинович поздоровался со мной с изысканной холодностью, на которую был большой мастер» [243], – вспоминал Троцкий. Думается, однако, что Троцкий слегка лукавил, когда писал, что не знал закулисной стороны дела. В ходе подготовки ко II съезду РСДРП, который рассматривался социал демократами как фактический учредительный съезд, Троцкий совершил новое агитационно пропагандистское турне, на этот раз выступая в основном в колонии русских эмигрантов в Париже, по свидетельству Крупской – «с необычайным успехом» [244]. Очевидно, что это было и мнение ее мужа. Это была вторая поездка Троцкого в прекрасную французскую столицу, куда он стремился попасть как можно скорее не только по соображениям, связанным с политическими поручениями. Когда Троцкий впервые приехал в Париж осенью 1902 г., его прежде всего надо было устроить на квартиру. Примкнувшая к «Искре» бывшая народница Е.М. Александрова поручила это дело юной студентке Наташе Седовой. Наталья была невысокой, в целом спокойной, но иногда весьма темпераментной девушкой с высокими скулами, выдававшими восточные корни. Она посещала в Сорбонне лекции по истории искусства. Крохотная свободная комната, подходящая Льву, оказалась именно в том доме, где жила сама Наталья, на улице Лаланд. В этой комнате и был поселен Лев. На следующий день Александрова поинтересовалась у Седовой, чем занимается приезжий лектор, готовится ли он к докладу. «Не знаю, верно, готовится, – ответила Наташа, – вчера ночью, поднимаясь по лестнице, я слышала, как он насвистывал в своей комнате». «Скажите ему, чтобы он не свистел, а хорошенько готовился», – строго сказала Екатерина Михайловна [245] и попросила показать гостю недорогие рестораны. Наталья родилась 5 (17) апреля 1882 г. в украинской провинции в семье чиновника среднего достатка Ивана Седова и Ольги Колчевской (Седовой). Рано лишившись родителей, она переехала в Харьков на попечение родственников, здесь окончила гимназию, причем во время обучения в старших классах неоднократно посещала тайные сходки, на которых происходило бурное обсуждение политических вопросов и распространялись листовки, живописующие страдания простых людей в России, провозглашавшие грядущее торжество свободы. Однажды Наташа смогла убедить весь класс отказаться идти на молитву, а вместо этого читать какую то работу Чернышевского. По окончании гимназии Наталья поступила в Московский университет, но проучилась там всего несколько месяцев, а затем отправилась в Женеву изучать естественные науки в тамошнем университете, однако все более вовлеклась в студенческие диспуты. Во время одного из таких диспутов ее представили Плеханову. Найдя естествознание, в частности ботанику, в которой она уже стала специализироваться, неинтересной, Седова, тяготившая теперь к гуманитарным наукам, переехала в Париж, где, в свою очередь, установила контакты с социалистическими кругами. Она уже имела небольшой опыт подпольной работы, так как совершила короткую поездку в Россию с партией нелегальной литературы [246]. Вскоре по возвращении и состоялось знакомство Натальи и Льва, которое почти сразу переросло в страстную любовь, а вслед за этим, во время второго посещения Троцким Парижа, в фактический брак. Официальный церковный брак они не заключали и просто не могли его заключить, так как Лев не развелся с Александрой. Кроме того, для этого потребовалось бы официальное отречение Льва от иудаизма, что он считал попросту лицемерием, ибо и так никакой религии давно уже не придерживался. Конечно, можно было вступить в гражданский брак во Франции, что было элементарной процедурой, но этим Лев опять таки совершил бы нечестный поступок в отношении Александры Соколовской. В целом формальности ни Льва, ни Наталью не волновали. Так Троцкий до самого Октябрьского переворота 1917 года, после которого брачное законодательство, как и все остальные сферы общественной жизни, было в корне изменено, оставался официальным мужем А.Л. Соколовской.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Наталья с немалым удивлением отмечала, что Париж, которым она восхищалась, не произвел на ее возлюбленного сильного впечатления. В ответ на заданный ему вопрос Лев шуточно отмахнулся, заявив, что Одесса гораздо лучше. Все же Лев соизволил как то пойти вместе с Натальей на могилу известного поэта символиста Шарля Бодлера на кладбище Монпарнас. О том, что именно происходило потом, Наталья Ивановна прямо не рассказывает, но многозначительно сообщает: «С этого времени наши жизни были неразделимы». Жить они стали вместе: «Я получала помощь в сумме двадцати рублей в месяц, и Лев Давидович зарабатывал примерно столько же своим писательством. Мы могли лишь сводить концы с концами, но зато у нас был Париж, дружеское отношение беженцев, постоянные мысли о России и великих идеях, которым мы посвятили наши жизни» [247].

Отчасти под влиянием Наташи, отчасти в силу собственной любознательности, в какой то мере идя наперекор Ленину, в Лондоне, а затем в Париже демонстрировавшему холодное презрение к «буржуазному искусству», Троцкий постепенно приобщался к художественным ценностям, хотя, по собственному признанию, дальше дилетантизма не пошел [248]. Все же совместные с Натальей регулярные посещения Лувра и других музеев, а также выставок, знакомство с современной живописью, скульптурой, архитектурой обогатили его интеллектуальный запас, по крайней мере внешне, и он позже любил нарочито его демонстрировать, в частности в статьях, публиковавшихся в русской либеральной прессе после революции 1905 – 1907 гг.

2. На II съезде российских социал демократов

Приближался тем временем второй, а по существу дела первый подлинный съезд российских социал демократов, расколотых на множество крохотных, почти не связанных друг с другом групп и течений. В апреле 1903 г. лидировавшая группа российских социал демократических эмигрантов собралась в Женеве. Здесь без особых дискуссий и споров был согласован проект программы партии, здесь обсуждались, пока еще сравнительно спокойно, основные положения ее устава. Крупская комментировала: «Приехал Троцкий. Пустили и его в оборот. Поселили у него «для обработки» вновь приехавшего питерского делегата Шотмана» [249]. 23 летний Александр Васильевич Шотман участвовал в социал демократических кружках с 1899 г., но, по видимому, Ленин не вполне был уверен в его позиции на предстоящем съезде и в качестве наиболее эффективного орудия убеждения использовал аргументацию Троцкого. Луначарский же высказывал мнение, что о Троцком впервые заговорили, «когда он явился на съезд партии... По видимому, заграничную публику Троцкий поразил своим красноречием, значительным для молодого человека образованием и апломбом... [250] В Троцком того времени было много мальчишеского задора. В сущности, очень серьезно к нему не относились по его молодости, но все решительно признавали за ним выдающийся ораторский талант и, конечно, чувствовали, что это не цыпленок, а орленок» [251]. Нельзя сказать, что Лев к этому времени оставался таким же непреклонным сторонником Ленина, каким он был в первые месяцы эмиграции. Возникли сомнения по поводу некоторых организационных планов Ленина, в частности насчет подчиненного положения партии по отношению к редакции партийного печатного органа. Троцкий вполне резонно полагал, что редакция, как и все партийные органы и организации, должна подчиняться Центральному комитету. Ленина же принципиальные вопросы волновали мало. Несравненно больше его беспокоила проблема фактического лидерства, которое в это время лучше обеспечивалось редакцией «Искры». «Мы – устойчивый центр, мы идейно сильнее, и мы будем руководить отсюда», – говорил он Троцкому [252]. Лев, однако, отмалчивался, не подозревая, что из за такой «мелочи» вскоре может возникнуть глубочайший партийный раскол.

Крупская вспоминала, что делегаты съезда собирались в кафе «Ландольд», где происходили обсуждения программных и политических вопросов. Однажды в этом кафе произошла бурная дискуссия между Плехановым и Троцким. Плеханов взял под защиту редакцию полтавской газеты «Южный рабочий», которую перед этим подверг критике Троцкий. Именно на этом вопросе внешне сосредоточилась дискуссия. Но по существу дела, речь шла о федеративном или централизованном построении партии. Обычно Плеханов защищал строгую централизацию. Но он не мог пережить, что практически те же аргументы, что и он сам, повторяет теперь молодой человек, ездивший, впрочем, ранее в Полтаву для ознакомления с работой редакции на месте. Поэтому Плеханов резко выступил против Троцкого, что удивило участников диспута, ибо им были известны «централистские» взгляды самого Плеханова. «Делегатам, которые в своем большинстве сталкивались в России с «Южным рабочим», показалась более правильной позиция Троцкого. Плеханов был вне себя» [253].

В Женеве Ленин вновь внес предложение кооптировать Троцкого в редколлегию

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

«Искры». На этот раз протест Плеханова был не только категорическим, но и весьма резким. Крупская вспоминала, как однажды ее муж пришел с заседания редколлегии «взбешенный до крайности». «Черт знает что! – говорил он, – ни у кого не хватает мужества возразить ему» [254]. Впрочем, мужества возразить ему не хватало и Ленину, предпочитавшему помалкивать и до поры до времени не нарушать свой союз с Плехановым.

Съезд было решено проводить в Брюсселе, где местный рабочий кооператив согласился предоставить для заседаний помещение своего Народного дома, собственно, даже не Народного дома, а склада, скрытого от посторонних глаз, где хранились тюки шерсти и где было полно блох [255]. Участники съезда ехали в Брюссель разными путями, предпринимая некоторые, обычно весьма наивные конспиративные предохранительные меры, чтобы особо не попадаться на глаза блюстителям порядка. Троцкий, получивший мандат от Сибирского союза (скорее этот мандат был ему фиктивно предоставлен от имени Сибирского союза, ибо никакой связи с последним не было) [256], выехал в Брюссель с маленькой станции Нион, где поезд останавливался всего на миг. Ехал он вместе с младшим братом Ленина, делегатом от тульских социал демократов, врачом Дмитрием Ильичом Ульяновым [257], с которым за поездку сблизился (что позже безуспешно попытается использовать в своих интересах Ленин).

«Конспираторы» планировали уехать со станции Нион незаметно, но оказались на удивление бестолковы. Толком не выяснив, откуда уходит поезд, они ожидали его на другой платформе; когда поняли свою ошибку, времени перебежать уже не было. Ульянов с Троцким вскочили в последние секунды на буфер, чтобы затем уже перебраться в вагон. На тихой европейской станции началась настоящая паника: все испугались, что опоздавшие пассажиры свалятся под колеса. Поезд остановили, прибежал кондуктор, потребовавший уплаты штрафа за нарушение безопасности. Денег на штраф у делегатов съезда не было. Покричав на неудачливых туристов, кондуктор оставил их в покое и разрешил ехать дальше [258].

Съезд проходил с 17 (30) июля по 10 (23) августа, сначала в Брюсселе, а после фактического запрещения его работы бельгийской полицией – в Лондоне. В Брюсселе за делегатами непрерывно следили агенты местной полиции, которая получала подробную информацию от берлинской агентуры российского Департамента полиции, возглавляемой опытным контрразведчиком А.М. Гардингом. Основные сведения поступали от Я.А. Житомирского [259] – осведомителя жандармского управления, входившего в берлинскую группу содействия «Искре», активно участвовавшего в подготовке съезда и известного в социал демократических кругах под псевдонимом Отцов, а в Департаменте полиции – по кличке Андре.

Троцкий, приехавший в Бельгию по болгарскому паспорту на имя Самоковлиева [260], почувствовал слежку не сразу. Только в начале второй недели заседаний, когда поздним вечером он и Засулич вышли из маленького ресторана «Золотой фазан», к ним подошел один из делегатов и прошептал: «За вами шпик, расходитесь в разные стороны». Последовала весьма наивная попытка укрыться от слежки, не приведшая к результатам. На следующий день «Самоковлиев» и многие другие делегаты съезда были вызваны в полицию, и им было предложено в течение суток выехать из Бельгии [261]. Съезд был перенесен в Лондон.

На съезде были представлены не партийные организации (таковых почти не существовало), а руководящие центры и группы. Хотя партия считала себя пролетарской, состав съезда был чисто интеллигентским. Масса внимания была уделена спорам по мелочам, различному пониманию формулировок, гиперболизации различий и разногласий по, казалось бы, мелким вопросам. (Сходный характер будут носить и следующие социал демократические съезды, конференции и совещания, вплоть до 1917 г.) Доминировал на съезде Плеханов. Он проявил себя как «твердый искровец», жесткий и авторитарный политик.

Плеханов любил повторять латинское выражение: «*Salus revolutionis supremus lex esto*» («Успех революции – высший закон»). На съезде он утверждал, что, если после революции Учредительное собрание окажется ей враждебным, Собрание придется распустить, что революции не следует отменять смертную казнь – возможно, к ней придется прибегнуть для расправы с монархом. Большинство участников съезда встречало подобные заявления шумными аплодисментами. Делегаты представить себе не могли, что всего лишь через 15 лет эти пророчества будут претворены в жизнь и направлены в первую очередь против них самих, так как подавляющее большинство участников съезда окажется после октября 1917 г. не во фракции Ленина – Троцкого, а сам Плеханов, глубоко враждебный новому режиму, оторванный от общественной жизни, ожесточившийся и покинутый почти всеми бывшими единомышленниками, будет умирать от чахотки, которая в 1918 г. загонит его в могилу.

Но пока что Плеханов производил на Троцкого несравненно большее впечатление, чем Ленин, хотя с первым отношения были почти враждебными, а второй был откровенным

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. покровителем молодого Бронштейна. «С ясной, научно отшлифованной схемой программы в голове, – писал Троцкий о Плеханове, – уверенный в себе, в своих знаниях, в своем превосходстве, с веселым ироническим оттенком в глазах, с колючими усами с сединой, чуть чуть театральными, но живыми и выразительными жестами, Плеханов, сидевший председателем, освещал собою всю многочисленную секцию, как живой фейерверк учености и остроумия» [262]. Именно Плеханова Троцкий видел в качестве того примера, которому необходимо следовать в манерах и в поведении.

Троцкий был одним из самых активных участников съезда. Он выступал почти на каждом его заседании. В протоколах зафиксировано свыше ста его пространных или кратких выступлений и реплик [263].

В первые дни съезда Троцкий в полной мере оправдывал ожидания Ленина, ведя себя активно и агрессивно. Он выступил уже на втором заседании 31 июля (по новому стилю [264]) при обсуждении порядка дня. Спор разгорелся о месте в партии еврейской социал демократической организации Бунд, представитель которой – М.И. Либер [265] – настаивал на том, чтобы не выделять этот вопрос отдельно, полагая, что он входит в «рубрику организации партии». Троцкий резко выступил против. Он утверждал, что существуют серьезные разногласия по вопросу «единая организация с той или иной степенью самостоятельности частей («автономия») – или союз самостоятельных организаций («федерация»)». Раз этот вопрос встал перед нами, – «а он встал, – говорил Троцкий, – мы должны его исчерпать, мы не должны его откладывать» [266].

Однако этим выступлением в ходе обсуждения порядка дня Троцкий не ограничился. Он высказался против представительства на съезде эмигрантской группы «Борьба», возглавляемой Д.Б. Рязановым (Гольдендахом) [267], который в то время уже прошел путь от народника до известного марксиста, пользовался значительным авторитетом в зарубежных социалистических кругах (он находился в эмиграции с 1900 г.), был весьма острым и безжалостным полемистом. В рассматриваемый период группа «Борьба» осуждала «экономистов», по адресу которых метал громы и молнии Ленин. Тем не менее «экономисты» в съезде принимали участие, и Ленин с этим мирился.

Гнев по адресу группы Рязанова объяснялся тем, что она обвинила в экономизме... саму «Искру». Непримиимый тон Ленина и особенно Троцкого по адресу «Борьбы» и ее руководителя Рязанова был вызван не только и даже не столько политическими позициями группы, сколько качествами ее лидера – его резкостью, остроумием, ядовитым сарказмом. В этом смысле между Рязановым и Троцким было немало общего. Выступая 31 июля, Троцкий не жалел черной краски, которую щедро лил на «Борьбу» и Рязанова. «Эта группа бессильна и фактически, и морально политически», – твердил он. Ее позицию определяет конъюнктура данного момента. «В этой переменчивости и кроется корень морально политического бессилия «Борьбы». Но за такое бессилие не выдают дипломов. Оно подлежит каре. Карой является отказ в приглашении на съезд. Такой приговор будет не только нравственным осуждением «Борьбы», но и предупреждением всякой группе, которая в интересах своей политической карьеры захочет просунуть свою групповую физиономию в ту или иную идейную расщелину» [268]. Все это было красочно звучащими, но не имевшими под собой никакой логической почвы словами, ибо вся российская социал демократия в это время (да и позже) представляла собой конгломерат идейно и организационно разобщенных мелких и мельчайших групп. Рязанов отвечал тем, что называл Троцкого «дубинкой Ленина» [269].

Вслед за рязановской группой Троцкий, пока еще полностью находясь под влиянием Ленина, резко обрушился и на «экономистов». На третьем заседании съезда, 31 июля, он выступил против видного социал демократа Александра Самойловича Мартынова [270], обвинив его не в «экономизме», а в... приверженности к строгой «военной» дисциплине, основанной на принципе «чин чина почитай» [271]. Как и в первом случае, цель и Ленина и Троцкого состояла не столько в критике позиций своих противников по существу, сколько в стремлении как можно более их укутить, скомпрометировать их перед делегатами. На этом же заседании Троцкий выступил за приглашение на съезд польских социал демократов с совещательными голосами; а если они заявят, что считают себя частью российской партии, то и с решающим голосом. Позицию Троцкого поддержал Ленин [272].

Брошенная Троцким на заседании утром 1 августа реплика вызвала целый скандал. В связи с обсуждением вопроса о положении Бунда в социал демократической партии он сделал заявление, что под резолюцией о недопущении автономии Бунда должны подписаться члены партии – евреи, которые, «работая в российской партии, считали и считают себя также представителями еврейского пролетариата». Возникшая суматоха заставила сделать перерыв в заседании съезда. По его окончании решено было более к этой теме не возвращаться. Однако на самом деле инцидент запомнился делегатам, что было связано с особой чувствительностью участников съезда к

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. еврейскому вопросу, тем более что Троцкий вторично выступил о месте Бунда в партии на следующем заседании в тот же день, 1 августа. Вместе с Лениным он считал возможным существование еврейского союза только как подчиненной организации с определенной, ограниченной сферой самостоятельности в пределах поставленных задач. Троцкий утверждал, что своими претензиями на полную автономию Бунд выражает недоверие партии; что принять условия Бунда означает «признать свое нравственно политическое банкротство», совершить «нравственно политическое самоубийство». Решительно отвергая федеративное устройство партии, Троцкий требовал, чтобы Бунд был подлинно партийной организацией, внутренней составной частью социал демократии, а не «договаривающейся стороной», каковую роль он пытался играть. Не удовлетворившись сказанным, Троцкий на том же заседании попросил слово еще раз, дополнив новыми аргументами, в основном эмоционального характера, свою прежнюю критику Бунда. Наконец, 3 августа Троцкий вновь выступил по тому же вопросу: о месте Бунда в партии. На этот раз от частностей оратор стремился протянуть логическую нить к значительно более общим сюжетам. Он формулировал свое представление о социал демократической партии в целом как о единой организации «с большей или меньшей, конкретно определяемой автономией частей». Более того, как и другие делегаты, Троцкий втянулся в малоперспективную псевдотеоретическую дискуссию о том, что такое нация и что такое раса [273] .

3 августа на съезде началось обсуждение программы РСДРП. На следующий день Троцкий, однако, предложил временно прервать дебаты по программе, чтобы возобновить их после обсуждения программы на заседании специально избранной для этой цели комиссии. Высказанная идея представилась делегатам плодотворной, и ее поддержали. В связи с тем, что среди делегатов начались споры, должна ли комиссия обсуждать всю программу или же только ее общую часть, Ленин и Троцкий совместно выступили за передачу в комиссию всего текста. Это предложение также было принято [274] . Тем не менее 4 августа прения по программе еще продолжались, и Троцкий взял слово при обсуждении этого основополагающего документа. В полном согласии с Плехановым и Лениным он критиковал позиции «экономистов» – Мартынова и Акимова [275] , особенно последнего, который возражал против включения в максимальную программу требования диктатуры пролетариата. К этому времени молодой социал демократ уже хорошо научился приклеивать уничижительные ярлыки своим оппонентам. Он утверждал, что, отрицая диктатуру, Акимов впадает в обычный «социал реформизм», что диктатура пролетариата будет «не конспиративным «захватом власти», а политическим господством «организованного рабочего класса, составляющего большинство нации» [276] . Иначе говоря, позиция Троцкого по обсуждаемому вопросу пока еще не расходилась с представлениями основной части европейской социал демократии, которая отодвигала «социалистическую революцию» на то неопределенное утопическое время, когда рабочие станут составлять более половины всего населения той или иной страны.

Абсолютная ценность демократических принципов была для Троцкого столь же неоспоримой, как и для представителей всех течений российской и международной социал демократии. Особенно отдаленной перспектива социализма и пролетарской диктатуры оставалась для России, которая только вступала на путь промышленной модернизации. Пройдет всего лишь несколько лет, и Лев Троцкий решительно изменит свою позицию и откажется от установки на превращение пролетариата в большинство нации в связи с разработкой собственной концепции революционного процесса. Вновь взяв слово как представитель «Искры», Троцкий выступил апологетом искровской группы, заявив, что она выдвинулась в критический период сомнений, шатаний и разброда под знаменем революционного социализма и является тем самым знаменем, вокруг которого должна сплотиться вся партия. Термин «период шатаний и разброда» позже прочно вошел в большевистскую историографию, без упоминания о том, кто пустил в оборот этот емкий термин. Когда же возобновилось обсуждение программы, представитель «Искры» и делегат Сибирского союза вновь оказался в числе наиболее активных ораторов. 11 августа он указывает на необходимость контроля партии за деятельностью ее местных комитетов, а вслед за этим многократно касается частных редакционных вопросов программы, в целом полностью поддерживая основные положения ее проекта [277] .

Особое внимание он уделит в двух своих выступлениях аграрной части программы. Он отстаивал необходимость ограничиться аграрными требованиями, направленными против остатков крепостного права, но не создавать некую программу «аграрного социализма», кооперации и т. п. «Это – задача социалистов революционеров», – с некоторым оттенком пренебрежения бросил оратор. Вслед за Троцким примерно с тех же позиций выступил Ленин [278] . Аналогичной точки зрения придерживался и Плеханов. Все они были едины в том, что особую аграрную программу социал демократам вырабатывать нет никакой необходимости.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Второе выступление по аграрной части программы было в основном посвящено требованию возвращения крестьянам так называемых земельных отрезков, то есть тех участков земли, которыми они владели до реформы 1861 г. и которые были у них отобраны при освобождении. Поддерживая названный лозунг, Троцкий в то же время оставлял простор для выдвижения более общих и широких требований. Он далее утверждал, что на Западе крестьянство уже исчерпало свою революционную роль. «У нас положение иное. В наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством, – как в интересах крестьянской бедноты, так и в интересах пролетариата». Он призывал партию к работе в крестьянской среде, причем не к «дальновидной осторожности», а к «дерзости, дерзости и дерзости» [279]. При всей декларативности и ораторской напыщенности этого заявления, носившего общий характер, страдавшего отсутствием какой бы то ни было конкретики, нельзя не видеть, что оно свидетельствовало о признании активной роли крестьянства в качестве движущей силы революции в перспективе. Троцкий предлагал предстать перед всем крестьянством с общедемократической частью программы и перед сельской беднотой – с пропагандой идеи социализма. В этом вопросе позиция Троцкого, совпадавшая во время съезда с позицией Ленина, через некоторое время претерпит существенные изменения.

Продолжая свои выступления по программе, Троцкий высказывался за своего рода «левый блок» российских оппозиционных сил. Он полагал, что социал демократия должна поддерживать земскую оппозицию, когда она требует принятия конституции. «Надо одновременно и отмежевать свою партию от всех других оппозиционных и революционных движений и в то же время поддерживать эти последние» [280]. Идиллия во взаимоотношениях между Лениным и Троцким, однако, приближалась к концу, хотя сам Ленин считал в тот момент, что у Троцкого не должно возникнуть никаких колебаний [281].

15 августа на утреннем заседании, проходившем под председательством Троцкого, началось обсуждение проекта организационного устава партии. Почти сразу же начались дискуссии по поводу двух формулировок первого параграфа, которые были представлены Лениным и Мартовым. Разница казалась небольшой. Ленин требовал участия каждого члена партии в работе одной из подпольных партийных организаций. Мартов соглашался на поддержку членами партии таковых организаций, допуская, что некоторые партийцы не станут непосредственно участвовать в нелегальных организациях, но будут следовать их указаниям или оказывать партии регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций. Троцкий с полным основанием полагал, что «непосредственного практического значения это противоречие не имело, так как правом решающего голоса по обеим формулам наделялись только члены нелегальных организаций. Тем не менее, две расходящиеся тенденции были несомненны» [282].

Троцкий выступил осторожно, хотя и критически по отношению к ленинской формуле. В ответ на попытки Ленина буквально запугать делегатов жупелом оппортунизма Троцкий пробовал повернуть вопрос в несколько иную плоскость. Он решил объяснить, что оппортунизм создается более сложными и определяется более глубокими причинами, чем тот или другой пункт устава: «Он вызывается относительным уровнем развития буржуазной демократии и пролетариата... Я опасаясь, что формула Ленина создает фиктивные организации, которые будут давать лишь своим членам ценз, но не будут служить средством партийной работы» [283]. При обсуждении вопроса об уставе Троцкий придерживался мнения о необходимости известной автономии для местных комитетов и определенной свободы действий для ЦК в применении партийных директив к изменяющимся условиям [284].

Ленин довольно вяло стал защищать свою позицию, но постепенно пришел в состояние возбуждения, отказываясь от каких бы то ни было уточнений или компромиссов, превращая исходно мелкое разногласие в предмет принципиальных расхождений и руководствуясь в значительной степени собственными амбициями. «За кулисами шла борьба за каждого отдельного делегата, – вспоминал Троцкий. – Ленин не щадил усилий, чтобы привлечь меня на свою сторону». «Старик», как стали называть Ленина уже в это время, пригласил Троцкого на прогулку, в которой также участвовал большевик П.А. Красиков [285], человек недалекого ума и очень грубый, дававший во время прогулки настолько бесцеремонные характеристики членам редакции «Искры», что даже Ленин, сам весьма грубый и безапелляционный, при этом морщился, а Троцкий – «содрогался» [286]. Решено было провести закулисное совещание искровцев, на котором будет председательствовать Троцкий.

Попытки найти выход из тупика результата не дали. Взбешенный Ленин покинул совещание, хлопнув дверью. После этого «старик» предпринял еще одну попытку перетянуть Троцкого на свою сторону, наставить его на «правильный путь». Он подослал к нему своего брата Дмитрия и З., фамилию которой Троцкий не называл, так как не хотел компрометировать эту женщину, находившуюся в момент написания

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. мемуаров в Советском Союзе. Несколько часов длилась беседа в одном из тихих лондонских парков. «Посланцы ни за что не хотели отпускать меня», – вспоминал Троцкий. «У нас приказ привести вас во что бы то ни стало», – упорствовали его собеседники. «В конце концов я наотрез отказался следовать за ними» [287]. Из за прямолинейной напористости Ленина Троцкий не просто не возвратился в его клан, но стал энергично выступать против ленинской формулировки, в поддержку формулировки Мартова. 15 августа на послеобеденном заседании Троцкий произнес энергичную речь, аргументированно возражая против предложения «старика». Оратор отмечал, что формула Ленина, якобы направленная против интеллигентского индивидуализма, «попадает совсем в другую цель». Он подчеркивал, что разного рода общественные объединения по интересам: гимнастические союзы, организации Красного Креста, студенческие землячества – «гораздо долговечнее всяких рабочих организаций».

«Я боюсь, – издевательски продолжал Троцкий, – что, когда т. Ленин обратится в критическую минуту к своим спискам, он найдет в них студенческие землячества и барышень, хороших социал демократических барышень, группирующихся в Красном Кресте... Неужели член ЦК должен будет отвечать каждой такой социал демократической одиночке, проживающей в г. Пензе: «Прежде чем реализовать твои минимальные права, как члена партии, тебе надлежит связать себя с такими же одиночками в Самаре и Калуге. Ибо ныне внедрена формула для удушения твоего интеллигентского индивидуализма» [288].

Ответное выступление Ленина было направлено в основном против Троцкого, который, по ленинским словам, обнажил всю суть вопроса. В заметке о прениях по пункту первому устава Ленин определил сущность критики Троцким его позиции словами: «Строго конспиративное понимание партии», а самого Троцкого в связи с этим отнес к мартовцам [289]. И мартовцы победили. Во многом именно благодаря энергичным усилиям Троцкого, его логике и красноречию первый параграф устава РСДРП был принят в более гибкой, чем ленинская, формулировке Юлия Мартова.

Надо отметить, что различия по первому параграфу устава Троцкий поначалу не считал важными. М.М. Литвинов [290] рассказывал, что Троцкий пытался привлечь его на сторону противников Ленина прежде всего потому, что «Ленин обидел Мартова». Сам же Троцкий говорил, что «был далек от того, чтобы придавать уставу мистическое значение» и не видел смысла «в ограничении прав индивидуалистов интеллигентов, которые стояли на позициях партийной программы и оказывали услуги партии, в сохранении их обособленности от руководства организации» [291].

Хотя вопрос о первом параграфе был главным предметом разгоревшегося весьма острого спора, дискуссии продолжались и по другим пунктам. Троцкий высказал свое мнение относительно функций Совета партии. Он напомнил, как возникла сама идея этого органа: в условиях существования двух центров – Центрального комитета и Центрального печатного органа (ЦО) – решили создать «регулятор деятельности этих органов» в виде Совета. Теперь же некоторые делегаты высказывали пожелание, чтобы Совет стал центром партии. Крайне незначительная по численности подпольная организация, находившаяся в состоянии организационного становления, имела теперь целых три руководящих органа и, создавая их, превращалась в громоздкую бюрократическую структуру.

По другим, не очень существенным вопросам Троцкий теперь как бы из принципа выступал или же голосовал против Ленина. Он решительно осудил ленинскую поправку, предусматривавшую единогласие Совета партии при кооптации членов ЦК в редакцию партийного печатного органа, а вслед за этим и против предоставления Совету права перерешения постановлений ЦК и ЦО. После завершения прений по уставу никто уже не сомневался, что Троцкий превратился из «дубинки Ленина» в одного из главных его оппонентов. Буквально по всем вопросам теперь они стояли на разных полюсах. Когда Ленин предложил обсудить проблему целесообразности издания популярного партийного печатного органа, Троцкий буквально взвился: «Предложение Ленина должно быть решительно отклонено. У нас есть более важные вопросы для обсуждения, и времени терять не следует. Высказываюсь за отклонение предложения Ленина». Вслед за этим Ленин стал настаивать на обсуждении вопроса о газете «Южный рабочий». И опять на трибуну поднялся Троцкий, который еще недавно, перед самой эмиграцией, считал плачевное состояние этой полтавской газеты весьма показательным фактом: «У нас остались более важные вопросы. Ленин не прав» [292].

Острые дебаты развернулись по вопросу о составе редколлегии газеты «Искра». Им предшествовали кулуарные переговоры, во время которых Ленин предлагал сократить состав редакции вдвое – с шести до трех человек (он сам, Плеханов и Мартов), удалив Потресова, Засулич и Аксельрода. Плеханов резко высказался против, и Ленин от своей инициативы отказался. Но Троцкий на официальном заседании решительно выступил против Ленина за переназначение прежнего состава редколлегии, руководствуясь не только соображениями целесообразности, но и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

почтительным отношением к той троице, которую Ленин собирался выбросить за борт. Почти через двадцать лет Троцкий рассказывал, что ко времени II съезда «поглощал «Искру» полностью» как газету единомышленников, что ему были чужды попытки искать у ее редакторов «какие либо различные тенденции, оттенки, влияния». Когда он заметил в некоторых неподписанных передовицах использование местоимения «я», то заинтересовался у Ленина, кому принадлежало авторство. Ленин сообщил, что это были его статьи. Троцкий в ответ высказал мнение, что с литературной точки зрения странно использовать личное местоимение в статьях, носящих коллективный характер. «Почему странно? – недружелюбно заинтересовался Ленин и сам ответил: – Я не думаю... Личное обозначение статей, хотя они не подписаны, – это средство обеспечить свою линию мысли в условиях недостаточного доверия со стороны ближайших коллег» [293].

Троцкий все более убеждался, что Ильич видит в своих «ближайших коллегах» отнюдь не друзей, а только лишь временных союзников, с которыми не колеблясь порвет, как только сочтет это целесообразным. Тем временем Ленин и ряд других делегатов настояли на требовании выборов нового, сокращенного состава редколлегии «Искры». При голосовании по этому пункту Ленин получил незначительное большинство в два голоса. Этот крохотный перевес означал, что на сторону Ленина постепенно переходило большинство съезда [294]. Троцкий оказался с меньшинством. На заседании 20 августа весьма резкая перепалка произошла между Лениным и Мартовым. В словесную дуэль вмешивались многие делегаты. Естественно, среди них был и Троцкий, теперь поддерживавший Мартова. Конфликт касался вопроса о выборах редколлегии. Стенограмма отмечает следующую реплику Ленина и реакцию делегатов: «Тов. Мартов говорил, что данным вотумом наложено пятно на его политическую репутацию. Выборы ничего общего не имеют с оскорблением политической репутации (Крики: «Неверно! Неправда!»)... Ленин просит секретарей занести в протокол, что тт. Засулич, Мартов и Троцкий его прерывали, и просит записывать, сколько раз его прерывали» [295].

Через два дня именно по поводу прерывания вновь произошел спор Ленина и Троцкого. Ленин настаивал, что его не поняли вследствие прерываний во время его выступления. «Но его именно потому прерывали, что его хорошо поняли» [296], – парировал Троцкий. Участники съезда действительно понимали, что Ленин вытесняет из редколлегии неугодных ему лиц, прежде всего Мартова. В связи с процедурными разногласиями Мартов, Троцкий и некоторые другие делегаты отказались участвовать в выборах ЦК [297], что, собственно, и позволило Ленину провести в его состав своих сторонников. Именно этот отказ Троцкого и других противников Ленина от участия в выборах ЦК предопределил победу на съезде ленинского большинства и появление самого термина «большевики».

Приехав на съезд единомышленниками и почти друзьями, Троцкий и Ленин покидали его в полном взаимном отчуждении, политическими и личными врагами. В последующие годы между ними временами будет происходить сближение, всегда на относительно короткий период. В основе своей враждебные отношения между Лениным и Троцким сохраняются вплоть до 1917 г., причем порой будут носить очень острый характер. В чем же состояли причины внезапного и резкого разрыва между Троцким и Лениным? Троцкий в своих мемуарах совершенно уходил от вопроса о первом параграфе устава, хотя именно по этому вопросу стали возникать резкие разногласия. Он утверждал, что главным пунктом разрыва был вопрос о редакции «Искры»: «Ленин относился ко мне прекрасно. Но именно он посягал теперь в моих глазах на редакцию, которая была для меня единым целым и называлась обаятельным именем «Искра». Мысль о расколе коллегии казалась мне святотатственной» [298].

Принять это объяснение весьма затруднительно, прежде всего потому, что вопрос о редколлегии обсуждался позже вопроса об уставе, когда и произошел фактический разрыв между обоими деятелями. Собственно, Троцкий и сам признавал, что конфликт с Лениным произошел в результате разного понимания централизма [299], то есть как раз в связи с уставом. Не исключено, что возникший острый конфликт в основе своей носил личностный характер. Троцкий постепенно, но во все большей степени убеждался, что под руководством Ленина в группе его сторонников всегда будет играть роль второго человека, что он никогда не сможет пробиться в единоличные руководители, что ленинская воля, ленинский напор будут постоянно подавлять его индивидуальность. Этого Троцкий хотя бы в силу своих персональных качеств не мог вынести. Уже созревшая авторитарность Ленина и зреющая авторитарность Троцкого отталкивали их друг от друга.

Троцкий полагал, что по своим личным качествам политического деятеля, оратора и журналиста он стоит выше Ленина. Это было, разумеется, одностороннее мнение, но по некоторым параметрам оно соответствовало действительности. Троцкий был, бесспорно, более ярким и талантливым политическим оратором. Ленин часто запутывался в своих рассуждениях, оказывался неспособным довести логическую линию до конца, обрывал мысль и переходил к чему то другому. Он легко впадал в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. ораторскую истерию, подменяя аргументы грубой руганью по адресу оппонентов. Троцкий же к 1903 г. научился преподносить свои доводы не только в доступной данной аудитории, но и в образной, яркой форме, проявлял способность жестко и безжалостно высмеивать тех, по адресу кого произносились его обвинения, но, как правило, не допускал прямых оскорблений. В то же время Троцкого коробила прагматичность Ленина, готового идти на любые союзы и компромиссы, которые были ему в данный момент выгодны. Высокомерная заносчивость Троцкого, с одной стороны, аморальность, властолюбие и грубость Ленина, с другой, не могли совмещаться.

Ко времени II съезда Ленин в полной мере осознал, что его путь к политическому партийному руководству (о государственной власти он пока еще помышлять не мог) возможен только в том случае, если он будет пользоваться в борьбе любыми средствами, включая пасквилы, ложь, клевету по адресу соперников и недругов, фальсификацию их суждений, приписывание им произвольных высказываний и т. п. Троцкому было еще далеко до таких качеств и выводов. Пока ему несравненно ближе были сдержанные и в определенной степени обоснованные фактами суждения тех, кто оказался в меньшевистской группе, хотя политически изначально он был ближе к централистским ленинским установкам, осознавая, однако, их недостатки и пороки. Позже Троцкий сумеет овладеть многими ленинскими нечистоплотными политическими приемами, но дорасти в этом смысле до Ленина он никогда не сможет.

3. Меньшевизм и отход от него

К концу II съезда РСДРП 24 летний «орленок» Троцкий оказался в стане меньшевиков, которые удостоились этого наименования в связи с тем, что при выборах съездом центральных партийных органов получили меньше голосов, нежели сторонники Ленина.

В дальнейшем меньшевики и большевики, которых подчас называли «враждующими братьями», ибо и те и другие руководствовались одной и той же программой РСДРП, то приближались друг к другу (особенно в период подъема революции 1905 – 1907 гг.), то вновь расходились, претерпевая перегруппировки и сближения отдельных фракций в их составе, пока, наконец, в 1917 г. (а не в 1912 г., как утверждала советская историография) они стали двумя совершенно самостоятельными политическими партиями [300].

По окончании съезда лидеры меньшевистской фракции были весьма озабочены тем, чтобы сохранить Троцкого в редакции «Искры». Мартов писал Аксельроду 31 августа 1903 г.: «Мы должны требовать приема Троцкого [в состав редакции]. Это очень трудн[ый] пункт. Имея в виду, что мы всегда можем в будущем требовать снова и снова кооптации, мы можем – в самом кр[айнем] случае – и тут уступить, если только положение Т[роцкого] будет обеспечено, напр[имер], тем, что при ред[акции] будет образована специаль[ная] группа для редакторов[ания] попул[ярно] брошюроч[ной] лит[ерату]ры из меня, Троцк[ого] и, скажем, Веры Ив[ановны] Засулич» [301].

Вскоре после партийного съезда Троцкий посетил состоявшийся в Базеле 23 – 28 августа 1903 г. VI Сионистский конгресс, на котором председательствовал лидер движения Теодор Герцль. Он вынес на обсуждение делегатов план переселения евреев в Восточную Африку, в Уганду, вызвавший бурные споры. Многие противники этого плана, главным образом представители сионистских организаций России, покинули зал в знак протеста и вернулись на заседание лишь на следующий день по личной просьбе Герцля. Конгресс удовлетворил ряд их требований, в частности запретил финансирование угандийской экспедиции из средств Еврейского колониального банка, Еврейского национального фонда и фонда членских взносов Сионистской организации. Разумеется, Троцкий присутствовал на конгрессе не как делегат, а в качестве весьма критически настроенного социалистического журналиста, представителя «Искры». Он подготовил затем специальную статью для этой социал демократической газеты, в которой без каких либо оснований, на основе собственных эмоций оценил споры на съезде как признак полного разложения сионизма и едко высмеивал различные группы сионистов, причем особенно резкие эпитеты доставались самому Герцлю [302].

В 1903 г. Лев Троцкий все более и более оттачивал свое искусство бесстрашного политического полемиста, выступая на социал демократических собраниях в Швейцарии. Меньшевик П.А. Гарви [303] вспоминал одно из собраний в Женеве, происходившее под председательством Ф.И. Дана [304]: «С большой речью выступил Троцкий, обрушившийся на большевиков. Такого блестящего оратора мне не приходилось еще слышать ни в подполье, ни в тюрьме. Бросались в глаза боевой задор, отточенность, пожалуй, нарочитая и чрезмерная, формулировок, полемическое искусство: в руках не меч, а шпага – перевел я на свой внутренний язык впечатление от выступления Троцкого» [305].

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

В середине октября 1903 г. в Женеве Троцкий принял участие в совещании 17 меньшевистских деятелей, на котором он вместе с Мартовым, Потресовым, Аксельродом и Даном был избран в состав меньшевистского центра («бюро меньшинства»). Подготовленная Троцким и Мартовым резолюция была реакцией на победу большевиков на съезде и указывала, что действия большинства ведут к расколу партии на «замкнутую, односторонне подобранную центральную организацию» и на «широкую разнородную массу социал демократических работников», компрометируя этим «самую идею единой боевой строго централизованной партии». В резолюции далее говорилось: «Мы считаем для себя нравственно и политически обязательным вести... борьбу с применением всех мер, которые, не ставя нас вне партии и не компрометируя ни самой партии, ни идеи ее центральных учреждений, могут в возможно близком времени привести нас к такому изменению состава высших учреждений партии, которое обеспечило бы ей возможность свободно работать над идейным и организационным воспитанием партии» [306].

Вскоре после этого Троцкий принял участие во II съезде Заграничной лиги русской революционной социал демократии, которая существовала в Женеве с 1901 г. Эта Лига была признана II партсъездом единственным представительством ЦК за границей, что выглядело странно, поскольку сам ЦК также находился за рубежом. Съезд состоялся 26 – 31 октября 1903 г. по новому стилю. На нем произошли очередные столкновения между Троцким и Лениным. В докладе о II партсъезде Ленин упомянул, что «одним из искровцев было высказано мнение» не приглашать на съезд представителя «Борьбы». Троцкий перебил Ленина: «Напрасно не называете фамилии оратора, это говорил я». Аксельрод добавил: «По видимому, референт не считает это для себя выгодным». После этого Ленин признал, что речь шла именно о выступлении Троцкого [307].

На съезде Заграничной лиги Троцкий продолжал активно выступать с поддержкой позиции Мартова по поводу членства в партии, напомнил, что при выработке устава не было обращено достаточное внимание на создание гарантий для обеспечения независимости и авторитета ЦК [308]. Он пытался высказаться в пользу коллективного, согласованного руководства партией и против подмены коллективного руководства властью отдельных лиц, прежде всего Ленина. В духе полной поддержки меньшевиков Троцкий написал доклад о съезде, хотя в тексте было немало критических суждений о самих меньшевиках, в частности о Плеханове [309] (и это только усилило враждебность их отношений).

Надо, правда, сказать, что в первоначальной редакции, изданной на гектографе, неуважительных замечаний в адрес патриарха российской социал демократии было намного больше, чем в брошюре, выпущенной «высокой печатью» [310]. Основной удар конечно же был направлен против Ленина, обвиненного в том, что его взгляды стоят на уровне метафизики, а не диалектики и что его кустарничество начинает говорить языком центризма [311]. Ленин, в свою очередь, весьма энергично полемизировал с Троцким, в частности в посвященной итогам съезда брошюре «Шаг вперед, два шага назад», вышедшей в Женеве в 1904 г. и содержавшей весьма недоброжелательные оценки позиции Троцкого на съезде. В подготовительных материалах этой брошюры Ленин со знаком NB (nota bene – очень важно) выделял «нетактичность Троцкого»; его замечание, что принятый устав есть «организованное недоверие» целого к части; относил Троцкого к мартовцам. Касаясь дискуссии по уставу, Ленин называл Троцкого оппортунистом или указывал, что Троцкий говорит «как оппортунист» [312].

Троцкий, не оставшись в долгу, опубликовал направленную против Ленина полемическую брошюру «Наши политические задачи», посвятив ее «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду» [313]. Брошюра была выпущена меньшевистским издательством в августе 1904 г. За ее подготовкой внимательно следил Мартов, сообщавший 10 июля Аксельроду: «Прошла 1/2 брошюры Троцкого. На мой взгляд, очень хороша, хотя и неровна. Я Вам вышлю ее до сдачи в набор; хотя Тр[оцкий] и просит отложить исправления до корректуры, но, может быть, будет не лишним побудить его внести их кое где еще в рукописи» [314].

Видимо, Мартов не был вполне откровенен. Многие оценки, содержащиеся в работе Троцкого, явно не соответствовали его осторожной и сдержанной позиции. Слишком уж боевой и решительной была брошюра юного Льва. Весь пафос этой работы был направлен против партийного раскола, в котором он с полным основанием и в первую очередь обвинял Ленина. В то же время, хотя автор дискутировал главным образом с Лениным, он начинал уже несколько дистанцироваться и от меньшевистского крыла. Недаром в предисловии высказывалось сожаление, что русские социалисты как бы не знают других задач, кроме задач мелочной внутренней склоки, не видят других перспектив, кроме перспектив партийного раскола. Троцкий, однако, высказывал предположение, что «острый период прошел», что сторонники единства имеют право с уверенностью глядеть вперед [315], но это оптимистическое утверждение не звучало искренне.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

В брошюре содержалась острая полемика против того партийного режима, который вытекает «из совершенно фантастических представлений о путях партийного развития». Троцкий трактовал эти представления как «организационную сутолоку», как приемы и методы «осадного положения». Главным объектом критики являлись ленинские установки. Троцкий выражал это и в предисловии, и – еще более четко – в специальном разделе, посвященном «книжке» Ленина «Шаг вперед, два шага назад», в которой «разрозненным предрассудкам придано подобие системы». Троцкий теперь открыто издевался над Лениным: «Хотя и до выхода названной книжки мы не сомневались, что ничего внушительного тов. Ленин не сможет сказать в защиту собственной позиции, ибо позиция, занятая им, совершенно безнадежна, но все же такой бледности мысли, какую он обнаружил, мы не ожидали». Далее шел детальный разбор тактических и организационных задач социал демократии с позиции решительного противостояния «ортодоксальной теократии», которую пытался навязать ей Ленин. Эпитеты сыпались один за другим. Ленина автор упрекал в негибкости мысли, в стремлении насадить в партии «казарменный режим», в установке: «Когда против меня восстают, это очень дурно. Когда я восстаю, тогда хорошо». Бумага, на которой Ленин писал, «краснела за него». Марксизм, полагал Троцкий, для Ленина не метод познания действительности и действия, а половая тряпка, когда надо затереть следы; белый экран, когда надо продемонстрировать свое величие; складной аршин, когда надо предъявить свою партийную совесть [316]. Троцкий решительно выступал против игнорирования самостоятельности пролетариата, против подмены класса партией, называя эту подмену «политическим замещительством». Возражая Ленину, привлекавшему опыт французской революции конца XVIII в. и называвшему большевиков «пролетарскими якобинцами», «якобинцами с пролетариатом», «якобинцами с народом», Троцкий противопоставил социал демократизм якобинизму, а самого руководителя большевиков издевательски именовал Максимилианом Лениным, проводя параллель между ним и вождем якобинцев Максимилианом Робеспьером [317], фанатичным и безжалостным инициатором кровавого террора в Париже в 1794 г. Якобинская большевистская тактика, полагал автор, в конце концов подведет пролетариат под «революционный трибунал» по обвинению в примиренчестве, и первой попадет под безжалостный нож гильотины голова Маркса.

Впрочем, Троцкий не гнушался и более приземленными издевательскими характеристиками, которые он приклеивал Ленину, называя его «бойким статистиком» (имея в виду обилие не очень убедительно комментируемых таблиц в книге «Развитие капитализма в России») и «неряшливым адвокатом» (намекая на профессию по образованию) [318].

В брошюре была прозорливо суммирована суть ленинского плана партийного строительства – неизбежность установления личной диктатуры. Этот прогноз во всей своей масштабности подтвердится после прихода большевиков к власти применительно не только к партии, но и ко всему обществу, ко всей стране: «Партийная организация подменяет собой партию, Центральный комитет заменяет партийную организацию, и, наконец, «диктатор» подменяет собою Центральный комитет...» [319]. Эти слова, лучше всего характеризующие государственное устройство и ленинской Советской России, и сталинского Советского Союза, нельзя назвать иначе как пророческими: они были сказаны Троцким в 1904 г.

Справедливость требует отметить, что подобные саркастические выводы делали и другие социал демократы и теоретики анархизма, так что Троцкий не может быть признан единственным «пророком» в своем отечестве. Со статьями, обвинявшими Ленина в диктаторстве, выступили, в частности, Аксельрод («Объединение российской социал демократии и ее задачи») и Плеханов («Централизм или бонапартизм»). Мартов тогда же опубликовал брошюру «Борьба с «осадным положением» в Российской социал демократической рабочей партии». Глубже всех почувствовал проблему Аксельрод, противопоставив большевистской идее о направляющей и руководящей партии классовую самостоятельность пролетариата и создание организации рабочих на массовой основе [320]. Но слова Троцкого особенно запомнились читающей публике и позже повторялись неоднократно именно в качестве пророчества не только в силу того, что были наиболее язвительными и остроумными, но и потому, что из всех тех, кто критиковал Ленина, именно Троцкий оказался наиболее известным политическим деятелем, перешедшим в 1917 г. на сторону Ленина и большевиков.

Не надо было быть особенно проницательным, чтобы предсказать, с каким негодованием будут встречены брошюра Троцкого и его статьи в «новой» «Искре» Лениным. В сентябре 1904 г. он писал находившемуся в Женеве большевику М. Лейбовичу по поводу выступлений Троцкого и других авторов: «Трудно передать весь тот вздор, который они теперь мечут, спекулируя на невежестве публики, на ее незнакомстве с историей движения» [321]. А в письме Е.Д. Стасовой [322], датированном следующим месяцем, с еще большим злобным пафосом Ильич

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. провозглашал: «Недавно вышла новая брошюра Троцкого, как было заявлено, под редакцией «Искры». Таким образом, она является как бы «Credo» [323] новой «Искры». Брошюра представляет собой самое наглое лганье, извращение фактов». Вслед за этим появилась и презрительная кличка, на которые Ленин был изобретателем не менее чем Троцкий, заимствованная на этот раз из сатирической повести М.Е. Салтыкова Щедрина «Балалайкин и Ко». Обращаясь к Сибирскому и Имеретинскому Мингрельскому комитетам РСДРП, Ленин предостерегал их членов от доверия ко лжи, которую «преподносит Балалайкин Троцкий», и повторял многочисленные ругательства в его адрес [324].

Позже, в советское время, Троцкий, ставший ближайшим соратником Ленина, постарался сам забыть об этой своей брошюре и очень не хотел, чтобы о ней вспоминали другие. Это была единственная крупная работа Троцкого, которая не только не была переиздана в советское время, но о которой автор начиная с 1917 г. вообще никогда не упоминал. Однако об этой книжке великолепно помнили многочисленные недруги Троцкого; и после того, как Троцкий стал оппозиционером, ему постоянно напоминали об авторстве, не осмеливаясь, однако, переопубликовать текст, направленный против Ленина и партийной диктатуры. После партийного съезда Троцкий временно прекратил сотрудничество в «Искре», так как вначале газета оказалась в руках Плеханова и Ленина. Последние 6 октября 1903 г. обратились с письмом к бывшим редакторам и «сотруднику т. Троцкому», выражая лицемерное сожаление по поводу их самоустранения от участия в «Искре» и «Заре»: «Если же ваше отстранение вызвано тем или иным расхождением во взглядах между вами и нами, то мы считали бы чрезвычайно полезным в интересах партии обстоятельное изложение таких разногласий».

Аксельрод, Засулич и Троцкий ответили кратким письмом о том, что они «никакого участия в «Искре» со времени ее перехода в руки новой редакции не принимают». Мартов отреагировал более подробным письмом, вскрыв махинации Ленина, готового к сотрудничеству со старой редакцией только в том случае, если ее члены изберут Ленина своим представителем в Совет партии. Троцкий с этим заявлением солидаризовался [325].

Вскоре, однако, положение кардинально изменилось. Плеханов, убедившись в диктаторских замашках Ленина, сумел вывести его из состава редакции «Искры» и ввести туда группу прежних редакторов. С 51 го номера газета перешла в руки меньшевиков. Именно с этого времени газету стали именовать «новой» «Искрой» [326]. В итоге с конца ноября 1903 по октябрь 1904 г. в газете были опубликованы семь «Политических писем» Троцкого [327]. Восьмое письмо, подготовленное к публикации, в свет не вышло, видимо, в связи с тем, что Троцкий стал постепенно отходить от меньшевиков. То ли он сам воздержался от отсылки этого текста в редакцию, то ли редакция не допустила его опубликования. В личном архиве, однако, Троцкий это письмо сохранил и включил его в свое собрание сочинений [328].

С самого начала содержание «Политических писем» отличалось от общих установок «новой» меньшевистской «Искры» большей агрессивностью в отношении официальных учреждений царской империи и оппозиционных сил, стоявших вне социал демократии. Троцкий обращал внимание на намерение властей расширить права губернаторов путем передачи им полномочий по тем вопросам, которые ранее находились в ведении министров или даже требовали «благоволения» самого монарха. Речь шла также об отчуждении крестьянских надельных земель, разрешении съездов, открытии библиотек, бракоразводных делах и т. п. Показывая, что все эти реформы носили второстепенный характер и отнюдь не свидетельствовали о децентрализации империи, как утверждали некоторые правые печатные органы, автор стремился доказать, что расширение губернаторской власти предполагается не только по вертикали, но и по горизонтали – путем расширения опеки губернаторов над местным самоуправлением. «Дальше идти некуда, – писал Троцкий. – Губернатор, контролирующий университетскую науку, губернатор, направляющий правосудие, губернатор, устрояющий бракоразводные дела» [329].

Особое внимание Троцкого вызывали социальные и политические тенденции в сфере российской интеллигенции, причем «интеллигенцию» Троцкий зачастую брал в кавычки. Характеристика данного слоя была у него довольно противоречивой. С одной стороны, утверждалось, что «русская «интеллигенция» дописывает последние страницы своей истории», превращаясь в среднее сословие буржуазного общества, стоящее между крайними социальными классами – буржуазией и пролетариатом. С другой стороны, отмечалось «повышение нравственной самостоятельности» и «политической самоуверенности» интеллигентской демократии. В качестве примера последней тенденции приводились выборы в Петербургскую думу в начале 1904 г., которые приобщили к избирательной кампании «умеренные верхи либеральной демократии столицы». Но вновь и вновь высказывалось серьезнейшее сомнение не

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. только в социалистическом, но даже в чисто демократическом характере «значительной части нашей интеллигенции», а поэтому по отношению к ней автором проявлялась весьма высокая степень недоверия.

Уже на данном этапе Троцкий отдавал решающую роль в борьбе против самодержавия, за всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право не «интеллигентской буржуазии», а пролетариату [330]. Эта тенденция в публицистике Троцкого была тем более характерной, что меньшевистские руководители, к числу которых он теперь принадлежал, входя во фракционный центр, по прежнему считали решающей силой демократического этапа революции именно либеральную буржуазию, активным и автономным помощником которой должен был стать пролетариат.

«Политические письма» в значительной степени стремились проанализировать внутривластные изменения и последствия, наступившие в результате вспыхнувшей в начале 1904 г. Русско японской войны. Троцкий страстно выступал против «политического шовинизма», который сопутствовал войне и который он считал «одной из немногих форм политического идеализма, доступного еще сегодня силам реакции». Опасность патриотических иллюзий он видел в том, что они «позже других реакционных иллюзий разъедаются... стихийной критикой, дольше других удерживаются в сознании массы».

С оттенком презрения в «Письмах» трактовалась позиция либералов в условиях войны. Особенное негодование вызывали лозунги поддержки Российской армии, которые раздавались из уст либералов, в частности П.Б. Струве. «Какая армия? – ставил вопрос Троцкий. – Армия, топчущая Польшу, закрепляющая царское господство на Кавказе? Или армия, «стряхнувшая с себя казарменный идиотизм и сдающая ружья революционной улице»? В последнем случае лозунгу «Да здравствует армия!» должен предшествовать лозунг «Да здравствует революция!». Делался вывод, что, «пасуя перед патриотической вакханалией, оппозиция обнаруживает не только полицейский страх, она повинуетя смутному голосу классового инстинкта» [331].

Пятое «Политическое письмо» [332] было полностью посвящено такой важной конкретно социологической категории, как толпа. По существу, это было содержательное социально психологическое эссе о стихийной динамике, непредсказуемости поведения массы, опасности, которая заключалась в ней самой для различных сил, в том числе и для правившей элиты. Автор отмечал некие «законы массового сцепления», в силу которых «патриотический» порыв толпы, например по поводу блокады японцами Порт Артура, мог бы быть повернут в противоположном направлении, если бы ей был «брошен с энергией другой лозунг». Троцкий приводил пример, как в Таганроге неожиданно в толпе стал раздаваться отнюдь не «патриотический» лозунг «Социалия, соединяйтесь!».

Разумеется, честнее было бы распространить неплохо сформулированное Троцким понятие «толпы» и на те массы, которые он надеялся повести на революцию. Однако на такую экстраполяцию революционер Троцкий пойти не мог. Он выискивал некую закономерность по поводу того, что по мере «революционирования» масс толпа перестает быть таковой, превращается в собственную противоположность, становится неким организованным сообществом, прекращает грабежи, мародерство и прочее. Вряд ли автор не видел всей утопичности этих предположений. Статья завершалась словами: «Пусть же полицейские псы реакции зорко следят за регистром преступлений; когда они заметят, что в центрах политической жизни, несмотря на возбуждение улицы, не допускающее правильного полицейского надзора, число преступлений становится все ниже и ниже, что оно готово склониться к нулю, тогда – не рискуя ошибиться – они смогут сказать себе: «Это идет революция!»

Судя по текстам статей Троцкого в «Искре», до революции 1905 – 1907 гг., не примкнув к большевикам и подвергая их критике, одновременно подвергаясь еще более суровой критике с их стороны, он политически и ментально был все же с самого начала раскола несколько ближе к ленинской фракции, нежели к мартовской, хотя к Ленину относился суровее, нежели к руководителям меньшевизма. Сам Троцкий отмечал в мемуарах, что его связь с меньшевиками имела кратковременный характер, что он стоял за подготовку скорейшего объединения с большевиками, «видя в расколе крупный эпизод, но не более» [333]. Он признавал, что весь 1904 г. прошел в его стычках с руководством меньшевиков в основном по двум вопросам – об отношении к либерализму и об отношении к большевикам: «Я стоял за непримиримый отпор попыткам либералов опереться на массы, и в то же время, и именно поэтому все решительнее требовал объединения обеих социал демократических фракций».

К тому же Плеханов продолжал буквально преследовать Троцкого, даже вступая в столкновения с другими меньшевистскими лидерами по поводу его статей. 30 марта 1904 г. Георгий Валентинович писал Аксельроду, что просил Мартова послать последнему статью Троцкого «Наша военная кампания» [334]. Аксельрод должен был выступить как своего рода третейский судья, ибо Плеханов находил статью «совершенно негодной», хотя Засулич, Потресов и Мартов высказались за публикацию. «Мое положение становится затруднительным, – ставил ультиматум

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Плеханов. – Я давно уж подал бы в отставку, если бы мой выход не грозил стать новым скандалом». Неужели Мартов и Засулич «не могут найти другого средства вознаградить Троцкого за те дерзости, которые он мне говорил? А ведь других titres [335] у него нет: его статьи – это произведения Евдокии Кукшиной [336] , печатать их – значит срамить «Искру»... Порча литературной физиономии «Искры» – слишком дорогая цена» – так завершал свое обвинение Плеханов [337] . Но Аксельрод оказался упрямым, тем более что ранее сам вносил в статью Троцкого необходимые поправки, и Плеханов, не зная об этом, задел и самолюбие Аксельрода. Тот ответил Плеханову 31 марта откровенно и жестко: «Своим огульным, немотивированным отзывом ты поставил меня перед дилеммой: или голосовать против своей собственной совести – потому что мне статья понравилась – чтобы угодить тебе, т[о] е[сть] сделать низость, или же поступить сообразно своей совести, – наперекор тебе. Я, разумеется, выбрал последнее» [338] .

Дело не ограничилось стычкой между Плехановым и Аксельродом. В столкновение вмешался Мартов. 2 апреля он писал Аксельроду, что вопрос о статье Троцкого «послужил искрой, зажегшей пороховой склад». Мартов поддерживал Аксельрода в том смысле, что большинство редакции «Искры» выступило за публикацию статьи, да и заменить ее было нечем. Плеханов, однако, на заседании поставил вопрос «на принципиальную почву»: «Я не могу быть в коллегии, которая систематически пропускает статьи сотрудника, который, по мнению одного члена редколлегии, вреден, понижает своими писаниями литератур[ный] уровень «Искры». Или Тр[оцкий] перестает быть вообще сотрудником, или Плех[анов] выходит». Плеханов указал, что для него более «морально невозможно работать при сотрудничестве Тр[оцкого]». Мартов считал статьи Троцкого удовлетворительными, а его услуги необходимыми газете. Сам же Троцкий предложил «устраниться», уехав в Россию, хотя Мартов настаивал на сохранении Троцкого в редакции. Вопрос был отложен. В конце концов Плеханов отказался от своего ультиматума, Троцкий заявил, что временно прекращает сотрудничество в «Искре» [339] , и с апреля 1904 г. не принимал участия не только в «Искре», но вообще в мероприятиях меньшевиков, а в сентябре того же года заявил о своем выходе из этой фракции [340] . Впрочем, сотрудничество в газете он скоро возобновил.

Положение Троцкого в социал демократической партии было незавидным. Ленин, затаивший против него глухую и непримиримую злобу, не упускал случая, чтобы подвергнуть его нападкам. Меньшеvistские лидеры относились к нему противоречиво. Они стремились сохранить Троцкого в своих рядах, но смотрели на него со все большей степенью осторожности и недоверия. По мере назревания революции позиция Троцкого еще более эволюционировала в сторону противоположную меньшевизму. Этому способствовало его знакомство в 1904 г. с видным германским социал демократом российского происхождения А.Л. Гельфандом [341] , более известным под литературным псевдонимом Парвус [342] , оказавшим существенное влияние на формирование той цельной революционно политической концепции, которую Троцкий всесторонне будет развивать уже в период революции 1905 г. и непосредственно после нее, которой он будет придерживаться (естественно, с целым рядом уточнений, модификаций, приложений к конкретным событиям) на протяжении всей последующей жизни.

Александр Гельфанд был сыном еврея из окрестностей Минска, бежавшего в Одессу после погрома и ставшего портовым грузчиком. Несмотря на «пролетарское происхождение», он, благодаря выдающимся способностям, проявленным уже в детстве, с блеском окончил гимназию и продолжил учение в Базельском университете, где получил степень доктора философии. Он не стал возвращаться в Россию, а перебрался в Германию, где перешел на социалистические позиции, начал сотрудничать в социал демократической прессе, а затем завоевал репутацию одного из наиболее авторитетных социалистов аналитиков, как в области экономики, так и по социально политическим проблемам [343] . Он печатался в «Искре» и «Заре», после II съезда оказался ближе к меньшевикам, но полностью к ним не присоединился, настаивал на близости революции в России, на неизбежности крупной войны, говорил о неизбежности тесного переплетения экономики и политики ведущих стран мира.

На собеседников производили глубокое впечатление мощная эрудиция Парвуса, его живые манеры, которые, как это ни было странным, гармонировали с его массивной фигурой (Парвуса прозвали «слоном») и коммерческой хваткой, умением наиболее целесообразно распорядиться деньгами на пользу и своему делу, и себе самому для получения удовольствий от жизненных благ, вкусной пищи, элегантно и даже дорогой одежды, просторного жилья, многочисленных окружавших его красивых женщин, которых он часто вскоре забывал, так же как и рожденных ими от него детей.

Парвус жил в Мюнхене, но часто приезжал в Женеву и другие города Швейцарии. Именно в Женеве состоялись первые встречи его с Троцким. Лев развил Парвусу план

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. создания популярной рабочей газеты, который был воспринят с энтузиазмом. Парвус писал Потресову в сентябре 1904 г., что он очень ценит талант и политическую пылкость Троцкого и считает его подходящим человеком для такого органа: «Правда, он пишет слишком по интеллигентски, но он пишет ясно, вразумительно и не без огня, а народных агитаторов у нас вообще еще не выдвинулось в литературе. Согласился я с Троцким также в том, что этот орган должен иметь собственную редакцию» (то есть не быть связанным с «Искрой»). Иными словами, Троцкий с помощью Парвуса пытался создать новую конкурирующую с «Искрой» газету, во главе которой он, безусловно, видел себя.

По поводу же конфликта в редакции в связи с публикацией статей Троцкого Парвус безоговорочно стал на сторону его защитников и убеждал Потресова, что, «отказывая Троцкому в напечатании его статьи», редакция «лишь только создает ту рознь, которую хочет избежать, и дискуссию в рамках Ц[ентрального] О[ргана] превращает в оппозицию Центральному органу» [344]. Буквально через несколько дней после этого письма, в том же сентябре 1904 г., Троцкий и Седова приехали к Парвусу в Мюнхен. Они поселились в квартире Парвуса, который их гостеприимно принял, посещали местные художественные галереи и музеи, восхищались карикатурами выходившего еженедельно с 1896 г. местного сатирического журнала «Симплициссимус» [345].

Однако значительно более важными были продолжительные, увлекавшие обоих вечерние беседы с добросердечным хозяином. В ходе бесед Парвуса и Троцкого выяснилось поразительное сходство их взглядов на ближайшие перспективы революционного движения в России, резко отличавшихся от традиционных социал демократических воззрений. Троцкий, порвавший с Парвусом политически после начала мировой войны, так писал о Парвусе через шесть лет после его смерти: «Парвус был, несомненно, выдающейся марксистской фигурой конца прошлого и самого начала нынешнего столетия. Он свободно владел методом Маркса, глядел широко, следил за всем существенным на мировой арене, что при выдающейся смелости мысли и мужественном мускулистом стиле делало его поистине замечательным писателем. Его старые работы приблизили меня к вопросам социальной революции, окончательно превратив для меня завоевание власти пролетариатом из астрономической «конечной» цели в практическую задачу нашего времени. Тем не менее в Парвусе всегда было что то сумасбродное и ненадежное. Помимо всего прочего этот революционер был одержим совершенно неожиданной мечтой: разбогатеть» [346].

Находясь в Мюнхене, Троцкий выражал все большее недовольство политическим курсом, проводимым меньшевиками. В какой то степени под влиянием Парвуса, но в основном по собственному убеждению Троцкий фактически пошел на почти полный разрыв с меньшевистской фракцией. В конце сентября 1904 г. он написал «Открытое письмо к товарищам», чей текст не сохранился, но о содержании которого можно судить по откликам на него. Здесь впервые была выдвинута нефракционная, примирительная линия, которая обосновывалась тем, что сторонники меньшинства, в сущности, по своим взглядам идентичны или по крайней мере близки умеренным большевикам. Именно после этого письма Троцкий формально вышел из состава меньшевистского руководящего центра [347].

Меньшевистские лидеры негодовали. Дан писал Аксельроду 29 сентября: «Троцкий толкует обо всем возможном: о некоторых лицах, намеревающихся через головы интеллигенции апеллировать к пролетариату, об имеющихся среди меньшинства тенденциях обособления, о необходимости образовать особые редакции: брошюрную и популярного органа, и передать их лицам, не ассимилированным редакцией «Искры». Все это написано ходульно и высокопарно и заключает в себе формальное объявление выхода из меньшинства».

«Некоторым лицом» был именно Дан, которого Троцкий, без видимых оснований, скорее в силу личной неприязни, считал виновником всех ошибок меньшевиков [348].

«Открытое письмо» обсуждалось в Женеве на двух собраниях руководящих меньшевиков. В результате была принята примирительная резолюция, давшая возможность Троцкому возобновить сотрудничество в «Искре» с 5 октября 1904 г. Мартов писал по этому поводу Аксельроду 20 октября, что «с Троцк[им], после очень бурной переписки, которая, – если б дать ему волю – кончилась бы полным разрывом моих с ним отношений, наступило «успокоение»: он начал даже писать для «Искры» и, видимо, смягчился» [349]. Парвусу же Потресов ответил на его предложение об издании популярной газеты под редакцией Троцкого совершенно иным образом: резким по тону письмом, в котором констатировал, что Троцкий оказывается вне круга меньшевиков и становится «чем то вроде врага отечества». Он убеждал Парвуса, что Троцкий «беспрерывно меняет свои взгляды, прикидывается то тем, то другим, временами таинственно молчит, отлынивает от прямого ответа и вместе с тем готовит план нападения с тыла».

Парвус пытался притушить пожар «антитроцкистских» страстей. Он отвечал

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

Потресову, что во Льве играет юношеский задор и это качество «нам здесь больше всего нужно... Изменение взглядов Троцкого произошло у меня на глазах. Он сбрасывал с себя яичные скорлупки сект догматизма... и переходил к политическому материализму, видящему в социально революционных принципах объединяющую и решающую силу». Парвус признавал, что Троцкий отнюдь не свободен от грехов молодости, которая «датирует мир со дня своего рождения, сама развиваясь, живет под впечатлением, будто человечество от нее отстает», но убеждал своего адресата в том, что это «лучше старческой закостенелости» [350].

В связи с тем, что редакция «Искры» собиралась ответить на открытое письмо Троцкого резкой критической статьей, Парвус уговаривал того же Потресова отказаться от этой затеи, причем в числе выдвигаемых мотивов было стремление к примирению большевиков и меньшевиков: «Статья без нужды раздражила бы большинство, внесла бы смуту в меньшинство и сделала бы положение самого Троцкого невозможным. Я ни на минуту не усомнился бы ее отклонить!.. Самый инцидент был бы невозможен, если бы не было в вас тех тенденций, о которых я писал» [351].

В конце 1904 г. «Искра» высказалась за участие социал демократов в кампаниях либеральной буржуазии, в частности за значительное расширение прав земств. Ленин выступил решительно против. Троцкий и Парвус по этому вопросу оказались на стороне Ленина и совместно приветствовали его за атаку на оппортунизм [352].

В беседах и дискуссиях Троцкого с Парвусом вначале отдельными штрихами и деталями, а затем все более последовательно и аргументированно постепенно выкристаллизовывалась идея, что в силу специфики объективных социально экономических условий явно назревавшая в России революция не будет носить классического буржуазно демократического характера, что при благоприятном раскладе сил во главе революции сможет с самого начала или на первом этапе стать рабочий класс, а сам комплекс событий в России, опять таки в случае позитивного, с их точки зрения, поворота событий окажется прологом развития пролетарской революции в Западной Европе. Серию очерков о назревании в России крупных политических событий, которые действительно вскоре вылились в революцию, Троцкий написал вовремя и стремительно, прямо в квартире Парвуса.

Глава 4 Первая Революция. Петербургский Совет [353]

1. Начало революции и возвращение в Россию

Троцкий встретил начало первой российской революции в качестве «нефракционного» социалиста – он к этому времени отошел от меньшевиков, но к большевикам не присоединился и ставил в качестве одной из главных своих непосредственных задач восстановление единства российского социал демократического движения [354].

Известие о событиях 9 (22) января 1905 г., которые вошли в историю под названием Кровавое воскресенье, застало его в Женеве, куда он возвратился после поездки по городам Швейцарии с докладами перед российскими эмигрантами.

О том, что шествие к Зимнему дворцу должно произойти в это воскресенье, пресса твердила уже в течение нескольких дней. Утром 23 января, зайдя в редакцию «Искры», Троцкий узнал от Мартова, что перед Зимним дворцом и в других местах российской столицы пролилась кровь [355]. Н.И. Седова вспоминала, что известие об этом событии привело Троцкого в предельно возбужденное и нервное состояние, он «побледнел, почувствовал себя плохо и почти потерял сознание» [356]. Приступ был вызван, безусловно, не скорбью о жертвах и сочувствием их родным и близким, тем более не тем, что речь шла о плохо подготовленном вооруженном восстании (о чем писала вся солидная мировая пресса). Троцкий воспринял произошедшее событие как начало долгожданной революции. Необходимо было действовать.

Вскоре после 9 января на собрании в Женеве Льва впервые увидел тогдашний социал демократический эмигрант, будущий нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский: «Троцкий был тогда необыкновенно элегантен, в отличие от всех нас, и очень красив. Эта его элегантность и особенно какая то небрежная свысока манера говорить с кем бы то ни было меня очень неприятно поразили. Я с большим недоброжелательством смотрел на этого франта, который, положив ногу на ногу, записывал карандашом конспект того экспромта, который ему пришлось сказать на митинге. Но говорил Троцкий очень хорошо» [357].

При всей почти открытой неприязненности этого описания в нем в то же время содержится доля восхищения, даже зависти по отношению к молодому человеку, столь стремительно ворвавшемуся в высший эшелон социал демократов. Не будучи связанным с партийными фракциями и не имея вследствие этого никаких полномочий от них, Троцкий все же решил немедленно возвратиться в Россию. Через русских студентов в Швейцарии удалось достать фальшивый паспорт на имя отставного прапорщика

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Арбузова, и он отправился в опасное путешествие.

По дороге он вновь остановился в Мюнхене у Парвуса, который наскоро написал обширное предисловие к уже готовой брошюре, получившей теперь новое название «До 9 января». Вскоре брошюра была издана в Женеве меньшевистской организацией, проявившей в данном случае, хотя и весьма неохотно, широту воззрений, ибо основные положения брошюры Троцкого и предисловия Парвуса не соответствовали политическим позициям меньшевиков [358]. В предисловии Парвуса полностью одобрялась новая концепция, которую Троцкий пытался сформулировать в статьях, включенных в брошюру из пяти статей: «Война и либеральная оппозиция», «Чего требуют земцы?», «Демократия», «Демократия и революция», «Пролетариат и революция».

Сущность выдвинутой концепции была в том, что в назревавшей в России демократической революции пролетариату суждено сыграть руководящую роль. В условиях, когда российская буржуазия и либеральные политические силы проявляли трусость, в той или иной форме заискивали перед царизмом (Троцкий именовал их политическими евнухами), задачи социал демократической партии заключались в подготовке всеобщей политической забастовки и вооруженного восстания. Само же это восстание должно было принципиально отличаться от безуспешных рабочих восстаний XIX в. – в нем следовало применять не баррикадную тактику, бессмысленную и бесполезную при существовании новых видов оружия, находящегося в распоряжении правительственных войск, а маневренную партизанскую войну. По мнению Троцкого, привлекать к революции крестьян и солдат, а для этого развешивать агитацию в деревне и армии, было необходимо. Но привлекать их нужно не в качестве самостоятельных сил, а как помощников, действующих под руководством пролетариата и его партии. Троцкий требовал также добиться прекращения войны с Японией и созыва Учредительного собрания, которое должно было решить вопрос о власти и обеспечить овладение ею пролетариатом. Ленин оценил брошюру Троцкого как «пустозвонство», несправедливо обвиняя его в том, что «новые» взгляды автора одобрены Плехановым, Засулич и другими меньшевиками (так как брошюра вышла под редакцией «Искры»), хотя позиции Троцкого резко отличались от точки зрения лидеров меньшевизма [359]. И пока Ленин выступал против Троцкого, тот вместе с Н. Седовой поехал из Мюнхена в Вену, где при помощи руководящих австрийских социал демократов завершил подготовку к нелегальному возвращению на родину.

Наталья выехала в Киев первой, чтобы найти жилье и наладить связи. Троцкому пока что на квартире у Виктора Адлера, теперь отнесшегося к русскому революционеру по дружески, парикмахер изменял «внешность, уже достаточно примелькавшуюся русским охранникам за границей» [360]. В феврале 1905 г. Троцкий прибыл в Киев. Здесь он вступил в контакты с местными меньшевиками, а затем и с большевиком Л.Б. Красиным [361], который, будучи в это время вторым после Ленина человеком в большевистской иерархии, находился на примиренческих позициях и стремился к скорейшему объединению большевиков и меньшевиков. В этом плане по организационному вопросу он поддерживал Троцкого [362].

В то же время Красин стоял во главе Боевой технической группы при ЦК, ответственной за вооруженную борьбу, в том числе за террористические акты, и руководил нелегальной перевозкой в Россию оружия, закупленного за границей. Красин признавался Троцкому, что мечтает создать «бомбу величиной с грецкий орех». Это был в то время отчаянный авантюрист, организатор грязных финансовых операций, в которых, впрочем, принимали участие и более благообразные лица, связанные с большевиками, например писатель М. Горький и его гражданская жена и одновременно любовница фабриканта С.Т. Морозова, известная драматическая актриса М.Ф. Юрковская (сценический псевдоним Андреева). Имеются убедительные свидетельства, что, выдвинув из фабриканта максимум средств при жизни Саввы Морозова, Красин в мае 1905 г., отправившись на французский курорт Канны, где находился Морозов, убил его, так как к тому времени страховой полис Морозова на очень крупную по тем временам сумму был оформлен на Юрковскую (Андрееву). Красин же создал на месте преступления видимость самоубийства Морозова и сумел избежать расследования и наказания [363]. Так поразительно уголовщина смыкалась с политическим экстремизмом.

Троцкий был первым из социалистических эмигрантов, возвратившихся в Россию в связи с началом революции. После него, с большим временным отрывом – в середине октября, то есть приблизительно тогда, когда была объявлена политическая амнистия, в Петербург приехал Парвус, который тотчас же встретился с Троцким и стал вместе с ним работать. В конце октября появились Мартов, Засулич и Ленин. Аксельрод также собирался в Петербург, но заболел и от поездки отказался. Плеханов же был настолько занят своими теоретическими изысканиями, что даже не подумал о возвращении в Россию. Другие социалистические деятели тоже остались за рубежом, в значительной мере в силу личной осторожности.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

Часто меняя в Киеве жилье (квартира молодого адвоката, дом профессора технологического института, приют у некоей либеральной вдовы), Троцкий пользовался услугами именно тех либералов, которых столь презрительно характеризовал в своей публицистике. Одно время он даже скрывался в глазной лечебнице, где ему покровительствовал главный врач [364]. По договоренности с Красиным Троцкий стал писать тексты прокламаций, обращенных к различным слоям населения. Из этого цикла документов в собрание сочинений Троцкого вошли только две прокламации, обращенные к крестьянам («Крестьяне, к вам наше слово!» и «Новые царские милости»), опубликованные от имени ЦК РСДРП весной 1905 г. [365] Обе прокламации были напечатаны в подпольной большевистской типографии «Нина», располагавшейся в Баку. Как подпись ЦК РСДРП, так и использование бакинской типографии свидетельствуют, что сразу же после возвращения в Россию Троцкий не только установил личные контакты с Красиным, но и в определенной степени сблизился с умеренной в политическом отношении частью большевиков, готовой к объединению с меньшевиками.

Основным содержанием этих прокламаций был призыв к крестьянству, причем к крестьянству в целом, не расчленяя его на отдельные имущественные слои, к поддержке борьбы городских рабочих «с народными врагами» – царским двором, правительством и чиновничеством, помещиками, а также либералами, которые обманывают крестьян. В прокламациях выдвигались требования к крестьянам отказаться от уплаты налогов, вооружиться, предпринимать походы в соседние города для прямой поддержки пролетариата. Одновременно Троцкий призывал к созыву всенародного Учредительного собрания. Всего, видимо, Троцким в это время было написано пять прокламаций, обращенных к крестьянам, рабочим, солдатам и интеллигенции.

Социал демократ, меньшевик Гарви, прочитав выпущенные от имени ЦК прокламации, сказал: «Все они написаны блестяще. Ясно, это рука опытного и яркого партийного литератора». Особо на Гарви произвел впечатление лозунг «Да здравствует Временное революционное правительство!». На состоявшейся в квартире киевской социал демократки С.М. Заруцкой конспиративной встрече с Троцким Гарви увидел (они встречались впервые) высокого мужчину «в огромной шубе до пят и с енотовым воротником до плеч, в руках боярская меховая шапка... точно барин: так дисгармонировало одеяние Троцкого с крохотной комнаткой и с нашими косоворотками!» [366].

Троцкий изложил собравшимся концепцию революции, из которой вытекало выдвижение лозунга Временного революционного правительства. Гарви вспоминал: «Внешне Троцкий говорил, как всегда, блестяще. Через 2 – 3 минуты он уже встал со стула и говорил жестикулируя, точно на большом митинге. Это как то неприятно резануло – все же разговор происходил в тесном кругу партийных товарищей. Ораторские приемы, жестикуляция, отточенные фразы – все это не соответствовало обстановке, отдавало позой, ставшей, кстати, у Троцкого второй натурой. Широкими мазками набрасывал он картину развертывавшейся революции: в одном углу поднималось стомиллионное крестьянство, в другом – армия, в третьем – угнетенные национальности, и казалось, тесна комната для широких обобщений и для не менее широких жестов Троцкого. Он приехал меньшевиком, но меньшевиком собственного покроя, со своими схемами и планами – и это сразу почувствовалось, даже независимо от содержания его речи» [367].

Ораторское мастерство, однако, не привлекло на сторону Троцкого киевских меньшевиков. Все присутствовавшие выступили против докладчика, доказывая, что в результате попыток «углубить революцию» за пределы объективных возможностей неизбежно наступит ее поражение. Троцкий был явно разочарован. Простились они сухо.

Находясь в Киеве, Троцкий вновь установил связь с «Искрой». Толерантная редакция опубликовала его «Письмо из России» под заголовком «Нечто о квалифицированных демократах» и два «Политических письма» [368]. Все эти материалы были подписаны псевдонимом Неофит (новообращенный), который имел явный политический подтекст, подчеркивая изменение политических позиций их автора. «Письмо из России» содержало жесткие нападки на «самый вредный тип демократов» – из числа бывших марксистов, сгруппировавшихся вокруг журнала «Освобождение» (и в первую очередь на Струве), стремившихся «донести правду до царя». Впрочем, чуть ниже Троцкий признавал, что освобожденцы пытаются оказать на царское правительство давление с целью проведения либеральных реформ при опоре на земства, базируясь на сравнительно радикальные решения незадолго перед этим состоявшегося Всероссийского земского съезда. Однако «орудий давления у освобожденцев нет, – они заботились не о сплочении сил (хотя бы одной интеллигентской демократии!) для давления на земцев, а об возвращении (другого слова не подыщешь) политической совести этой интеллигенции безоговорочным следованием за земцами»

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. [369] .

В «Политических письмах», особенно во втором из них, Троцкий вступал в прямую полемику с редакцией «Искры» – с Плехановым, Мартовым, Аксельродом, Мартыновым, которые, поместив в газете статью Парвуса «Итоги и перспективы», выразили осторожное несогласие с ее содержанием. Троцкий пошел еще дальше. Он решительно возражал Плеханову, высказавшему в передовой статье «Искры» от 3 марта мысль о том, что в своей борьбе «пролетариат может рассчитывать на более или менее деятельную поддержку со стороны других слоев населения», имея в виду прежде всего либеральную буржуазию.

Троцкий полагал, что очередным, причем непосредственным, ближайшим этапом революции должно стать вооруженное восстание, которое необходимо организовать, и «выполнение этой черной работы революции, организация восстания, становится в данный момент... высшей политической обязанностью» [370] . Автор высказывал еще одно «крамольное» положение. Оно, в свою очередь, обращало внимание не просто новизной, но противоречило всем привычным догмам классического социал демократизма, ибо последний проводил решительный логический и хронологический рубеж между эпохами буржуазно демократической и социалистической революций.

Троцкий писал:

«Победу восстания, как и торжество всей революции, может обеспечить только пролетариат. Другие группы городского населения и крестьянство сыграют в революции свою роль, поскольку будут идти за пролетариатом, поддерживать его, облегчать ему работу. Самостоятельной революционной роли, скольконибудь равносильной роли пролетариата, не сыграют ни крестьянство, ни мещанство, ни интеллигенция!

Это значит не что иное, как то, что революционное развитие влечет пролетариат, а вместе с ним нашу партию к временному политическому господству» [371] .

Ответа на теоретико политические заключения Троцкого в «Искре» не последовало. Но со второй половины марта его сотрудничество в газете прекратилось, видимо к взаимному чувству облегчения. К этому времени Троцкий уже покинул Киев. В конце февраля или начале марта вместе с женой он перебрался в Петербург. От Красина он получил паспорт на имя помещика Викентьева и явочный адрес. Последний был неожиданным – Константиновское артиллерийское училище, квартира старшего врача военного учебного заведения Александра Александровича Литкенса на Забалканском проспекте. Сам врач сочувствовал социалистам, а его сыновья Александр и Евграф принимали непосредственное участие в подпольных организациях. Иной раз в квартиру старшего врача, на глазах вахтера, к Троцкому приходили «такие фигуры, каких двор военного училища и его лестницы не видали никогда. Но низший служебный персонал относился к старшему врачу с симпатией, доносов не было, и все сходило с рук благополучно» [372] .

В столице Троцкий тотчас же установил связь с социал демократическими кругами. В основном это были меньшевики, но связь поддерживалась и с умеренными большевиками, близкими к нему своим стремлением к восстановлению единства социал демократов. Троцкого знали под конспиративным именем Петр Петрович, а некоторые свои статьи он публиковал под еще одним именем: Яновский. Наверное, не легко было одновременно пользоваться сразу четырьмя фамилиями, если иметь в виду, что за рубеж его материалы, как уже упоминалось, шли под постоянным псевдонимом Н. Троцкий, а иногда и за подписью Неофит.

В начале марта в Петербурге начала работу Агитационная комиссия при ЦК РСДРП, образованная в конце предыдущего года. В состав ее входили главным образом меньшевики, но также некоторые большевики примиренцы, в частности Красин, тоже перебравшийся в столицу. В некоторых заседаниях комиссии участвовал Троцкий. На одном из них он выступил с докладом, вновь отстаивая свой лозунг Временного революционного правительства. «Мы, меньшевики, развернутым строем выступили против Троцкого, который числился тогда еще в меньшевиках», – вспоминал Гарви [373] , не зная, по видимому, что еще до возвращения в Россию Троцкий вышел из меньшевистской организации.

Поначалу контакты со столичными меньшевиками были нормальными, но постепенно отношение к Троцкому начало изменяться к худшему. Это было вызвано, очевидно, не только тем, что его основные политические установки существенно расходились с официальными взглядами меньшевиков, но и с его личными особенностями. Троцкого стали подозревать в том, что он стремится создать собственную, «третью партию», противопоставив ее меньшевикам и большевикам [374] . Один из лидеров меньшевизма Ф.И. Дан в книге, написанной через много лет, ошибается, утверждая, что Троцкий выступал в это время за организацию восстания и революции не столько в военно техническом, сколько в политическом смысле, и это «была та общая почва», которая создавала «для меньшевизма возможность сотрудничества» в октябрьские дни 1905 г. [375] Троцкий действительно сотрудничал с меньшевиками, но не с их центром, пребывавшим за рубежом, а с питерской организацией, причем и эти контакты

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

постепенно сворачивались. В то же время с частью большевиков отношения постепенно улучшались. Более того, Троцкий написал тезисы о Временном революционном правительстве и передал их Красину, направлявшемуся на сепаратно созванный большевиками в Лондоне III партийный съезд (меньшевики в ответ провели свою I общерусскую конференцию партийных работников в Женеве). Большевикский съезд происходил 12 – 27 апреля (25 апреля – 10 мая) 1905 г. Как оказалось, во время этого съезда Ленин также предложил проект резолюции о Временном революционном правительстве. Красин (на съезде он присутствовал под псевдонимом Зимин), однако, решил, что тезисы Троцкого лучше выражают существо вопроса, и на их основе внес поправки и дополнения к проекту резолюции Ленина. Поправки указывали на связь Временного революционного правительства с вооруженным восстанием, при этом отвергалось положение Ленина, что таковое правительство возникнет только после восстания. «Нет, оно возникает именно в процессе восстания и принимает самое живое участие в его ведении, обеспечивая своим организующим воздействием его победу» [376], – возражал Троцкий. Ленин согласился со всеми поправками Зимины, в основе которых лежали тезисы Троцкого, о чем Ленин не знал, причем заявил, что некоторые формулировки Зимины лучше, чем его самого, и он охотно их принимает [377].

С указанными поправками резолюция о временном революционном правительстве была утверждена съездом [378]. В ней, в частности, говорилось, что «осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и создать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное собрание, действительно выражающее волю народа».

Если бы Ленин знал, кто в действительности был соавтором резолюции, он бы, безусловно, отверг поправки Красина, найдя для этого многочисленные идеологические, стратегические или тактические причины, так как внутренняя враждебность к Троцкому в это время явно доминировала у Ленина над политической целесообразностью. С едва скрываемой иронией и совершенно нескрываемым самодовольством Троцкий писал в конце 20 х гг.: «Нелишне будет отметить, что в полемике последних лет резолюция III го съезда о Временном правительстве сотни раз противопоставлялась «троцкизму». «Красные профессора» сталинской формации понятия не имеют о том, что в качестве образца ленинизма они цитируют против меня мною же написанные строки» [379].

После III партийного съезда Ленин фактически признал схожесть своих позиций с линией Троцкого, а в письме П.А. Красикову сообщал, что не видит никакой крамолы в печатании «листочков» Троцкого: «Ничего худого тут нет, если листки сносные и выправленные» [380]. Более того, в письме тогдашнему своему стороннику Г.А. Алексинскому [381] Ленин давал недвусмысленную рекомендацию: «Очень хорошо было бы, если бы Вы действовали вместе с Кнунянцем [382] и Троцким» [383], хотя «действовать» вместе с Троцким к этому времени было уже невозможно: Троцкий вынужден был бежать в Финляндию из за провала нелегальной социал демократической организации в Санкт Петербурге.

Организатором провала был осведомитель охраны по кличке Николай Золотые Очки (его подлинная фамилия была Доброскок) [384]. Во время первомайского собрания в лесу была арестована Наталья Седова. После сравнительно недолгого ареста и установления личности ее и ее супруга она была выслана в город Тверь [385]. Поскольку Доброскок встречался с Бронштейном и, возможно, мог его узнать, Троцкий решил покинуть столицу и на некоторое время переселиться в Финляндию, входившую в состав Российской империи, но сохраняющую известную автономию и ставшую настоящим убежищем для революционеров, ибо тамшнее сравнительно либеральное законодательство предусматривало право приема политических беглецов, и местные чиновники упорно отказывались выдавать последних центральной власти. Троцкий остановился на постоялом дворе «Рауха» («Покой»), расположенном в лесу, возле глухого озера. Именно здесь, в Финляндии, готовя к печати перевод одной из речей германского социалиста XIX в. Фердинанда Лассаля и свое предисловие к ней, Троцкий обдумывал и совершенствовал свою революционную политическую концепцию непосредственного завоевания власти рабочим классом и дальнейшего перехода к социализму [386]: «Там для меня наступила передышка, состоявшая из напряженной литературной работы и коротких прогулок. Я пожирал газеты, следил за формированием партий, делал вырезки, группировал факты. В этот период сложилось окончательное мое представление о внутренних силах русского общества и о перспективах русской революции» [387].

Думается, однако, что Троцкий, касаясь своего «финляндского сидения», несколько преувеличивал степень зрелости своих представлений о революционном процессе. Принципиально новыми чертами и аргументами его взгляды обогатились чуть позже,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. во время работы в Петербургском Совете, а вслед за этим – в период пребывания в тюремном заключении.

2. Член Петербургского Совета

Первая русская революция, явившаяся ответом на поражение России в войне с Японией, изменила политическую ситуацию в империи. Одна за другой накатывались волны забастовочного движения, возникали волнения в армейских частях, поднималось национально освободительное движение, особенно в царстве Польском, входившем в состав Российской империи. Изначально император готов был пойти только на весьма ограниченные политические уступки обществу. Однако продолжавшиеся волнения и особенно разразившаяся в октябре 1905 г. забастовка, охватившая многие города, вынудили правительство и императора Николая II выступить с более обширной программой преобразований, важнейшим из которых было решение о созыве законосовещательной (так называемой булыгинской) Государственной думы, названной по фамилии министра внутренних дел А.Г. Булыгина, внесшего на рассмотрение правительства проект закона об учреждении Думы и положение о выборах в нее. 17 октября 1905 г. председателем Совета министров был назначен считавшийся либералом (и в действительности бывший им) С.Ю. Витте. В тот же день Николай II подписал Манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка», который провозглашал «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Последнее положение трактовалось, хотя и не официально, как разрешение на создание не только профессиональных, но и политических организаций, как возможность образования политических партий. Был обещан созыв законодательной Государственной думы. Вслед за этим была объявлена политическая амнистия. Созыв Думы, избираемой на основании нового закона (в окончательной своей форме он назывался избирательным законом от 11 декабря), назначался на апрель 1906 г. Выборы 524 депутатов должны были происходить в марте – апреле. Законосовещательный орган Государственный совет, существовавший в России с 1810 г., манифестом царя от 20 февраля 1906 г. был превращен в орган законодательный и стал верхней палатой российского парламента. Одна половина членов Государственного совета назначалась монархом; другая – избиралась от земств, дворянских собраний и университетов. Нижней палатой парламента становилась Государственная дума. Однако итоги выборов в Думу для правительства Витте обернулись катастрофой. Витте утверждал, что политические уступки населению приведут к умиротворению радикально настроенных слоев и к ослаблению революционного движения. Произошло же прямо противоположное. Манифест 17 октября послужил катализатором революции. Более трети мест в Думе (34,1%) получили кадеты; почти четверть (23,8%) – трудовики (то есть легальные эсеры); 14% было у национальных меньшинств – автономистов (поляков, литовцев, латышей, украинцев и мусульман). Странники Манифеста 17 октября (октябристы) имели лишь 2,9% голосов [388]. Понятно, что от такой левой Думы правительство не вправе было ждать ничего, кроме откровенной и открытой поддержки революции. Либерально демократические силы рассматривали царский манифест как крупную победу в движении за обновление России, как начальный шаг на пути ее постепенной мирной модернизации, вступления на путь, по которому шли западные страны с конституционно парламентскими режимами. Совершенно иную позицию занимали оказавшиеся на легальном положении партии и группы социалистической ориентации, прежде всего социал демократы и социалисты революционеры. Следуя марксистским и другим утопическим схемам, они рассматривали манифест царя как исходный пункт для дальнейшего обострения внутривнутриполитического положения, для привлечения на свою сторону всех тех сил, которые чувствовали себя угнетенными или ущемленными. А таковых было очень много. К ним относились неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие, неимущие, бедные и отчасти средние крестьяне, деклассированные люмпенские городские низы, многочисленные угнетенные национальности империи. Если умеренные социалисты, к которым принадлежали меньшевики и основная часть эсеров, оставались на более или менее трезвых позициях, придерживаясь классической марксистской схемы подготовки «социалистической революции» по мере развития капитализма и превращения пролетариата в большинство нации, то экстремисты стремились к «углублению» революции немедленно, к организации бунтов толпы («вооруженного восстания») сразу же и в максимально широких масштабах. К таким экстремистам относился в первую очередь Лев Троцкий, хотя подобные настроения охватили тогда не только большевиков, но и низовых меньшевистских функционеров, в среде которых сохранялась упорная тяга к «революционному единству» всех социалистов. Еще до оглашения царского манифеста Троцкий возвратился в Петербург. Бурные

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

события повлекли его за собой, и в принципиально новых условиях он оказался одним из наиболее ярких и востребованных политических деятелей. Четко уже определившееся страстное ораторское искусство, умение опровергать утверждения оппонентов, находчивость в полемике, в моментальном подборе собственных аргументов, доступных массе и исполненных демагогических лозунгов, самоуверенность и директивность манер – все эти качества являлись как раз теми, которые были в наибольшей степени необходимы в недели наивысшего революционного накала. Троцкий оказался в нужном месте в правильное время, «когда люди типа Троцкого с его неумной энергией, взрывным темпераментом, блестящими ораторскими способностями, решительностью и способностью к молниеносному анализу политической ситуации были поистине незаменимы» [389].

Остается загадкой, каким образом Троцкий очень быстро добрался до Петербурга, если иметь в виду продолжавшуюся забастовку железнодорожников. На дорогу в этих сложных условиях у Троцкого ушел всего день [390]. Петербург встретил Льва настороженно. Предприятия не работали, стояли поезда и трамваи. Улицы города были погружены во тьму. Зато аудитории университета, Технологического института и другие залы были полны людьми, самочинно захватившими их. Разгоряченные толпы студентов, привлеченные ими рабочие бездействующих заводов и фабрик, просто отбросы общества – нищие, уголовники, проститутки – упивались «свободой». Они то поддерживали оратора какой либо революционной партии, то низвергали его с трибуны. При этом дело было в основном не в том, какие логические доводы приводил оратор в пользу своей позиции, а в том, каким образом он мог воздействовать на эмоции массы, оставить ее равнодушной или вызвать против себя чувство раздражения и гнева.

Троцкий выступал перед аудиторией Технологического института в день прибытия в Петербург, вечером [391]. Он привез с собой оригинальный, как он считал, план создания выборного беспартийного рабочего органа, который состоял бы из представителей предприятий, по одному делегату на тысячу рабочих. От литератора меньшевика Н.Н. Иорданского [392], стоявшего тогда на правых социал демократических позициях, Троцкий узнал, что похожий лозунг выборного органа – по одному делегату от 500 рабочих – уже выдвинут меньшевистской организацией и что этот орган получил название Совет рабочих депутатов.

Первое заседание Петербургского Совета состоялось 13 октября по инициативе столичной меньшевистской группы в одной из аудиторий Технологического института. На нем присутствовало около 40 человек. В следующие же дни число депутатов быстро росло, достигнув в конце концов 562. Две трети депутатов составляли меньшевики. В Совете участвовали также большевики и эсеры. Представлены были и общественные организации – железнодорожный и почтово телеграфный профсоюзы, крестьянский союз, а также несколько других, более мелких профессиональных организаций, только возникших в эти дни в столице.

Почти одновременно с Петербургским Советом аналогичные органы стали создаваться во многих других городах. Инициаторами их образования были, как правило, меньшевики. В Советах они видели зачаток массовых открытых общественных рабочих организаций. Вслед за этим в работу Советов включались большевики, эсеры, зарождавшиеся профсоюзы и другие общественные организации. В некоторых местах, прежде всего в Москве, большевики стали во главе Совета. В практической работе разногласия между большевиками и меньшевиками притуплялись, возникали различные формы сотрудничества, хотя соперничество обеих фракций не ослабло. В феврале 1907 г. Ленин признавал, что сближение между большевиками и меньшевиками стало фактом, причем приписывал эту заслугу большевикам, вернее, утверждал, что меньшевики попросту перешли на позиции большевизма: «Развитие революции принесло полную победу большевизму, от которого в октябрьско ноябрьские дни меньшевики отличались только увлечениями Троцкого» [393]. Иными словами, по Ленину, в первую российскую революцию было две силы: большевики (за которыми пошла часть меньшевиков) и Троцкий, за «увлечениями» которого пошли все остальные социал демократы.

Троцкий с самого начала принимал активное участие в работе Совета, где он выступал под фамилией Яновский. Выступления следовали буквально ежедневно, часто по несколько раз в день. Касались они как организационных вопросов работы самого Совета, так и тактики массовых выступлений, мероприятий властей и ответов на них. О быте задумываться было некогда. Даже когда житейские дела оказывались связанными с личной безопасностью, ими пренебрегали. Когда Наталья после Октябрьского манифеста возвратилась из Твери, Лев снял комнату у человека, который, как выяснилось, был биржевым спекулянт. Доходы его в условиях революции резко сократились, в результате чего он вынужден был сдавать внаем часть своей обширной квартиры. Не имея понятия о том, кто такие его новые жильцы, он однажды взял у Натальи очередной номер газеты и сразу же натолкнулся на статью некоего Яновского «Доброго утра, петербургский дворник». Хозяина

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. особенно возмутило, что революционеры добрались уже и до дворников, которых тот считал стражами порядка. Он выхватил из кармана револьвер и стал потягивать им: «Если бы попался мне этот каторжник, я бы его вот из этого застрелил!» Встревоженная Наталья сразу же поехала к Троцкому с вестью об опасности. Но времени искать новую квартиру так и не нашлось. Вплоть до ареста Льва Троцкий продолжали жить под фамилией Викентьевы у биржевого спекулянта. Их личности так и не были установлены. После ареста на квартире, снимаемой Троцким, «даже не сделали обыска» [394].

Деятельность Троцкого в октябре – декабре 1905 г. протекала в трех основных направлениях. Первым была журналистика. Троцкий работал одновременно в трех газетах. Вместе с Парвусом они овладели маленькой и совершенно невлиятельной «Русской газетой», заплатив за нее смехотворно низкую цену, и за несколько недель превратили малотиражку в популярный массовый орган. Тираж газеты сразу же поднялся с 30 до 100 тысяч экземпляров, а через месяц подписка на нее и розничная реализация составили почти полмиллиона. Продавалась газета по одной копейке за экземпляр, раскупалась иногда моментально, и купленные экземпляры приходилось передавать из рук в руки. Весьма недружелюбно относившийся к Троцкому П.А. Гарви [395] признавал, что Троцкий и Парвус смогли превратить издание «в бойкую популярную рабочую газету» [396].

13 ноября стала выходить организованная Троцким совместно с группой меньшевиков большая общеполитическая газета «Начало». Там вместе с Троцким сотрудничали Парвус и видные меньшевистские деятели Мартов, Потресов, Дан и Мартынов. Имея в виду преобладание в редакции меньшевиков, Троцкий и Парвус потребовали, чтобы их статьи публиковались с подписью. Условие было принято. Формально ответственным редактором «Начала» был демократически настроенный врач и социолог Д.М. Герценштейн, который, «не задумываясь, дал свое имя непримиримо революционному изданию» [397]. За это беспартийный врач вскоре был арестован, осужден и год провел в тюрьме. А на суде доктор рассказывал со слезами на глазах, как революционеры, «редактируя самую популярную газету, питались между делом сухими пирожками, которые сторож приносил завернутыми в бумагу из ближайшей булочной» [398].

В газете происходили дискуссии Троцкого с меньшевистскими деятелями. Мартов полагал, что ему будет очень трудно ужиться с Троцким. Однако в конце октября он писал Аксельроду, что в интересах революции сделает «все возможное, чтобы ужиться» [399]. У Плеханова же участие Троцкого в меньшевистской газете вызвало негодование. Он возмущенно апеллировал к тому же Аксельроду в феврале 1907 г.: «Наведи справки, каким это образом меня вынуждают платить за «Начало», которое было мне так ненавистно» [400].

Первоначально Троцкий, в отличие от меньшевиков, оставался на позициях бойкота Государственной думы, за что был подвергнут критике Мартовым. Вскоре, однако, Мартов с удовлетворением констатировал, что «Петр Петрович» (Троцкий) от тактики бойкота отказался [401]. Газета «Начало» выходила недолго. После появления № 16 (2 декабря) она была закрыта правительством, поскольку, по словам Троцкого, «пользовалась гигантским успехом», в то время как большевистская «Новая жизнь» была «серовой». Большевик Лев Борисович Каменев [402] (ставший супругом младшей сестры Льва Бронштейна Ольги) свидетельствовал, что покупатели действительно требовали прежде всего «Начало»: «Я с досадой сказал себе: да, они в «Начале» пишут лучше, чем мы» [403]. Позитивным был и отклик большевистской газеты «Новая жизнь»: «Вышел первый номер «Начала». Приветствуем товарища по борьбе. В первом номере обращает на себя внимание блестящее описание ноябрьской стачки, принадлежащее тов. Троцкому» [404].

Троцкий сотрудничал и в «Известиях», которые 17 октября 1905 г. начал издавать как собственный орган Петербургский Совет. Первый номер вышел небольшим тиражом в частной типографии. Но со второго номера, выпущенного 18 октября, газета стала печататься путем «ночных набегов» представителей Совета на типографии крупных газет «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Биржевые ведомости» и др. Так, в ночь на 18 октября представители Совета явились в типографию «Сына Отечества» и заставили наборщиков и прочий персонал отпечатать «Известия». Для выполнения этой задачи была даже сформирована специальная «летучая дружина», получавшая задания от Троцкого [405].

Яновский писал для «Известий» не только передовые статьи, но и многие информационные материалы, воззвания, манифесты и прочие агитационные тексты. В газете помещались также официальные документы РСДРП и самого Совета. Автором этих материалов, представлявших особую важность, тоже был Троцкий. Основное внимание в прессе Троцкий сосредоточивал не только и не столько на разоблачении самодержавия, сколько подвергал резкой и язвительной критике складывавшийся политический центр в лице либеральных партий и организаций.

До тех пор пока расстановка сил еще не была вполне четко определена, главным

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. объектом его критики была Партия демократических реформ и ее фактический печатный орган журнал «Вестник Европы». Троцкому была ненавистна четкая установка этой организации на мирный путь обновления общества, ее указания на гибельность для России революционной ломки существовавшего строя, ее курса на создание сильного государства, основанного на сотрудничестве общественных сил и верховной власти в лице конституционной монархии. Троцкий вступал в язвительную полемику с видными общественными деятелями, примыкавшими к этой партии, – юристом К.К. Арсеньевым, экономистом А.С. Посниковым, ученым с мировым именем историком и социологом М.М. Ковалевским.

Доставалось и другим течениям и организациям буржуазии и интеллигенции, которых обычно объединяют под названием прогрессистов. Разумные и четкие установки этого течения (собственная политическая организация прогрессистов оставалась аморфной, и ее лишь условно можно было назвать партией) на создание в России конституционно монархического режима, основанного на отчетливом разделении трех ветвей государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной), независимых друг от друга, но составляющих единую систему правового государства [406], были Троцкому решительно чужды.

Однако главным объектом критики стали те группы и печатные органы, которые в октябре 1905 г. оформились в конституционно демократическую партию (партию кадетов, или, как она еще называлась, Партию народной свободы), ставшую ведущим представителем российского либерального демократизма. Атаки на кадетов были предопределены тем, что эта партия, «аккумулировавшая в своих рядах цвет российской интеллигенции начала XX в., мечтавшей о радикальном преобразовании страны парламентским путем и на основе общечеловеческих ценностей» [407], являлась основным идейным соперником социал демократов. Лидер кадетов П.Н. Милюков был постоянным объектом нападков со стороны Троцкого. Особенно наступательными и даже агрессивными в этом отношении были работы «Интеллигентская «демократия» и «Открытое письмо профессору П.Н. Милюкову» [408]

Вторым направлением работы стала деятельность в рамках РСДРП, главной целью которой было содействие совместным выступлениям большевиков и меньшевиков с перспективой их объединения в единую партию. Сразу же после своего возвращения в Петербург Троцкий выступил инициатором образования Федеративного совета РСДРП, в состав которого вошли представители Петербургской группы, объединявшей меньшевиков, Петербургского комитета большевиков, а также представители большевистского ЦК и меньшевистской организационной комиссии, образованной после конференции меньшевистской фракции. Хотя образование этого органа отнюдь не означало преодоления разногласий между фракциями и тем более их объединения, сам факт его создания был важным достижением того курса, который отстаивал Троцкий. В задачи Федеративного совета были вменены регулирование устной и печатной агитации и координация действий с другими организациями Петербурга, считавшимися революционными. В «Известиях» Совета появилось сообщение об образовании Федеративного совета, написанное Троцким, и выразились весьма оптимистические надежды на приближающееся торжество революционных сил: «Великая российская революция близится к победе. Наступающие решительные события требуют особенно сплоченности и единства пролетарской борьбы. От степени сознательности, степени организованности пролетариата и от единообразия его выступлений зависит главным образом исход революции. Полная победа революции может быть тогда и только тогда, если во главе ее будет идти пролетариат, который сумеет повести за собой до конца крестьянство и мелкую городскую буржуазию в борьбе за демократическую республику» [409].

Как видно из последовавших за этим документов, Троцкий фактически возглавлял федеративный совет, являлся автором все новых и новых его постановлений. Им была написана резолюция протеста против приказа петербургского генерал губернатора Д.Ф. Трепова о том, что устройство митингов и демонстраций разрешается только в трех специально отведенных для этого местах. «Мы заявляем, – говорилось в резолюции, – что будем по-прежнему собираться в университетах, на заводах, на улицах и во всех других местах, где найдем нужным» [410].

Но третьим, причем главным, направлением стала работа в Совете. В Петербургском Совете Троцкий, являвшийся нефракционным социал демократом, сотрудничал с меньшевиками Д.Ф. Сверчковым и П.А. Злыдневым, большевиками А.А. Богдановым [411], Б.М. Кнунянцем и П.А. Красиковым, эсерами В.М. Черновым [412] и Н.Д. Авксентьевым [413]. Поначалу большевики, особенно Богданов, заняли довольно агрессивную позицию. Богданов огласил план: внести в Совет предложение немедленно признать и принять социал демократическую программу и добиться передачи большевикам руководства Советом, а в случае отрицательного решения – выйти из состава Совета. Поступившие возражения были им отвергнуты. Через

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. несколько дней Красиков (он выступал в Совете под псевдонимом Антон) внес в Совет предложение именно в этом духе. Оно, естественно, принято не было. Выйти из Совета большевики, однако, сочли нецелесообразным [414]. Сам ход событий – рост влияния Петербургского и других Советов, а затем и позиция возвратившегося в ноябре в Россию Ленина – заставил их отчасти отказаться от сектантского настроения. Поначалу большевики относились к Советам подозрительно, так как видели в них осуществление идеи о «неоформленных классовых организациях» как центрах сплочения пролетариата, которую проводили меньшевики, оценивали это как отказ от идеи захвата власти, отказ социал-демократии от непосредственного руководства неорганизованным движением [415]. Но тот факт, что Советы превращались в значительную силу, заставлял большевиков считаться с реалиями. Ни на заседаниях Исполкома Совета, ни на его пленарных заседаниях разногласия между большевиками и меньшевиками отчетливо не проявились, точно так же, как не было существенных расхождений между социал-демократами и социалистами революционерами. В текущей работе догматические споры отходили на второй план, преобладало сотрудничество, в обеспечение которого Троцкий внес безусловный вклад. Он, в частности, поддерживал умеренные предложения эсеров, которые выступали против введения явочным порядком восьмичасового рабочего дня, чрезмерного увлечения политическими стачками и т. п.

В первый день работы Совета его председателем было избрано случайное лицо – меньшевик Саул Зборовский по кличке Кузьма, но он проявил полную неспособность к организационной деятельности и уже на следующий день был заменен присяжным поверенным Г.С. Хрусталевым [416], который работал в Совете под псевдонимом «рабочий Носарь» и стал известен как Хрусталев Носарь. Однако и новый председатель не проявлял сколько-нибудь плодотворной активности. Его роль сводилась главным образом к формальному проведению заседаний при весьма относительном соблюдении порядка дня и регламента, с которыми совладать он подчас не был в состоянии. В этих условиях роль Троцкого все более возрастала. Он выступал со все новыми и новыми инициативами. Прокурор С.В. Завадский, позже ведший судебное дело членов Совета, высказывал мнение, что Хрусталев был «просто пешкой революции, идя на поводу, как и многие другие, у Троцкого» [417]. В этой оценке было явное преувеличение, но часть истины она отражала. Ленин, похоже, завидовал тому, что именно Троцкий, а не он сам выступал в качестве «народного трибуна» в условиях революции. Луначарский вспоминал, как в его присутствии кто-то сказал Ленину: «Звезда Хрусталева закатывается, и сейчас сильный человек в Совете – Троцкий». Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом выдал: «Что ж, Троцкий завоевал это своей неустанной работой и яркой агитацией» [418].

Включившись в работу Совета 15 октября, Троцкий уже 18 октября, то есть на следующий день после появления царского манифеста, стал одним из руководителей организованной Советом демонстрации. Ночь на 18 октября он провел в квартире военврача Литкенса. Утром Литкенс вошел в его комнату с улыбкой радостного возбуждения, держа в руках листок «Правительственного вестника». «Выпустили конституционный манифест!» – сказал он. «Не может быть!» – воскликнул Троцкий. Общее мнение было, что «это чудо совершила всеобщая стачка» и что «дураки испугались».

Однако радостная эйфория сменилась тревогой, как только Троцкий вышел на улицу и узнал, что ночью войска обстреляли Технологический институт, где проходило собрание и откуда, по слухам, была брошена бомба; а жандармский патруль разогнал небольшое собрание на Забалканском проспекте [419]. Троцкий направился в Совет, где уже было принято принципиальное решение о демонстрации. Некоторые наиболее рьяные ее организаторы требовали, чтобы Совет возглавил шествие к тюрьме Кресты с целью освобождения политических заключенных. Это была идея, навеянная рассказами о штурме Бастилии во время французской революции конца XVIII в., о чем неоднократно вспоминала революционная пресса, проводя сопоставления двух революций. Исполком Совета, однако, колебался, боясь кровопролития. Тем не менее демонстрация состоялась. Во главе ее шли меньшевик Хрусталев Носарь, большевик Кнунянц и нефракционный социал-демократ Троцкий, не собиравшиеся, впрочем, штурмовать Кресты. Демонстранты они увели подальше от тюрьмы, и первоначальная идея взятия Крестов была оставлена [420]. Рядом находился Дом предварительного заключения, но и про него было сказано, что на подходах расставлены засады и в случае дальнейшего движения демонстрантов кровопролитие неминуемо. После краткого совещания революционеры решили обойти стороной и эту тюрьму [421]. Демонстрация, однако, сохраняла весьма агрессивный характер. Она сопровождалась рядом летучих митингов, на которых выступали ее лидеры. Во время одного из них – возле здания столичного университета – Троцкий с университетского балкона произнес зажигательную речь, завершив ее достаточно театрально: «Какое великое

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

торжество! Но не торопитесь праздновать победу: она неполна. Разве обещание уплаты весит столько же, как и чистое золото? Разве обещание свободы то же самое, что сама свобода? Кто среди вас верит царским обещаниям, пусть скажет это вслух: мы все будем рады видеть такого чудака» [422] .

Оратор поднял над головой листок с текстом манифеста царя, разорвал манифест на мелкие клочья и швырнул в сторону. Еще долгую минуту обрывки царского манифеста кружились над головами участников демонстрации, символизируя «бумажный характер» документа и мощь народа, который должен был его решительно отвергнуть [423] . «Я кричал им с балкона, что полупобеда ненадежна, что враг непримирим, что впереди западня, я рвал царский манифест и пускал его клочья по ветру. Но такого рода политические предупреждения оставляют только легкие царапины в сознании массы. Ей нужна школа больших событий» [424] , – заключал Троцкий через много лет.

1 ноября на заседании Совета произнесли приветствия представители польских национально освободительных организаций, подчеркивавшие, что к гнету капиталистическому в царстве Польском присоединяется гнет национальный, что Октябрьский манифест царя ничего не дал польскому народу, что поляки будут продолжать свою решительную борьбу за национальное и социальное освобождение против русского царизма. Весьма любопытным было то, кто входил в состав польской делегации: граф Замоиский, граф Красинский, князь Любомирский, несколько католических священников и купцов, один крестьянин и один рабочий.

Тем не менее Троцкий, выступавший с ответной речью, тепло приветствовал делегатов. Он провозгласил: «То дело, за которое стоит польский пролетариат, есть наше дело; то дело, за которое стоим мы, есть его дело, и потому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы» [425] . Нетрудно предположить, какова была внутренняя негативная реакция польских аристократов на это заявление социалистического оратора, но внешне они сохраняли на своих лицах самое приветливое выражение: объективно петербургские социал демократы были их союзниками, хотя лидер Совета Троцкий взывал не к ним, а через их головы к польскому пролетариату.

К событиям в царстве Польском в качестве деятеля Совета Троцкий обращался и в следующие дни, причем связывал намечаемые акции с другими важными политическими событиями. В связи с польскими делами и волнениями в военно морской крепости Кронштадт, в частности в связи сообщениями о том, что группа моряков крепости предана военно полевому суду, Троцкий предложил Совету объявить в столице всеобщую забастовку. Надо сказать, что это решение не было произвольным. Ему предшествовали выступления на заседании представителей ряда предприятий Петербурга и профсоюзов, которые высказывались за политическую стачку. 1 ноября Совет одобрил подготовленную Троцким резолюцию о прекращении работы на всех предприятиях Петербурга в 12 часов дня 2 ноября под лозунгами: долой полевые суды; долой смертную казнь, долой военное положение в Польше и во всей России [426] . На второй день забастовки, 3 ноября, председатель Совета министров империи граф Витте обратился к ее участникам со следующей проникновенной телеграммой: «Братцы рабочие! Станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Государь приказал нам обратить особое внимание на рабочий вопрос. Для этого Его Императорское Величество образовал министерство торговли и промышленности, которое должно установить справедливые отношения между рабочими и предпринимателями. Дайте время – все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, к вам расположенного и желающего вам добра» [427] .

Это достаточно наивное либеральное обращение явилось искрой, которую Троцкий вместе с другими руководителями Совета пытался использовать, чтобы разжечь еще больший пожар. Исполком Совета поручил меньшевику Сверчкову написать ответ премьеру. Но Сверчков, не очень хорошо владевший пером, никак не мог составить «достойный» текст, о чем пожаловался Троцкому. Последний уже во время вечернего заседания Совета 3 ноября быстро написал весьма острый проект резолюции, которая была тут же с энтузиазмом принята Советом [428] . В резолюции издевательски говорилось, что «пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят» и поэтому Совет выражает свое изумление обращением графа к «братцам рабочим». Отвергнув по всем пунктам аргументы председателя правительства, резолюция завершалась словами: «Совет рабочих депутатов заявляет, что он не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права» [429] . В самих же «Известиях» Троцкий опубликовал «Ответ графу Витте», квалифицируя его телеграмму как «нравоучение, в котором наглость переплетается с заискиванием». Автор продолжал: «Какой в самом деле нужен медный лоб, чтобы осмелиться обратиться к петербургскому пролетариату с такими увещаниями?» [430]

В начале ноября в российской столице сложилось своего рода патовое положение. Власти вынуждены были идти на определенные, правда не афишируемые, уступки забастовщикам. Со своей стороны, Совету приходилось учитывать, что удержать

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. рабочих в состоянии стачки в течение длительного времени он не в состоянии. Поступившее 5 ноября известие о том, что кронштадтских матросов, обвиняемых в беспорядках, буйствах и грабежах, будут судить не полевым, а обычным судом [431], было воспринято Троцким как признание силы Совета и в то же время как удобный повод прекратить забастовку. Именно в этом духе он выступил от имени Исполкома с заявлением об «огромной моральной победе». В то же время докладчик пытался убедить членов Совета в необходимости быть сдержанными, поскольку впереди – решительная и беспощадная борьба и не следует обгонять события и проявлять нервозность.

Троцкий предложил прекратить забастовку, обратив теперь главное внимание на организацию и вооружение рабочих. Речь шла, с одной стороны, о «самоорганизации» пролетариев, а с другой – о дисциплине, что являлось, по существу дела, глубоким внутренним противоречием, ибо дисциплина могла быть обеспечена только принудительными методами. Именно на дисциплину, по существу на военное принуждение, Троцкий делал основной упор, позабыв о «самоорганизации»:

«Составляйте на каждом заводе боевые десятки с выборным десятским... Доводите дисциплину в этих ячейках до такой высокой степени, чтобы в каждую данную минуту весь завод мог выступить по первому призыву». В ответ на вопрос либеральной буржуазии: «Разве вы заключили договор с победой?» (разумеется, этот вопрос был риторическим, придуманным самим оратором) – он давал весьма красочный ответ: «Нет, мы заключили договор со смертью!» [432] Это была в основе своей довольно легковесная риторика, но она впечатляла членов Совета и читателей «Известий», прежде всего столичных рабочих, своей страстностью.

В этот же день Совет утвердил написанную Троцким резолюцию о прекращении «стачечной манифестации» 7 ноября, призвав «сознательных рабочих удешевить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс, планомерно подготовляя таким образом последнюю всероссийскую схватку с кровавой монархией, доживающей последние дни» [433]. Отказ от всеобщей забастовки был первым фактическим признанием поражения Петербургского Совета. Вслед за этим, также весьма сдержанно, буквально стиснув зубы, Троцкий и весь Совет вынуждены были признать еще одну неудачу – с явочным введением восьмичасового рабочего дня. Краткая резолюция, подготовленная Троцким на эту тему, уклонялась от обсуждения вопроса по существу. Констатируя, что восьмичасовой рабочий день является «жгучей потребностью рабочего класса», резолюция вместо борьбы за его введение призывала к массовой организации рабочих в политические и профессиональные союзы [434].

Через несколько дней, 12 ноября, опять таки по докладу Троцкого, Совет принял его резолюцию о приостановлении введения восьмичасового рабочего дня, так как оно встретило «упорное сопротивление объединенных капиталистов», а столичные рабочие не могут осуществить прежнее постановление Совета «отдельно от всей страны». Совет призывал использовать намечаемый в Москве съезд рабочих организаций для того, чтобы придать борьбе за восьмичасовой рабочий день всероссийский характер. Правда, на заседании Совета представители Семяниковского и Александровского заводов, а также некоторых других предприятий, добившихся восьмичасового рабочего дня, настаивали на продолжении борьбы. Однако большинство ораторов с других заводов и фабрик поддержали Троцкого [435], оттеснившего к этому моменту Хрусталева Носаря и фактически возглавившего самочинный орган [436].

Постепенно меры Совета приобретали все более оборонительный характер, хотя сохранялась словесная наступательная риторика. 14 ноября была принята еще одна резолюция Троцкого, на этот раз о борьбе против локаутов. Правда, протест против локаутов, начатых петербургскими предпринимателями, сопровождался угрозой новой всеобщей политической забастовки, но ясно было, что это лишь хорошая мина при все более ухудшавшейся игре [437].

Возможно, 25 и 26 ноября на заседании Исполкома Совета состоялись встречи Троцкого с Лениным, который незадолго перед этим приехал в Петербург, но вел себя крайне осторожно, не принимал участия в митингах, демонстрациях и тому подобных массовых акциях. Собственно говоря, нет и точных указаний на участие Ленина в заседаниях Исполкома 25 и 26 ноября, ибо о них рассказывает только автор воспоминаний М. Эссен, явно подгонявшая свою «память» под политические требования момента [438]. Совсем маловероятным выглядит утверждение мемуаристки, что Ленин внес на заседание Совета проект резолюции против локаутов, которая на самом деле была предложена Троцким на пленарном заседании Совета [439]. Сам же Троцкий пишет в своих воспоминаниях, что Ленин, находившийся в глубоком подполье, не принимал и не мог принимать какого бы то ни было участия, тем более активного, в работе Петербургского Совета [440].

Указаний на участие Ленина в каких либо других заседаниях Исполкома не имеется.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
3. Во главе Совета. Арест

По всей видимости, охранные органы империи не располагали вполне достоверной информацией о расстановке сил в Совете и о реальной роли Троцкого. Это свидетельствовало о подлинной растерянности властей, ибо Троцкий был на виду, находился в центре всех политических событий, которые происходили в столице во второй половине октября – ноябре 1905 г. Репрессии начались с ареста безликой фигуры Хрусталева Носаря только по формальной причине – он все еще занимал пост председателя Совета официально.

На это событие Совет ответил резолюцией, написанной Троцким: «26 ноября царским правительством взят в плен председатель Совета рабочих депутатов т. Хрусталева Носарь. Совет рабочих депутатов выбирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию» [441]. Этим же вечером на квартире присяжного поверенного нефракционного социалиста Н.Д. Соколова [442] состоялось заседание Исполкома Совета, на котором рассматривался вопрос о дальнейшей тактике социалистов в Совете и о кандидатуре в его председатели. К единому мнению прийти не удалось. На следующий день бурные прения о том, что делать дальше, разгорелись уже на заседании Исполкома. Представитель эсеров В.М. Чернов предложил выпустить заявление, что на правительственные репрессии Совет будет отвечать террористическими ударами. Это было авантюристическое предложение, практически не реализуемое, так как силами для ответных репрессий Совет не располагал.

Исполком избрал трехчленное председательство: Троцкий, Д. Сверчков (под фамилией Введенский – ему было получено руководство финансовыми делами) и депутат от Обуховского завода меньшевик П. Злыднев. Вслед за этим новое руководство было утверждено общим собранием Совета. И хотя Троцкий даже теперь формально не стал единоличным руководителем Совета, его функции как руководителя еще более укрепились [443]. Но происходило это уже в то время, когда власти начали в Петербурге контрнаступление.

2 декабря был опубликован так называемый финансовый манифест, идея и изначальный текст которого принадлежали Крестьянскому союзу [444]. Правда, манифест был отредактирован Троцким, обогатившим документ как новыми принципиальными положениями, так и яркостью формы [445]. После этого он был утвержден на совместном заседании Совета и опубликован. В ответ правительство издало правила, ужесточившие наказание за участие в забастовках, и закрыло все восемь газет, опубликовавших финансовый манифест.

Манифест провозглашал неизбежность финансового банкротства царизма и предупреждал, что долговые обязательства династии Романовых не будут признаны победоносным народом. «Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий, – говорилось в документе. – Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом».

Авторы манифеста исходили из того, что реальный путь к свержению правительства состоял в том, чтобы отнять у него источник существования – финансовые доходы. В связи с этим манифест содержал призыв к рабочим, а также всем другим бедным слоям населения, изымать свои вклады из банков и сберегательных касс и требовать выплаты заработной платы наличными деньгами в звонкой монете. К крестьянам был обращен призыв прекратить выплату выкупных платежей за землю, полученную ими по условиям реформы 1861 г.

Финансовый манифест был подписан Советом рабочих депутатов, Главным комитетом Всероссийского крестьянского союза, Центральным комитетом и Организационной комиссией социал демократической партии, ЦК партии социалистов революционеров, ЦК Польской социалистической партии [446]. Он рассматривался как средство нажима на правительство, ослабления его финансовой мощи, подрыва доверия к нему со стороны зарубежных государственных и предпринимательских кругов. Но разумеется, этот документ был с экономической точки зрения нелепостью, а в политическом отношении сгустком демагогии. Каким образом Совет мог не допустить уплаты долгов, не обладая реальной государственной властью? Как можно было уговорить рабочих отказываться получать заработную плату бумажными рублями? Если бы они пошли на это, им просто не на что было бы жить. Не говоря уже о том, что у рабочих и других низших слоев населения не было сколько нибудь значительных банковских вкладов, и их весьма проблематичное изъятие, даже если бы таковое и произошло, не оказало бы существенного влияния на экономико финансовое положение страны.

Финансовый манифест следует рассматривать скорее как признак слабости Совета, а не его силы. Разумеется, это была одновременно и вина и беда Троцкого, который официально стал одним из трех руководителей Совета почти накануне его разгона. Троцкий не мог этого не осознавать, но волей обстоятельств он вел себя так,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. будто революционная волна еще только нарастала. В конце ноября – начале декабря он публиковал в «Русской газете», газете «Начало» и большевистской газете «Новая жизнь» все более и более дерзкие статьи и обращения. При этом он не только воздерживался от призыва петербургских рабочих к вооруженному восстанию, но стремился остановить действия наиболее горячих сторонников прямой военной схватки от ввязывания в бой, опасаясь непредвиденных последствий от этих действий.

После ареста Хрусталева Носаря в «Русской газете» появилась несколько странная и противоречивая статья Троцкого под заголовком «Дерзайте!». Статья как бы провоцировала власти на дальнейшие репрессии против Совета: «Правительство осмелилось захватить Хрусталева. Пусть же оно не теряет времени и захватит весь Совет рабочих депутатов!» Но тут же высказывалось мнение, что после «первого дерзкого шага» правительство не решится сделать второго. Объяснялось это тем, что за Советом, мол, стоит пролетариат, за каждой революционной организацией находится сила революционного народа. И вновь в конце статьи звучал провокационный призыв: «Не останавливайтесь на половине пути! Идите до конца! Сперва арестуйте всех зачинщиков, затем раздавите все организации и, наконец, задушите народ! Дерзайте, палачи! Революция спокойно ждет вашей последней атаки!» [447]

Хотя, казалось бы, в этой статье содержались скрытые угрозы вооруженного отпора, в целом она выглядела как свидетельство ослабления революционных сил, как признание, что противник действительно вскоре обрушится и уничтожит их. П.Б. Струве, прочитав этот текст, заметил: «Совет рабочих депутатов заготовил (на словах) вооруженное восстание и тем приготовил свой собственный арест» [448]. В первых числах декабря в редакции газеты «Начало» Троцкий встретился со своим старым знакомым по городу Николаеву Г. Зивом, который оставил любопытную зарисовку этой встречи, свидетельствующую о том, что Троцкий уже ощущал себя видным политическим деятелем:

«В элегантно одетом, изящном господине с очень важным видом я с трудом узнал Леву Бронштейна с его небрежной косовороткой и прочими атрибутами былого опрощения.

Хотя он обнялся со мной и расцеловался, в его отношении ко мне явно давал себя чувствовать покровительственный холодок человека, стоящего очень высоко на общественной лестнице и не имеющего возможности тратить время с друзьями того отдаленного времени, когда он еще не был в чинах. Он уделил мне всего 2 – 3 минуты в коридоре, пригласил на завтрашнее заседание Совета и исчез в редакционном лабиринте» [449].

«Завтрашнее заседание» Совета состоялось 3 декабря в здании Вольного экономического общества. Троцкий на этом заседании председательствовал и выступил с обширным докладом о работе Исполкома [450]. На заседании Исполкома в этот день большевики, руководствуясь требованиями Ленина, предложили объявить в Петербурге всеобщую политическую стачку протеста против реакционной политики правительства, выразившейся, в частности, в закрытии ряда печатных органов, рассчитывая превратить стачку в вооруженное восстание. Большевики призывали «принять вызов абсолютизма, снестись немедленно со всеми революционными организациями страны, назначить день открытия всеобщей политической стачки, призвать к действию все силы, все резервы и, опираясь на аграрные движения и волнения солдат, идти навстречу решительной развязке». Это предложение, крикливое, но достаточно пустое по своему реальному содержанию, было поддержано делегатами железнодорожного и Почтового телеграфного союзов и некоторыми другими депутатами [451].

Троцкий занял более умеренную позицию. Он высказал мнение, что восстание должно начаться не в столице, где власти держат отборные вооруженные силы, а на периферии, где можно будет застать власти врасплох [452]. Пока на заседании шли бурные дискуссии, пришли сообщения о том, что правительством уже отдан приказ об аресте руководителей Исполкома Совета и других активных его деятелей и что к зданию Вольного экономического общества стягиваются войска (солдаты Измайловского полка, верховые казаки), жандармы, полицейские, представители административных властей. Тем временем главный Помпейский зал помещения был заполнен членами Совета, корреспондентами и другими лицами, ожидавшими начала вечернего заседания. Исполнительный комитет, проводивший свое заседание на втором этаже, принял решение скрыться, по крайней мере кому то, чтобы обеспечить преемственность в работе. Но сделать это было уже невозможно. Массивное здание Вольного экономического общества было полностью окружено. А еще через несколько минут первый Петербургский Совет рабочих депутатов был в полном составе арестован вошедшими в здание солдатами [453].

1. Первичное формирование концепции

К началу Первой российской революции большевики и меньшевики в целом сформировали основные принципы своей стратегии. Принципы меньшевиков состояли в том, что социалистическая революция в России будет делом неопределенного, но во всяком случае отдаленного будущего и последует лишь за революцией на Западе, что марксистская партия должна ставить перед собой только те задачи, для которых назрели объективные условия, что вполне допустим блок с либеральной буржуазией и ее политическими организациями во имя борьбы против самодержавия, что крестьянство может внести вклад в расшатывание системы, но не способно быть долговременным союзником пролетариата, который является главной силой революции. Основные установки большевиков состояли в том, что, несмотря на буржуазный характер предстоявшей революции, в ее успехе прежде всего заинтересован промышленный пролетариат; для успеха революции необходим его союз со всеми слоями крестьянства при руководящей роли рабочего класса и изоляции буржуазии, в том числе либеральной; в результате победоносной революции может быть создано правительство, являющееся революционно демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, которое доведет буржуазно демократическую революцию до конца и обеспечит ее перерастание в социалистическую [454].

Позиции меньшевиков казались несравненно более реалистичными, нежели большевистские, ленинские установки, носившие в значительной мере экстремистский характер. За формированием и развитием позиций обеих фракций внимательнейшим образом следил Троцкий. Но ни одна из них его не удовлетворяла. Еще до начала революции 1917 г. в России Троцкий, стремившийся к самостоятельному анализу российской и международной действительности, начал формулировать, сначала фрагментарно, а затем все более и более систематически, собственные взгляды на особенности российского революционного процесса и его связь с перспективами социалистической революции в международном масштабе, прежде всего в развитых европейских странах, что в ту пору не казалось утопией ни социалистам, ни их политическим противникам.

Троцкий видел, что Россия шла навстречу буржуазной революции, но, по его мнению, это не предreshало вопроса о том, какие классы, в каком соотношении сил и как именно будут участвовать в такой революции на практике, кому будет принадлежать действительно ведущая роль и, следовательно, политическая диктатура. В конечном счете Троцким была выработана сумма взглядов, которую он сам обычно называл теорией перманентной революции, но которую правильнее назвать концепцией мировой революции, а не теорией, так как преследовала она главным образом прикладные цели.

Сам Троцкий вначале не считал, что сделал открытие. Он полагал, что лишь применил к новым историческим условиям идею непрерывной, перманентной революции, которую еще в 1844 г. выдвинул К. Маркс, рассматривая события французской революции конца XVIII в. В неуклонном углублении французской революции, в переходе власти ко все более радикальным слоям, в развитии революции по восходящей линии вплоть до середины 1794 г. Маркс увидел ее непрерывность, перманентность [455] (пренебрегая событиями следующего пятилетия, которые не вписывались в его схему).

В ходе европейских революций 1848 – 1849 гг. и непосредственно после них Маркс вместе с Энгельсом стал рассматривать непрерывную революцию в качестве процесса перехода от буржуазной революции ко все большему расширению демократических преобразований, вовлечению в них народных масс, прежде всего пролетариата, к кому в конечном итоге перешла бы политическая власть. При этом, согласно Марксу и Энгельсу, необходимо было преодолеть, «снять» национальные формы революции, которая должна была принять общеевропейский характер, в чем также проявилась бы ее «перманентность». Иначе говоря, непрерывность революции рассматривалась Марксом и Энгельсом одновременно в двух смыслах, вертикальном и горизонтальном: и как процесс качественного углубления революции, перехода ее на новые этапы в рамках отдельных стран, и как распространение революции на все новые страны Европейского континента, превращение ее в международную и даже мировую.

Прогнозы основоположников марксизма совершенно не подтвердились. Они оказались романтическим вымыслом, однако были сохранены в арсенале международного социалистического движения. Его теоретики (Карл Каутский, Роза Люксембург, Франц Меринг и др.) время от времени обращались к термину «перманентная революция», в частности для характеристики революционного процесса в России, который, по их мнению, должен был принять долговременный характер, причем проходить в непосредственной связи с революцией в Западной Европе.

Свой вклад в обоснование и обогащение концепции перманентной революции внес и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

русско германский социал демократ Парвус. В ряде статей начала XX в. он выдвигал тезис о том, что капитализм превратился в универсальную, мировую систему, что роль национальных государств все более уменьшается, а расширяются международные, общие интересы буржуазии и пролетариата вне рамок отдельных государств. В целом это было плодотворное наблюдение. Другой вопрос, какие политические выводы отсюда следовали.

Что же касается России, то в условиях складывавшейся мировой капиталистической системы революционный процесс в ней должен был «сжаться». Парвус выражал несогласие со схемами ведущих российских социал демократов, прежде всего Плеханова, что на смену абсолютизму в России должна была прийти вначале конституционная монархия, затем либерально демократическая республика, что в ходе длительного процесса будут развиваться капиталистические отношения, увеличиваться численность и расти сознательность пролетариата, что только эти предпосылки обусловят грядущую социалистическую революцию. Парвус высказывал, правда весьма осторожно, мысль, что все эти этапы могут слиться воедино, что в ходе вооруженного восстания будет образовано рабочее социал демократическое правительство. Иначе говоря, от программы минимум российская социал демократия сразу же перейдет к программе максимум.

К роли крестьянства в революции Парвус относился значительно более сдержанно, полагая, что основные сражения развернутся между пролетариатом и буржуазией. Крестьянство же было в состоянии лишь «увеличить политическую анархию в стране и, таким образом, ослабить правительство» [456]. Отсюда вытекал известный лозунг, сформулированный Парвусом, который позже приписывали и Парвусу и Троцкому: «Без царя, а правительство рабочее». Но этот лозунг был выдвинут Парвусом не как устойчивая установка, а для красного словца. Что же касается Троцкого, то он этот лозунг никогда не разделял, а позже подверг его критике [457].

Парвус дал лишь начальный толчок разработке концепции перманентной революции, которая стала плодом дальнейших рассуждений и выводов Троцкого. Только в этом смысле концепция может быть определена как «троцкистская». Больше ничего специфически «троцкистского» во взглядах Троцкого и в рассматриваемый период, и позже не было (он всегда оставался последовательным марксистом).

Троцкий высказал предположение, что царизм будет низвергнут всеобщей забастовкой, на основе которой развернутся открытые революционные столкновения. Всеобщая забастовка мыслилась им не как сама по себе, не как средство достижения определенных экономических, социальных и политических целей без применения открытой вооруженной силы, а только как подготовительный этап на пути к вооруженному восстанию. Троцкий считал, что, развиваясь и расширяясь, классовые столкновения внесут разложение в армию и толкнут «лучшие ее части» на сторону восставших масс, что обеспечит их оружием и ударными отрядами для насильственного захвата власти. При этом Троцкий считал необходимым привлечение к выступлению пролетариата городского мещанства: «Политическая стачка, как единоборство городского пролетариата с полицией и войсками при враждебности или хотя бы только пассивности всего остального населения, означала бы для нас неизбежный крах» [458].

Политическая забастовка пролетариата должна была сразу же превратиться в массовую революционную демонстрацию значительно более широких слоев городского населения.

Основным агитационным лозунгом мобилизации пролетариата и более широких масс должна была стать идея всенародного Учредительного собрания. Это требование должно было превратиться в подлинно всенародное. Созыв Учредительного собрания должен был стать результатом всеобщей забастовки и вооруженного восстания рабочих, поддержанных армией. Наконец, Троцкий выдвигал задачу перебросить политическую агитацию в деревню. Крестьян необходимо было призывать на сходы, которые бы принимали постановления о созыве Учредительного собрания, а к пригородным крестьянам следовало обратиться призыв собираться в городах, чтобы участвовать в уличных массовых выступлениях под знаменем всенародного Учредительного собрания.

Итак, уже в 1905 г. Троцкий впервые в истории российского революционного движения провозгласил лозунг захвата пролетариатом государственной власти в форме Учредительного собрания в сравнительно близком будущем. Подразумевалось, что в качестве авангарда революции рабочий класс должен будет сформировать правительство. Несколько позже это положение было сформулировано открыто. Подчеркивая слабость российской буржуазии, ее неспособность играть лидирующую роль в революции и неорганизованность крестьянства, Троцкий делал вывод, что только пролетариат способен возглавить революцию. Он соглашался с возможностью возникновения объединенного оппозиционного фронта против царизма с другими силами, не опиравшимися на рабочих, но такое объединение рассматривал как крайне

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. непрочное и кратковременное. Революция превращалась в предстательстве Троцкого в единый, неразрывный, перманентный процесс, в котором общедемократические и социалистические задачи переплетались или даже сливались воедино. Через 17 лет Троцкий писал, что «именно в промежутке между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г.» у него сложились «те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории перманентной революции: «Мудренное название это выражает ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду потребуется на первых же порах своего господства совершить глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мирового революционного пролетариата» [459].

Общий смысл статей, которые публиковались Троцким в ходе революции в «Искре» и других петербургских газетах, был в том, что в России не существует общественных сил, которые были бы достаточно могущественны для направления хода событий в какое либо иное русло, кроме самого радикального. Крестьянство распылено и не способно к самостоятельной организации. Оно играет в основном разрушительную роль. Прогрессивные элементы городской демократии вынуждены выбирать между пролетариатом и буржуазным либерализмом, являющимся контрреволюционным. Рабочая партия поэтому должна выработать курс «решительного наступления» и сделать его центральным пунктом агитационной и организационной работы. Решительная победа народа над старым режимом передаст политическую власть пролетариату; став у власти, пролетариат использует ее не только для демократических преобразований, но и для непосредственного перехода к коренным социальным изменениям. Троцкий тем самым решительно порывал с традиционной программой социал демократической партии, признававшей неизбежность в России буржуазной революции. Программа минимум превращалась у него в программу максимум. Ленин же, в отличие от Троцкого, признавал значение политических позиций крестьянства и намечал план проведения буржуазно демократической революции и дальнейшего перехода от нее к революции социалистической [460].

2. Социально экономические предпосылки перманентной революции

В тюремной камере после ареста 3 декабря Троцкий в основном завершил формирование своей концепции перманентной революции, которую он позже изложил в ряде статей и выступлений. Многие из этих материалов затем вошли в сборник «Наша революция». Особенно важной в этом смысле была статья «Итоги и перспективы». Одним из важнейших исходных положений новой концепции революционного процесса, разработанной Троцким, была констатация того факта, что Россия являлась страной «второго эшелона» капитализма, постоянно стремившейся догнать более развитые страны. Самодержавная Россия, по его мнению, оказывалась не в состоянии совершить инновационный прорыв. Троцкий пытался в самых общих чертах проследить эту тенденцию от времени существования Древнерусского государства – Киевской Руси – до «великих реформ» 60 х гг. XIX в., отмены крепостного права. Он показывал, что заимствование и освоение зарубежных хозяйственных, технических и прочих достижений не вело в России к интенсивному экономическому развитию. Вошедшее в традицию стремление «догнать» не приводило к реальному достижению западного уровня. Являясь результатом навязывания сверху, со стороны государей, а не снизу, по инициативе низов, стремившихся к хозяйственной и самоуправленческой организации, эта догоняющая тенденция не могла привести к созданию такого фундаментального института противостояния средневековью, каковым являлись города с их все более интенсифицировавшейся относительно самостоятельной экономической и политической жизнью. Троцкий обращал внимание на то, что Русское государство развивалось как надстройка над медленно эволюционировавшим примитивным обществом. Государство совершенствовалось и укреплялось, превращалось во все более самодовлеющую и мощную силу. Происходило это под внешним давлением, прежде всего прессом монголо татарского ига, польско литовского и шведского нашествий. Выживание государства требовало величайшего напряжения сил. Поэтому оно поглощало непропорционально большую долю материальных благ, производимых обществом. Государство нуждалось в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. мощном аппарате насилия и контроля, в жесткой иерархической структуре. В отличие от Запада в России государство породило сословия, заложило фундамент современной промышленности.

Отсюда проистекала объективная оценка российского буржуазного класса как слабой и целиком зависимой от самодержавной власти структуры, неспособной стать самостоятельным социальным действующим лицом, носителем не только хозяйственной, но и политической альтернативы самодержавной власти, как это имело место в странах Западной Европы. Торгово промышленное сословие было обречено на всестороннюю зависимость от государства, то есть в конечном итоге от того же самодержавца. Чисто буржуазная революция в российских условиях была, по мнению родоначальника концепции перманентной революции, нереальной при безусловной власти «царя батюшки».

Значительно позже, в конце 20 х – начале 30 х гг., Троцкий четко сформулировал те общие положения, которые лежали в основе его рассуждений о предпосылках перманентной революции, назвав их законом неравномерного и комбинированного развития. По существу дела, явления, которые лежали на поверхности и подвергались конкретному анализу сотнями экономистов и социологов, – способность отсталых стран «перепрыгивать» через этапы, догонять и перегонять другие страны в условиях все большей взаимозависимости – Троцкий возвел в некую новую теорию, которая должна была стать фундаментом теории о перманентной революции. По существу, эти положения уже содержались в его публикациях начала века. Составной частью «закона» Троцкого о неравномерном и комбинированном развитии общества стал пункт о необходимости и неизбежности мировой революции [461] .

3. Сущность и глобальный характер перманентной революции

Важнейшим элементом концепции перманентной революции у Троцкого были ее международные аспекты. Раздел «Европа и революция» был заключительным в работе «Итоги и перспективы» и, видимо, рассматривался автором как наиболее весомый. Здесь высказывалась мысль, что российский пролетариат, который пришел бы к власти даже вследствие временной конъюнктуры буржуазной революции, неизбежно встретил бы крайне враждебное к себе отношение со стороны мировой реакции и в то же время готовность к организованной поддержке мирового пролетариата. Если пролетарская власть в России окажется предоставленной самой себе, она неизбежно будет разгромлена контрреволюцией. То же самое произошло бы и в любой другой отсталой стране. Пролетариату «ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе. Ту колоссальную государственно политическую силу, которую даст ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира» [462] .

Иначе говоря, русская революция будет способствовать развязыванию международной революционной волны, а последняя закрепит успех революции в России. «Нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру» [463] . Мировая или, по крайней мере, европейская революция рассматривалась, таким образом, в качестве единственного гаранта успешности революции в России. Так российская революция в представлении Троцкого превращалась в революцию международную, которая, переплетаясь с ней, должна была составить единый, неразрывный и непрерывный процесс. Судьба российской революции напрямую связывалась с судьбой социалистической революции в Европе и в конечном итоге во всем мире. При этом создатель концепции не вдавался в детали, полагая, что конкретные пути превращения российской революции в международную, точно так же, как и сроки, предсказать невозможно. Повернет революция сразу на Запад или пойдет обходными путями, через страны Востока – эти вопросы Троцким рассматривались как второстепенные, не затрагивающие существа дела, но читателям давалось понять, что перманентная революция – это вопрос не столетий и десятилетий, а сравнительно близкой перспективы.

Экстраполируя свою схему революционного процесса, вынося ее за пределы своей страны, Троцкий полагал, что в том или ином виде, при учете национальных и исторических особенностей и времени свершения, этот процесс относится не только к России, но и ко всем другим отсталым странам. Он считал, однако, что толчок международной революции может дать лишь комплекс значительных внутренних событий в крупной стране.

Разумеется, в реальных условиях России 1905 г. схемы перманентной революции выглядели несбыточными, утопичными. Для того чтобы оградить себя от упреков в маниловщине, Троцкий многократно подчеркивал условность этих схем, их зависимость от тех или иных конкретных поворотов событий. После революции 1917

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Г., переиздавая свою работу 1906 г. «Итоги и перспективы» в советской России, Троцкий написал к ней предисловие, в котором говорилось: «В отношении оценки внутренних сил революции и ее перспектив автор не примыкал в тот период ни к тому ни к другому из главных течений в русском рабочем движении. Защищаясь автором точка зрения может быть схематически формулирована так. Начавшись как буржуазная по своим ближайшим задачам, революция скоро развернет могущественные классовые противоречия и приведет к победе, лишь передав власть единственному классу, способному встать во главе угнетенных масс, то есть пролетариату. Встав у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться буржуазно демократической программой. Он сможет довести революцию до конца только в том случае, если русская революция перейдет в революцию европейского пролетариата. Тогда буржуазно демократическая программа революции будет преодолена вместе с ее национальными рамками, и временное политическое господство русского рабочего класса развернется в длительную социалистическую диктатуру. Если же Европа останется неподвижной, буржуазная контрреволюция не потерпит правительства трудящихся масс в России и отбросит страну далеко назад – от демократической республики рабочих и крестьян. Став у власти, пролетариат должен будет поэтому не ограничивать себя рамками буржуазной демократии, а развернуть тактику перманентной революции, то есть уничтожить границы между минимальной и максимальной программой социал демократии, переходить ко все более и более глубоким социальным реформам и искать прямую и непосредственную опору в революции на европейском Западе» [464] .

Иначе говоря, сущность концепции перманентной революции состояла в том, что социалистическая революция начинается на национальной почве, разворачивается на интернациональной и завершается на континентальной или мировой. Рассматривая перманентную революцию одновременно в двух смыслах – как единый процесс переплетенных между собой общедемократических и социалистических задач и преобразований и как распространение революции в России или в другой сравнительно отсталой стране на развитые страны и превращения революционного процесса в международный (всемирный или, по крайней мере, европейский), Троцкий заслуженно стяжал себе известность в широких кругах социалистических теоретиков и практиков. Большинство из них отнеслись к концепции резко отрицательно или, по крайней мере, подозрительно, считая ее надуманной и оторванной от реальной жизни. И это было действительно так. Но не менее умозрительными были и классические марксистские схемы, проповедуемые официальными теоретиками 2 го Интернационала, от которых с огромным трудом, с нравственными и умственными муками, постепенно и робко начинали отходить самые раскованные и вдумчивые социалистические деятели типа Эдуарда Бернштейна, которых приверженцы догм презрительно прозвали ревизионистами.

Глава 6 В тюрьмах, на суде и на этапе

1. Кресты и Петропавловка

Арестом 3 декабря 1905 г. начался, как писал Троцкий, его «второй тюремный цикл» [465] . Лев переносил его намного легче, чем первый. Это было связано прежде всего с тем, что юношеский опыт пребывания в провинциальных тюрьмах создал у него определенный «иммунитет» к жизни за решеткой. К заключению трудно, почти невозможно привыкнуть, тем более человеку активному. Но приспособиться к камерному быту было теперь намного легче. Троцкий считал себя, как и других арестованных членов Совета, «пленниками» врага, против которого необходимо было продолжать борьбу в новых условиях, используя старые средства защиты и нападения – устное и печатное слово, высокомерное поведение, театрализованную позу, то есть все то, чем он вполне овладел и что он с успехом применял, ведя политическую борьбу на воле.

Кроме того, условия пребывания в заключении были несравненно более благоприятными, чем в период пяти шестилетней давности. Хотя после подавления Декабрьского восстания в Москве и других городах революция переживала значительный спад, стачечные выступления, волнения в армии и на флоте, крестьянские бунты продолжались. Россия становилась полуконституционной монархией. Вводились и в основном соблюдались определенные правовые нормы. Возникли легальные политические партии. Состоялись выборы в 1 ю Государственную думу, которая, впрочем, была вскоре разогнана. Тюремщики вели себя более или менее осторожно, не уверенные в своей силе и опасаясь, как бы те, кто сейчас находился под их замком, вскоре не оказались в правительстве.

Изначально Троцкий был помещен в Кресты, затем его перевели в Петропавловскую крепость. Еще непродолжительное время он провел в Доме предварительного

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

«Каждая из тюрем представляла свои особенности, к которым нужно было приспособиться. Но рассказывать об этом было бы слишком утомительно, ибо при всем своем разнообразии все тюрьмы похожи друг на друга», – писал Троцкий [466]. Основным занятием в тюремной камере стала напряженная и плодотворная, во всяком случае в отношении объема написанного, работа. Троцкий совершенствовал и оттачивал свое мастерство в качестве политического аналитика, критика политики царизма и либеральных сил. Он изучал социально политическую историю России по доступным ему трудам, имевшимся в тюремной библиотеке, и тем, которые передавали ему с воли. Все это, вместе с осмыслением недавно пережитого опыта революции и сведениями, поступающими из прессы, от единомышленников и знакомых, побудило его к написанию «Итогов и перспектив», в которых в наиболее концентрированном виде была сформулирована концепция перманентной революции, как Троцкий ее понимал в то время.

В тюрьме написана и обширная рукопись о земельной ренте, которая позже затерялась и не была опубликована. Впрочем, если судить по публикациям Троцкого по аграрному вопросу в следующие десятилетия, вряд ли в этой работе было что то новое и интересное. Скорее всего, в ней содержалось популярное изложение весьма сложной для усвоения Марксовой теории земельной ренты.

После перевода в Дом предварительного заключения к обвиняемым были допущены адвокаты. В качестве таковых в основном нанимались политические единомышленники, которые, с одной стороны, следовали правовым процедурам, отстаивая официальные интересы своих подзащитных, а с другой – в прямое нарушение собственных обязанностей – служили их связными с внешним миром. Весьма интересно, однако, что защитником Троцкого стал не социал демократ, а человек, хотя и беспартийный, по своим взглядам близкий к кадетам. Наталья Седова договорилась о защите с весьма уже известным в Петербурге адвокатом Оскаром Осиповичем Грузенбергом [467].

К тому времени Грузенберг в полном смысле слова прославился среди интеллигентной оппозиционной публики своими убедительными и смелыми выступлениями по делам, связанным с печатным словом. По одному из таких дел он защищал писателя и литературного критика К.И. Чуковского, который посвятил затем одну из своих книг «защитнику книги и писателей». Хотя Грузенберг отнюдь не разделял политических убеждений своего теперешнего подзащитного социал демократа, он, как и другие адвокаты, осмеливался выполнять нелегальные функции – исправно передавал в тюрьму письма Натальи Седовой, в которых содержалась политическая информация, полученная ею от однопартийцев, и выносил для передачи ей письма Троцкого, адресованные питерским социал демократам, и его рукописи [468].

Чем руководствовался Грузенберг, унося из тюрьмы в своем объемистом портфеле острые политические документы и рукописи Троцкого, чтобы передать их Седовой, а затем издателям, прежде всего издательскому дому Николая Глаголева и издательству «Новый мир», выпускавшим социал демократическую литературу? Можно предположить, что он поступал так, грубо нарушая законы империи, которые призван был свято блюсти, будучи очарованным личностью молодого и самоотверженного социалиста, заслуженно ценимого им за смелость, острый ум и находчивость, может быть надеясь, что тот, повзрослев и приобретя опыт, откажется от своих заблуждений и перейдет на более трезвые и разумные позиции. Находившийся вместе с Троцким в заключении бывший член Петербургского Совета меньшевик Д. Сверчков писал впоследствии, что Троцкий «залпом писал и передавал по частям для напечатания свою книгу «Россия и революция» («Итоги и перспективы»), «в которой он впервые высказал с определенностью мысль о том, что революция, начавшаяся в России, не может закончиться до тех пор, пока не будет достигнут социалистический строй». Сверчков продолжал: «Тюремная камера Троцкого превратилась вскоре в какую то библиотеку. Ему передавали все скольконибудь заслуживающие внимания новые книги; он прочитывал их и весь день с утра до поздней ночи был занят литературной работой. – Я чувствую себя великолепно, – говорил он нам. – Сижу, работаю и твердо знаю, что меня ни в коем случае не могут арестовать... Согласитесь, в границах царской России это довольно необычное ощущение» [469].

Однажды Льва посетили специально приехавшие для этого в столицу родители. Видимо, не без укора по поводу того, что он оставил Александру с двумя детьми (с женой, с существенным опозданием, после рождения внучек отец Бронштейна примирился), родители подарили ему фотографию девочек. Вскоре арестант писал Александре, с которой он вел довольно регулярную переписку: «Девочки превосходны, каждая в своем роде! У Ниночки такое личико – испуганное и вместе с тем лукаво заинтересованное лицо! А у Зинушки такое размышляющее личико! Кто то тронул рукой карточку у меня в номере, и на личике Зинушки пятно. Если у тебя есть одна свободная карточка, пришли мне, пожалуйста» [470].

В этом письме, помимо прочего, обращает на себя внимание, что Троцкий,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

оговорившись, назвал тюремную камеру номером!

Утомившись за столом, Лев менял род интеллектуальных занятий – он устраивался на тюремной койке и читал произведения классиков европейской литературы. Он «упивался ими с таким же чувством физического наслаждения, с каким гурманы тянут тонкое вино или сосут благоуханную сигару» [471]. Именно в это время Троцкий постепенно пристрастился к французскому классическому роману, который будет следовать за ним и после 1917 г. – на фронтах Гражданской войны, в ссылке и в эмиграции. Ко времени второго ареста Троцкий более или менее хорошо (но отнюдь не в совершенстве) овладел и французским и немецким языками, но немецкий был ему более удобен для социально политического анализа и полемики, а французский он воспринимал главным образом как язык художественного творчества.

Тюремный режим в 1906 г. был весьма своеобразным. Политические заключенные свободно разгуливали во дворе тюрьмы и даже играли в чехарду. Троцкому были разрешены еженедельные свидания с Натальей, несмотря на то что официально брак между ними зарегистрирован не был. Во время встреч происходил обмен письмами и рукописями, в тех случаях, когда нетерпеливый Лев не мог дождаться визита Грузенберга. При этом тюремщики делали вид, что ничего не замечают. Один из них особенно благоволил к политическим. «Я подарил ему, по его просьбе, свою книгу и свою карточку с надписью, – вспоминал через много лет Троцкий. – «У меня дочери курсистки», – шептал он с восторгом и таинственно подмигивал глазом. Я встретился с ним при советской власти и сделал для него, что мог, в те голодные годы» [472].

Сохранились две фотографии Троцкого, сделанные в тюрьме. Но это не «официальные» тюремные фотографии в профиль и анфас. На одной из них – привлекательный и достаточно ухоженный молодой человек сугубо интеллектуального вида. Лицо его как будто спокойно, но все же выдает внутренне напряженную сложную гамму чувств. Огромная шапка черных волос, широкий лоб, пенсне, хорошо подстриженные усики создают впечатление, что это – преуспевающий журналист или же университетский приват доцент, но отнюдь не политический арестант Петропавловки. Вторая фотография – коллективная. На ней мы видим Троцкого в обществе ветерана революционного движения и российских мест заключения Л.Г. Дейча и своего единомышленника того времени Парвуса. Все трое стоят обнявшись и выглядят довольно благополучно.

Дейч, имевший славный опыт трех побегов, и на этот раз задумал бегство из тюрьмы. Парвус согласился принять участие в этом предприятии. Троцкий колебался. Он никак не мог выбрать, что лучше и для его политических целей, и для собственной карьеры в революционном движении – бежать или использовать трибуну суда как агитационную площадку.

Пока обсуждался план бегства, надзиратели случайно обнаружили заготовленный набор слесарных инструментов. Хотя окончательно так и не было установлено, для какой цели они предназначались и даже кому эти инструменты принадлежали, бдительность тюремных стражей была значительно усилена, и от плана побега непосредственно из тюрьмы пришлось отказаться.

На этапе отступления революции фракционные разногласия между меньшевиками и большевиками, сгладившиеся было во время революции, обострились вновь. Они особенно усилились после появления брошюры Ленина «Две тактики социал демократии в демократической революции», в которой содержались ожесточенные нападки на меньшевистский курс и на самого Троцкого, с использованием самых оскорбительных и недостойных эпитетов. В тюрьме, однако, эти разногласия были несильно приглушены, прежде всего в силу арестантской солидарности и взаимовыручки. Это сделало возможным создание коллективной работы по истории Петербургского Совета, в написании которой участвовали и большевики, и меньшевики, и нефракционный социал демократ Троцкий, ставший не только одним из авторов, но и фактическим редактором этой работы. Рукопись истории Совета удалось вынести из тюрьмы, и вскоре она была опубликована [473].

Вся работа несла на себе отпечаток идей и взглядов Троцкого. Но особенно показательной была написанная им глава «Уроки первого Совета» [474]. Здесь обосновывалась все та же концепция перманентной революции, доказывалось, что центральной задачей революционной борьбы является взятие государственной власти. Это национальная задача, для выполнения которой необходима классовая организация национального масштаба. Петербургский Совет стремился взять на себя национальные функции, но оставался все же местным органом.

В «Историю Совета» вошли также другие тексты Троцкого. Он, в частности, написал некролог, посвященный памяти Арама Тер Мкртчянца, эсера, члена Совета, который был вначале арестован, затем выпущен на поруки, а вскоре после этого вновь арестован по другому делу, приговорен к смертной казни и расстрелян как участник вооруженного восстания [475]. На узком столике тюремной камеры Троцкий пытался запечатлеть не только историю Петербургского Совета, но дать ретроспективный

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. анализ всей истории революции, которая, по его мнению, еще продолжалась и могла привести к новым волнам подъема.

В качестве первого этапа революции Троцкий рассматривал время от Кровавого воскресенья до царского Манифеста 17 октября, выделяя также предварительный этап, предшествовавший самой революции, который он назвал «весной» (так была озаглавлена одна из статей). Здесь давалась убийственная характеристика царских бюрократов, которые сходили со сцены, оставляя после себя «тревожное недоумение вверху, ненависть и презрение внизу». От них недалеко ушли земские оппозиционеры, для которых автор приберег еще более ядовитые оценки [476]. Под эпохой «весны», «детства политического сознания» январские события подвели кровавую черту. 9 января положило начало революции как таковой. В отличие от некоторых тогдашних авторов из различных политических лагерей Троцкий отдавал должное личности Георгия Гапона [477], священника, который наложил на события отпечаток своих индивидуальных черт, воззрений и сана. Гапон неожиданно для самого себя вскрыл революционную энергию петербургских рабочих. Стихийное развитие событий на короткое время превратило Гапона в «вождя» этой массы, хотя подлинно вождистскими качествами этот метавшийся из одного лагеря в другой молодой поп не обладал. Бегство Гапона за рубеж, его позирование перед европейскими социалистическими деятелями, его возвращение в Россию и установление тайных связей с властью – все это «окончательно убило представление о Гапоне 9 января» в глазах Троцкого. Он вспоминал несколько циничную оценку лидера австрийских социал демократов Виктора Адлера, которая была дана вскоре после поступления известий о появлении Гапона за пределами России: «Есть люди, которых лучше иметь мучениками, чем товарищами по партии» [478]. Оставляя в качестве лакуны промежуточный период весны и лета 1905 г., Троцкий особое внимание сосредоточивал на осенне зимних событиях. Он не устал напоминать, что с первых дней после появления Манифеста 17 октября рассматривал его как объявление мимолетного перемирия, как передышку, за которой последуют новые, значительно более острые и кровопролитные сражения. Особое внимание Троцкий уделял формированию, политическим установкам и началу практической деятельности партий. По существу, в тюремных статьях Троцкого была очерчена палитра всего политического спектра России в тот период, когда в стране начала формироваться партийно политическая система. Среди посвященных этой проблеме работ выделялась статья «Царская рать за работой», посвященная тем организациям, которые вошли в историю под названием черносотенных [479]. Правда, автор, как это вытекало уже из заголовка, несколько упрощал связь между черносотенцами и государственной администрацией. Но в то же время в статье вполне четко было показано, что крайне правые организации и движения вербовали своих членов не только из среды имущих слоев. Троцкий утверждал, ссылаясь, между прочим, на известного писателя и журналиста Василия Немировича Данченко [480], что рабочие «не запятнали себя ни убийствами, ни грабежами», хотя в погромах и бандитских нападениях на еврейские кварталы принимали участие рабочие, недавно приехавшие в город из деревень. Прочие статьи Троцкого были связаны с формированием партий либерального и полулиберального толка (октябристов и кадетов), с сущностью эсеровской программы и тактики. Естественно, наибольшее внимание уделялось выступлениям пролетариата и советскому движению, в частности созданию и деятельности Петербургского Совета, особенно в те несколько дней, когда автор являлся фактическим руководителем этого органа. В одной из статей этого цикла был опубликован полный текст знаменитого финансового манифеста.

2. Лидер Совета на суде

Первое время судьба арестованных членов Петербургского Совета оставалась неопределенной. В трех тюрьмах Петербурга содержалось около 300 человек, входивших в его состав. О том, как проходили следующие события, наиболее подробно рассказано в статье самого Троцкого, написанной в Доме предварительного заключения 4 ноября 1906 г. [481] В высших сферах администрации не было единодушия по поводу того, следует ли предавать членов Совета суду. Министерство юстиции отвергло такую возможность вообще, так как деятельность Совета была открытой, а власти не только допускали его функционирование, но и вступали с ним в прямые переговоры, то есть если сами не совершали преступления, то во всяком случае способствовали ему.

Либеральные и репрессивные волны следовали во внутренней политике одна за другой, что непрерывно изменяло предположения о судьбе деятелей Совета. В декабре 1905 – январе 1906 г. не исключалась возможность, что дело будет передано военному суду. Когда же в апреле начала работу 1 я Государственная дума, возникли даже предположения об амнистии. Так будущее членов Совета

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. раскачивалось на весах судьбы между смертной казнью и полной безнаказанностью. Сменилось правительство. При обсуждении на правительственном совещании в Царском Селе 7 – 12 апреля 1906 г. «Основных законов», формулирующих суть самодержавной власти в России (они были приняты 24 апреля, за три дня до открытия 1 й Думы) и аграрной программы Витте председатель правительства подвергся резкой критике со стороны членов совещания и был вынужден 15 апреля подать в отставку. 17 апреля царь предложил составить новое правительство И.Л. Горемыкину (главному оппоненту Витте в аграрном вопросе). 26 апреля пост министра внутренних дел в этом правительстве было предложено занять П.А. Столыпину, намеревавшемуся подавить революцию сочетанием либеральных реформ с антиреволюционным террором. На следующий день, 27 апреля, Государственная дума приступила к работе. Горемыкин принял решение передать дело на рассмотрение Судебной палаты с участием сословных представителей (ими были четверо судей, представитель дворянства Петербургского уезда граф Гудович, октябрист Тройницкий, являвшийся представителем Петербургской думы, и старшина одной из окрестных волостей). В обвинительном акте содержались обвинения членов Совета в подготовке вооруженного восстания, что подпадало под две статьи, одна из которых предусматривала каторгу до восьми лет, а другая – до двенадцати, но не исключала и смертной казни. Получив обвинительное заключение, Троцкий написал документ под заголовком «Совет и прокуратура», в котором детально разобрал все пункты обвинений, предъявленных 52 членам Совета (остальные арестованные из этого дела были исключены). Заявление Троцкого было тайно передано социал демократической фракции Госдумы, которая предполагала выступить с запросом. Внести запрос, однако, не удалось. В своем документе Троцкий прибегал к разного рода политическим и юридическим ухищрениям, стремясь показать необоснованность и бессмысленность обвинительного акта. Прежде всего, он видел прямое противоречие между сущностью обвинения и той картиной деятельности, которая вменялась в вину обвиняемым. Все 52 члена Совета обвинялись в том, что они вступили в сообщество, поставившее целью «насильственное посягательство на изменение установленного в России основными законами образа правления и замену его демократической республикой». Но картина, которая далее описывалась в обвинительном акте, представляла Совет не в качестве «заговорщического сообщества», а как «представительную коллегию, направление работ которой должно было лишь определиться дальнейшим сотрудничеством членов». Троцкий стремился показать, что прокуратуру совершенно не интересовала юридическая сторона дела. Она знала, что власть запланировала получить несколько десятков жертв, и ограничивала число подсудимых путем «грубых софизмов» (не менее очевидные софизмы фигурировали в самом этом заявлении, направленном против обвинения).

По мнению Троцкого, обвинительный акт закрывал глаза на выборный характер Совета и взамен этого рассматривал его как «союз революционеров единомышленников». Из состава Совета искусственно выделялся его Исполком, причем игнорировался его выборный и изменявшийся характер. Исполкому приписывались решения, которые принимались Советом в полном составе. Кроме членов Исполкома обвинение требовало наказывать депутатов, принимавших активное участие в деятельности Совета, однако не определяло критериев такой деятельности, в результате чего в качестве «активного участия» фигурировали контроль над входными билетами, стояние в стачечном пикете или даже собственное признание. «Безобразным произволом» Троцкий называл привлечение к суду нескольких человек, которые оказались в зале случайно в качестве гостей в день ареста, в состав Совета не входили и не произнесли на его заседании ни одного слова.

Расширяя круг возражений против обвинения, Троцкий выдвигал весьма сомнительное соображение о том, что в 1905 г. непрерывность действия правовых норм в России была нарушена. «На самом деле целый ряд статей был вырван рукою революции из Уложения при молчаливом попустительстве власти», – писал Троцкий. Вслед за этим шла череда примеров того, как центральное правительство и местные власти не только мирились с существованием противозаконных учреждений, в том числе и самого столичного Совета, но и реально сотрудничали с ними. Новые формы общественной жизни, по мнению Троцкого, «слагались и жили вне всякого юридического определения».

Далее Троцкий по пунктам, с присущим ему сарказмом, разбирает конкретные обвинения, в частности и в первую очередь связанные с вооружением рабочих, ибо в этом вопросе обвинение действительно не смогло собрать сколько нибудь убедительных свидетельств и вынуждено было прибегать к доводам, которые он без труда представил как смехотворные. Чего стоило, например, утверждение обвинительного заключения о том, что отпор черносотенцам был только предлогом для раздачи оружия некоторым депутатам, на самом же деле браунинги раздавались для вооруженного восстания, назначенного на годовщину Кровавого воскресенья – 9 января 1906 г. ! В результате данные о вооружении членов Совета оказывались, по

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. признанию самой прокуратуры, незначительными, хотя в бумагах Хрусталева Носаря, которые захватили при его аресте, были найдены записная книжка и отдельный лист с заметками о выдаче членам Совета и другим лицам револьверов различных систем и коробок с патронами, причем револьверов было роздано 64 штуки.

Троцкий весьма ловко использовал политическую ситуацию продолжавшихся еще бурных политических изменений и нестабильности общества для того, чтобы подменить действовавшее, но реально далеко не всегда соблюдавшееся законодательство неким «временным» революционным правом. В том случае, если бы последовал новый подъем революционной волны, эта грубая правовая относительность могла бы возобладать. Но шторм затихал, новый шторм царских твердынь не предвиделся, и старые, никем не отмененные правовые нормы могли действовать, несмотря на остроумные демагогические ухищрения главного обвиняемого.

Первоначально процесс был назначен на 20 июня 1906 г., причем предполагалось проводить его при открытых дверях. Петербург, однако, был в это время неспокоен. На промышленных предприятиях прошло несколько бурных забастовок. В этих условиях суд был отложен. Председатель Судебной палаты, ссылаясь на формальные процедурные нарушения, допущенные во время следствия, перенес слушание на три месяца – до 19 сентября. Как оказалось, это решение было принято даже вопреки позиции Министерства юстиции. Тем не менее оно было вполне логичным. Троцкий писал в статье о суде: «Это был тонкий политический ход. В конце июня положение было полно «неограниченных возможностей»: кадетское министерство казалось такой же вероятностью, как и реставрация абсолютизма. Между тем процесс Совета требовал от председателя вполне уверенной политики» [482].

К этому времени в стране произошли очередные большие изменения. Сотрудничать с левой Думой не смогло и правительство Горемыкина. К началу июля было принято решение отправить Горемыкина в отставку, распустить Думу и назначить новым председателем правительства Столыпина. 9 июля 1906 г. он был назначен председателем правительства России с сохранением должности министра внутренних дел. В тот же день Дума была распущена.

Свои задачи на посту главы правительства в разгар русской революции Столыпин сформулировал просто: «Сначала успокоение, а потом – реформы!» Эту программу успокоения и реформ немедленно решили разрушить революционеры. 12 августа эсеры взорвали «дачу» Столыпина на Аптекарском острове (по существу, это была еще и рабочая резиденция премьер министра). Кроме двух террористов смертников погибло 25 человек, пришедших на прием к главе правительства. Были ранены также 3 летний сын и 14 летняя дочь Петра Аркадьевича. Столыпин не пострадал. В ответ на покушение 19 августа Совет министров издал «Положение о военно полевых судах», приговоры которых должны были утверждать командующие военными округами. Размах революционного террора в те месяцы был впечатляющим. В 1906 – 1907 гг. в результате террористических актов и революционных выступлений были убиты 4126 и ранены 4552 должностных лица. (Сам Столыпин пережил 10 покушений.) В попытках обуздать террористов в период с 1906 по 1910 г. военно полевые и военно окружные суды казнили 3825 человек. Более 26 тысяч человек были отправлены по политическим делам на каторгу [483].

Тем не менее одновременно с введением военно полевых судов Столыпин начал серию социально политических реформ в духе Манифеста 17 октября [484]. Это предопределило обвинительный, но в то же время относительно либеральный характер предстоявшего судебного процесса по делу Петербургского Совета. Весьма важным был вопрос о том, какой линии поведения будут придерживаться члены Совета на суде. Социал демократическое руководство занимало неопределенную позицию, что выражалось в письмах, пересланных ЦК в тюрьму Троцкому. Троцкий полагал, однако, что решения ЦК не могут иметь для подсудимых социал демократов обязательной силы уже потому, что им необходимо было действовать солидарно с арестованными эсерами и беспартийными: «По видимому, некоторые товарищи на воле недовольны нашим предполагаемым поведением на суде – и ведут против него борьбу. Но я совершенно не понимаю, какое другое поведение можно нам рекомендовать. Мы хотим на суде восстановить деятельность Совета, какой она была в действительности. О себе каждый будет говорить постольку, поскольку это будет необходимо для выяснения деятельности Совета или партии. В этих рамках юридической защите предоставлена полная свобода» [485].

Троцкий смог передать на волю письмо в ЦК РСДРП, причем подразумевая, по всей видимости, под ЦК РСДРП не только ЦК, избранный на большевистском III съезде партии, но и меньшевистский центр. По вопросам поведения на суде подсудимые «сносились одновременно с большевистским и меньшевистским центрами». Позиция Троцкого и других подсудимых была ближе к линии большевистского руководства, и подсудимые меньшевики «оказались в оппозиции к своему центру» [486]. В письме партийным руководителям Троцкий решительно возражал против предложения последних опираться на суде на Манифест 17 октября и отрицать политическую

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. подготовку вооруженного восстания. На совещании подсудимых было единогласно решено, что защитительные речи произносятся не будут, а подсудимые, распределив между собой «темы показаний» на суде, будут подчеркивать, что Совет являлся учреждением выборным, отражавшим взгляды и настроения масс, и идейно организационная подготовка восстания была «неизбежным выводом и результатом из борьбы рабочих масс... во всем ее объеме» [487]. Такой линии поведения Троцкий действительно придерживался на протяжении всего процесса, переходя от политической защиты к политическому нападению, используя всевозможные логические и фактические аргументы касательно деятельности Совета и в то же время почти совершенно не упоминая о своем собственном поведении на заседаниях и вне их по тому или другому вопросу.

Судебные заседания начались 19 сентября и продолжались на протяжении целого месяца. Это было время «первого междуя», то есть период между разгоном 1 й и созывом 2 й Государственной думы. Судебный процесс проводился относительно открыто. На суд было вызвано около 400 свидетелей. Примерно половина из них явилась на заседания. Столь низкая явка объяснялась, в частности, тем, что часть свидетелей уже отбывала наказания после вынесенных им приговоров. Другие, наоборот, находились в подполье или же в эмиграции. В числе свидетелей были люди совершенно разного социального положения – от рабочих, солдат и гимназистов до сенаторов, фабрикантов и профессоров университетов. Показания свидетелей, как и самих обвиняемых, были источником огромной важности для истории Совета и революции в целом, и Троцкий это отчетливо понимал. Вскоре он выражал глубочайшее сожаление, что стенографический отчет процесса не издан: он должен был составить несколько объемистых томов, содержащих «неоценимый исторический материал» [488].

Своеобразной была обстановка вокруг суда и в его зале. Главный обвиняемый на процессе вспоминает: «Утрированная строгость причудливо переплеталась с полной распушенностью, и обе они с разных сторон характеризовали ту поразительную растерянность, которая все еще царила в правительственных сферах... Здание суда было объявлено на военном положении и фактически превращено в военный лагерь. Несколько рот солдат и сотен казаков во дворе, у ворот, на прилегающих улицах... Но 30 – 40 черных адвокатских фраков поминутно разрывают синюю стену. На скамье подсудимых появляются непрерывно газеты, письма, конфеты и цветы. Цветы без конца! В петлицах, в руках, на коленях, наконец, просто на скамьях. И председатель не решается устранить этот благоуханный беспорядок. В конце концов, даже жандармские офицеры и судебные приставы, совершенно «деморализованные» общей атмосферой, начали передавать подсудимым цветы» [489]. Троцкий вспоминал, что во время суда туда приходили многие рабочие делегации с петициями, под каждой из которых стояли сотни подписей. Их составители требовали, чтобы подписавших также посадили на скамью подсудимых, так как они полностью разделяют позиции обвиняемых. Председатель суда – действительный тайный советник Крашенинников, – учитывая настроения в Питере, не отказывал в приеме делегаций, брал каждую петицию в руки, советовался с членами суда и затем заявлял: «Судебная палата, не входя в исчисление подписей, свидетельствует, что их много» [490].

Как отмечал Троцкий, уже первый день процесса ознаменовался и «внутренней» политической демонстрацией. Из пятидесяти двух подсудимых председатель смог обнаружить только пятьдесят одного. Фамилия Тер Мкртчянца была пропущена. Немедленно поднялся присяжный поверенный социал демократ Н.Д. Соколов: «Где подсудимый Тер Мкртчянец?» Замявший председатель ответил: «Он выключен из списка». – «Почему?» – «Он казнен», – вынужден был односложно ответить председательствовавший. (Выпущенный на поруки Арам Тер Мкртчянец был арестован по другому делу – о бунте в Кронштадтской военно морской крепости и вслед за этим расстрелян по приговору военно полевого суда.) В зале возникает настроение скорби. «Подсудимые, свидетели, защитники, публика – все молчаливо поднимаются со своих мест, чтобы почтить память павшего. Вместе со всеми встают растерянные полицейские и жандармские офицеры» [491], – вспоминает Троцкий.

Чрезвычайно важно было опровергнуть обвинение членов Совета в подготовке вооруженного восстания, ибо признание судом этого обвинения легко могло привести к вынесению смертных приговоров. Настоящий вопрос был в центре всех судебных заседаний. Почти каждому свидетелю председатель задавал вопрос, призывал ли Совет к вооруженному восстанию. Многие свидетели уклончиво отвечали в том смысле, что Совет только формулировал общее убеждение рабочих в неизбежности и необходимости вооруженного восстания, но прямо к нему не призывал. «Вооружал ли Совет рабочих для восстания?» – следовал следующий вопрос. «Нет, для самозащиты», – звучал стандартный ответ.

По договоренности с другими подсудимыми 4 октября 1906 г. именно этому вопросу

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. посвятил свою длинную речь на суде Троцкий [492]. В соответствии с традицией революционеров, представавших перед судьями на открытых процессах, это была речь обвинителя, а не человека, пытавшегося добиться личного оправдания. Правда, начало речи создавало впечатление, что она будет посвящена если не личному самообелению, то, по крайней мере, отрицанию обвинения с оборонительных позиций. Троцкий заявил, что вопрос о вооруженном восстании не обсуждался ни на одном из заседаний Совета. Более того, продолжал он, ни на одном заседании не ставился и не обсуждался в качестве отдельных самостоятельных проблем ни вопрос об Учредительном собрании, ни вопрос о демократической республике, ни даже вопрос о всеобщей забастовке. Это было действительно так, и в обвинительном заключении ни слова не говорилось о том, что Совет будто бы формально обсуждал дела, связанные с подготовкой вооруженного восстания.

Троцкий сказал, что Совет рассматривал вопрос о власти только в связи со всеобщей стачкой, парализовавшей государственный механизм и вовлекшей в общественно политическую жизнь сотни тысяч рабочих. В этих условиях Совет становился органом самоуправления народа и мог применять репрессии для предотвращения анархии в стране, но, прежде чем применять репрессии по отношению к кому либо, Совет всегда обращался со словами убеждения. «Вот его истинный метод, и в применении его Совет был неутомим», причем, будучи по духу республиканским, Совет на практике защищал именно те демократические свободы, которые позже были сформулированы и даны Манифестом 17 октября.

В таком логическом порядке – не деятельность на базе Манифеста царя, а деятельность, которая породила сам этот Манифест, – и состояла линия поведения Троцкого перед судейскими чинами. Подсудимый, отнюдь не забывавший, что он являлся таковым, но ведший себя, как будто он выступает на научном политическом диспуте, используя разнообразные ораторские приемы и способы аргументации, утверждал, что этот документ (Манифест) никакой правовой основы не создал и создать не мог, что новый правовой строй мог быть воздвигнут не путем манифестов, а путем реальной реорганизации всего государственного аппарата.

«Вмещает ли русских социалистов республиканцев» Манифест 17 октября, вопрошал Троцкий и сам же отвечал отрицательно: Манифест представлял собой «голый перечень обещаний и «бумажных гарантий», которые никогда добровольно не будут исполнены». Были социал демократы правы, когда призывали народ к открытой борьбе за истинную и полную свободу, то есть за реализацию манифеста царя на деле? Если бы суд подтвердил эти установки социал демократов, философствовал Троцкий со скамьи подсудимых, они должны были быть неподсудны и оправданы. Но, допустим, продолжал свою линию Троцкий, суд признал бы Манифест правовым документом, более того – правовой основой некой новой системы. В этом случае судить социал демократов тем более было бы бессмысленно и неправомерно, ибо они представляли бы «людьми закона и права».

Вслед за этим Троцкий переходил к основному вопросу – о вооруженном восстании. Начинал он с самого определения вооруженного восстания, которое в понимании Совета и «всего российского пролетариата» было совершенно иным, нежели у суда. В отличие от судей, понимавших под вооруженным восстанием выступление с оружием в руках для свержения существующего государственного строя (так понимали его в действительности и сам Троцкий, и все прочие революционеры), Троцкий утверждал, что восстанием является политическая стачка, так как она парализует жизнедеятельность государственной власти. Сам Манифест 17 октября был результатом правительственной паники, а в основе этой паники лежала политическая забастовка.

Политическую стачку Троцкий объявлял основным, но не исчерпывающим методом пролетарского восстания. Метод стачки имел свои пределы, что проявилось в прекращении стачки, причем по призыву Совета, о чем не преминул напомнить Троцкий. В результате оказывалось, что одновременно существовали две государственные власти: народная – в лице Совета рабочих депутатов, и старая, официальная, опирающаяся на армию. Эти две силы не могли сожительствовать в течение продолжительного времени. Упрочение одной грозило гибелью другой.

Обратим внимание, что, хотя Троцкий говорил о невозможности сосуществования двух властей, по существу дела он констатировал их сосуществование. Иначе говоря, именно в его речи на суде впервые была озвучена концепция двоевластия, которая будет реализована на практике после февральской революции 1917 г.

В качестве второго этапа народного восстания оратор (ибо трудно назвать иначе человека, который произносил столь большую речь на суде) определял «титаническую борьбу» двух органов власти за влияние на армию. Из этого стремления проистекал революционный призыв к солдатам. Мирный переход армии в ряды революции, признавал Троцкий, был немыслим. «Абсолютизм не станет дожидаться, сложа руки, пока освободившаяся из под его развращающего влияния армия станет другом народа. Абсолютизм возьмет, пока еще не все потеряно, инициативу наступления на себя».

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Это понимали петербургские рабочие, это понимал Петербургский Совет. Троцкий стремился представить этот Совет как центр сосредоточения усилий широкой массы, более того, чуть ли не всего народа. Он пытался теперь выставить Совет перед судьями в качестве не только рабочей, но и некой общенародной организации, утверждая, что к этому органу терпимо и даже благожелательно относилась администрация промышленных предприятий.

Троцкий умело и, можно сказать, лихо подменял представление о вооруженном восстании как таковом в весь комплекс деятельности Совета со всеми ее приливами и отливами, растворял частное в общем. Он утверждал, что в целом ряде постановлений – даже об отмене похоронной демонстрации, о прекращении забастовки и т. п. – красной нитью проходила идея вооруженного восстания. «Разрабатывал ли Исполнительный комитет технику уличной борьбы? Разумеется, нет» [493]. Восстание масс не делается, а совершается, поучал Троцкий; оно является результатом социальных отношений, а не определенного плана; подготовка восстания состояла в просвещении народа. «Не способность массы убивать, а ее великая готовность умирать» – вот что обеспечивало «в конечном счете победу вооруженному восстанию», лицемерил Троцкий, описывая картину, не имеющую ничего общего с тем, что представляло собой вооруженное восстание в действительности. Пройдет всего десятилетие, и Троцкий станет одним из главных организаторов подлинного восстания, точнее, государственного переворота, кровавого и жестокого, опирающегося на готовность масс убивать.

Троцкий завершил свою речь утверждением, что Совет рабочих депутатов помогал массам готовиться к самообороне против черносотенных сил. И если суд признает, что «в октябре и ноябре мы прямо и непосредственно вооружались против образа правления Российской империи» [494], это будет означать, что поставлен знак равенства между черносотенцами и правлением России.

Через много лет, готовя к печати разоблачительную биографию Сталина, Троцкий напоминал читателям эпизод 1902 г., когда тогдашний Джугашвили, начинающий кавказский социал демократический комитетчик, арестованный за участие в демонстрации в Батуми, пытался избежать суда при помощи ложных показаний, а не стремился использовать судебную трибуну для революционной пропаганды [495], как Троцкий в 1906 г. Справедливость требует, однако, признать, что биограф не был объективен, ибо подсудимые были в разной весовой категории. Джугашвили был низовым партработником, он не обладал ораторским искусством, не владел в должной мере русским языком, он просто не смог бы использовать суд в политических целях. В 1902 г. Сталин был намного моложе Троцкого 1906 г.

2 ноября Петербургская Судебная палата вынесла приговор. В знак протеста против нарушения юридических норм в ходе заседаний подсудимые на слушание приговора не явились, возможность чего была еще одним свидетельством сравнительного либерализма российской судебной системы. Главным нарушением процедуры подсудимые и их адвокаты сочли отказ суда в вызове в качестве свидетеля сенатора, бывшего директора Департамента полиции Ивана Владимировича Лопухина, который осенью 1905 г. обнаружил, неожиданно для себя самого, в своем департаменте типографию, где печаталась погромная литература [496]. Вслед за подсудимыми из зала суда ушли защитники, свидетели и публика. «Судьи остались с глазу на глаз с прокурором» [497].

Лейба Бронштейн и Георгий Носарь были объявлены главными обвиняемыми в числе 29 подсудимых. Они были признаны виновными в том, что «в последней четверти 1905 года в городе С. Петербурге состояли участниками сообщества, которое заведомо для них, подсудимых, поставило целью своей деятельности насильственное, посредством организации вооруженного восстания, изменение установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику» [498]. Иначе говоря, приговор почти дословно повторял текст обвинительного акта. Вместе с Г.С. Носарем, Д.Ф. Сверчковым, П.А. Злыдневым, С.Ш. Зборовским, Б.М. Кнунянцем, Н.Д. Авксентьевым, Н.М. Немцовым, М.Л. Киселевичем, А.Ю. Фейтом, С.Л. Вайнштейном, И.Л. Голыньским, Э.С. Комаром, Ф.Ф. Шанявским и А.А. Симановским «сын колониста Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, колонии Громокля Лейба, он же Лев Давидов Бронштейн, 25 лет» (возраст был указан неверно) был лишен прав состояния и сослан на поселение. Ссылка на поселение была бессрочной, то есть вечной. Отменить ее могло только высочайшее царское помилование. Попытка побега каралась тремя годами каторжных работ.

3. Этап и новый побег

3 января 1907 г. Троцкий вместе с группой осужденных был переведен в пересыльную тюрьму. В этот же день он написал в письме: «Нас перевезли сюда сегодня внезапно, без предупреждения. В приемной заставили переодеться в арестантское платье. Мы проделали эту процедуру с любопытством школьников. Было интересно

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. видеть друг друга в серых брюках, сером армяке и серой шапке... Нам разрешили сохранить свое белье и свою обувь. Большой взбудораженной компанией мы ввалились в наших новых нарядах в камеру» [499].

Сообщение о разрешении сохранить свою обувь было исключительно важным – в каблуках были спрятаны золотые червонцы, а в подметке – новенький паспорт. Лев собирался использовать и то и другое при побеге, который он задумал в самом начале ссылки. Побег намечался из места назначения, но план был осуществлен значительно раньше.

Приговоренным сообщили, что их высылают в самую даль земли Русской – в село Обдорское за Полярным кругом, за полторы тысячи верст до ближайшей железнодорожной станции. Накануне этапа Троцкий написал «Прощальное письмо Совета рабочих депутатов к петербургскому пролетариату» [500], которое, кроме него, подписали 13 человек, в том числе большевик Кнунянц, меньшевики Вайнштейн, Злыднев, Сверчков, эсер Авксентьев. В письме выражалась благодарность за поддержку и помощь. В конце его говорилось: «Уезжаем с глубокой верой в скорую победу народа над его вековыми врагами. Да здравствует пролетариат! Да здравствует международный социализм!»

В пути были приняты повышенные меры охраны, так как петербургский конвой считался ненадежным, а один из стоявших на часах унтеров даже декламировал революционные стихи. Не снимая столичного конвоя, в соседнем вагоне тюремные власти разместили дополнительный взвод жандармов, которые на каждой станции окружали арестантский вагон плотным кольцом. В то же время сам основной конвой, включая и офицеров, был весьма предупредителен по отношению к высылаемым. Эти события происходили в начале 1907 г., когда революция еще полностью не завершилась и в высших кругах империи продолжалась борьба между консервативным и умеренно либеральным курсами, что, безусловно, влияло на поведение охранников. По закону арестантам полагалось надеть наручники, но дежурный офицер сразу же сообщил им, что начальство разрешило ему воздержаться от принятия этой меры. На станциях конвойные солдаты опускали в почтовые ящики письма этапировавшихся родным. Лев писал Наталье 11 января: «Если офицер предупредителен и вежлив, то о команде и говорить нечего: почти вся она читала отчет о нашем процессе и относится к нам с величайшим сочувствием... До последней минуты солдаты не знали, кого и куда повезут... Как они обрадовались, когда узнали, что перед ними – «рабочие депутаты», осужденные только лишь на ссылку. Жандармы, образующие сверхконвой, к нам в вагон совершенно не показываются. Они несут внешнюю охрану... главным образом, по видимому, наблюдают за конвойными» [501].

Письма Наталье следовали одно за другим. Они были бережно сохранены и через много лет включены в книгу ее воспоминаний. 12 января: «На каждой станции наш вагон окружают жандармы, а на крупных станциях их еще дополняет горная полиция... Только два рода людей охраняются таким образом: «государственные преступники» и самые выдающиеся министры». 16 января: «Мы в деревне в двадцати верстах от Тюмени. Сейчас ночь, мы в крестьянской хате. Комната грязная и низкая. На полу депутаты Совета и нет ни единого кусочка свободного места». 26 января новое известие: «Доктор сказал нам, что нас посылают в Обдорское... Нам сказали, что между Березовом и Обдорским наши сани будут идти на оленях» [502].

В Тюмени арестантов высадили из вагона и действительно дальше отправили на санях. Путь шел по замерзшей Оби. Лев продолжал отчитываться перед Натальей: «Каждый день мы последнее время продвигаемся на 90 – 100 верст к северу, т[о] е[сть] почти на градус. Благодаря такому непрерывному передвижению уровень культуры... выступает перед нами с резкой наглядностью. Каждый день мы опускаемся еще на одну ступень в царство холода и дикости» [503].

На тридцать третий день пути ссыльные (в эту партию входило 14 человек) оказались в городе Березове, куда когда то был сослан сподвижник Петра I князь Меншиков. Если в предыдущие дни громоздкий конвой (на небольшую группу ссыльных пришлось капитан, пристав, урядник и 52 солдата, то есть по четыре стража на одного человека) еще сохранял какую то строгость, то в Березове конвойные совсем расслабились, полагая, что побег теперь совершенно невозможен – единственный санный путь лежал по Оби, вдоль телеграфной линии. Дело дошло до того, что ссыльным даже разрешили свободно прогуливаться по городку. Уверенность, что попытка побега была бы моментально пресечена, была всеобщей.

Тем не менее Троцкий вздумал попытаться счастья, понимая, что с места назначения бежать будет намного труднее. Он консультировался по этому поводу со ссыльным Ф.Н. Рошковским, работавшим в Березове землемером. В воспоминаниях о побеге (брошюра «Туда и обратно» [504]) Троцкий писал для конспирации, что помощь ему оказал местный либеральный купец по имени Никита Серапионч [505]. Рошковский отличался хорошим знанием местных условий и практической хваткой. Именно он убедил Троцкого, что есть более опасный, но в то же время более надежный путь бегства, чем по обычному, объезженному тракту [506]. Он предлагал бежать не на

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

юг, что на первый взгляд казалось наиболее логичным, а на запад, по реке Северной Сосьве, недалеко от впадения которой в Обь и находился Березов. Поднимаясь по течению Северной Сосьвы, можно было добраться до Уральского хребта; далее на оленях доехать до горных заводов; возле Богословского завода пересечь на узкоколейную железную дорогу и доехать по ней до магистральной транссибирской линии. Но, предупреждал Рошковский, «за Березовом сразу открывается дичь и глушь. Никакой полиции на протяжении тысячи верст, ни одного русского поселения, только редкие остяцкие юрты, о телеграфе нет и помину, нет на всем пути даже лошадей, тракт исключительно олений. Полиция не догонит. Зато можно затеряться в пустыне, погибнуть в снегах. Сейчас февраль, месяц метелей» [507] .

Решение, однако, было однозначным – бежать. Троцкий симулировал болезнь – у него якобы разыгрался приступ ишиаса (одного из проявлений остеохондроза). Как разыграть спектакль Льва научил его товарищ по ссылке бывший член Исполкома Петербургского Совета Фейт – эсер и доктор. Накануне выезда этапа из Березова Троцкий сообщил о болезни начальнику караула, который милостиво разрешил ему остаться в местной больнице на лечение.

Сохранилось письмо березовского уездного исправника местному врачу от 12 февраля 1907 г., вместе с которым к доктору был направлен ссыльный Бронштейн, страдающий, по его заявлению, болезнью седалищного нерва. Исправник просил засвидетельствовать состояние здоровья и установить, может ли Бронштейн быть «отправлен теперь же на место водворения – село Обдорское» [508] . Авантюра прошла успешно – местный врач, совершенно не сведущий в уловках революционеров, оказался не в состоянии установить или даже заподозрить симуляцию. Он исправно подтвердил наличие болезни и счел вполне возможным, чтобы Троцкий задержался до улучшения состояния. Стражники, однако, были спокойны – бежать из Березова они считали нереальным, тем более человеку с невыносимой болью.

Рошковский снабдил Троцкого шубой, меховыми чулками, пимами, рукавицами, занялся поисками проводника и через местного крестьянина по прозвищу Козья Ножка нашел такового – зырянину, горького пьяницу, но ловкого и бывалого, на которого вроде бы можно было положиться [509] . В намеченный день в Березове ставился любительский драматический спектакль. Это было по тамошним меркам выдающееся событие, на котором стремилась присутствовать вся местная «знать». Троцкий на очень краткое время появился в казарме, где давали представление, встретился с местным исправником, бодро сообщил ему, что чувствует себя намного лучше и сможет в ближайшее время выехать к месту ссылки. Тотчас вслед за этим он покинул казарму, переоделся и отправился в обусловленное место.

Положение могло осложниться тем, что посреди Березова торчала пожарная каланча, с которой было великолепно видно все, происходившее вокруг, и на которой велось постоянное дежурство. Естественно, при обнаружении бегства власти прежде всего потребовали бы от дежурившего пожарного сведений, не заметил ли он, куда направился беглец. Однако и тут помог находчивый Рошковский, который организовал в ту же ночь по Тобольскому тракту, то есть в направлении противоположном маршруту Троцкого, вывоз каким то крестьянином телячьей туши. (Когда бросились искать Троцкого, погнались за той телегой, замеченной с каланчи, но, кроме туши, в телеге ничего не было.)

21 февраля местные полицейские власти после недолгого расследования вынуждены были доложить начальству, что Бронштейн скрылся вместе с крестьянином Вонифатием Батмановым [510] . Троцкий весьма живописно рассказал о своем путешествии на оленях с пьяным проводником вдоль Северной Сосьвы. Видно, что это приключение глубоко врезалось ему в память, став своеобразным авантюрным эпизодом, украсившим жизнь еще очень молодого человека, обычно прикованного к письменному столу или ораторской трибуне: «Нарты скользили ровно и бесшумно, как лодка по зеркальному пруду. В густых сумерках лес казался еще более гигантским. Дороги я совершенно не видел, передвижения нарт почти не ощущал. Заколдованные деревья быстро мчались на нас, кусты убегали в сторону, старые пни, покрытые снегом, рядом со стройными березками, пронеслись мимо нас. Все казалось полным тайны» [511] .

Поездка на нартах длилась целую неделю. По мере приближения к Уралу стали появляться поселения и встречные обозы. Троцкий выдавал себя за инженера из полярной экспедиции барона Толля (правильнее – Толля). Сама по себе эта версия была до предела легкомысленной, ибо последняя полярная экспедиция барона Эдуарда Васильевича Толля 1900 – 1903 гг. уже давно завершилась, а сам Толль пропал без вести в 1902 г. (между прочим, в этой экспедиции участвовал будущий руководитель белого антисоветского вооруженного движения адмирал А.В. Колчак, объявивший себя в конце 1918 г. Верховным правителем России).

Однажды Лев натолкнулся на человека, который сам раньше участвовал в экспедиции Толля. Человек этот набросился на встреченного им «товарища по экспедиции» с

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

разнообразными расспросами, на которые ответы дать было невозможно. К счастью, собеседник Льва был пьян и усилить это его состояние не представляло серьезного труда, чем Троцкий и воспользовался, расставшись с припасенной на всякий случай бутылкой рома. После эмоциональных возгласов дружбы «бывший полярник» распрощался с опасным встречным, из за которого чуть не сорвался побег будущего руководителя российской революции.

А вот дальше без особых приключений, благодаря доверчивости и безразличию местных чиновников и железнодорожников, Троцкий добрался до магистрали, откуда дал закодированную, но легко понятную телеграмму Наталье, находившейся в это время в местечке Терриоки, в Финляндии. Ей назначалась встреча «на узловой станции», и оставалось только гадать, какую именно крупную станцию муж имел в виду [512] .

К этому времени Наталья успешно разрешилась от бремени, родив сына, которого назвала в честь отца Львом. Когда Лев Львович Седов вырастет, он станет одним из главных помощников своего отца в оппозиционной деятельности против сталинского руководства, а затем и в эмиграции. Пока же Наталья, оставив ребенка на попечение знакомым, отправилась в неведомый путь. Она знала только направление – в сторону города Вятка, ибо предполагала, что именно в районе этого города находилось то пересечение дорог, которое имелось в виду в телеграмме.

Так или иначе, встреча произошла на узловой станции Сонино, откуда супруги отправились в Петербург. Наталья вспоминала: «Меня поражала свобода и непринужденность, с которой держал себя Л[ев] Д[авидович], смеясь, громко разговаривая в вагоне и на вокзале. Мне хотелось его сделать совсем невидимым, хорошенько спрятать; ведь за побег ему грозили каторжные работы. А он был у всех на виду и говорил, что «это то и есть самая надежная защита»... [513] Когда он зашел в поезд, Лев Давидович чувствовал себя, как будто ему было душно в купе; он выскакивал на платформы, и здесь, глядя на сверкающую [от снега] степь, просто кричал от радости» [514] .

Супруги сделали краткую остановку в Петербурге, а затем отправились в Финляндию, где Троцкий возобновил контакты с Мартовым и Лениным. Мартов и Ленин жили в соседних селениях. «Как всегда, у Мартова было множество мыслей, тонких, блестящих, но не было одной мысли, самой главной. Он не знал, что предпринять. В комнате Ленина царил, как всегда, образцовый порядок. Ленин не курил. Нужные газеты с пометами лежали под рукой. А главное – была несокрушимая, хотя и выжидательная уверенность в этом прозаическом, но необыкновенном лице» [515] , – писал Троцкий в период, когда Мартов был объявлен врагом большевизма, а Ленин – непререкаемым авторитетом коммунистического движения.

Ленин дал Троцкому адреса для связи в Гельсингфорсе (Хельсинки). Одним из тех, к кому мог обратиться Троцкий за помощью, оказался столичный полицмейстер, принадлежавший к течению так называемых активистов, то есть революционных финских националистов. Полицмейстер обещал предупредить, если возникнет опасность с российской стороны. Вместе с женой и крохотным младшим Лево́й Троцкий поселился в поселке Огльбю, пригороде Гельсингфорса. Именно здесь он написал свой драматический отчет «Туда и обратно» о том, что было им пережито в последние месяцы, который вскоре вышел в Петербурге. Брошюра стала своего рода бестселлером. Она явилась литературной и политической сенсацией в различных кругах. Правая пресса негодовала по поводу беспомощности полицейских властей – председатель Петербургского Совета, приговоренный к вечному поселению за Полярным кругом, бежал, даже не прибыв на место назначения! Левый фланг, разумеется, мог за Троцкого только порадоваться. Издатели заплатили ему за книгу гонорар, который был небольшой, но дал возможность выехать нелегально за границу и возобновить обычные занятия – политическую деятельность и журналистику.

«На скандинавском пароходе я въезжал в новую эмиграцию, которая длилась десять лет» [516] , – писал Троцкий, не догадываясь, что это не последняя его эмиграция.

Тем временем лейбу Бронштейна жандармы разыскивали повсюду. Вначале был направлен секретный циркуляр всем исправникам Тобольской губернии с требованием о его задержании. Вслед за этим розыскные действия были распространены на всю территорию России и за ее пределы. В полицейском досье 1907 г. значилось, что жена Бронштейна (имелась в виду А.Л. Соколовская) находится в ссылке, а дочери Зинаида и Нина пребывали в деревне Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии [517] , и, по видимому, следовало бы проверить, не окажется ли у своих родителей и Бронштейн, вернувшийся повидать детей. Но Бронштейн навещать детей не поехал, потому что он был Троцкий.

Формальные розыски проводились по крайней мере до 1914 г. В документе 1912 г. перечислялись следующие приметы политического преступника Бронштейна: «Рост 2 аршина 6 3/8 вершка, телосложения среднего, волосы, усы, брови, борода темно каштановые, вьющиеся, глаза голубые, близорук, носит пенсне, лоб выпуклый, нос

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. орлиный, лицо четырехугольное, губы полные, подбородок широкий с ямкой посредине, держится прямо». В ноябре 1914 г. тюремное отделение Тобольского губернского управления сообщало березовскому уездному исправнику, что Бронштейн, а также несколько других лиц «до сего времени не разысканы и где находятся они в настоящее время, сведений нет» [518]. Между тем за эти годы Лев Троцкий побывал в ряде стран и стал одним из известнейших деятелей российского социал демократического движения.

Глава 7 Вторая эмиграция

1. На V съезде РСДРП

Прежде чем устроиться на постоянное место жительства, Троцкий отправился в Стокгольм, а оттуда в Лондон, где принял участие в очередном съезде российских социал демократов. Предыдущие два съезда он пропустил. III съезд был чисто большевистским и проходил в конце апреля – начале мая 1905 г., то есть во время революции, когда Троцкий находился в России. Он не мог участвовать в этом съезде и потому, что к большевикам не примыкал, являясь нефракционным социал демократом. IV съезд состоялся через год в Стокгольме. По требованию руководства 2 го Интернационала на нем произошло формальное объединение меньшевиков и большевиков. Но глубокие разногласия, враждебность и конкуренция между обеими фракциями полностью сохранились на самом съезде, а в следующие годы продолжали все более обостряться. Троцкий физически не мог в этом съезде участвовать и по той причине, что он находился в заключении.

V социал демократический съезд состоялся 30 апреля – 19 мая (13 мая – 1 июня) 1907 г. в Лондоне в помещении Братской церкви, снятом в аренду. Как и предыдущий съезд, этот форум был объединенным. Однако на нем явно преобладало влияние большевиков. По большинству вопросов Ленину удалось добиться принятия угодных ему резолюций. Это были резолюции об отношении к буржуазным и мелкобуржуазным партиям, о задачах социал демократов в Государственной думе, о профсоюзах. Линия меньшевиков в завершающейся революции была оценена как соглашательская. Была взята установка на руководящую роль партии по отношению к профсоюзам и осуждена идея нейтральности профсоюзов.

Троцкий, снискавший себе высокий авторитет в партийных кругах и в то же время – настороженное отношение как большевиков, так и меньшевиков из за его самостоятельной позиции во время революции и неоправданных претензий, как считали и те и другие, на роль крупного марксистского теоретика и организатора, оставался на съезде нефракционным социал демократом. Он не представлял какой либо партийной организации и поэтому был включен в состав участников съезда только с совещательным голосом.

Уже в самом начале съезда при обсуждении вопроса о порядке голосования в Бюро съезда – должно бюро принимать единогласные решения или же достаточно большинства голосов – Мартов и Троцкий солидарно выступили против единогласия: «Требование единогласия сведет на нет право президиума; нам нужно оградить себя от помех работам съезда», – говорил Мартов, с которым полностью согласился Троцкий [519].

Первое серьезное выступление Троцкого было 2 (15) мая в прениях по порядку дня съезда. Оратор беспощадно высмеял утверждение большевистского делегата Г.А. Алексинского по поводу того, что тот, мол, «жаждет обсуждения теоретических вопросов». Под смех делегатов, но сохраняя вполне серьезный вид, Троцкий обоснованно показывал пустоту псевдотеоретических претензий этого не очень образованного приверженца Ленина, вскоре оказавшегося в числе отзовистов, затем в группе большевиков примиренцев «Вперед» и, наконец, в группировке самых правых меньшевиков, так как большевики не оценили его как теоретика.

Троцкий стоял на совершенно другой позиции. Он рассматривал съезд в качестве собрания политического, в качестве форума революционеров, а не клуба «склонных к дискуссиям марксистов, сомнительных или даже несомненных». Оратор полагал и стремился донести до аудитории убеждение, что единство идей не устанавливается на съездах, что съезд может лишь подвести «статистику идей», то есть распределение делегатов по их взглядам. Единство же создается «в процессе политического взаимодействия между нашими суждениями и реальным ходом событий». Троцкий был весьма резок: «Вы хотите вашу протестующую социал демократическую совесть успокоить марксистской индульгенцией. А я вам говорю: эту вашу индульгенцию я ценю в six pence [520] – и не более. (Бурные рукоплескания.) Но я боюсь, что еще громче вашей социал демократической совести бунтует ваша фракционная совесть. Вы боитесь, и иные из вас это прямо говорят, что на вопросах политики не сможете объяснить массам, почему, собственно, вы

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

существуете как две фракции, неустанно терзающие партию». Большевики и меньшевики, возводя свои групповые разногласия в некую нерушимую догму, воспринимали пассажи речи Троцкого с холодной сдержанностью, прикрывавшей сугубое недовольство посягательствами на «священную корову», тем более что, приобретя опыт и авторитет общепартийного масштаба, Троцкий пытался выступать как новый общепартийный лидер и носитель знамени объединения, переоценивая стремление руководителей партийных группировок к достижению фактического единства, равно как и свою способность стать руководителем этого объединительного движения. Он очень хорошо знал об экстремистских нравах Ленина, с одной стороны, умеренных позициях Мартова – с другой, высокомерности Плеханова – с третьей. Все они признавали в Троцком фигуру значительного масштаба, но все еще не воспринимали, да и не желали воспринимать его как возможного лидера партии.

Тем не менее своих объединительных попыток Троцкий не только не прерывал, он усиливал их, надеясь, что в конечном итоге центристская тенденция возобладает, а это, в свою очередь, фактически поставит его во главе партии. Так в поведении Троцкого на V съезде воедино сливались политические и личные мотивы. На деле же он оказывался не в том центре, который объединяет, а в том, по которому наносятся удары с обоих полюсов, особенно если иметь в виду личные качества Троцкого как человека высокомерного и надменного и Ленина – мстительного и властолюбивого.

Казалось, что на съезде Троцкий был ближе к меньшевикам, нежели к большевикам. Но это впечатление было обманчивым. Связано оно было с тем, что большевистская фракция занимала непримиримую позицию не только по отношению к меньшевикам, но и к тем, кого они презрительно именовали центристами, считая подчас, что центризм хуже открытого оппортунизма. Вновь ушли в прошлое те дни, когда Троцкий в последние месяцы 1905 г. имел возможность выступать в качестве фактического медиатора между обеими социал демократическими фракциями, посредника, способного в какой то степени сглаживать разногласия между ними. Теперь он был, по существу дела, равноудален от обеих фракций. Однако попытки продемонстрировать свою объединительную центристскую позицию Троцкий на протяжении съезда предпринимал несколько раз. Его предложения можно было бы считать разумными и трезвыми, если бы в партии действительно существовали группы, готовые пойти на существенные догматические уступки во имя достижения единства. Таковые, однако, не обнаруживались, хотя некоторые меньшевистские течения проявляли большую склонность к компромиссу, чем другие, тогда как у большевиков решительно преобладали экстремисты, возглавляемые Лениным.

Впрочем, Ленин на V съезде предпринял очередную попытку практического сближения с Троцким, стремясь хотя бы в какой то степени привязать его к большевистской колеснице. Правда, в речи по докладу о думской фракции 8 (21) мая Ленин был в основном критичен, хотя и несравненно мягче, нежели по отношению к другим ораторам, с которыми он не был согласен: «Несколько слов о Троцком... Он громил нас за внесенные нами «неприемлемые резолюции». Он грозил прямо расколом, уходом думской фракции, якобы оскорбляемой нашей резолюцией... Когда Троцкий говорил: ваша неприемлемая резолюция мешает провести ваши верные мысли, – я крикнул ему: «дайте же вашу резолюцию!» Троцкий ответил: нет смысла, снимите свою. Не правда ли, хорошая позиция «центра»? За нашу (по мнению Троцкого) ошибку («нетактичность») он наказывает всю партию, лишая ее своего «тактичного» изложения тех же принципов!» [521]

Ленин, однако, признавал общее совпадение своих принципов с принципами, которые проповедовал Троцкий. В заключительном слове по докладу об отношении к буржуазным партиям 14 (27) мая Ленин вновь необычно терпимо отнесся к особой позиции Троцкого в вопросе о перманентной революции. Как и в выступлении 8 (21) мая, он произнес вступительные слова: «Несколько слов о Троцком...» А затем заявил, что останавливаться на разногласиях с ним ему некогда, и стал подчеркивать определенную близость взглядов, например признание экономической общности интересов пролетариата и крестьянства в революции в России; признание допустимости и целесообразности левого блока (без указания того, какие именно партии или течения должны составить этот левый блок), направленного против либеральной буржуазии. «Для меня достаточно этих фактов, – продолжал Ленин, – чтобы признать приближение Троцкого к нашим взглядам. Независимо от вопроса о «непрерывной революции» здесь налицо солидарность в основных пунктах вопроса об отношении к буржуазным партиям» [522].

Споры по поводу перманентной революции между Лениным и Троцким происходили главным образом в кулуарах съезда. Как то возникла даже полушутливая дискуссия. Троцкий ссылаясь на авторитет Розы Люксембург, с которой он сблизился на съезде. Люксембург поддержала позицию Троцкого, считая ее подлинно революционной. Ленин шутя заметил, что Роза поддержала Льва, потому что недостаточно хорошо говорит

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. по русски. «Зато она хорошо говорит по марксистски», – парировал Троцкий под смех делегатов, окружавших спорщиков [523].

Во время съезда Троцкий набросал проект резолюции по профсоюзному вопросу, исходивший из автономности профорганизаций и их связи с социал демократической партией. Рядом своих положений эта резолюция была созвучна тому тексту, который после дебатов утвердил съезд. Предусматривалось материальное и моральное содействие партии профсоюзам, привлечение представителей профсоюзов к обсуждению вопросов, волнующих пролетариат: «Избегая всяких шагов, которые могли бы внести раскол в политически неоформленную среду профессиональных союзов, члены партии должны направлять деятельность союзов по пути сознательной классовой борьбы и стремиться к признанию союзами идейного руководства соц[иал] демократии» [524].

На лондонском съезде Троцкий познакомился с Максимом Горьким и актрисой Московского Художественного театра Андреевой, являвшейся членом большевистской фракции. Инициатором знакомства был Горький, который как то в коридоре остановил Троцкого словами: «Я – ваш почитатель». Горький имел в виду памфлеты, написанные Троцким в петербургских тюрьмах. Троцкий ответил, что он также является почитателем писателя. Результатом этой учливой беседы стали новые встречи. Вместе с Горьким и Андреевой Троцкий вновь осматривал достопримечательности Лондона, в котором он был уже во второй раз, а Горький восторгался интеллектом своей спутницы: «На всех языках говорит». Сам же писатель говорил только по русски, «но зато хорошо» [525].

Трудно сказать, был ли Горький в действительности почитателем Троцкого, но то, что писатель проявлял интерес к публикациям и личности этого нефракционного социал демократа, безусловно. 2 (15) июля 1907 г. Горький просил заведующего конторой издательского товарищества «Знание» в Санкт Петербурге СП. Боголюбова прислать ему брошюру Троцкого «В защиту партии», а вскоре после этого, готовя сборник статей о Л.Н. Толстом, намечал включить в него статью Троцкого «Толстой и либерализм» [526].

На V съезде с совещательным голосом присутствовал также представитель кавказских большевиков Иванóвич, который на съезде совершенно не был замечен и ни разу не выступал. Это уже не был дебют, но все же один из первых выходов на общепартийную сцену Иосифа Джугашвили, которого в то время знали главным образом на Кавказе по псевдониму Коба. Будущий Сталин со сдержанным, завистливым и злобным любопытством наблюдал за тем, как свободно и непринужденно используют искусство полемики «старые» и «молодые» социал демократы. Правда, «старым» подчас, как Ленину, не было еще и сорока, а к «молодым» в числе прочих относился ровесник Джугашвили 28 летний Троцкий. Французский биограф Сталина Борис Суварин [527] писал: «В Лондоне Сталин в первый раз видел Троцкого, но последний вряд ли заметил его; вождь Петербургского Совета не был человеком, который легко завязывает знакомства и сблизается с кем либо без действительного духовного родства» [528].

Троцкий же вспоминал, что о Сталине в тот период не знал тогда вообще ничего: «Факт таков, что только из книги Суварина я узнал о присутствии Кобы на Лондонском съезде и нашел затем подтверждение этого в официальных протоколах» [529].

Правда, Троцкий все же слышал о Сталине во время лондонского съезда, так как в эти дни с будущим диктатором произошла серьезная неприятность, чуть было не приведшая к аресту его британскими властями, а это было бы уже неприятностью для всего съезда и для российской социал демократии в целом. Оказавшись в британской столице, Коба, неравнодушный к крепким напиткам, стал регулярно посещать пивные заведения. В один из пабов он отправился вместе с другим делегатом Максимом Максимовичем Литвиновым, постоянно проживавшим в Лондоне. Иванóвич Коба относился к Литвинову как к своего рода поводырю, имея в виду знание им не только английского языка, но и нравов британской столицы. Изрядно напившись, грузин, проявивший несвойственный ему обычно темперамент, вступил в спор со столь же пьяным англичанином, и этот инцидент перерос в кулачную потасовку. Пострадало даже само заведение. Хозяин вызвал полицию. Только находчивость Литвинова, сохранившего трезвую голову и сумевшего убедить полицейских, что виновником схватки был не его «скромный товарищ», а столичный алкоголик, спасло Сталина от тюремной решетки [530].

Об этом эпизоде говорили в кулуарах съезда, но, так как инцидент завершился благополучно, о нем быстро забыли. Троцкий, безусловно участвовавший в кулуарных разговорах на эту тему, видимо, пропустил фамилию грузина мимо ушей. В то же время Иванóвич с крайней недоброжелательностью следил за Троцким во время съезда. В опубликованном вскоре в бакинской газете отчете о лондонском форуме он обозвал Троцкого «красивой ненужностью», вложив в эту ремарку не только личную неприязнь, но и подспудное антисемитское чувство, которое он проявил в той же статье, обратив внимание на преобладание среди меньшевиков евреев и полуиронично, но с явно серьезным подтекстом приписав кому то из делегатов

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

желание «устроить в партии погром» [531] . Свою первую встречу с Троцким Сталин запомнил очень хорошо. Через три с половиной десятилетия, в разгар Второй мировой войны, он помнил об этой встрече и рассказал о ней британскому премьер министру Уинстону Черчиллю, чтобы выставить Троцкого беспомощным. Тот, по словам Сталина, «уехал разочарованный, не получив поддержку ни одной организации, которую он мог бы представлять, даже армии, на которую Троцкий так надеялся» [532] . Никакого отношения к действительности рассказ Сталина не имел. Но он был важным свидетельством недружелюбного отношения к красноречивому центристу, которое зародилось у кавказского большевистского провинциала уже в начале века.

Между тем после съезда Ленин не оставлял своих попыток привлечь Троцкого в большевистские ряды, начав с предложения ему участвовать в издаваемой им газете «Пролетарий». Не исключено, что Лев воспользовался бы случаем для расширения своих связей и возможности публиковаться, но Ленин зазывал Троцкого достаточно неуклюже. Вместо того чтобы обратиться лично и предложить «свободную трибуну» или хотя бы круг проблем для освещения, он подписал письмо сугубо официально – «Редакция «Пролетария» и предложил какую то конкретную тему [533] . Ленин хорошо помнил свои столкновения с Троцким в 1903 – 1904 гг., даже ошибочно доводил до 1905 г., называя их «большой баталией, дракой», причем, то ли сознательно, то ли оговорившись, добавлял про Троцкого: «Когда он был марксистом», то есть теперь вроде бы и не считая Троцкого сторонником теории Маркса. Троцкий на предложение о сотрудничестве в газете Ленину сам не ответил, продемонстрировав этим своего рода паритет с Лениным, а прислал письмо, написанное «По поручению т. Троцкого». Письмо сообщало «Пролетарию», что он «писать отказывается, занят». «Это позерство, по моему. И на Лондонском съезде он держался позером... – жаловался Ленин Горькому. – Не знаю уж, пойдет ли он с беками...» [534] С «беками», то есть большевиками, Троцкий на этом этапе не пошел. Более того, его взаимоотношения с Лениным вновь стали резко ухудшаться и дошли до стадии крайней враждебности.

2. Германия и Австрия

Из Лондона Лев отправился в Берлин. Там была назначена встреча с женой, которая вместе с младшим Левою должна была приехать из Петербурга [535] . Об этой договоренности, да и о самой встрече Троцкий пишет в воспоминаниях как о совершенно ординарном событии. Однако можно поражаться тому, что Наталья совершенно свободно получила возможность выехать за границу к своему супругу, который бежал с этапа по дороге на вечное поселение.

Троцкий был не единственным, кому удался побег. Вслед за ним из ссылки бежал Парвус, с которым был возобновлен контакт, правда теперь на иных началах. Парвус уже не был учителем, а Троцкий не был внимательным учеником. Оба они воспринимались известными социал демократами. Парвус к тому же осуществил свою мечту: стал предприимчивым коммерсантом и разбогател. Как бизнесмен, он занялся изданием на немецком языке брошюры Троцкого «Туда и обратно». Троцкий решил написать к этому изданию предисловие. Но работа несколько затянулась, предисловие разрослось и в конце концов превратилось в большую книгу, в которую были инкорпорированы не только воспоминания о побеге, но и ряд статей о революции. В полном согласии с Парвусом Троцкий еще более четко проводил в этой работе свои идеи перманентной революции [536] .

Материально Троцкие жили весьма скромно. Сам он и Наталья в воспоминаниях никогда не конкретизировали вопрос о своем достатке. Все же встречаются упоминания, что иногда поступали сносные гонорары, главным образом из немецких изданий, а позже из газеты «Киевская мысль», но время от времени приходилось даже вещи в залог закладывать [537] .

В начале эмиграции, когда поддерживались близкие отношения с Парвусом, тот, безусловно, оказывал Троцкому материальную помощь. Характерно, что иногда супруги позволяли себе путешествия и отдых. В конце лета 1907 г. вместе с Парвусом они отправились в пешеходное путешествие по горной Швейцарии. «Дни были прекрасны, по утрам тянул холодок, мы пили молоко и воздух гор. Попытка наша с женой спуститься в долину без дороги едва не стоила нам обоим головы... Когда деньги оказывались на исходе – а это было периодически – Парвус или я писали спешно статью в социал демократическую печать» [538] . Так было и в небольшом живописном городке Гиршберг в Богемии, где после швейцарского похода путешественники остановились на несколько недель и где Троцкий написал небольшую книгу о германской социал демократии, которая была вскоре издана в России большевистским издательством [539] .

Троцкий высказывал мысль, которая могла показаться крамолы всем фракциям российского социалистического движения, ибо оно ориентировалось на германскую социал демократию как на незыблемый образец для подражания. Он полагал, что в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

случае серьезных социальных потрясений германская партия со всей ее огромной бюрократической машиной центральных и местных организаций, прессы, клубов, женских и молодежных союзов, профессиональных объединений может оказаться не в авангарде революционного процесса и прогрессивных сил, а опорой консервативного порядка. Подобное критическое отношение Троцкого усилилось во время Штутгартского конгресса 2 го Интернационала, который состоялся 18 – 24 августа 1907 г. Здесь Троцкий входил в компактную группу левых социалистов. Он поддержал поправки, которые внесли совместно Мартов, Ленин и Р. Люксембург к проекту резолюции о войне. Уточненный текст звучал весьма революционно, в нем содержался призыв использовать возможный военный конфликт для того, чтобы попытаться осуществить завоевание власти пролетариатом.

Но громкие слова сочетались с весьма осторожным политическим поведением. Когда британский делегат Гарри Квелч назвал в своем выступлении западную дипломатию собранием разбойников, правительство земли Вюртемберг по требованию Берлина выслало Квелча из Германии. Это был единственный факт, связанный с конгрессом, который Троцкий счел достойным упоминания в своих мемуарах. «Партия не решилась что бы то ни было предпринимать против высылки. Не было даже демонстрации протеста. Международный конгресс стал похож на школьную комнату: дерзкого ученика высыпают из класса, остальные молчат. За мощными цифрами германской социал демократии явственно почуялась тень бессилия» [540].

На Штутгартском конгрессе Троцкий вновь встретился с болгаро румынским социалистическим деятелем Крыстю Раковским [541], с которым познакомился в 1903 г. в Париже, а затем продолжал встречаться в Швейцарии [542]. Раковский приближался к своему 30 летию. Троцкий был моложе его на три года. К этому времени Раковский получил медицинское образование во Франции и утвердился в качестве активного и влиятельного оратора и публициста, стяжавшего, несмотря на молодость, международную известность. После того как болгарская социал демократия в 1903 г. раскололась на «тесняков» во главе с Димитром Благоевым (они стояли на левом крыле социалистического движения и были близки по существу, хотя не по личным симпатиям к большевикам) и «широких» во главе с Янко Сакизовым (занимавших умеренную позицию), Раковский на короткое время примкнул к «теснякам». В том же 1903 г., унаследовав сельскохозяйственное имение в районе города Мангалия в Румынии, он переехал в эту страну и стал одним из руководителей румынского социалистического движения [543].

Троцкий почти с самого начала знакомства стал испытывать к Раковскому чувство глубокой симпатии, подкрепляемое близостью политических оценок [544]. С Раковским установились не только товарищеские, но и деловые отношения. 3 февраля 1904 г. Троцкий обратился к «дорогому Христиану Георгиевичу» (его имя теперь было изменено на русско румынский манер) с просьбой оказать помощь в изготовлении фальшивых документов для Плеханова, с которыми тот намеревался поехать в Россию [545]. Через четыре месяца, в июне 1904 г., Троцкий сообщал Раковскому о получении его письма по поводу воспоминаний, над которыми Троцкий работал (видимо, речь шла не о воспоминаниях, а о брошюре, которая позже вышла под названием «До Девятого января»). Раковский собирался опубликовать этот материал на болгарском языке. Троцкий сообщал о подготовке русского издания и просил адресата подумать над возможностью выпуска брошюры в Румынии [546].

После второй эмиграции Троцкого его переписка с Раковским возобновилась. Теперь они обращались друг к другу на «ты», и Троцкий начинал письма словами «дорогой друг», а в письме от 14 декабря 1906 г. писал: «Надеюсь вскоре встретиться с тобой. Крепко обнимаю тебя» [547]. Раковский стал самым близким Троцкому человеком во всем социалистическом движении, и их дружба продолжалась в течение более чем двух десятилетий, претерпевая самые различные перипетии.

Совместно с Мартовым и Плехановым оба они внесли на рассмотрение конгресса проект резолюции с оценкой значения бунта матросов на российском броненосце «Князь Потемкин Таврический» во время революции 1905 г., которую конгресс утвердил единогласно без обсуждения [548]. конгресс утвердил также резолюцию, предложенную российской делегацией (она была подписана Плехановым, Мартовым, Мартыновым, Дейчем, Троцким и другими, и это был, кажется, единственный случай, когда Троцкий оставил свою подпись под документом вместе с Плехановым) с протестом против преследований Раковского правительством Румынии, изгнавшим его за пределы страны [549].

Пребывание в Германии оказалось, однако, недолгим. Правда, Парвус познакомил Льва с рядом виднейших германских социал демократов, в том числе с Карлом Каутским. Благодаря рекомендации Парвуса Троцкий стал постоянным сотрудником центральной газеты социал демократической партии Германии (СДПГ) Vorwärts («Вперед») и партийного журнала Die Neue Zeit («Новое время»). Но отношения с Парвусом постепенно охладились. Троцкий становился все более зрелым и независимым политиком, что не очень устраивало Парвуса, человека авторитарного и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. властного. «Теплоты мюнхенских дней уже не было», – пишут биографы Парвуса [550]

Что же касается российских социал демократов, находившихся как в эмиграции, так и на родине, то многие из них к Троцкому испытывали двойственное отношение. Они признавали его публицистический дар, но считали его неглубоким аналитиком, поверхностным журналистом и в то же время побаивались его острого пера. Представление об этом дает письмо Потресова Мартову, написанное осенью 1907 г. в связи с подготовкой выпуска нового социал демократического журнала [551] : «Не знаю, годится ли Троцкий для роли иностр[анного] корреспондента. Конечно, воспользоваться им не мешало бы, но нам нужны люди прежде всего со знанием фактических сторон европ[ейской] жизни, которые умели бы знакомить нас с этими фактами, не потеряли бы почву под ногами. А Троцкий и Луначарский – это все таки более или менее занятное hors d'oeuvre [552] , которое можно напечатать время от времени, но которым нельзя поручить роль информаторов... [553] А Троцкого оставим на закуску» [554] .

В то же время Мартов чуть ли не жаловался Потресову: «Троцкий и другие в Neue Zeit безобразно нас задевают». А в связи с тем, что его «обругали» в ряде изданий за статью с критикой каутского, Мартов скорбно добавлял: «Но мне предстоит, кажется, еще быть обруганным Троцким, если судить по беседе с ним во время его пребывания в Париже» [555] .

Троцкий устанавливал связи не только с социал демократами, но и с другими российскими эмигрантскими течениями. Он контактировал с русской Тургеневской библиотекой читальней в Париже, основанной еще в 1875 г. И.С. Тургеневым при содействии певицы Полины Виардо и известного деятеля освободительного движения Г.А. Лопатина, и стал ее постоянным подписчиком [556] .

В октябре 1907 г. Троцкий переселился в столицу Австро Венгрии Вену, которая своим свободным духом, культурным и научным новаторством, характером социалистического движения была значительно ближе его ментальности, нежели тяжеловесный, холодный и чопорный Берлин, где он не мог надолго остановиться и «по полицейским причинам». Дело в том, что полицейские власти в силу обычной своей бюрократической рутины несколько затормозили выдачу Троцкому права на жительство в германской столице и он предпочел оттуда уехать по своей воле. Австрийская политическая жизнь по сравнению с немецкой была провинциальна и напоминала Троцкому «возню белки в колесе» [557] . Однако именно с руководящими австрийскими социалистами – Виктором Адлером, Рудольфом Гильфердингом [558] , Отто Бауэром, Максом Адлером, Карлом Реннером [559] у Троцкого установились теплые отношения.

Троцкие могли теперь позволить себе иметь няню. Сын Лева первоначально оставался в Петербурге у родных, но в октябре 1907 г. Наталья поехала в российскую столицу и возвратилась в Австрию уже с ребенком. Воссоединившаяся семья поселилась в пригороде Вены Хюттельдорфе. Снятая квартира не была особенно дорогой, но по тогдашним австрийским стандартам считалась удобной и, главное, находилась в зеленом спокойном районе, в предгорьях Австрийских Альп. До горных склонов можно было добраться на местном транспорте, чем Лев и Наталья пользовались, стремясь не отказываться от обыденных радостей жизни. Здесь в 1908 г. родился второй сын – Сергей. Оба сына были крещены в Вене по лютеранскому обряду.

Троцкий объяснял это тем, что по австрийскому законодательству дети до 14 лет должны были в школе посещать уроки по религии своих родителей. Открытая демонстрация атеизма могла повредить детям. Иудейство сочтено было чрезмерно суровой и требовательной религией. Родители, считавшие любую церковь и любую религию обузой, пришли к выводу, что лютеранство – самая необременительная вера. Любопытно, что старшему сыну понравились обряды лютеранства. Однажды поздно вечером родители неожиданно услышали, что ребенок бормотал что то во сне. Оказалось, ему приснилось, что он читал молитву, которую услышал в школе. На следующий день он сказал отцу: «Знаешь, молитвы бывают очень хорошенькие, как стихи» [560] .

Лева и Сережа, как это свойственно детям, очень быстро овладели немецким языком, что не мешало им общаться с родителями по русски, на который они переходили, сами этого не замечая. Но когда родители обращались к ним по немецки, это вызывало недоумение, и дети в таких случаях отвечали по русски.

Авторитет отца был для детей беспрекословным. Дочь советского партийного деятеля А.А. Иоффе [561] надежда сохранила раннее воспоминание о венских днях: «Мы слевой – нам обоим года по три или четыре – сидим за столом и едим кашу. Я свою порцию уже съела, а Лева балуется, капризничает, бросает ложку. Заходит Лев Давидович, спрашивает: «как дела, ребяташки?» Я тут же докладываю (хорошая, должно быть, была стервочка), что я кашу съела, а Лева не ест, балуется. Он посмотрел на сына, очень спокойно спросил: «Так почему ты не ешь кашу?» Лева схватил ложку и, глядя на него, как кролик на удава, начал поспешно запихивать в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. себя кашу, давясь и кашляя. А между тем я не помню случая, чтобы Л[ев] Д[авидович] не только наказывал, но даже голос повысил на ребенка» [562] . В это время Троцкий особенно сблизился с самим Адольфом Абрамовичем Иоффе. Родившийся в 1883 г. сын богатого симферопольского купца караимского происхождения, Иоффе учился в Берлине, где стал врачом и увлекался новаторским психоаналитическим учением Зигмунда Фрейда и его ученика, а затем и соперника Альфреда Адлера, у которого сам он лечился, поскольку страдал тяжелой нервной болезнью и пытался вылечиться при помощи психоанализа. Супругой Адлера была русская эмигрантка Раиса Тимофеевна. Иоффе включился в социалистическое движение. Возвратившись в Россию, участвовал в революции 1905 г., был сослан, бежал, эмигрировал и поселился в Вене, и вот теперь сблизился с Троцким. Человек слабого здоровья, он был полон энергии, можно сказать, фанатизма. В Троцком, который был на четыре года старше, он видел образец для подражания. На всем своем жизненном и политическом пути оба они были близки, и мы еще не раз будем упоминать это имя. Скорее всего, именно Иоффе привлек внимание Троцкого ко все более входившим в моду психоаналитическим теориям, которые явно противоречили марксистским материалистическим догмам. Весьма ловко используя оружие диалектики, позволявшее производить лихие логические прыжки в разные, порой противоположные стороны, в силу пресловутого закона «отрицания отрицания» и других гегельянских вывертов, Троцкий попытался найти точки примирения марксизма с фрейдизмом. В статьях, написанных до 1917 г., он упоминал психоаналитическое учение лишь изредка. Позже, однако, он несколько раз позволил себе вольность поставить Фрейда почти на один уровень с Марксом. Создавший авторитетную научную школу индивидуальной психологии, внесший вклад в теорию сновидений, Адлер способствовал развитию интереса Троцкого к фрейдизму, который сохранился у Троцкого в течение многих лет. А в 1930 х гг., когда Троцкий оказался в новой эмиграции и стал устанавливать связи со своими сторонниками, Раиса Адлер, безусловно с ведома своего супруга (он скончался в 1937 г.), оказывала ему существенную помощь.

Контакты в бурлившей жизнью, эстетическими и философскими поисками, космополитической Вене позволяли Троцкому расширить кругозор. Он с равнодушной холодностью и даже неприязнью отнесся к публикациям догматичного Ленина, метавшего грома и молнии на философских «уклонистов». Троцкому были значительно ближе те колеблющиеся большевики, которые стремились сочетать марксистские взгляды с новейшими тенденциями в философско культурологической области. Публицистические выступления А.А. Богданова, А.В. Луначарского, в какой то степени М. Горького, стремившихся соединить так называемый «махизм», новейшее учение австрийского физика и философа Эрнста Маха, с выкладками Маркса и Энгельса (наиболее четкое выражение эти попытки получили в разработанной Богдановым концепции коллективизма, или эмпириомонизме), привлекали его сочувственное внимание. Эмпириомонизм и близкий к нему эмпириокритицизм все более резко контрастировали с позицией Ленина, который даже «изящно» обозвал в одном из писем 1909 г. Богданова и К^о «бандой свиней» [563] , а в письме Горькому 18 марта 1908 г. признавался: «Сегодня прочту одного эмпириокритика и ругаюсь площадными словами, завтра – другого и матерными» [564] . Надо, впрочем, отметить, что истеричный Ленин негодовал не столько по поводу философского «уклонизма» названных деятелей, сколько потому, что они ставили под сомнение его лидирующую роль в большевизме, его качества как теоретика, были готовы на известное сближение с некоторыми меньшевистскими группами. В Богданове Ленин видел конкурента на роль вождя большевистской фракции, тем более что между ним и Богдановым возникла финансовая дрязга за обладание средствами покойного фабриканта Н.П. Шмита [565] , к которым получили доступ большевики [566] . Рязанов, постепенно отходивший от практических партийных дел, хотя и сохранивший интерес к профессиональному движению, все более увлекался штудированием произведений и документов Маркса и Энгельса, их трактовкой, но главным образом выявлением новых материалов, связанных с их жизнью и деятельностью. Постепенно Рязанов превращался в историка – архивоведа и источниковеда. Троцкого особенно не интересовали эти научные изыскания, и он общался с Рязановым главным образом как с веселым, шумливым человеком, к тому же постоянно придумывавшим какие то трюки для мальчиков. Рязанов был абсолютно лысым, и Сережа, влюбленный в этого яркого человека, как то по секрету сказал отцу, что он хотел бы, чтобы у него была такая же прическа, как у дяди Давида. Из мемуаров Троцкого и его супруги, из статей, которые он публиковал в австрийской, германской, а затем и в русской прессе, создается впечатление, по всей видимости вполне обоснованное, что жизнь в Вене была самым спокойным периодом в жизни Троцкого. В то же время мемуары ярко окрашены «последующим

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский философ. опытом», который нередко превращал дружеское и подчас даже сибаритское общение с теми или иными австрийскими и германскими деятелями в серию обвинительных актов по их адресу. Особенно это касалось Рудольфа Гильфердинга, с которым Троцкий познакомился в 1907 г. в доме Карла Каутского. «Гильфердинг проходил тогда через высшую точку своей революционности, что не мешало ему питать ненависть к Розе Люксембург и пренебрежение к Карлу Либкнехту», – утверждал Троцкий в 1930 г. Отношения с Гильфердингом приняли «внешнюю форму близости». Они перешли на «ты». «Гильфердинг в тот период с великим презрением третировал неподвижную и пассивную германскую социал демократию, противопоставляя ей австрийскую активность».

Оба они часто встречались вечером в венских кафе, вели ни к чему не обязывавшие в то время «социалистические разговоры». Встречи продолжались и в Берлине, имея в виду, что Гильфердинг жил одновременно в двух столицах, являясь авторитетным теоретиком социал демократических партий и Германии и Австро Венгрии. Во время одной из встреч Троцкий познакомился с лидером британских лейбористов, будущим премьер министром Англии Рамзеем Макдональдом, причем переводчиком при их беседе был знаменитый Эдуард Бернштейн, которого клеймили за «ревизию» учения Маркса и Энгельса. В то время Троцкий относился с пиететом к «китам» международной социал демократии. Пройдут, однако, годы, и он представит свое тогдашнее настроение в совершенно ином виде: «Сейчас я не помню ни вопросов, ни ответов, так как они не были замечательны ничем, кроме своей банальности. Я мысленно спрашивал себя: кто из этих трех людей дальше отстоит от того, что я привык понимать под социализмом? – и затруднялся ответом» [567] .

Примерно то же Троцкий писал о другом видном социалистическом деятеле Карле Реннере. Признавая его, как и других видных австрийских социал демократов, «образованным марксистом», Троцкий с явным ракурсом истории, «опрокинутой в прошлое», писал, что тот не был способен применять методы Маркса, как только речь заходила о больших политических вопросах. Однажды Троцкий и Реннер засиделись в кафе до поздней ночи. Трамваи в Хюттельдорф уже не ходили, и Реннер предложил заночевать у него. По дороге и в доме Реннера речь шла о перспективах развития России, и Реннер высказывал мысли о том, что система, складывавшаяся в стране после государственного переворота 3 июня 1907 г., проведенного под руководством премьер министра П.А. Столыпина, соответствовала развитию производительных сил страны и имела шансы удержаться.

Троцкий возражал. Он высказал мнение, что в России произойдет вторая революция, которая, скорее всего, поставит у власти пролетариат. Иначе говоря, даже в беседе с австрийским социалистическим лидером Троцкий пропагандировал свое детище – перманентную революцию. «Помню беглый, недоумевающий и снисходительный взгляд Реннера под ночным фонарем. Он, вероятно, считал мой прогноз невежественными бреднями...» [568]

Ни с кем из руководящих деятелей австрийской социал демократии Троцкий, однако, по настоящему близко не сошелся, хотя в эти годы он состоял одновременно в российской и австрийской социал демократических партиях, участвовал в собраниях и демонстрациях, сотрудничал в немецких и австрийских газетах и журналах и выступал с политическими докладами на немецком языке. Из австрийских социалистов выше всех он ценил Виктора Адлера. Однако и его «темперамент борца расходился в австрийской сутолоке по мелочам». Троцкий вспоминал, как во время Штутгартского конгресса Интернационала Адлер будто бы в шутку, но на самом деле «не только» шутливо говорил, что политические предсказания на основе Апокалипсиса ему приятнее, чем «пророчества на основе материалистического понимания истории» [569] .

Сомнения касательно марксистских пророчеств свидетельствовали об определенной трезвости ума австрийского социалиста, которую он не стеснялся откровенно выражать. Троцкий же высказывал решительное несогласие с Адлером. Он не представлял себе политической деятельности и духовной жизни вообще без широкого исторического прогноза. Но что скрывалось за этим стремлением к революционным прогнозам? Можно ли полагать, что революция 1917 г. была подтверждением этих пророчеств и тем более концепции перманентной революции? Во всяком случае, реальное развитие событий в России начиная с 1917 г., только на самом начальном этапе, казалось бы, подтверждало «перманентное» пророчество Троцкого. Далее же водоворот кровавых событий повлек его за собой, превратив в орудие того самого «заместительства» класса партией, партии – ее руководством, а руководства – единоличным лидером, против чего он столь рьяно сражался в годы, предшествовавшие первой российской революции. О своем самом трезвом, самом правильном и действительно состоявшемся пророчестве Троцкий предпочитал более не вспоминать.

Тесные связи в Вене были установлены с русским эмигрантом Семеном Львовичем Клячко – народником, а затем марксистом, являвшимся членом Австрийской социал

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. демократической партии, но сохранившим дружбу и с русскими политическими беженцами, причем разных направлений. Троцкий писал о С.Л. Клячко, что у него были все данные, чтобы стать выдающимся политическим деятелем, но не было необходимых для этого недостатков [570]. Неформальные отношения у Троцких установились с супругой Клячко Анной Константиновной. Когда С.Л. Клячко в 1914 г. скончался, Троцкий откликнулся заметкой, в которой писал: «Он с одинаковой готовностью поддерживал все фракции, и за гостеприимным вечерним столом, в кругу его семейства, пребывали в течение ряда лет представители всех течений и оттенков русского социализма» [571]. Энергичная А.К. Клячко Троцким буквально покровительствовала. Позже, когда началась мировая война и Троцкий вынужден был срочно покинуть австрийскую столицу, А.К. Клячко взяла на себя все заботы по «ликвидации» его имущества, забрав себе домой наиболее важные и ценные личные вещи, фотографии и т. п. [572]. Гостеприимный вечерний стол Клячко Троцкому тоже был совершенно нелишен. После рождения второго ребенка его семейный бюджет стал напряженнее, и Троцкие через некоторое время вынуждены были переселиться в более дешевый жилой рабочий район Зиверинг, который, правда, со временем обрастал дорогими домами и постепенно превращался в место комфортабельного жительства. Но происходило это уже накануне мировой войны, и Троцкие просто не успели расстаться со вздорожавшим жильем, когда вынуждены были покинуть австро венгерскую столицу. С деньгами было плохо. В письме жене из Парижа 23 декабря 1911 г., где Троцкий выступал с рефератами, лектор жаловался на неприлично потрепанную одежду: «Брюки мои как раз дотянулись до Парижа. Но – увя! – мне приходится купить и пальто: вся подкладка в рукавах оторвалась, вешалка вырвалась с бархатом и обшлага совсем обтерлись. Поэтому я тебе ничего не посылаю. Надеюсь тебе выслать 27 [декабря] франков 50, а может и больше. Я просил Олю [Каменеву – сестру Троцкого] выслать к 1 му [января] нам 50 руб., но не знаю, сможет ли она» [573]. В 1912 г. деньги на лечение (у Троцкого была грыжа, и потребовалось делать операцию) дал Аксельрод. В том же 1912 г. в Вене побывали родители Льва. Отец дал ему какие то деньги для оплаты очередных медицинских счетов [574]. Впрочем, в таком же положении были и другие эмигранты. В одном из писем из Парижа Троцкий писал Наталье: «Приходится платить за других за еду, даже за Мартова с Даном, которые совершенно без денег» [575]. Хотя за выступления Троцкий получал незначительные гонорары, основной статьей доходов были журналистика и политическая публицистика. Лев сотрудничал в социалистических изданиях не только России, но также Австро Венгрии, Германии, Франции, Швейцарии и других стран. Летом 1911 г. побывавший в Швейцарии Потресов (он легально в это время жил в Петербурге и издавал журнал «Наша заря», который большевики клеймили как «ликвидаторский») договорился с Троцким о сотрудничестве. В этом журнале Троцкий поместил несколько материалов, из которых наиболее важной была первая статья: «Неотложные вопросы» – о необходимости единства социал демократов перед выборами в Государственную думу [576]. Троцкий завершил ее послесловием, в котором, в частности, говорилось: «С благодарностью принимая приглашение «Нашей зари» работать в этом журнале, автор печатаемой выше статьи так же мало, как и редакция, намерен скрывать от себя или от своих читателей наличие серьезных разногласий между направлением, представленным «Нашей зарей», и тем, к которому примыкает автор». Потресов в целом высоко оценил статью, хотя написал к ней несколько критическое послесловие [577]. Касаясь его, он сообщил Мартову в начале декабря 1911 г., что статья дает «благодарный повод коснуться разных злободневных тем, в частности возражая по некоторым пунктам Тр[оцкому], отгородиться и от возможных, да и существующих в действительности уклонений наших единомышленников» [578]. В 1909 г. в доме Троцкого появился начинающий 18 летний писатель Илья Эренбург, который ранее участвовал в одном из московских большевистских кружков, был арестован, но позже выпущен под залог и даже получил разрешение выехать за границу. Эренбург некоторое время жил у Троцкого. Сам Лев Давидович в мемуарах о юноше не написал ни слова, видимо не желая подводить его под расстрел. В памяти же Эренбурга эта встреча запечатлелась основательно. Он посвятил ей целую главу в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь», написанных после Второй мировой войны, но отказался от попыток ее публикации, объясняя близким людям: «Эту книгу я хотел бы напечатать целиком. Кроме одной главы – о Троцком. Глава о Троцком пойдет в архив. Я сам не хочу ее сейчас печатать... Я встретился с ним в Вене в 1909 году, и очень он мне тогда не понравился». На вопрос «Чем?» Эренбург ответил: «Авторитарностью. Отношением к искусству... Может быть, даже из за этой встречи я решил тогда отойти от партии, от партийной работы... Я не хочу сейчас печатать эту главу, потому что это мое отрицательное отношение к Троцкому может быть ложно истолковано» [579]. Не исключено, что и Троцкому Эренбург не понравился своей юношеской

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. заносчивостью, напоминая его собственное поведение десятилетием раньше. А может быть, он просто ничем ему не запомнился и потому не был упомянут в мемуарах.

3. Международные миссии

В первые годы второй эмиграции Троцкий часто появлялся на собраниях социал демократических организаций Австро Венгрии, Германии, Франции. В конце 1907 г. он совершил свой первый лекционный тур, выступая на собраниях русских эмигрантских и студенческих колоний с рефератами «Судьбы русской революции (К современному политическому моменту)» и «Капитализм и социализм (Социально революционные перспективы)». Первый реферат доказывал, что перспектива русской революции как перманентной подтверждена опытом 1905 г., второй – связывал русскую революцию с мировой [580]. Иначе говоря, оба реферата, по существу, содержали пропаганду новой концепции Троцкого о перманентной революции. Память об одном из выступлений Троцкого в Париже сохранил и через много лет воспроизвел П.А. Гарви: «Помню, Троцкий читал публичный реферат на политическую тему. Тут были и искренний пафос революционера, и усвоенная манера говорить под «Лассалья», внешнее сходство свое с которым Троцкий, несомненно, знал и подчеркивал. Свой блестящий по форме и нешаблонный по содержанию реферат Троцкий эффектно закончил известными стихами немецкого поэта: «Trotz alledem und alledem» [581]. Меня немного покорило: очень уж явно звучал ассонанс с фамилией докладчика. Личное знакомство с Троцким уже тогда не вызвало во мне особых симпатий к нему. Не то чтобы он держался высокомерно. Нет, держался скорее просто. Но всегда как то он умел внушить «пафос дистанции», который не устанавливали в отношениях с товарищами люди куда более крупного калибра, чем Троцкий, например Аксельрод, Засулич, Мартов. Холодный блеск глаз из под пенсне, холодный, металлический тембр голоса, холодная правильность и отточенность речи, точно «говорит, как пишет», не простым разговорным языком, а формулами и изречениями, наконец, подчеркнутая забота о своей внешности, об одежде, о жесте – все это как то отделяло от Троцкого, иногда даже отталкивало: человек позы, готовый, правда, ради позы и на плаху пойти – думалось иногда» [582]. В Париже во время одного из выступлений Льву стало плохо. Мартов, находившийся в это время во французской столице, писал Аксельроду 10 декабря 1907 г.: «Троцк[ий] у нас читал с успехом. Но его путешествие так его утомило, что на первом реферате у нас он к концу упал в обморок на трибуне, вызвав, разумеется, панику. Последствий никаких не было, и через четыре дня он читал второй реферат» [583].

В следующие годы лекционные туры стали проводиться несколько реже, так как Троцкий был до предела занят другими делами, но иногда (обычно раз в год) он не отказывал себе в удовольствии совершить полуделовую, полуразвлекательную поездку по европейским странам. Об этих поездках можно судить по сохранившейся корреспонденции между супругами. В начале декабря 1911 г. Лев писал Наталье из Лозанны, что на следующий день он едет в Цюрих, 18 декабря будет выступать в Дортмунде, затем – в Льеже, Брюсселе и, наконец, Париже. «Устал очень от рефератов и бесконечной смены лиц, и бесконечных разговоров». В письмах звучали интонации молодого влюбленного мужчины, отнюдь не стесняющегося своих желаний, а, наоборот, гордящегося ими. Он писал Наталье, что думает о ней «с замиранием сердца, с истомой в теле – в коленях и напряжением выше. Хочется отсюда протянуть к тебе, согнуть, и пригнуть, и войти...» [584].

Сохранилась афиша парижской группы РСДРП, извещавшая о выступлении Н. Троцкого с рефератом «Неотложные вопросы» 6 января 1912 г. В план выступления входили следующие темы: торгово промышленный подъем, оживление классовой борьбы, воссоздание партийных организаций, распад старых фракций, фракционное раскрепощение, беспринципность кружковых межеваний, «ликвидаторство» и его эволюция, «антиликвидаторство» и его разложение, элементы партийного строительства, общепартийная конференция, выборы в 4 ю Думу, борьба за единство партии [585]. Формулировки перечисленных вопросов свидетельствовали, что Троцкий, сохраняя внефракционную позицию, был все же несколько ближе к меньшевикам «ликвидаторам», нежели к их противникам.

Письма и открытки давали в то же время некоторые, порой весьма любопытные представления о быте той эпохи, даже о том, что написать с дороги иногда было не очень легко. «Нужно наполнить ручку чернилами, а для этого нужно промыть ее. Опять откладываешь с часу на час. А в вечерних и ночных кафе Парижа требовать письмен[ные] принадлежности, когда все сидят, тесно прижавши локти к туловищу (от тесноты) – дело безнадежное» [586].

Наталья, впрочем, подчас считала, что у ее любимого мужа в поездках и в парижских кафе, где прижимались локти к туловищу, возникали и другие, отнюдь не

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. деловые контакты. Когда письма приходили реже, она впадала в депрессию и не скрывала этого. В апреле 1913 г. в ее письме Льву прорвались такие строки: «Знаешь, я иногда прихожу домой и... и ищу с тихой тоской твоего письма... Все мне не верится, что нет его...» [587]

Довольно редко Наталья давала выход неопределенному, но, видимо, обоснованному чувству ревности. Она ощущала, что у него есть другие женщины, и это ее страшило. Наблюдательный Макс Истмен позже высказывал мнение: «Я полагаю, что в жизни Троцкого в этот период было немало романов; они могут занять несколько глав у тщательного биографа. Он утратил ту застенчивость, прикрываемую грубостью, которая была свойственна его юношеским отношениям с девушками – или он сохранил часть ее, чтобы его очарование стало еще более фаталистическим. И он принадлежал, судя по репутации, которую сохранили те, кто его тогда знал, к школе Энгельса, а не Маркса» [588], то есть был любителем женщин.

При всей привязанности Троцкого к Наталье, сама натура Троцкого требовала разнообразия, в том числе и в сексуальных контактах. В августе 1913 г. Наталья писала: «Спрашиваю себя, за что, зачем и говорю себе: все, все разбито», «Никогда, никогда это у него не пройдет, никогда» [589]. Но меланхолия у молодой любящей женщины таяла, возвращалась тяга к любимому и звучали совершенно другие интонации: «Милый, родной мой, пожалуйста, приезжай в воскресенье в полдень, хочу видеть тебя, Лёвочек, видеть, видеть...» [590]

Иногда Лев получал и детские каракули: «Милый папа, как тебе живется? Как твое здоровье? Прошу тебя, чтобы ты скорее приехал. Целую тебя. Левик». И в качестве приложения – детский рисунок «Охота в Африке» [591].

Троцкий продолжал принимать участие в европейском социалистическом движении. Он поддерживал связь с находившимся в Брюсселе информационно координационным органом 2 го Интернационала – Международным социалистическим бюро (МСБ), с его председателем бельгийским социал демократом Эмилем Вандервельде и секретарем МСБ Камиллем Гюйсмансом. По поручению МСБ Троцкий выполнял «представительские» поручения, которые иной раз выходили за рамки первоначально намеченных миссий, но в других случаях соответствовали прямым намерениям командировавшего его органа.

В течение ряда лет руководство Интернационала добивалось восстановления единства социалистического движения отдельных стран. Кроме России, в расколотом состоянии пребывала социал демократическая партия Болгарии, где социал демократы были разобщены на «тесных» социалистов и «широких» социалистов, носивших официальное наименование Болгарская рабочая социал демократическая партия (объединенная) – БРСДП(о). В 1910 г. МСБ предложило Троцкому поехать в Софию и предпринять попытку примирить «тесных» социалистов с «широкими». Троцкий не рассматривал свою миссию как самостоятельную. Он считал, что в случае успеха в Болгарии он сможет значительно более энергично и эффективно развернуть пропаганду своей модели объединения в российском социал демократическом движении. Однако его болгарская «командировка» была обречена на неудачу вследствие нежелания лидеров «тесных» социалистов Димитра Благоева, Георгия Киркова и Басила Коларова [592] идти на восстановление единства. Переговоры об объединении результатов не дали. По возвращении из Софии в Вену Троцкий почти тотчас отправился в другую страну, но на этот раз не на юг, а на север. Он принял участие в VIII конгрессе 2 го Интернационала, проходившем в столице Дании Копенгагене с 28 августа по 3 сентября 1910 г. Правда, при выборах российской делегации на Копенгагенский конгресс у него возникли серьезные неприятности, свидетельствовавшие о его фактической изолированности в социал демократическом движении России. За кандидатуру Троцкого высказались только бундовцы, и в результате он был провален [593]. В конечном счете Троцкому все же предоставили возможность поехать на конгресс, но, к огромному его сожалению, без права решающего голоса.

На одном из вокзалов, где была пересадка с поезда на поезд, Троцкий, ехавший из Вены, столкнулся с Лениным, следовавшим из Парижа. «Нам пришлось дожидаться около часу, и у нас вышел большой разговор, очень дружелюбный в первой части и мало дружелюбный во второй» [594]. Ленин слушал Троцкого с интересом, когда тот произносил осуждающие пассажи по адресу австрийских социал демократических руководителей, в частности в связи с отколом чешских профессиональных союзов, ставших в оппозицию к венскому руководству. Хотя Ленин в принципе требовал осуждения «нейтральности» профсоюзов, признания руководства ими со стороны социал демократических партий, на этот раз он согласился с Троцким в том, что в расколе виновны не пражские, а венские деятели.

Совершенно иной характер разговор принял, когда Троцкий рассказал Ленину о своей последней статье, которая должна была вот вот появиться в центральной газете германской социал демократии Vorwärts. Действительно, эта статья под названием «Русская социал демократия» была опубликована как раз в день открытия конгресса [595]. Специально приуроченная к этому событию и автором и редакцией, прежде

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

всего близким к Троцкому в то время Гильфердингом, руководившим международным отделом газеты, статья содержала резкое осуждение как меньшевиков, так и большевиков и призывала к восстановлению действительного единства российской социал демократии, которая, как подчеркивал Троцкий, объединена пока только формально, а на деле представляет собой две прямо противоположные партии с собственными центральными аппаратами, газетами, организационными, стратегическими и тактическими установками.

Особенно доставалось в статье Троцкого Ленину и его фракции. Большевики, писал автор, «образовали внутри партии свою собственную организацию с особым тайным центром, тайными денежными средствами и собственными правилами, освобождавшими их от необходимости подчиняться предписаниям партийного руководства». Правда, Троцкий был сравнительно оптимистичен, но отводил особую роль именно своей газете (т. е. себе): «Выходящая в Вене при поддержке Ц[ентрального] К[омите]та рабочая газета «Правда», с самого начала держащаяся в стороне от всякой фракционной полемики, опираясь на планомерную политическую агитацию этой пролетарской элиты, свободной от всех сектантских предубеждений, ставит себе задачей облегчить обновление партии на более здоровой, пролетарской основе». Троцкий, таким образом, нарушал «национальную солидарность», которой фактически придерживались социал демократы, несмотря на свой показной интернационализм. Он выносил сор из избы. С его суждениями мирились недавно на лондонском партийном съезде, но тогда его слушали только русские социалисты, теперь же речь шла о международной аудитории. В одном вопросе статья Троцкого была особенно непримиримой по отношению к большевикам. Речь шла о так называемых «экспроприациях», то есть прямых грабежах, совершавшихся большевистскими боевиками. V партийный съезд осудил «экспроприации», но в прямое нарушение соответствующего решения большевики на местах их продолжали, пользуясь покровительством своего зарубежного руководства, и Ленина в первую очередь. В своей статье Троцкий называл Ленина «теоретиком партизанщины, экспроприаций и т. п.», впервые поставив перед иностранными социалистами весьма болезненный вопрос о грабежах, устраиваемых большевиками под покровительством Ленина.

«На этом пункте я сосредоточил в «Форвертсе» свой удар», – откровенно поведал Троцкий Ленину. «Неужели так и написали?» – спрашивал Ленин возмущенно (в мемуарах употреблен более мягкий термин «укорительно», но, зная повадки Ильича, можно с уверенностью утверждать, что Троцкий смягчил ситуацию). «А нельзя ли ее по телеграфу задержать?» – «Нет, – отвечал Лев, – статья должна была появиться сегодня утром, да и зачем же ее задерживать? Статья правильная» [596].

Это было время, когда российская социал демократия все более дробилась на мелкие и мельчайшие группы. Из рядов большевиков выделились сначала ультиматисты, затем отзовисты, которые принципиально отказывались работать в легальных организациях и требовали полного ухода в глубокое подполье. Большинство меньшевиков, в свою очередь, настаивало на сосредоточении деятельности в Государственной думе, муниципалитетах, земствах, профсоюзах, медицинских страховых кассах, кооперативах и других легальных организациях, беря пример с западной социал демократии. Ленин продолжал презрительно называть эту тенденцию «ликвидаторством», причем такое сосредоточение на легальной работе пришлось не по вкусу и некоторым меньшевикам, которые во главе с Плехановым объявили себя «меньшевиками партийцами».

Конгресс открылся в обстановке резко враждебного отношения обеих фракций российской социал демократии по отношению к Троцкому, что проявилось очень скоро. Это был один из очень немногих случаев, когда среди большевиков и меньшевиков воцарилось почти полное согласие. Линия Троцкого, стремившегося вскрыть и обсудить эту пагубную ситуацию, не нравилась ни одной из группировок. В результате в российской делегации под давлением Ленина, а затем и не выносившего Троцкого Плеханова сложилось почти единодушное враждебное отношение к автору злосчастной статьи в немецкой газете. Ему припомнили и прежние неудачные выступления. «Какая возмутительная статья его в «Neue Zeit», – писал Аксельрод Мартову в октябре 1911 г. – Пожалуй, более возмутительная, чем в «Vorwärts» [597].

А.В. Луначарский, который вновь встретился с Троцким на Копенгагенском конгрессе, позже высказывал далеко не вполне обоснованное мнение, что Троцкий высмеивал, унижал всю российскую делегацию. Тем не менее негодовали действительно представители всех фракций. «Плеханов, жгучей ненавистью ненавидевший Троцкого, воспользовался таким обстоятельством и устроил нечто вроде суда над Троцким. Мне казалось это несправедливым, я довольно энергично высказался за Троцкого и вообще способствовал (вместе с Рязановым) тому, что план Плеханова совершенно расстроился» [598].

Судя же по рассказу самого Троцкого, дело обстояло несколько иначе. Происходила обычная история, когда о каком то документе знали только понаслышке, но тем не

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

менее осуждали его. Троцкий поэтому потребовал оглашения своей статьи на собрании российской делегации. Верный оруженосец Ленина Зиновьев [599] возражал, утверждая, что для того, чтобы осудить статью, не обязательно ее читать. С ним, однако, не согласились. Статью читал и переводил симпатизировавший Троцкому Рязанов, который придавал ей такие интонации, тем более в его русском переводе, что она многим «показалась невинной». Большинство голосов делегация отклонила прямое осуждение, что, однако, не привело к улучшению взаимоотношений Троцкого с социал демократическими группками. «Это не мешает мне сейчас самому осудить эту статью, как неправильную в оценке фракции большевиков», – писал Л.Д. Троцкий через двадцать лет [600] вряд ли в полной мере откровенно (меньшевики уже были достоянием истории, а большевики владели существенной частью суши земного шара). Конгресс приветствовал национально освободительную борьбу народов Азии. Были по существу подтверждены марксистские решения прежних конгрессов о решительной борьбе против милитаризма, о необходимости единства профессионального движения. Правда, по этому последнему вопросу произошло острое столкновение левых, включая Ленина, с основной массой делегатов, так как Ленин требовал осудить «нейтральность» профсоюзов, а также кооперативных организаций. Троцкий в эти споры не вмешивался. Требование Ленина было отвергнуто подавляющим большинством делегатов. По вопросу о единстве социалистических партий подавляющее большинство участников конгресса приняли центристскую резолюцию, требовавшую объединения всех течений социалистов в национальном масштабе, что, однако, не привело к каким либо сдвигам в этом больном вопросе.

В сентябре 1911 г. Троцкий участвовал в съезде германских социал демократов в Йене. Карл Либкнехт предложил ему выступить по поводу «насилий царского правительства над Финляндией», где власти империи начинали энергично проводить русификаторскую политику. В это время, однако, поступило известие об убийстве в Киеве премьер министра России Столыпина, и лидер партии Август Бебель осторожно попросил Троцкого воздержаться от выступления, чтобы не создавать затруднений для его партии. Пожелание было выполнено, однако то обаяние, которым была окутана в глазах Троцкого СДПГ, рассеялось [601].

Первые годы второй эмиграции Троцкого в известном смысле знаменовали своего рода остановку в его политическом развитии. Бурный взлет в предыдущее пятилетие существенно затормозился. Троцкий стал известным в международных кругах деятелем российской социал демократии. Он стоял на центристских позициях, тяготел к левому крылу международного объединения, но не пользовался полным доверием ни в Интернационале, ни в своей собственной партии. И большевики и меньшевики относились к нему с нескрываемой опаской. Особенным недоверием пользовался он в кругу Ленина и его близких соратников, к которым принадлежали прежде всего Зиновьев и Каменев. Последний, правда, к этому времени вступил в родственные отношения с Троцким, став супругом его младшей сестры Ольги, однако политически между ним и Троцким продолжались сугубо официальные и взаимоподозрительные отношения. Ольга же, дама весьма привлекательная и самоуверенная, погрузившаяся во внутрипартийные интриги, хотя и не забывавшая о жизненных женских радостях, большая любительница дорогих украшений, политически была ближе к своему супругу и, следовательно, к Ленину, нежели к собственному брату. Она была уже матерью одного сына, Александра, которого родила в 1908 г., в 1914 г. появился второй сын – Юрий.

Потенции Троцкого как политика, организатора, публичного оратора, столь ярко проявившиеся в последней четверти 1905 г., теперь не находили возможностей для столь же блестящего выражения. Ему пришлось примириться на несколько лет с ролью плодотворного журналиста и активного организатора прессы, то есть возвратиться к той деятельности, которой он занимался в самом начале своей бурной карьеры. Эта деятельность, однако, развивалась теперь на новом, значительно более высоком содержательном уровне, чем первые публицистические выступления в восточносибирской газете, а затем в «Искре».

Глава 8 «Правда» и августовский блок

1. Газета Троцкого

Постепенно Троцкий склонялся к мысли, что случайные публикации статей в большевистской и меньшевистской прессе, органы которой крайне осторожно относились к нему в качестве автора, статьи в германских, австрийских и польских изданиях не могут удовлетворить его притязаний на широкую социал демократическую аудиторию и более обширный круг читателей. Он предпринял издание собственной газеты, в которой мог формулировать свои стратегические планы, общественно

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. политические установки, собственную оценку текущих событий и общих явлений в мировой экономике, международной политике, внутренней политике отдельных стран, не оглядываясь на мнение других издателей, не приспособиваясь к вкусам читательской публики.

В октябре 1908 г. на занятые средства Троцкий приступил к изданию в Вене своей газеты «Правда», которая была предназначена, как он пишет, «для широких рабочих кругов» [602], но все же скорее для социал демократической и другой оппозиционной интеллигенции, а также наиболее продвинутой части промышленных и ремесленных рабочих. Первый номер газеты появился на свет 3(16 октября). Через нелегально действовавший союз черноморских моряков и другие конспиративные и полулегальные организации, а также нелегальные связи социал демократов часть тиража отправлялась в Россию контрабандным путем по Черному морю и через границу между Россией и Австро Венгрией в Галиции. Троцкому удалось установить настолько эффективные контрабандные связи, что он смог оказывать помощь в нелегальных перебросках через границу партийных работников, отправлявшихся, например, в организованную социал демократическими деятелями школу в Болонье (Италия). В течение некоторого времени газету получала в сравнительно большом количестве влиятельная нелегальная киевская социал демократическая организация. Ее секретарь Н.Ю. Капелинский с Троцким регулярно переписывался, правда только до провала этой организации в 1911 г., после чего новое руководство, созданное группой, оказалось в руках большевиков.

А.А. Богданов, в то время один из ведущих руководителей течения так называемых большевиков примиренцев (вскоре их стали называть большевиками партийцами, а затем и в их среде произошел раскол и выделилась группа «Вперед»), писал М. Горькому 12 (25) мая 1909 г. о своей встрече с Троцким, который сказал ему, что «Правда» «охотно дает для переправки учеников свои пограничные связи. А они очень хороши». Учтивая это, летом 1909 г. Горький послал Троцкому 650 итальянских лир «для рабочих, которые поедут сюда», то есть в партийную школу [603].

К текущей работе в редакции были привлечены несколько человек, которые позже сыграли ту или иную роль в российской и советской истории. Главным помощником Троцкого был Иоффе. Помощь Иоффе была важной не только потому, что он отдавал газете все свои силы, но и потому, что, получив значительное наследство, он большую его часть предоставил на издание «Правды», что, собственно, позволило выпускать ее, пусть с перерывами, в течение трех с половиной лет. «Он отдавал «Правде» и свои силы, и свои средства», – вспоминал Троцкий [604].

Некоторое время секретарем редакции «Правды» работал нефракционный социалист Виктор Леонтьевич Копп [605]. Постоянным сотрудником газеты был студент меньшевик Матвей Иванович Скобелев [606], проявивший яркие журналистские способности и организаторскую хватку. Между прочим, именно в крохотной комнатухе Скобелева Троцкий в 1913 г. впервые близко увидел того человека, который на протяжении более чем двух десятилетий после Октябрьского переворота 1917 г. станет его главным личным и политическим врагом: к Скобелеву зашел находившийся в это время в Вене и снимавший угол у проживавшего по соседству меньшевика А.А. Трояновского Иосиф Джугашвили, который по поручению Ленина пытался собрать материал с целью написания популярной марксистской брошюры по национальному вопросу. Собственно говоря, знакомство тогда так и не произошло, ибо Сталин, лишь слегка кивнув, налил себе стакан чаю и молча удалился. В памяти Троцкого сохранился лишь смутный, но весьма неприятный образ (или, возможно, это было наслоение позднейших впечатлений на мимолетное воспоминание) [607]. Сталин же не оставил никаких свидетельств о своей первой встрече с Троцким [608]. Подробно рассказывая в своих мемуарах о сотрудничестве Иоффе и едва упоминая имя Коппа, Троцкий ни слова не говорит о Скобелеве, с которым разошелся политически. Троцкий не упоминает имя еще одного человека, который сыграл важную роль в выпуске «Правды»: Семена Юльевича Семковского [609], считавшегося одним из редакторов газеты и публиковавшего в ней много материалов [610]. И Скобелев и Семковский были очень «неудобны» для рассказа о сотрудничестве с ними, имея в виду попытки Троцкого максимально «приблизить» свои позиции к ленинским в двадцатилетней ретроспективе.

Но, опираясь именно на этих людей, Троцкий смог наладить более или менее регулярный выпуск газеты, хотя периодичность ее лишь изредка составляла две недели, а иногда газета выходила значительно реже, подчас с перерывами в несколько месяцев.

Ранее «Правда» издавалась в качестве органа украинской социал демократической организации «Спілка» («Союз»), примыкавшей к меньшевикам [611], но после ослабления, а затем фактического распада этой организации в результате арестов в 1907 г. перестала выходить. Затем публикации продолжились под руководством Мариана Меленевского [612], выступавшего под псевдонимом Басок, но

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. подписывавшегося также Иван Гылька, который как раз и выпускал «Правду» до передачи ее Троцкому. «Спілка» была объявлена восстановленной, но активной деятельности не возобновила. Троцкий договорился с бывшими деятелями «Спілки», которые передали ему права на выпуск газеты, однако издание было начато как бы заново. Вслед за этим Троцкому удалось добиться официального признания «Правды» общепартийным предприятием, хотя это признание осталось только формальным. Фактически газета оставалась его личным печатным органом. Ленин отнесся к предпрятию Троцкого весьма подозрительно, хотя не исключал все еще возможности прибрать к рукам и «Правду», и ее редактора. Эти расчеты были в значительной степени связаны с тем, что «Правда» крайне нуждалась в денежных средствах. Троцкий совершил несколько поездок по русским социал демократическим колониям в Западной Европе, пытаясь заручиться их поддержкой. В конце мая – начале июня 1909 г. он поехал в Париж в связи с тем, что 16 мая ЦК в какой то степени легализовал газету, объявив редакцию «Правды» партийной группой, издающей рабочую газету «Правда» [613]. Немедленно после этого Троцкий обратился в ЦК с просьбой о материальной и организационной поддержке. Большевики примиренцы склонны были к соглашению. Ленин занял значительно более осторожную позицию. На переговоры с Троцким был послан Каменев. О том, какой позиции придерживался Ленин в это время, видно из его письма от 18 августа 1909 г. члену Заграничного бюро ЦК А.И. Любимову (Марку), тогда умеренному большевику, но колебавшемуся между большевизмом и меньшевизмом: «Насчет Троцкого должен сказать, что я буду самым решительным образом против помощи ему, если он отвергнет (а он уже отверг!) равенство в редакции, предложенное ему членом ЦК [Каменевым]. Без решения этого вопроса Исполнительной комиссией БЦ [614] никакие шаги помощи Троцкому не допустимы. Поэтому на печатание «Правды» в типографии «Пролетария» Хозяйственная комиссия имеет право согласиться только в том случае, если это не будет помощью новой фракции (ибо Троцкий основывает новую фракцию, а член ЦК б[ольш]е[ви]к предлагал ему вместо этого идти в партию... как всякому иному)... Самым решительным образом настаиваю на том, что вопрос об отношении к «Правде» еще будет решаться Исполнительной комиссией БЦ и что ни одного шага помощи до этого решения делать нельзя, ничем себя связывать нельзя» [615]. Из этого письма отчетливо видно, что Ленин соглашался на финансирование «Правды» Троцкого только на условиях его полной капитуляции и присоединения к большевикам, что было нереальным. Таких намерений Троцкий действительно не проявлял. И Ленин сменил весьма условное согласие поддержать «Правду» в материальном отношении негодованием. В конце августа он писал Зиновьеву, что «Троцкий повел себя как подлейший карьерист и фракционер... Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров». Примерно в тех же словах он описывал ситуацию в письме М.П. Томскому [616] через месяц [617]. 2 – 23 января (15 января – 5 февраля) 1910 г. в Париже состоялся пленум ЦК РСДРП, который прозвали «долгим пленумом». Он был еще одной оказавшейся безуспешной попыткой урегулировать внутривнутрипартийные разногласия. На пленуме доминировали умеренные большевики А.И. Рыков [618], Г.Я. Сокольников [619], Каменев. Их позиции были близки к позиции Троцкого, который «получил признание как удачливый миротворец» [620]. Участвуя в пленуме, он ловко маневрировал, используя противоречия между большевиками и меньшевиками, явно сблизился через своего шурина Каменева с большевиками примиренцами. Оставшись в меньшинстве, меньшевики согласились изгнать из своих организаций «ликвидаторов», но большевики, в среде которых все больше усиливались разногласия, пошли по требованию как Ленина, так и меньшевиков на разрыв с бойкотистами, призывавшими к игнорированию Государственной думы. Пленум постановил создать Коллегию членов ЦК в России с правами ЦК (позже этот орган стали называть Русское бюро ЦК), установив равное представительство большевиков и меньшевиков. Было решено приостановить фракционные публикации и вложить средства в единый партийный печатный орган. Пленум решил передать крупные денежные средства, которые были получены большевиками путем мошеннической операции с наследством фабриканта Н.П. Шмита, в распоряжение тройки доверенных лиц из числа германских социал демократов: Карла Каутского, Франца Меринга и Клары Цеткин. Передачу предполагалось провести в два этапа: половину немедленно, а вторую часть – через год. Сдав часть суммы, Ленин перед наступлением срока сдачи второй части подал заявление в ЦК о расторжении соглашения. Оставшиеся деньги (как минимум 33 тысячи франков) были положены в банк на личный счет Ленина, и контроль со стороны других лиц над их использованием был невозможен [621]. Изначально от роли «держателя» денежного фонда по болезни отказался Меринг. Затем точно так же поступил Каутский – не желая пачкать свое имя грязными делами. В декабре 1911 г. Троцкий направил К. Цеткин письмо от имени редакции своей газеты с резким осуждением действий Ленина [622]. Пленум принял

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

специальную резолюцию о газете «Правда». В ее первоначальном варианте был пункт о праве вето, которое предоставлялось ЦК в редакции газеты. Однако по настоянию умеренных этот пункт был заменен другим, предусматривавшим, что изменения в составе редколлегии газеты производятся путем «соглашения между редакцией и ЦК». Решив предоставить Троцкому небольшую дотацию в сумме 150 рублей (400 франков), ЦК фактически признал его газету «Правда» в качестве своего органа [623], хотя официально этот статус зафиксирован не был.

Ленин голосовал на «долгом пленуме» против содействия «Правде». Он все четче видел в Троцком серьезного конкурента в борьбе за лидерство. Троцкий же приветствовал решения этого пленума, полагая, что он может стать поворотным пунктом в его судьбе и развитии партии [624]. Он активно участвовал в решении всех стоявших на пленуме вопросов, внеся, в частности, компромиссное предложение об изъятии термина «ликвидаторство» из основной резолюции «О положении дел в партии». Поддержанный польскими и латышскими социал демократами и бундовцами, он добился исключения из резолюции этого одиозного термина.

По настоянию Ленина и с согласия Троцкого пленум решил ввести в редакцию газеты «Правда» своего представителя в расчете на полное овладение газетой. По тактическим соображениям, имея в виду и родственные связи, и сравнительную умеренность позиции, в качестве такового был определен Каменев [625]. Последний приехал в Вену с предложением сосредоточить газету целиком на партийных делах (как это трактовали большевики и лично Ленин). Взамен Ленин предлагал на очередной партийной конференции объявить газету органом ЦК РСДРП с выделением на ее издание соответствующих более крупных сумм из партийной кассы [626]. М.Ф. Назарьев – сотрудник эмигрантского меньшевистского «Голоса социал демократа», несколько идеализируя ситуацию, сообщал по окончании пленума, что «Правда» из частного издания кружка литераторов становится изданием при ЦК, субсидируемым последним. Б[ольшеве]ки хотели взять ее под свое руководство, м[еньшеви]кам удалось отстоять ее независимость». Именно «независимость» «Правды» не устраивала Ленина.

Троцкий вначале колебался. Перспектива выпуска общепартийной газеты под его редакцией казалась весьма заманчивой. «Правда» заняла явно примирительную позицию в отношении большевиков, что, между прочим, позже не укрылось от внимательного взгляда бывшего жандармского генерала А.И. Спиридовича, изучавшего в эмиграции историю большевизма [627]. Однако вскоре стало ясно, что Ленин не собирался предоставлять редакции ни малейшей степени автономии. Хотя Каменев в какой то мере пытался сгладить углы, в редакции начались трения.

Вслед за этим оказалось, что меньшевики не намерены исключать из своих организаций тех, кого Ленин именовал ликвидаторами, имея в виду крайнюю расплывчатость этого термина и возможность приклеить соответствующий ярлык почти любому члену меньшевистской организации. Троцкий решил не торопиться с осуждением линии меньшевиков и лишь осторожно сообщил в «Правде», что не одобряет их поведения. Ленин настаивал на значительно более жесткой линии. Троцкий же отказался следовать императивным директивам Ленина. Последовали пререкания и интриги. В какой то момент Каменев оказался даже круче Ленина, сочтя необходимым разрыв с Троцким. Ильич был вынужден его остановить: «Необходим ли нам выход из «Правды»? – писал он 6 апреля. – Вы решаете почти что да – опять же «поторопившись» написать после первого конфликта с Троцким» [628].

Тем временем в газете появилось «Письмо к мыслящим рабочим», которое Ленин счел защитой ликвидаторства [629]. Ленин все еще добивался превращения «Правды» из нефракционной газеты в фактически большевистский печатный орган. Троцкий решительно возражал. В результате по требованию Ленина Каменев покинул редакцию, а финансирование газеты из партийной кассы было прекращено [630]. «Между Каменевым и Троцким произошел такой бурный разрыв, что Каменев очень скоро вернулся назад в Париж», – писал Луначарский [631].

Троцкий настаивал перед ЦК на присылке в редакцию другого представителя, «способного проводить интересы партии и ЦК в целом, а не только одного небольшого кружка, даже не фракции», но этот вопрос вообще не был рассмотрен хотя бы по той причине, что ЦК попросту перестал собираться. Оказавшись фактическим хозяином финансовых средств партии, Ленин своей волей, вопреки решению «долгого пленума», прекратил финансирование «Правды», или, как говорилось в резолюции цюрихской группы русских социал демократов, его группа «открыла поход» против газеты, «полезность которой признана была единодушно всеми фракциями на пленуме ЦК, и самовольно наложила руку на назначенную ей субсидию потому лишь, что «Правда» отказалась стать орудием партийной склоки» [632]. Сам же Троцкий вскоре заявил, что большевики пытались «задушить «Правду» петлей финансового террора» [633].

В своих письмах Горькому, польскому левому социал демократу Юлиану Мархлевскому

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. и Г.Л. Шкловскому [634] Ленин теперь всячески поносил Троцкого за защиту ликвидаторства и отзовизма. В письме Горькому от 11 апреля 1910 г. говорилось: «Только пустозвон Троцкий воображает, что можно это отрицание [существования ликвидаторов и отзовистов] обойти, что это лишнее, что рабочих это не касается, что вопросы ликвидаторства и отзовизма ставятся не жизнью, а печатью злых полемистов» [635].

Троцкий тем временем продолжал добиваться, чтобы его газета стала единственным официальным органом ЦК социал демократов. Поддерживавший его и фактически оказавшийся под его руководством социал демократический клуб в Вене (в клуб входили и умеренные большевики, но и они находились под обаянием Троцкого) нервно реагировал на появление в Париже в ноябре 1910 г. «Рабочей газеты», выходившей под редакцией Ленина, Зиновьева и Каменева. Собрание клуба 26 ноября 1910 г. сочло «совершенно недопустимым» возникновение новой «рабочей газеты», имея в виду решение ЦК оказывать «Правде» всестороннее содействие. Эта венская резолюция, настаивавшая на созыве представительной партконференции и, скорее всего, написанная самим Троцким, констатировала, что «новый орган является частным предприятием группы ленинцев, опирающихся на сотрудничество т. Плеханова» и что «в лице «Рабочей газеты» мы имеем фракционный орган, само возникновение которого продиктовано фракционными целями» [636]. Как «Рабочая газета», так и официальный «Социал демократ» обрушились с нападками на Венский клуб, именуя его «Троцким и его кружком». В открытом письме в редакцию «Социал демократа» от 13 февраля 1911 г. Троцкий от имени клуба сравнительно спокойно и в примирительном духе аргументированно опровергал ленинские инсинуации по поводу того, что эта группа пытается разрушить центральные партийные учреждения, «а с ними заодно и партию, как организацию» [637]. Однако добиться превращения «Правды» в подлинно общепартийный орган не удалось. По существу, газета от начала до конца – она прекратила выход 23 апреля (6 мая) 1912 г. – оставалась персональным печатным органом Троцкого.

Не увенчались успехом многократные обращения Троцкого к «товарищам на местах» с просьбой об оказании газете материального содействия. Он писал 26 февраля 1911 г.: «Организируйте сборы в пользу «Правды»! Главное, чтобы эти сборы были правильными, лучше всего – ежемесячными. Самая скромная сумма, но регулярно получаемая, имеет для нас, при наших скромных расходах, серьезное значение» [638].

Весьма редко и в ограниченных размерах деньги на выпуск «Правды» все же поступали. Так, летом 1911 г. небольшую материальную помощь оказал Центральный комитет социал демократии Латышского края (300 франков), одновременно осудив отказ большевиков выдавать газете субсидию, назначенную пленумом ЦК, и подчеркнув, что эта газета «всегда старалась стоять в стороне от фракционных раздоров» [639].

Троцкий был обеспокоен не только прекращением сотрудничества с большевиками и утратой стабильного канала финансирования, но и все более острыми нападками на него со стороны Ленина и временно объединившегося с ним Плеханова, а также планами создания в России большевистской газеты, долженствующей стать серьезным конкурентом «Правды». Об этом, в частности, Троцкий писал Мартову [640]. Такая газета под названием «Звезда» действительно была создана в декабре 1910 г. и была предшественницей еще более амбициозного предприятия Ленина – ежедневной «Правды», название которой совершенно цинично было украдено у венской газеты. На полосах обеих газет Ленин и его сторонники развернули массированную кампанию против Троцкого и его печатного органа, обвиняя его в покровительстве ликвидаторам.

Ленин между тем продолжал негодовать. В июне 1911 г., обращаясь к К. Каутскому с требованием отдать большевикам те деньги, которые были переданы на хранение ему и другим германским социал демократам в качестве общепартийного фонда, Ленин особенно энергично и желчно жаловался на поведение Троцкого, который якобы издает свою газету «как фракционный орган» [641]. Троцкий не оставался в долгу. Он энергично включился в борьбу за награбленные деньги и встречал определенное сочувствие со стороны как руководящих немецких социал демократов, так и соперничавших с большевиками российских левых политиков. 19 августа 1911 г. Аксельрод писал Дану и Мартову: «Вероятно, Троцкий пришлет вам или в З[аграничное] Б[юро] ЦК обстоятельный доклад». Какому вопросу должен был быть посвящен этот доклад, видно из следующей за этим ремарки о том, что идут переговоры с держателями партийной кассы – Каутским, Мерингом и Цеткин, причем Каутский предложил Аксельроду и Троцкому «собраться с ними для предварительной, частной беседы» [642].

Троцкий стремился привлечь к участию в газете авторитетные литературные силы. Имея в виду популярность М. Горького в кругах социал демократов, входивших в различные группы, а также в леволиберальной среде, Троцкий обратился к писателю

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. с предложением о регулярном сотрудничестве. В ответ Горький 31 мая (13 июня) 1909 г. просил «подождать немного», ибо он был очень занят и не мог пока ничего сделать для газеты. В то же время Горький счел нужным включить в свое письмо несколько весьма лестных строк: «Правда» Ваша страшно нравится мне: такая она простая, ясная, без особенных громозвучных слов, а – задушевно». Позже Горький опять извинялся перед Троцким, что не ответил на его письмо по поводу сотрудничества в «Правде» – «страшно занят» [643]. Ни одна горьковская публикация в «Правде» Троцкого так и не появилась. Писатель был хитер. Он не хотел портить отношений с социал демократическими фракциями, и с ленинской фракцией и самим Лениным в первую очередь, особенно имея в виду, что Ленин целенаправленно настраивал его против Троцкого, повторяя в разной словесной упаковке то, что четко сформулировал в письме от 14 ноября 1910 г.: «С Троцким, который интригует в пользу ликвидаторов и отзовистов впередовцев [644], каши сварить нельзя» [645]. В то же время германские и австрийские социал демократы охотно откликнулись на приглашения Троцкого выступить в его газете. Среди ее авторов были К. Каутский, Ф. Меринг, В. Адлер, О. Бауэр. Поступали и материалы из России, посылку которых организовали, в частности, М.В. Журавлева и Ф.И. Калинин – эмигранты впередовцы, ездившие в Россию для набора слушателей в партийную школу в Болонье.

Всего в 1908 – 1912 гг. вышло 25 номеров «Правды». Было издано также четыре тематических приложения к газете в форме «Библиотеки «Правды». Наиболее значительным из них была язвительная сатирическая брошюра, посвященная 300 летию дома Романовых, написанная Троцким [646]. В материалах этой газеты и прежде всего в своих собственных статьях Троцкий стремился откликнуться на все актуальные современные проблемы, причем делал это с присущим ему журналистским и полемическим блеском. Но сквозь почти все крупные публикации неизменно проходила главная идея непрерывности революции, той «перманентной цепи», которая теперь проводилась с максимальной последовательностью. Троцкий «по-прежнему настойчиво и упорно проводил мысль о «перманентности» русской революции», то есть доказывал, что, «раз начавшись, она не может закончиться до тех пор, пока не приведет к ниспровержению капитализма и водворению социалистического строя во всем мире» [647].

Когда в Петербурге развернулась первая после нескольких лет почти полного молчания открытая кампания по сбору подписей под петицией в Государственную думу с протестом против гонений на рабочие союзы, клубы и просветительные общества, «Правда», в отличие от вышедшей в столице России большевистско плехановской легальной газеты «Звезда» (с осени 1911 г. эта газета полностью оказалась в руках сторонников Ленина) [648], не осталась в стороне. Она не только рассказала об этой кампании, но и организовала проведение среди западноевропейских социалистов (главным образом немцев и австрийцев) своеобразной анкеты, результаты которой были опубликованы в двух номерах «Правды», а затем и в статье Троцкого «Принципы и предрассудки. (К вопросу о борьбе за свободу коалиций)», направленной в журнал «Наша заря» [649]. Эту работу Троцкого весьма положительно оценил в письме Мартову [650] Потресов. Опубликованы были также мнения К. Каутского, Ф. Меринга, К. Либкнехта и других, высказывавшихся, в противовес Ленину, в пользу петиционной кампании. То в весьма популярной форме, то в обширных аналитических материалах с привлечением многочисленных статистических и фактических данных [651] Троцкий стремился дать общую картину социально политической ситуации в стране в связи с функционированием 3 й Государственной думы. Особенно интересной в этом смысле выглядит статья «К чему пришли» [652]. Здесь была намечена широкая ретроспективная панорама отступления революции, контрнаступления правых партий и движений, пользовавшихся полной поддержкой царизма, промежуточной, но в целом благоприятной правым позиции октябристов и кадетов по основным политическим вопросам. В статье содержалась попытка доказать, что по всем жизненным проблемам страны ни правые, ни центр не были способны выразить истинные тенденции общественного развития. «Первые две Думы показали всю жалкую беспочвенность либеральной тактики соглашения. Добром ни царизм, ни дворянство не уступят ни нитки. Ласковыми словами их не проймешь. Борьба тут нужна решительная и беспощадная».

В то же время Троцкий стремился убедить читателей в наличии серьезных противоречий между помещиками и крупными капиталистами, что привело к неустойчивому положению 3 й Государственной думы. Автор не исключал, что эта Дума будет разогнана так же, как и две предыдущие. В любом случае, полагал он, пролетариат должен вести самостоятельную борьбу. В статье в различном контексте повторялось утверждение, наиболее четко сформулированное в самом ее конце, о том, что именно рабочему классу, а не либералам предстоит «занести над головой самодержавной гадины каблук для последнего смертельного удара».

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

В нескольких статьях Троцкий касался вопросов внешней политики царизма, посвятив этому комплексу специальный анализ осенью 1909 г. [653] Вновь возвращаясь к сохраняемому промышленному застою, статья концентрировала внимание на острой необходимости для правительства получить новые внешние займы и связывала эту проблему с усиливавшейся зависимостью царского правительства от политики Франции и Великобритании в их конкурентной борьбе с Германией. Троцкий, однако, совершенно непомерно преувеличивал степень экономической и политической зависимости царизма от западных держав вплоть до того, что объявлял «самодержца всероссийского» «крепостным мужиком английской биржи».

Несколько убедительнее рассматривались конкретные вопросы – политика на Балканах и в Персии (Иране). Впрочем, и здесь, после анализа на основе российской и зарубежной прессы позиций правительства и думских партий, звучал вывод о предательстве царизмом интересов Сербии и о том, что российские власти были готовы в удобный для них момент совершить интервенцию в Персии с целью обеспечения преобладающего влияния в этой стране.

К вопросу о внешних рынках Троцкий возвращался в статье «С Думой или без Думы?» [654]. Он полагал, что крупный внешний конфликт, то ли на Западе, то ли на Востоке, неизбежно приведет к военному поражению России, ослабленной после войны с Японией и революции 1905 – 1907 гг. Правительство крайне боится войны, понимая, что военное поражение приведет к революции. Поэтому оно знает «одно правило: молча проглатывать унижения, с христианской кротостью переносить пощечины». В свою очередь, «военное ничтожество» царизма, по мнению Троцкого, имело пагубные последствия для его международного положения, в частности во взаимоотношениях с державами Европейского концерта [655], ибо наводило «буржуазную Европу на размышления о непрочности всего третьейунынского порядка» [656].

Одним из важных направлений публицистической деятельности Троцкого в этот период в газете «Правда» были попытки анализа аграрного вопроса и крестьянской политики социал демократии, в связи с чем критике подвергалась партия социалистов революционеров (ПСР). В «Правде», которую Троцкий считал газетой популярной, он, как правило, избегал публикаций материалов программного характера, а именно таковыми должны были стать принципиальные статьи по аграрному вопросу. Поместив две крупные работы («Крестьянство и социал демократия» и «Дума и закон 9 ноября» [657]) в журнале польских социал демократов *Przegląd Socjal demokratyczny* («Социал демократическое обозрение»), Троцкий предпочитал в своей газете публиковать статьи и обращения, несравненно более доступные для подготовленного к чтению «Правды» крестьянина. К таким статьям относились «размышления» «Вокруг мужицкой земли», где особое внимание обращалось на формирование сельского пролетариата, его перспектив и ведущей роли в решении аграрного вопроса; «Чересполосица и социализм» (она была посвящена противопоставлению чересполосицы и столыпинского хутора, с одной стороны, и общественной обработки земли, которая будет введена при будущем социалистическом порядке, – с другой) [658]. Видимо, особая острота, с которой Троцкий нападал на эсеров, была связана с тем, что их установки в определенной степени напоминали его собственную концепцию перманентной революции. Эсеровские позиции, разумеется, не только не были с ней тождественны, они имели некоторые прямо противоположные черты. Но в массовой пропаганде, в восприятии рядовых партийцев не могло не быть замеченным, что эсеры отрицали способность буржуазии стать во главе революции, что революция не должна была ограничиваться только лишь сменой власти и частичным перераспределением собственности в рамках капитализма, что она должна была вообще отменить частную собственность на землю путем ее социализации, то есть передачи во владение органам местного самоуправления [659]. Эсеры, правда, предусматривали в своей программе проведение не социалистической, а социальной революции, чьей основной движущей силой они считали крестьянство, к которому примыкали бы пролетариат и «трудова» интеллигенция. Эсеры не считали Советы 1905 г. способными исполнять какие бы то ни было государственные функции и видели в них лишь самоуправленческие органы на местах. Именно эти черты эсеровской программы и были главной мишенью атак, предпринимаемых Троцким.

Сообщения о том, что одним из руководителей ПСР, прославившейся индивидуальным террором, являлся многолетний правительственный агент и сотрудник Департамента полиции Евно Азеф, внесли деморализацию в ряды не только эсеров, но и социал демократов. Эсеры и социал демократы везде подозревали теперь «провокацию» и «провокаторов», а любые провалы объясняли работой правительственных агентов, причем борьба с «провокацией» становилась манией.

Троцкий был одним из немногих, кто попытался использовать дело Азефа в интересах социал демократического движения. В германской и польской социалистической прессе он опубликовал несколько объемных статей о «вырождении терроризма», а в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. «Правде» многократно упоминал дело Азефа, после чего выступил с крайне острой и едкой статьей «Терроризм, провокация и революция» [660], но вывод сделал тривиальный: «Оживают массы, оживают. Занесут они снова над нами великую метлу. И та пролетарская метла во сто тысяч раз страшнее самой страшной динамитной бомбы».

Несколько раз внимание публициста привлекала личность главы правительства П.А. Столыпина, вначале в связи с проводимой им аграрной реформой и усилением консервативных тенденций, проявившихся в досрочном роспуске двух Государственных дум и жестком наведении порядка в стране, а затем непосредственно после выстрелов в Киеве 1 сентября 1911 г., когда членом террористической анархистской организации и одновременно тайным жандармским осведомителем Дмитрием Богровым в театре на глазах у императора Столыпин был смертельно ранен и 5 сентября скончался. Две статьи, посвященные гибели Столыпина и опубликованные в одном номере газеты 16 (29) ноября 1911 г., были полны неприкрытой ненависти к убитому премьер министру, что было несвойственно Троцкому, предпочитавшему остроумную едкость откровенной грубости и злости, более характерной для Ленина. Хотя Троцкий и признавал, что не Столыпин создал контрреволюцию, а контрреволюция создала Столыпина, он считал, что «для пролетариата Столыпин был и оставался до последнего издыхания своего не только кровожадным, но и бесчестным врагом. Его трусливо подлый заговор против нашей фракции во второй Думе рисует нравственный облик убитого временщика во всей его отвратительной наготе». Впрочем, эта кровожадная статья скорее рисовала неприглядный облик ее автора, фактически одобрявшего убийство одного из виднейших прогрессивных деятелей России, не относившихся к числу левых либералов.

2. Попытка создания межфракционного объединения

фактически с 1910 г. между Троцким и Лениным шла ожесточенная борьба за инициативу в созыве партийной конференции, которая, по мнению каждого из них, могла бы привести к той или иной степени восстановления единства социал демократов. При этом оба они стремились осуществить такое полное или частичное единство под собственными лозунгами и под своим личным главенством, причем Троцкий действительно думал об объединении, а Ленин – о подчинении меньшевиков большевиками. Правда, лозунг единства выдвигался и всеми остальными мелкими и мельчайшими социал демократическими группами. Поддерживать идею раскола ни одной из сторон было невыгодно политически. Но группа Троцкого и его газета «Правда» проявляли в этом вопросе наибольшую активность, тогда как Ленин и его ближайшие сторонники брали откровенный курс на раскол, когда объявляли истинными социал демократами только самих себя.

Наиболее объективное описание происходившего предоставил в наше распоряжение Департамент полиции. Осведомленный через свою агентуру о происходивших среди революционеров склоках, Департамент полиции приходит к выводу (циркуляр от 4 июля 1910 г.), что, в отличие от большевиков и меньшевиков, деятельность Троцкого и «Правды» носит примиренческий характер. Их задача состоит в том, чтобы «во что бы то ни стало примирить первые два течения и заставить их работать вместе, хотя ни первое, ни второе течения этого не желают», а Троцкий выступает с настоятельной агитацией за созыв партийной конференции помимо Центрального комитета. Большевики же решили перехватить инициативу и тоже выступили с лозунгом конференции, но через свой ЦК и под знаком «усиленной борьбы с Троцким» [661].

Вскоре после этого, в том же 1910 г., в Департамент полиции поступила подробная информация агента М.И. Бряндинского, который подтверждал, что издающий в Вене газету «Правда» Троцкий «стремится избежать организованной борьбы с «отзовистами» и «ликвидаторами». Эта позиция вызвала против Троцкого «озлобление Ленина и его приверженцев, намеревающихся подорвать его значение лишением субсидии от ЦК и изданием (пока проектируется) при Центральн[ом] органе общедоступной рабочей газеты, которая могла бы конкурировать с популярной в настоящее время и пользующейся всеобщим распространением «Правдой» [662].

В этих условиях в 1910 г. Троцкий действительно приступил к агитации за созыв конференции представителей всех партийных течений и групп. Департамент полиции, информируя об этом, несколько суживал намерения Троцкого, полагая, что, лишившись субсидии от ЦК, он надеется на конференции отстоять субсидию или даже добиться признания «Правды» центральным партийным печатным органом, оттеснив «Рабочую газету», которую издавали большевики. Агент Департамента полиции высказывал мнение, что инициативу Троцкого поддержали ликвидаторы и группа «Вперед» [663], тогда как национальные партийные организации участвовать в такой конференции отказались, «что значительно охладило пыл Троцкого, т[ак] к[ак] он рассчитывал, что, по крайней мере, латыши и бундовцы примут его сторону

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. в этом вопросе... Чем вопрос окончится – пока еще не выяснилось» [664] .

Ленин видел, что главным выразителем тенденции к объединению являлся Троцкий. Идею объединения Ленин приравнял к «примиренчеству», к примирению с меньшевиками. В статье «Заметки публициста» Ленин писал: «Разводят руками, жалуются и говорят беспомощные фразы «примиренцы»... Троцкий выразил в первых же словах своей резолюции весь дух самого худшего примиренчества, «примиренчества» в кавычках, примиренчества крикливого, обывательского, берущего «данных лиц», а не данную линию». Лидер большевиков заключал, что Троцкий служит и ликвидаторам, и отзовистам [665] .

В конце февраля редакция «Правды» обратилась к партийным организациям с открытым письмом, посвященным предстоявшей работе по подготовке конференции, должной в очередной раз попробовать решить вопрос об объединении. «Мы считаем, – говорилось в обращении, – что оживление в верхнем слое рабочих позволит теперь наконец выполнить задачу, сформулированную год тому назад пленумом... а выполнение этой задачи... может положить предел той фракционной кружковой борьбе, которая после пленума не ослабела, а усилилась». «Правду» нередко называли примиренческим органом, сетовал Троцкий. «Нет, не примирение лидеров написали мы на знамени «Правды», а внесение единства в борьбу передовых рабочих. Раз это единство будет достигнуто, тогда уж лидеры сами научатся подчиняться потребностям рабочего движения и идти с ним нога в ногу». Весь тон этого обращения был действительно не примирительным, а исходившим из необходимости единства [666] .

События развивались поистине драматически. 27 мая 1911 г. сторонник Ленина Н.А. Семашко (псевдоним Александров) [667] , являвшийся членом и казначеем Заграничного бюро ЦК (ЗБК) РСДРП, по существу дела разрушил этот орган, не подчиненный Ленину. Он вышел из ЗБК, прихватив с собой кассу, кассовые книги и делопроизводственные бумаги, в том числе и связанные с нелегальной транспортировкой партийных изданий в Россию [668] . Вслед за этим, 10 – 17 июня, Ленин совместно с Каменевым и Зиновьевым провели в Париже «совещание членов ЦК», завершившее раскол общепартийных центров. На совещании была образована Организационная комиссия для подготовки партийной конференции, которая, по существу дела, должна была стать чисто большевистской конференцией, хотя вскоре Ленин рассорился и с этим органом, уповая теперь почти исключительно на своих сторонников внутри России.

Ленин готовил теперь не конференцию нескольких фракций, а собрание единственной, своей собственной фракции, которую намеревался превратить в самостоятельную партию. Для этого ему не хватало только поддержки Троцкого, поэтому Ленин любезно предложил ему войти в его Организационную комиссию (ОК) по созыву конференции. Троцкий ответил отказом. В июле 1911 г. Ф.И. Калинин писал Г.А. Алексинскому: «Троцкий прислал свое отношение к создававшемуся положению, подверг все ленинские шаги остроумно уничтожающей критике» [669] .

20 – 23 августа 1911 г. в Берне было проведено совещание членов фактически прекратившего существование в качестве оформленного органа ЗБК РСДРП меньшевиков – М.И. Либера (Гольдмана), Б.И. Горева и С.М. Шварца, представителя «Голоса социал демократа» Дана, делегата Заграничного комитета Социал демократии Латышского края (СДЛК) Лудиса и, естественно, Троцкого. Совещание обсудило вопрос «О содействии из за границы созыву предусмотренной пленумом конференции» и приняло написанные совместно Даном и Троцким «Обращение ко всем членам партии» и несколько резолюций [670] . В ходе решения стоящих сходных задач взаимоотношения Троцкого с Даном, ранее бывшие довольно плохими, несколько выровнялись. В обращении и резолюциях выражался протест против планируемой большевиками сепаратной партийной конференции и содержался призыв к проведению единой конференции РСДРП. «Вы на опыте вашей партийной работы неоднократно убеждались, – говорилось в обращении, – что совместная деятельность всех течений и возможна, и необходима. Вы неоднократно протестовали против фракционного дезорганизаторства. А против вас – против воли действительных руководителей и организаторов рабочего движения – невозможен никакой раскол, как и без вашего активного вмешательства невозможно никакое партийное единство. На вас ложится теперь вся тягость ответственности за судьбы партии».

Конференцию должен был созвать партийный центр, который предстояло организовать внутри России, а заграничным организациям выпадала вспомогательная организационно техническая и финансовая роль. На предстоявшей конференции должны были быть представлены все фракции и группы, признававшие социал демократическую программу, ведшие работу в среде пролетариата и желавшие принять участие в восстановлении РСДРП. Резко осуждалась раскольническая деятельность ленинской ОК, направленная на созыв сепаратной большевистской конференции. Однако Троцкий вновь оказался в весьма незавидном положении: большевики ленинцы ни на какие формы объединения с теми, кого они считали оппортунистами и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. реформистами, идти ни под каким видом не желали, группы меньшевиков готовы были на совместные действия или даже на объединение, направленное против большевиков, но они решительно осуждали детище Троцкого – перманентную революцию, а к нему самому относились весьма подозрительно и осторожно. Своей изоляции от социал демократической мозаики Троцкий преодолеть не мог. Правда, 26 ноября 1911 г. венский русский социал демократический клуб принял по предложению Троцкого резолюцию с осуждением нападок большевистской «Рабочей газеты» и меньшевиков партийцев (плекхановцев) на другие партийные группы (на «Правду»). В резолюции сообщалось о создании общепартийного фонда для подготовки к созыву примирительной конференции РСДРП. Но это была всего лишь бумажная резолюция. Между тем Ленин интенсивно готовил свою фракционную конференцию, которую объявлял общепартийной. Якобы от имени группы внутрироссийских делегатов предстоявшей конференции, которую предполагалось провести в Праге, ленинская группа направила приглашения ряду социал демократических организаций. Текст приглашений был сформулирован так, чтобы спровоцировать отказ. Тем не менее Троцкий от имени редакции «Правды» написал в ответ осторожное письмо. Не отказываясь прислать своего представителя, Троцкий предлагал объявить конференцию «совещанием фракционных единомышленников» [671], чем она, по его мнению, являлась в действительности. Но Ленин предложение Троцкого отклонил. 5 – 17 (18 – 30) января он провел в Праге сепаратную фракционную конференцию большевиков, объявленную ими без должных оснований VI конференцией РСДРП. Конференция избрала ЦК во главе с Лениным и подчиненное Ленину же Русское бюро, должное работать в России. Ленин решительно стоял на дороге партийного раскола. А это означало неизбежность дальнейшей конфронтации Троцкого с большевиками и Лениным.

В январе 1912 г., примерно в то же время, когда проходила Пражская конференция большевиков [672], состоялось совещание национальных социал демократических организаций – СДЛК, Бунда, Социал демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПил) и Областной Закавказской организации. В совещании участвовал и представитель зарубежных групп меньшевиков М.И. Либер (Гольдман). Это бюрократическое мероприятие было проведено для того, чтобы принять решение о необходимости проведения еще одного, точнее, даже двух бюрократических мероприятий: образовать Организационный комитет для созыва подлинной межфракционной объединительной социал демократической конференции.

Меньшевики отнеслись к этой идее подозрительно, тем более что донес ее Троцкий. Аксельрод комментировал полученное им на эту тему от Троцкого письмо: «Я вынес весьма тяжелое для меня впечатление, что у него и желания нет действительно серьезно сблизиться с нами и нашими друзьями в России для общей положительной работы и для совместной борьбы против общего врага». Троцкий же в ответ утверждал, что меньшевиков волнует не единство партии, а сплочение меньшевиков (для борьбы с Лениным). При этом Троцкий грозил меньшевикам, что в случае саботажа с их стороны будет искать «другую комбинацию», то есть сам пойдет на блок с Лениным.

Мартов ответил Троцкому скорее ироничным, чем сердитым письмом, что тому «уйти от ликвидаторов и нас некуда, ибо» не «великодушие заставляет его защищать право ликвидаторов быть в партии... а правильный расчет, ибо Лен[ин] и тышко [673] хотят съесть как ликвидаторов, так и вообще всех независимых людей – в том числе и Троцкого». Он упрекал Троцкого в крайней неустойчивости и «непозволительном легкомыслии», жаловался, что Троцкий неправильно смотрит на задачу и значение будущей конференции, так как суть не в том, чтобы противопоставить ее ленинскому «свозу» (этот презрительный термин употреблялся по отношению к Пражской конференции и постепенно начинал входить в обиход у противников Ленина), а в том, чтобы объединить социал демократию и сделать из нее реальную силу. Тогда же Мартов писал Гарви, что для «правдистов» суть самой конференции не столько в создании реальной силы для политических действий, сколько в формальном и официальном «восстановлении партии» и ликвидации организационного хаоса и дробления последних лет. А эту задачу Мартов считал утопической. Он буквально провидчески предрекал, что попытка ее осуществить неизбежно ввергнет конференцию в ожесточенную склоку за «фирму», за право представительства и т. п.

Из письма видно, что Троцкий больно задел Мартова за живое своими объединительными усилиями, вплоть до того, что шантажировал Мартова «искать оскорбленному сердцу уголок около плекхановцев и примиренцев». «Никуда он и не попытается уйти, – успокаивал себя и остальных Мартов, – ибо во всех других местах «правдисты» годны лишь на жаркое... Никуда он и не попытается уйти, а будет лишь «угнетать» беседами нас и особенно бедного Павла Бор[исовича Аксельрода]» [674]. Почувствовав из поступавшей корреспонденции, что намечаемое предприятие может сорваться из за его собственной жесткой позиции, Троцкий в последующие недели несколько снизил накал критики в адрес меньшевиков, что дало возможность

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Мартову перевести вопрос об объединительной конференции из области абстрактной переписки в практическую плоскость. Письмо Мартова от 13 августа свидетельствует о существенном изменении настроения автора: «Лев Дав[идович] меня уже давно приглашал ехать в Вену и там ждать известий... [675] Я ожидал, что мне придется сначала быть на совещании в Берлине и, ввиду неизвестности, когда надо будет быть в Вене, не двигаться отсюда» [676].

В этом письме весьма характерны интонации – Троцкий назван по имени и отчеству, он «приглашает», а сам Мартов уже явно принял решение присутствовать на намечаемой венской конференции. Через несколько дней он уговаривает Аксельрода принять мандат кавказской организации и поехать на конференцию в Вену, для чего пересылает ему письмо приглашение Троцкого, датированное 10 августа. Наконец, 25 августа следует новое письмо Мартова о том, что на следующий день он собрался выехать в Вену, хотя опасался, что приедет слишком рано. Конференция была назначена Троцким на 25 августа, но Мартов сомневался, что к этому дню «наберется приличное количество» делегатов. Общие прогнозы Мартова, однако, были скептические: в смысле участников конференции «картина получается убогая». Тем не менее он был решителен в том смысле, что в случае попыток привлечь к конференции Ленина и объявить ее общероссийской партконференцией меньшевики категорически выступят против. Впрочем, Мартов не думал, что Троцкий будет настаивать на таком повороте [677], и в этом оказался прав. Троцкий не настаивал, хотя приглашение Ленину прибыть на конференцию было послано. Ленин, как и ожидалось, отказался.

В конце августа в Вене под председательством Троцкого действительно состоялась объединительная конференция организаций РСДРП. Наиболее полные и более или менее достоверные сведения о ней имеются в циркуляре Департамента полиции от 8 октября 1912 г., который пользовался сообщениями одного из своих агентов. В конференции участвовали 18 делегатов с решающим и 10 с совещательным голосом. С приветствием к ее участникам обратилось Центральное бюро заграничных групп РСДРП, которое выразило надежду, что конференция будет способствовать воссозданию социал демократической партии. Через Мартова это бюро послало конференции подробный отчет своего секретариата [678], чем стремилось подчеркнуть авторитетность созываемого форума.

Делегаты делились на две группы. Первая была территориальная – мандаты на нее были получены социал демократами, представлявшими партийные организации Петербурга, Москвы, Одессы, Севастополя, Красноярска, Баку. Вторую группу составляли представители реально существовавших или же числившихся на бумаге организаций – нескольких «инициативных групп» меньшевиков, СДЛК, Польской социалистической партии, Литовской социал демократической партии, Бунда, существовавшей только в представлении нескольких лиц украинской «Спілки», грузинских социал демократов меньшевиков, группы «Вперед» и группы «Голос социал демократа», профсоюза «Моряк», наконец, венской газеты «Правда». Как сказал Троцкий, собравшиеся в Вене – это «все, что есть организмов[анного] в России». Цель конференции состояла, по декларации ее организаторов, в том, чтобы «создать объединение организаций различных политических оттенков» [679]. На конференцию был приглашен Горький. Алексинский проинформировал его о том, какие группы дали согласие на участие: «Одни ленинцы уклонились – они гнут к расколу», – упрощенно формулировал Алексинский. Горький решил не рисковать и в Вену не поехал. «Как жаль, что я не могу поехать на конференцию!» [680] – неискренне отвечал он Алексинскому.

Реально осуществить поставленную объединительную задачу конференции оказалось не под силу, так как не только большевики ленинцы, но и ряд других социал демократических организаций и групп в конференции отказались участвовать. Это были диссидентствовавшие большевики примиренцы, меньшевики партийцы (сторонники Плеханова) и СДКПил. От Плеханова конференция получила издевательски вежливое письмо об отказе принять в ней участие, поскольку партия оказывается окончательно разорванной совместными усилиями Ленина и Троцкого [681].

В числе наиболее видных участников венской конференции, кроме Троцкого, были Аксельрод, поехавший все же в австрийскую столицу после долгих размышлений, Г.А. Алексинский, совершавший как раз в это время переход от крайне левого большевизма к меньшевизму, Мартов, Мартынов, Урицкий, Ю. Ларин [682]. Остальными участниками августовской конференции были второстепенные, малоизвестные, в ряде случаев просто случайные лица. Весьма склочный Алексинский с первых заседаний прилагал все силы, чтобы сорвать работу, поставив под сомнение мандаты таких видных политиков, как Мартов и Аксельрод [683]. Вскоре после открытия Алексинский вообще покинул конференцию, чтобы, как он заявил, снять с себя и своей группы (которой вообще не было) «ответственность за то, что на ней происходило» [684].

На предварительном совещании участников конференции Ларин предложил послать

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

повторные приглашения Плеханову, Ленину, польско литовским социал демократам и большевикам примиренцам. Предложение отвергли на основании того, что названные группы и лица в любом случае откажутся участвовать в собрании, на котором присутствуют «в преобладающем числе партийные работники, причисленные ими к «ликвидаторам» и поставленные в положение изгнанных из партии» [685]. Добиться единства не удалось. С большим трудом был избран новый состав Организационного комитета [686]. В него, кроме Троцкого, вошли Р.А. Абрамович, Г.А. Алексинский (он сменил гнев на милость, вернулся на конференцию и в течение какого то времени продолжал сотрудничество с Троцким) и некоторые другие лица, активно себя не проявившие, главным образом из числа членов Венского российского социал демократического клуба. Секретарем Оргкомитета стал Семковский. Определенным достижением было принятие явно компромиссной общеполитической резолюции, текст которой подготовил Троцкий, проявивший на этот раз готовность идти на уступки. В ней подчеркивалось единство частичных и общих задач социал демократии. Отвергались попытки «ставить очередные тактические задачи социал демократии в зависимость от крайне гадательных по своему существу теоретических предсказаний относительно того, стоим ли мы накануне новой революции и каков будет ее социальный характер». Частично приносилась, таким образом, в жертву концепция перманентной революции. Резолюция настаивала на сочетании парламентской тактики и подпольной революционной борьбы. На сцене выдвигалась задача в первую очередь организации сельскохозяйственного пролетариата под его классовыми лозунгами, не отказываясь в то же время от борьбы за полную конфискацию помещичьей земли и передачи ее бедному крестьянству [687]. В связи с предстоящими осенью 1912 г. выборами в 4 ю Государственную думу (по этому вопросу с докладом выступал Троцкий) организации Августовского блока, как стали называть себя участники конференции, выдвинули требования всеобщего избирательного права, «полновластного народного представительства», свободы союзов и печати. Был подтвержден взятый ранее меньшевистский курс на легализацию рабочего движения, находивший поддержку у основной массы социал демократической интеллигенции, части высококвалифицированных и более или менее прилично оплачиваемых рабочих (главным образом печатников и металлистов), а также большей части профсоюзных функционеров, то есть тот курс, который Ленин презрительно окрестил ликвидаторством.

Вначале Троцкий с Семковским деятельно приступили к работе. Ими был намечен план издания «Вестника Организационного комитета» [688] и другие публикации. Однако уже через несколько недель оказалось, что, по существу дела, ничего в социал демократических группах и движениях не изменилось. Как было все разрозненно, так и осталось.

Попытка Троцкого создать Августовский блок стала первой и последней его практической инициативой по восстановлению единства российского социал демократического движения. Раскол этого движения, крайняя слабость входивших в него групп и течений, их фактическая замкнутость, несмотря на то что каждая из них провозглашала свои связи с пролетариатом и низшими слоями крестьянства, упорное нежелание поступиться собственными догмами predeterminedили, по существу дела, predeterminedенную с самого начала неудачу Троцкого. Эта неудача была тем более predeterminedена, что Троцкий пытался добиться единства только изначально и формально, путем нахождения точек соприкосновения между группами. По существу же он видел себя единоличным лидером Августовского блока, единственным носителем «правильных» теоретических взглядов и политического курса. Свойственный Троцкому авторитаристский характер мышления и поведения был в Августовском блоке невозможен. Более того, провал затеи Троцкого predeterminedил постепенное возрастание влияния большевистской фракции, которая после Пражской конференции, объявившей об «исключении» из партии ликвидаторов, все более формировалась в самостоятельную социал демократическую партию.

Много лет спустя Троцкий пытался подвести политическую базу под провал Августовского блока: «Политической базы у этого блока не было, по всем основным вопросам я расходился с меньшевиками. Борьба с ними возобновилась на второй же день после конференции. Острые конфликты выростали повседневно из глубокой противоположности двух тенденций: социально революционной и демократически реформистской», Мартову и Аксельроду была свойственна «совершенно неподдельная ненависть ко мне» [689]. Последнее, впрочем, уж точно не соответствовало действительности, по крайней мере в том контексте и формате, который существовал в то время. Скорее был прав Луначарский, писавший, что «Троцкому очень плохо удавалась организация не только партии, но хотя бы небольшой группы. Никаких прямых сторонников у него никогда не было, если он импонировал в партии, то исключительно своей личностью.. Огромная властность и какое то неумение или нежелание быть сколько нибудь ласковым и внимательным к людям» обрекали Троцкого на одиночество [690].

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

В результате в 1912 – 1913 гг. существовал своеобразный, крайне неустойчивый блок Троцкого с меньшевиками, в котором обе стороны смотрели друг на друга с величайшим подозрением и недоверием. Мартов писал: «Сила вещей заставила Троцкого идти меньшевистским путем вопреки его надуманным планам о каком то «синтезе» между историческим меньшевизмом и историческим большевизмом. Благодаря этому... он не только пошел в лагерь «ликвидаторского блока», но и вынужден [был] занимать в нем самую «драчливую» позицию по отношению к Ленину» [691]. Сам же Троцкий отлично сознавал неизбежную временность своего блока с меньшевиками, к которым относился свысока, и не скрывал этого. Он писал Мартынову в 1912 г.: «Меньшевики – вообще самая ужасная раса» [692]. В конце февраля 1913 г. Департамент полиции России на основе поступавших ему донесений агентов крайне неточно с фактической точки зрения и путая характер внутрипартийной борьбы и расстановку сил, в целом верно подметил тенденцию: «Троцкисты [693] окончательно примкнули к ликвидаторам, своей литературы более не издают и издававшуюся в Вене газету «Правда» – орган Троцкого – закрыли. Но, ссылаясь на то, что из группы «троцкистов» наиболее жизненные элементы начали также принимать участие в петербургской газете «Правда», ленинцы указывают, что наиболее действенным средством к сплочению троцкистов с ленинцами могла бы стать последовательная защита ленинцами своей партийной линии, каковая в конечном результате могла бы дать уже фактическое сплочение обеих групп» [694]. Троцкий продолжал выдвигать лозунг единства социал демократического движения в России, но никаких новых реальных усилий в этом направлении не предпринимал. Своеобразный итог его деятельности был подведен Департаментом полиции в 1909 г. в справке о Троцком: «В настоящее время Бронштейн состоит редактором газеты «Правда» – органа Украинского союза «Спілка» РСДРП, проживает в Вене» [695]. Про Августовский блок Департамент полиции даже не упоминал. Подлинным финалом Августовского блока было решение состоявшегося в феврале 1914 г. съезда СДЛК, обладавшей в рамках РСДРП правом самостоятельной деятельности в пределах своего края, об отзыве из блока своих представителей по той причине, что блок не отмежевался от ликвидаторов. Это решение стало результатом того, что на съезде СДЛК возобладали большевистски ориентированные делегаты [696]. Ленин по этому поводу выражал злобное удовлетворение, оценивая выход латышей как «смертельный удар» по блоку, добавляя, что и сам Троцкий фактически «откололся» от Августовского блока [697].

3. Ленин и Троцкий: взлет враждебности

В 1911 – 1914 гг. против венской «Правды» и ее редактора развернулась бурная враждебная кампания со стороны большевиков ленинцев, связанная с тем, что окончилась неудачей их попытка взять газету в свои руки. Собственно говоря, Ленин отрицательно относился к Троцкому еще с 1903 г., с того времени, как они вначале разошлись, а затем и крупно поссорились и открыто разругались по вопросу о партийном организационном уставе. Правда, в 1905 – 1907 гг. его отношение несколько смягчилось в связи с ролью Троцкого в революции и его смелым поведением в Петербургском Совете рабочих депутатов. Ленин позволял себе отдельные сдержанно положительные оценки Троцкого и даже цитировал его [698]. Ленин, однако, затаил против Троцкого глухое раздражение, которое могло прорваться наружу в любой благоприятный для этого момент и вылиться в неприкрытую ненависть. Н. Валентинов (Вольский) [699], которому довелось побывать и в рядах большевиков, и в меньшевистской организации, вспоминал, что Ленин сравнивал Троцкого с крайне отрицательными литературными персонажами – с щедринским Балалайкиным (из сатирической повести «Современная идиллия» – это сравнение проскальзывало и в печати), с тургеневским Ворошиловым (из повести «Дым»). На слова Валентинова, что Троцкий – хороший оратор, Ленин ответил, что, мол, все Ворошиловы и Балалайкины ораторы. «В эту категорию входят недоучившиеся краснобаи семинаристы, болтающие о марксизме приват доценты и паскудничавшие адвокаты. У Троцкого есть частица от всех этих категорий» [700]. Оценка эта относилась Троцкого к тем интеллигентам, к которым Ленин испытывал чувство крайней недоброжелательности. Позже в ряде писем Ленина со всевозможными злобными и презрительными эпитетами вспоминалась «драка» с Троцким 1904 г. Теперь, однако, положение было качественно иным. Ленин готовил, а затем организовал в январе 1912 г. в Праге «партийную» конференцию, конференцию большевистской фракции, которая на самом деле явилась важным шагом на пути будущего превращения большевиков в совершенно самостоятельную политическую партию.

Неудивительно, что он увидел в это время в деятельности Троцкого, направленной на восстановление единства, главного своего врага. Это было время, когда недоброжелательность, раздраженность Ленина по отношению к Троцкому приобрела

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. характер открытой, неприкрытой ненависти, что подтверждается многочисленными документами. Из них видно, что обычно любивший употреблять в своих публикациях и выступлениях вульгаризмы, ругательства, явные непристойности, ставившие целью втоптать в грязь своих оппонентов [701], Ленин в полемике с Троцким в этом смысле просто превзошел себя.

С весны 1909 г. атаки Ленина на Троцкого возобновились и в следующие месяцы и годы становились все более исполненными подлинной, нескрываемой ненависти. Атаки начались с теории, если догматические рассуждения можно причислить к таковой. В статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» (март – апрель 1909 г., газета «Социал демократ») Ленин нападал на концепцию перманентной революции. Он утверждал, что основная ошибка Троцкого состоит в игнорировании буржуазного характера революции, «отсутствии ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической». Далее Ленин упрекал Троцкого в том, чего тот и в помине не имел в виду. Троцкий будто бы предполагал, что одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством либо крестьянство создает собственную «могучую» партию. Из этой нелепой предпосылки, ибо никак иначе фиктивное утверждение Ленина назвать невозможно, большевистский лидер делал вывод, что у Троцкого имеет место смешение вопроса о классах с вопросом о партиях. Неверным считалось и заявление Троцкого о том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит революционное правительственное большинство. Не замечая, что у Троцкого таковым был назван пролетариат (для Ленина это было очень невыгодно), в статье поучительно проповедовалась тривиальная истина, что вопрос о диктатуре революционных классов не сводится к борьбе в революционном правительстве [702].

Несколько позже в том же году конфликт распространился на отношение к партийной школе, которую в Болонье организовали большевики примиренцы, а также меньшевики, причисляемые Лениным к «ликвидаторам». Ленин называл эту школу «мнимопартийной» и ехидничал: «Кстати, пусть Троцкий теперь... решит – не пора ли ему вспомнить свое обещание поехать преподавать в NNскую школу... Пожалуй, сейчас самая пора явиться на «поле брани» с пальмовой ветвью мира и сосудом «нефракционного» еля в руках» [703].

«Пальмовую ветвь мира» стремился держать в своих руках не только Троцкий. Сходную миссию пытался взять на себя М. Горький, мечтавший организовать на своей вилле на острове Капри «примирительную» встречу Ленина, Богданова и Троцкого, которого он также собирался вместе с Лениным, Луначарским и Богдановым привлечь к участию в планируемых им сборниках по литературной критике, социальной философии и т. п. «Троцкий может дать ряд памфлетов», – писал Горький директору распорядителю издательства «Знание» К.П. Пятницкому в январе 1908 г. Горький полагал, в частности, что Троцкий может написать памфлет о Милюкове по тому типу, как он в свое время написал памфлет о Струве. Мысль о созыве «маленького литературного съезда», в котором участвовали бы Богданов, Базаров и Луначарский, Горького не оставляла в течение сравнительно длительного времени. «Думаем о Троцком», – писал он вскоре издателю И.П. Ладыжникову. И еще через несколько дней тому же Ладыжникову ставился вопрос: «Не известен ли Вам адрес Троцкого?» [704] На «примирительный съезд» на Капри Троцкий, однако, так и не приехал, считая эту затею непродуктивной. В результате горьковская попытка примирения успеха не имела.

Тем не менее Троцкий всячески пытался наладить добрые отношения с Горьким. Он посылал ему вышедшие номера своей «Правды». Он поддержал инициативу Богданова о подготовке статьи о партийной школе для «Правды» самим Горьким и в письме от 9 июня 1909 г. в не очень свойственном ему уважительном тоне спрашивал писателя: «Можно ли на это надеяться?» Впрочем, автор письма тут же сбивался на несколько поучительный тон: «Такая статья была бы столько же в интересах «Правды», сколько и в интересах школы, – ибо «Правда» весьма читается рабочими, несравненно более, чем все другие партийные газеты... Партийная жизнь наша вообще передвигается из интеллигентского бельэтажа в пролетарский подвал. Это теперь все констатируют, а выводов отсюда не делают, не хотят или не умеют. Сейчас рабочая газета, как и рабочая школа, выдвигаются на первый план... Между тем официальные партийные сферы под grimасой официального сочувствия прячут добрую долю своего недоброжелательства или, в лучшем случае, безучастия по отношению к «Правде». Открывая свои мысли Горькому, Троцкий как бы отделял весьма авторитетного писателя от официальной партийности и пытался приблизить его к себе: «Думается, что «Правда» – сейчас дело необходимое и что поэтому она вправе требовать к себе внимания и сочувствия. Поручаю ее и Вашей благосклонности, Алексей Максимович!» [705]

Что же касается школы в Болонье, то на приглашение поехать туда Троцкий откликнулся положительно. Правда, в первой партшколе, организованной Горьким на острове Капри, где тот проживал, Троцкий не участвовал. Школа была создана

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. писателем в 1909 г. совместно с Богдановым и Луначарским. Деятельность ее резко и грубо критиковал Ленин. Серьезной ошибкой не только Горького, но и всей «каприйской школы», по мнению большевистского лидера, стали идеи «богостроительства», в котором социализм превращался в новую религию. Народ в такой концепции становился и новым божеством, и богостроителем. В июне 1909 г. совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий» по настоянию Ленина приняло решение о партийной школе на Капри, подчеркивая, что она отражает «групповые идейно политические цели», и исключило Богданова из партии. В этом конфликте проявились скорее не идейные, а личностные противоречия между Лениным и Богдановым. Если бы Троцкий поехал на Капри, ленинский гнев умножился бы в еще большей мере.

К этому времени ситуация в социал демократических верхах была такова, что требовалась изрядная дипломатичность даже в характере и тексте приглашения. Связано это было, в частности, с тем, что Троцкий серьезно отнесся к слухам, распространившимся в эмигрантской среде, что социал демократические школы организуются на средства, полученные от грабительских «экссов», по поводу чего Богданов писал позже, в октябре 1910 г.: «Мы полагаем, что Троцкий говорит глупости. Ну, какое нам дело до событий, которые имели место до возникновения нашей группы [«Вперед»], и тогда, когда уже была школа, с публичным, можно сказать, курсом лекций и всем известной программой?» [706] Богданов был в этом вопросе явно менее щепетилен, чем Троцкий [707] .

Проект письма Троцкому составил Горький, но предварительно послал его на консультацию Богданову. В своем ответе в апреле 1909 г. Богданов писал: «Опасен был бы приезд Троцкого раньше других лекторов, а в Вашем письме есть место, к[оторо]е может дать ему повод для этого; и он может нарочно им воспользоваться, чтобы приехать, разведать... Поэтому возвращаю пока и Ваше письмо к Тр[оцкому], чтобы немного изменить соответствующее место в конце; в остальном письмо подходит, ибо полемическую переписку с Тр[оцким] заводить незачем».

Умеренные большевики явно опасались и напора Троцкого, и реакции на него Ленина. От Ленина за «приезд» Троцкого могло очень даже влететь. В конце концов решили, что Троцкого пригласит в школу на Капри Богданов. Но ответ Троцкого Богданова не удовлетворил, ибо Троцкий смотрел на школу как на «кружок высшего типа», а не как на творческую лабораторию. В то же время Троцкий считал целесообразным объединить усилия своей газеты и Каприйской школы [708] .

В обширном письме Алексинскому, который был одним из инициаторов создания партшколы, Троцкий 20 июня 1909 г. более подробно высказывал свои сомнения. Касаясь педагогических задач, он полагал, что краеугольным вопросом является следующее: «Что хочет она дать ученикам рабочим: известную сумму фактических и теоретических познаний или метод?» Следуя своей непререкаемо резкой и в то же время аргументированной манере полемики, он утверждал: «фатальной ошибкой было бы задаться целью напитать учеников как можно большей суммой социалистических знаний. За три – за четыре месяца какие то особенные познания можно преподать или усвоить? Самое же опасное в таких случаях – содействовать образованию самодовольных полужнаек. Отвратительная фигура – все равно: интеллигент или рабочий!.. Дайте рабочему метод – знание он найдет на полке».

Троцкий настаивал на том, чтобы школа содействовала преодолению раскола социал демократического движения в России. В письмах инициативной группе, а затем Исполнительной комиссии Каприйской школы Троцкий вновь и вновь подчеркивал необходимость «сбросить с себя раз и навсегда ветхого Адама «истинно большевистского» и всякого иного интеллигентского сектантства». Он не возражал против приезда на Капри для выступлений в школе, но лишь в том случае, если будет учтена его критика [709] .

Ко времени создания второй партшколы в Болонье взаимоотношения между Горьким и Богдановым испортились (это было одной из причин образования Болонской школы без участия Горького). В документации Алексинского сохранилась следующая выписка из письма Горького Богданову: «Я очень ценю Ваши теоретические работы и считаю себя сторонником Ваших взглядов, но не могу хорошо относиться к Вам, как к человеку, ибо Вы сначала к своей сестре относились отрицательно, а потом, когда произошел инцидент между Вашей сестрой и моей женой, Вы встали на сторону своей сестры, изменив на нее свой первоначальный взгляд» [710] .

Так что на писателя, который вроде должен был стоять выше примитивных земных дел, решительным образом повлияла дамская склока – ссора между сестрой Богданова, являвшейся женой Луначарского, Анной Александровной Луначарской, и гражданской женой Горького Марией Федоровной Андреевой.

Невзирая на ленинские выпады и весьма осторожное поведение организаторов Болонской школы, Троцкий действительно поехал летом 1911 г. в Болонью, где при благосклонном содействии Горького, подыгрывавшего и нашим и вашим, прочитал несколько лекций [711] . Правда, скорее это была прогулочная поездка,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. позволившая Троцкому в какой то степени отвлечься от текущих дел, развеяться, познакомиться с прекрасным итальянским средневековым городом, художественными памятниками этого центра провинции Эмилия Романья, где он провел около месяца. Вторая, переведенная с Капри социал демократическая рабочая школа открылась в Болонье 8 (21) ноября 1910 г. К этому времени из России приехали 17 слушателей, которым начали преподавать 4 лектора (А.А. Богданов, А.В. Луначарский, М.Н. Лядов и М.А. Савельев), затем к ним присоединились Г.А. Алексинский и М.Н. Покровский. Позже других появился Троцкий. Нескольку его лекций были посвящены истории рабочего движения и социализма на Западе [712]. Луначарский вспоминал, что Троцкий блестяще читал лекции и оставил самое лучшее впечатление у слушателей, которые тепло к нему отнеслись [713]. Луначарский рассказывал, что Троцкий внес большое оживление в работу школы, что он был «необыкновенно весел, блестящ, чрезвычайно лоялен по отношению к нам и оставил по себе самые лучшие впечатления», что он был одним из самых «сильных работников этой нашей второй школы» [714]. Ленин на приглашение ответил отказом [715], вполне естественным, имея в виду его отношение к пропагандистским начинаниям, на которые он не оказывал решающего воздействия. Может быть, именно из за этого успешного выступления Троцкого в школе, в которую в результате не приехал Ленин, в январе 1911 г. он в предельно возбужденном состоянии начал писать, но так и не завершил статью, которую собирался назвать «О краске стыда у Иудушки Троцкого». Этот текст был настолько грубым, беспочвенным, написанным в состоянии аффекта, почти явной истерии, часто свойственной психически неустойчивым политическим деятелям, что, слегка поостыв, Ильич забросил свой черновик, который в то время так и не был опубликован. Он сохранился, однако, в архиве и был в 1932 г. предан гласности услужливыми холопами Сталина как раз в годовщину смерти Ленина [716], хотя текст этот скорее компрометировал Ленина, а не Троцкого [717]. Приведем его полностью: «Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию. После пленума ослабел ЦК, усилились впередовцы – обзавелись деньгами. Укрепилась ликвидаторы, плевавшие в «Нашей заре» перед Столыпинным в лицо нелегальной партии. Иудушка удалил из «Правды» представителя ЦК и стал писать в «Vorwärts» ликвидаторские статьи. Вопреки комиссии, которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев [718], Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами. План этот определен теперь группой «Вперед» в листке. И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался. Такова краска стыда у Иудушки Троцкого» [719]. Казалось, что после такого текста, хотя тогда и не опубликованного, Ленин никогда уже не сможет взглянуть в глаза Троцкому, тем более пожать ему руку. В доброе старое время после такого заявления должен был бы последовать вызов на дуэль. Но большевистская мораль была относительнольна и вне подобных «буржуазных предрассудков». Такой же постепенно становилась и этика Троцкого как политического деятеля. Пройдет немногим более шести лет, и Ленин встретится с Троцким в высшем руководстве одной партии, в одном правительстве в качестве единомышленников и практически ближайших сотрудников в деле установления тоталитарной системы в России. Прошлое им не будет мешать сотрудничать в настоящем. Пока же Ленин продолжал свои нападки на Троцкого, чуть менее накаленные, нежели в тексте об «Иудушке», но не менее враждебные. На протяжении всего 1911 г. он буквально бомбардировал партийные органы и прессу, социал демократических деятелей, причем не только большевиков, но и меньшевиков своими письмами, статьями, заявлениями, в которых стремился убедить их в опасности Троцкого и троцкизма. Ленину крайне не нравились манеры Троцкого, его, как он полагал, вождистские замашки, его «надутые фразы» о РСДРП. Ленин пытался убедить не только большевистские группы, но и некоторые меньшевистские организации, которые не пошли за ликвидаторами, а сплывались вокруг Плеханова, что Троцкий стремится «сделать карьеру на дешевой проповеди «соглашения» – со всеми, с кем угодно, вплоть до г. Потресова и отзовистов». При этом, как утверждал Ленин, Троцкий хранит полное молчание о политических условиях этого соглашения. Эта линия определялась как проповедь предстоявшей безусловной капитуляции перед «строителями столыпинской рабочей партии» [720]. Выражение «столыпинская рабочая партия» настолько понравилось большевистскому лидеру, что он перенес его в заголовок статьи, опубликованной в сентябре 1911 г., вскоре после смерти Столыпина, в газете «Социал демократ». В статье говорилось, что «Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочий легко разобрат их ошибочность, а гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него» [721]. Оказывалось, таким образом, что Ленин весьма опасался, как бы «троцкистские» идеи восстановления единства РСДРП не получили, чего доброго, популярности в рабочей среде. Именно левизна позиций Троцкого, кажущаяся схожесть многих его установок с большевистскими и в то же время отказ от свойственной большевикам фракционной замкнутости представлялись Ленину особенно опасными. Это была как раз та самая сектантская псевдологика предельной замкнутости, которую почти через два десятка лет заимствует ленинский наследник Сталин в своих заявлениях о том, что наибольшую опасность для революционного рабочего движения представляют не правые, а именно левые социал демократические круги.

Примерно через месяц Ленин, без всяких к тому оснований, заявил, что Троцкий создал собственную фракцию. Сам будучи классическим фракционером, Ленин придавал термину, относя его к другим деятелям, самый негативный и даже злобный смысл. В то же время Ленин невольно выдавал свои усиливавшиеся опасения по отношению к вполне возможному росту популярности Троцкого: «Последовательнее всех выразил свое примиренчество Троцкий, который едва ли не один пытается подвести теоретический фундамент под это направление. Фундамент этот такой: фракции и фракционность были борьбой интеллигенции «за влияние на незрелый пролетариат». Пролетариат зреет, и фракционность сама собой гибнет. Не изменение во взаимоотношениях между классами, не эволюция коренных идей двух главных фракций лежит в основе процесса слияния фракций, а дело зависит от соблюдения или несоблюдения соглашений между всеми «интеллигентскими» фракциями. Троцкий упорно и проповедует – уже давно, колеблясь при этом то больше в сторону большевиков, то больше в сторону меньшевиков – такое соглашение (или компромисс) между всеми и всяческими фракциями» [722].

По мере подготовки большевиками своей сепаратной конференции в Праге, а Троцким и рядом заграничных партийных группировок и течений – объединительной конференции в Вене страсти вновь стали все более и более накаляться. Ленин был особенно возмущен резолюцией совещания нескольких таких групп, проведенного в Берне 1 августа 1911 г., в которой содержался прямой протест против намечавшейся им сепаратной большевистской конференции. Именно на подготовке, проведении, а затем и на итогах Пражской конференции сосредоточивалась дальнейшая полемика. В номере венской «Правды» от 16 (29) ноября 1911 г., вышедшем после долгого перерыва в связи с финансовыми трудностями, жирным шрифтом было опубликовано заявление о том, что эта газета, вопреки утверждениям Ленина, не является фракционной, что она представляет собой партийный, социал демократический орган. В своем ответе Ленин пытался убедить читателей, что со стороны Троцкого это – дипломатическая игра: «Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих». Ленин уверял, что с Троцким невозможно полемизировать по существу, ибо у него «нет никаких взглядов», что он – дипломат «самой низкой пробы». И тем не менее Ленин тут же вступал в полемику с опубликованными в названном номере «Правды» тезисами, в которых пропагандировалось партийное единство [723].

На Пражской конференции Ленин сосредоточил огонь критики на Троцком, его печатном органе и его планах. Вот что сообщал по этому поводу в Департамент полиции полицейский агент: «Доклад о «Рабочей газете» дал возможность «Ленину» подвести итоги своим прежним счетам с «Троцким», возбудившим его неудовольствие еще со времени начатой последней агитации за созыв общепартийной конференции из представителей всех партийных групп и организаций без предоставления особых преимуществ носителям тех или иных фракционных тенденций».

Последующие выступления Троцкого за созыв конференции явились, по словам агента, «лишь новым поводом для преследования со стороны большевиков и главным образом «Ленина», стремившегося созданием «Рабочей газеты» подорвать тираж и популярность пользовавшейся значительным распространением «Правды» [724].

Когда большевистская конференция в Праге завершилась, Троцкий выступил в центральной газете германских социал демократов Vorwärts со статьей «Из русской партийной жизни» (статья была опубликована без подписи, но «почерк» автора был выявлен сразу же, и свое авторство Троцкий не отрицал) [725]. Статья была довольно сдержанной, но тем не менее она совершенно недвусмысленно осудила Пражскую конференцию, как дальнейший шаг к углублению раскола РСДРП, как обман и узурпацию имени РСДРП. Ленин направил в Vorwärts ответ, но редакция отказалась его поместить из за грубости и безапелляционности материала. Тогда Ленин опубликовал ответ в форме брошюры на немецком языке под заголовком «Аноним из «Vorwärts\ 'а» и положение дел в РСДРП». Под анонимом Ленин подразумевал Троцкого, не подписавшего свою статью в Vorwärts.

Ленин возмущался и тем, что другие видные большевики, в частности работавшие

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. внутри России, не включились в кампанию против Троцкого. Он писал Г.К. Орджоникидзе [726] , С.С. Спандаряну и Стасовой в конце марта 1912 г.: «В «Vorwärts\`e» от 26 марта появилась бешеная и гнусная статья против конференции, от имени редакции. Ясно, что это Троцкий. Бой великий из за конференции, а Россия молчит. Нечего бравировать и хвастать: все знают о «Vorwärts\`e» и протестах, а из России ничего» [727] . Примерно то же, но в еще более истерических тонах, не просто с преувеличениями, а с фактической клеветой на печатный орган германской социал демократии, на ее деятелей, ставших якобы пешками в руках Троцкого, звучало через пару недель и письмо Бюро ЦК РСДРП в России, которое на деле было не Бюро ЦК, а представительство большевистской фракции: «Насчет денег пора перестать наивничать с немцами [728] . Там Троцкий теперь царит и ведет бешеную борьбу. Обязательно пришлите нам мандат вести дело судом, иначе ничего не получить... Вообще в «Vorwärts\`e» Троцкий хозяин. Иностранном отделом заведует Гильфердинг – приятель Троцкого» [729] . Чтобы досадить Троцкому и имея в виду популярность венской газеты, Ленин решил украсть у Троцкого название газеты «Правда». Он приступил к подготовке издания крупной легальной большевистской газеты в Петербурге под тем же названием. Троцкий, разумеется, был взбешен. 23 апреля (6 мая) 1912 г., то есть на следующий день после выхода первого номера петербургской большевистской «Правды», в венской «Правде» появилась редакционная заметка с обвинениями по адресу большевиков в присвоении заголовка. Это было, пожалуй, наиболее острое публичное обвинение против Ленина, которое вышло из под пера Троцкого, ибо ясно было, что именно он был автором заметки: «Спрашивала ли редакция новой газеты нашего согласия? Нет, не спрашивала. В каком отношении стоит петербургская газета к нашей? Ни в каком. По какому же праву и кто именно пытается ввести свое предприятие в среду читателей рабочих под флагом нашего издания? Такого права ни у кого нет и не может быть».

Редакция венской газеты выступила с официальным обращением к своей незваной питерской «однофамилице», в котором выдвигалось требование, чтобы она немедленно изменила свое наименование. Притворно возмущенный Ленин 19 августа 1912 г. писал в редакцию своей «Правды»: «Троцкому совету ответит в почтовом ящике: «Троцкому (Вена). Отвечать на склочные и кляузные письма не будем»... Еще бы лучше так ответить Троцкому в почтовом ящике: «Троцкому» (Вена). Напрасно трудитесь посылать склочные и кляузные письма. Ответа не будет» [730] .

Саму августовскую конференцию, как и можно было предположить, Ленин встретил крайне раздраженно и враждебно. В письме редакции петербургской «Правды» он называл ее «архиглупой затеей» [731] . А Каменеву он агрессивно сообщал 25 августа: «Сегодня получил от Троцкого приглашение на «их» конференцию (на 25. VIII). Значит, собрались таки! Конечно, мы не едем. Ц[ентральный] О[рган] хочет подготовить на 2/3, чтобы тотчас, по выходе их извещения выпустить ответ» [732] .

Правда, опытный и хитрый Ленин все же послал в Вену своего «разведчика». Им был А.А. Поляков (псевдоним Кацап) [733] , секретарь областного бюро РСДРП Центрально промышленного района, который, как оказалось, был «по совместительству» секретным сотрудником Московского охранного отделения. В письме Полякову по этому поводу Ленин требовал от него защищать в Вене решения Пражской конференции, но, главное, сообщить подробности и «обстоятельства дела детальнее» [734] .

Вновь и вновь, повторяясь, но все более распаяясь, Ленин продолжал комментировать результаты августовской Венской конференции и их пропаганду Троцким в прессе. В ленинской статье «Вопрос о единстве», появившейся в середине февраля 1913 г. в петербургской «Правде», звучало, в частности: «Ни слова по существу вопроса! Ни малейшей попытки привести точные факты и всесторонне разобрать их! Ни намек на реальные условия единства! Голые восклицания, напыщенные слова, надменные выходы по адресу не называемых автором противников, внушительно важные уверения, – вот весь багаж Троцкого» [735] . Казалось, что Ленин, одурманенный собственным злобным красноречием, просто не замечал, что как бы смотрел в зеркало, приписывая Троцкому собственные манеры поведения и изъяснения, за тем лишь исключением, что Троцкий обычно, будучи более осторожным, не называл противников, а Ленин старался бить прямо в лицо. Тенденциозное привязывание имени и деятельности Троцкого к ликвидаторам, изображение его как чуть ли не главного их покровителя и вдохновителя было характерно и для ряда следующих выступлений большевистского руководителя. В новых «Заметках публициста» (июнь 1913 г.) он провозглашал: «Троцкий, служа верную службу ликвидаторам, уверил себя и наивных «европейцев» (из любителей азиатской сплетни), что ликвидаторы «сильнее» в легальном движении. И эту ложь опровергают факты» [736] . Однако никакие факты вслед за этим не приводились. Следуя примеру и указаниям Ленина, его сотрудники внутри России, в частности в

редакции петербургской «Правды», всячески критиковали и разоблачали Августовский блок. Сталин писал в «Правде» и в «Социал демократе» о «детском плане» объединения необъединимого, о том, что Троцкий – это чемпион шума с дряблыми мышцами, служащий ликвидаторам [737]. Троцкий, стремясь быть сдержанным в публичных выступлениях, ибо он играл роль примирителя фракций, давал волю своим чувствам в личных письмах. Так, в письме Аксельроду Троцкий называл Ленина паразитом, использующим «катастрофизм» [738]. Но главное антиленинское письмо было написано в Вене 1 апреля 1913 г. руководителю фракции меньшевиков в Государственной думе Н.С. Чхеидзе [739]. Именно оно было перехвачено охранкой и сохранено в ее архиве. После того, как Троцкий в советские годы стал оппозиционером и врагом Сталина, письмо было весьма ловко использовано против Троцкого, хотя тот и пытался пренебрежительно отмахнуться от документа, заявляя, что он извлечен «из мусорной кучи эмигрантских дрязг» [740]. В этом своеобразном ответе на ленинского «Иудушку» Троцкий писал: «Дорогой Николай Семенович! Во первых, позволяю выразить Вам благодарность за то – не только политическое, но и эстетическое удовольствие, которое получаешь от Ваших речей... Да и вообще, нужно сказать, душа радуется, когда читаешь выступления наших депутатов, письма рабочих в редакцию «Луча» или когда регистрируешь факты рабочего движения. И каким то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает с их дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно не поврежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из за тех маргариновых разногласий, которые фабрикуются Лениным в Кракове». Все ленинское здание, писал Троцкий, построено на лжи и фальсификации: «Можно не сомневаться, что при разумном поведении другой стороны среди ленинцев начнется в самом недалеком будущем жестокое разложение – именно в линии вопроса: единство или раскол». Троцкий настаивал на укреплении социал демократической фракции в Государственной думе и жестком контроле за газетой «Луч» (которая считалась органом фракции) с целью сплочения социал демократических группировок и недопущения «скачка в сторону» со стороны редакции этой газеты. «Такой скачок был бы спасителем для Ленина и убийствен для всех нас» [741], – заверял Троцкий.

В мемуарах Троцкий всячески снижал накал той кампании травли и ненависти, которая проявилась в реакции Ленина на конференцию в Вене и создание Августовского блока. Он отмечал, что «Ленин воспротивился объединению со всей силой. Весь дальнейший ход событий показал, что Ленин был прав» [742]. Факт написания письма с резкой критикой Ленина Троцкий не отрицал, но и не заострял на этом внимание читателя [743]. С явно обиженной интонацией Троцкий писал, что «эпизод августовского блока вошел во все «антитроцкистские» учебники эпохи эпигонства. Для новичков и невежд прошлое изображается при этом так, будто большевизм сразу вышел из исторической лаборатории во всеоружии. Между тем история борьбы большевиков с меньшевиками есть в то же время история непрерывных объединительных попыток» [744].

Чувствуя, что лавры объединителя социал демократов (а вместе с этим и пост руководителя объединенной партии) ему все равно не достанутся, что раскол партии и в России, и в эмиграции сохраняется в полной мере, Троцкий очень быстро охладел к своему детищу. Перед началом мировой войны этот интерес в некоторой степени возобновился, но, во первых, не с прежней силой, а во вторых, Троцкий теперь стремился передать пальму первенства в объединительном движении другим. 3 февраля 1914 г. он писал Чхеидзе о необходимости объединения российской социал демократии именно в связи с инициативами Интернационала в этом вопросе. «Получить конкретное целевое значение объединительная инициатива Интернационала может только при условии энергичного содействия со стороны самой российской социал демократии... Конечно, при решительном и единодушном несогласии ленинцев идти навстречу инициативе Интернационала никакого единства не получится» [745]. В июле 1914 г. он принял участие во встрече представителей 2 го Интернационала с руководителями фракций российской социал демократии, состоявшейся в Брюсселе. Здесь он встретился с Плехановым, Мартовым, Аксельродом, Алексинским, а также Э. Вандервельде, Р. Люксембург и другими руководителями Интернационала. Ленин не счел нужным поехать в Брюссель, он послал туда свою верную сторонницу и любовницу Инессу Арманд [746], которая попыталась зачитать огромный ленинский документ об условиях объединения, но была прервана председателем. Сопровождение должно было предшествовать VI партийному съезду, намечаемому на август в Вене. Съезд так и не состоялся тогда из за начала мировой войны. Ясно было, однако, что даже в том случае, если бы он произошел, единство российской социал демократии не было бы восстановлено [747]. Понимая это в полной мере, Троцкий в Брюсселе, вопреки своему обыкновению, не был активен.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Зато Ленин в бичевании Троцкого сохранял прежнюю энергию. Незадолго до Брюссельской встречи, в марте 1914 г., он написал статью под заголовком «Распад Августовского блока», в которой презрительно бросал: «У Троцкого никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, переметывания от либералов к меньшевикам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда». Троцкого Ленин относил к «худшим раскольникам» [748]. Когда при активном участии Троцкого в Петербурге было объявлено о предстоящем издании журнала «Борьба» и журнал действительно стал выходить, Ленин обратил свой гнев против нового издания, называя его «насквозь интеллигентским журнальчиком», в котором в напыщенных выражениях кричат о «фракционном раскрепощении» [749]. Критикуя позицию Р. Люксембург по национальному вопросу (ее отрицательное отношение к национальной программе социал демократов, в частности – отказ в праве наций на отделение и самоопределение), Ленин не преминул указать на медвежью услугу, которую оказывал ей Троцкий, напечатавший в «Борьбе», что «польские марксисты считают «право на национальное самоопределение» совершенно лишенным политического содержания и подлежащим удалению из программы» [750]. «Защищая» поляков от Троцкого, Ленин привычно переходил к ругательствам: «Услужливый Троцкий опаснее врага! Ниоткуда, как из «частных разговоров» (т. е. попросту сплетен, которыми всегда живет Троцкий), он не мог позаимствовать доказательств для зачисления «польских марксистов» вообще в сторонников каждой статьи Розы Люксембург. Троцкий выставил «польских марксистов» людьми без чести и совести, не умеющими даже уважать свои убеждения и программу своей партии. Услужливый Троцкий!» [751]

В мае 1914 г. в который уже раз Ленин уверял, что Троцкий вводит молодых рабочих в обман, и называл его «худшим представителем остатков фракционности». И, как бы вдалбливая в головы своих читателей все ту же истину, в которой, скорее всего, проявлялась зависть к ораторскому таланту и блеску своего оппонента, Ленин писал, что Троцкий «любит звонкие и пустые фразы», а «под флагом «нефракционности» Троцкий отстаивает одну из заграничных фракций, [фракцию] особенно бездейных и лишенных почвы в рабочем движении России... Не все то золото, что блестит. Много блеску и шуму в фразах Троцкого, но содержания в них нет» [752]. Только буквально накануне мировой войны Ленин крайне неохотно признал, что Троцкий «наполовину отошел от ликвидаторов», хотя и продолжал всячески на Троцкого нападать [753].

Положение в российской социал демократии не улучшилось. Объединительные усилия Троцкого и некоторых других сравнительно умеренных деятелей оставались втуне в значительной степени в результате ничуть не утихавших, а порой разгоравшихся с новой силой раскольнических усилий Ленина и его ближайших сторонников. Троцкому стало скучно. Из за неудачи с созданием Августовского блока он отодвинул Россию на второй план и переключился на события, назревавшие в «пороховом погребе» Европы – Балканском полуострове, куда Троцкий уехал вскоре после августовской конференции в Вене.

Глава 9 «Киевская мысль» и командировка на Балканы

1. «Киевская мысль»

Начиная с 1908 г. Троцкий стал пробовать свои силы в совершенно непривычной для него области журналистики, сотрудничая теперь не только в социал демократической, но и в леволиберальной российской прессе. Исходно речь шла о том, чтобы получить какой то дополнительный заработок, необходимый для содержания семьи, да и для того, чтобы материально помогать выпуску своей венской газеты, имея в виду ее хронический финансовый дефицит. Но постепенно Троцкий все более втягивался в эту работу, к тому же его материалы читающая публика встречала с интересом.

О сотрудничестве Лев договорился прежде всего с редакцией газеты «Киевская мысль». Можно предположить, что предварительные контакты с будущими издателями были установлены еще в начале 1905 г., во время краткого пребывания Троцкого в Киеве во время Первой российской революции. «Киевская мысль» была крупной и авторитетной леволиберальной еженедневной газетой. Она начала выходить в 1905 г., во время революции под названием «Киевский вестник», затем в течение того же года несколько раз меняла названия в связи с преследованиями со стороны властей – «Киевская жизнь», «Киевская заря», «Киевская речь». Свое окончательное название «Киевская мысль» газета получила в 1906 г. и выходила до 1918 г., до запрета ее большевистскими властями в качестве «кадетского органа», хотя это обвинение было поистине смехотворным – к партии кадетов «Киевская мысль» не имела никакого отношения и нередко остро и едко критиковала позиции кадетов.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Издателями газеты были предприниматели Р.К. Лубковский и Ф.И. Богданов, редакторами – талантливые журналисты А.Н. Николаев и И.И. Тарновский, которые смогли превратить свое издание в общероссийское. Благодаря финансовой помощи некоторых крупных собственников юга России, в частности киевского предпринимателя (бизнес в сахарной, мукомольной промышленности, трамвайное дело), известного мецената Л.И. Бродского, газета получила широкое распространение и могла позволить себе остаться на либеральных позициях даже в то время, которое революционеры, а позже советская историография называли «столыпинской реакцией».

Когда в 1907 г. киевский, подольский и волынский генерал губернатор, будущий военный министр В.А. Сухомлинов издал постановление о наложении штрафа на редакции за публикацию «криминальных материалов», «Киевская мысль» сравнительно безболезненно выходила из положения, так как обладала необходимыми денежными средствами и позволяла себе публикации крамольных материалов, отделяясь легкими для газеты штрафами. В «Киевской мысли» сотрудничал Горький. В газете было опубликовано несколько очерков В.Г. Короленко. В ней появлялись статьи меньшевиков, в частности – Мартынова. Газета стяжала себе популярность в широких демократических общественных кругах, в частности принципиальной и смелой атакующей позицией во время антисемитского дела Бейлиса.

В ежедневной прессе того времени обычно не публиковались фотографии, но «Киевская мысль» была исключением: она еженедельно выпускала иллюстрированное приложение в виде небольшого по объему и по формату журнала. Тираж ее был также весьма внушительным. Составляя вначале 25 тысяч, он поднялся к 1916 г. до огромной для формально периферийной газеты цифры 70 тысяч экземпляров [754].

Троцкий, рассказывая о своем сотрудничестве в этом издании, называл «Киевскую мысль» газетой с «марксистской окраской» и подчеркивал, что работал там с согласия ЦК и Ленина: «Киевская мысль» была самой распространенной на юге радикальной газетой с марксистской окраской. Такая газета могла существовать только в Киеве с его слабой промышленной жизнью, неразвитыми классовыми противоречиями и большими традициями интеллигентского радикализма. *Mutatis mutandis* [755] можно сказать, что радикальная газета возникла в Киеве по той же причине, по которой «Симплициссимус» возник в Мюнхене. Я писал в газете на самые разнообразные, иногда очень рискованные в цензурном смысле темы. Небольшие статьи являлись нередко результатом большой подготовительной работы. Разумеется, я не мог сказать в легальной непартийной газете всего, что хотел сказать. Но я никогда не писал того, что не хотел сказать. Статьи мои из «Киевской мысли» переизданы советским издательством в нескольких томах [756]. Мне не пришлось от чего бы то ни было отказываться. Может быть, не лишним будет сейчас напомнить и то, что в буржуазной печати я сотрудничал с формального согласия Центрального комитета, в котором Ленин имел большинство» [757].

Конечно, Троцкий смещал акценты. «Киевская мысль» не была марксистской, даже если и иметь в виду, что марксистом был Троцкий. ЦК разобщенной социал демократической партии не давал согласия Троцкому на сотрудничество с «Киевской мыслью», да Троцкий этого согласия и не запрашивал. Ленин стоял не во главе ЦК, а был во главе своего «карманного» ЦК большевистской фракции, и о поддержке ленинским ЦК или самим Лениным Троцкого в этом вопросе и говорить не приходится. Ленин в тот период мог помочь Троцкому только быть похороненным. Ни в каком другом вопросе, кроме зарывания Троцкого в могилу, Ленин поддержки Троцкому оказывать бы не стал.

Конечно, несмотря на свое заявление, что он не отказывается от статей, опубликованных в «Киевской мысли» и в других близких ей по духу изданиях, Троцкий по существу всячески оправдывался перед читателями – своими сторонниками начала 30 х гг., участниками «левой коммунистической оппозиции», за «не вполне выдержанный» характер публикаций, преувеличивая степень риска, на который он шел, публикуя левые статьи. Находившийся за границей Троцкий рисковал максимум отказом в публикации. Сама газета рисковала только штрафом.

В первые годы сотрудничества Троцкого в «Киевской мысли» его статьи были посвящены главным образом вопросам российской и европейской культуры, быта, идейным спорам, происходившим в интеллигентских кругах. Троцкий вспомнил о своем старом псевдониме Антид Ото, которым он пользовался в иркутской газете в самом начале века, и стал теперь подписывать им газетные материалы, направляемые в «Киевскую мысль». Иногда, очень осторожно, Троцкий пытался ввести в дискуссию понятия марксистского обществоведения, например «исторический материализм». В статье «О смерти и об эресе» он передавал свои впечатления (скорее всего, правдивые) от дискуссии, которая происходила в группе русских интеллектуалов в одном из парижских кафе [758]. С известным оттенком иронии автор прислушивался к спору тех, кто возражал против «исторического материализма» с позиции веры, и тех, кто, не придерживаясь религиозных убеждений, все же не видел в марксистском

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

учении способа найти «примирение и избавление» – но не от неизбежной смерти, а от гнетущего душу психологического раздвоения. «Да ведь этого для меня – не для интеллекта моего, для воли моей – страшно мало», – сокрушался один из ораторов по поводу материалистического понимания истории.

Продолжением идейного спора с «идеалистическими приват доцентами» являлась статья «Эклектический Санхо Панса [759] и его мистический оруженосец Дон Кихот» [760]. Используя образы Мигеля Сервантеса, причем нарочито «переставляя» их, превращая Дон Кихота из рыцаря в оруженосца, а Санчо Пансу – в хозяина, господина, Троцкий высмеивал тех, кто утверждал, что «нынче реализм окончательно упразднен», а его остатки сохранились лишь на задворках – в марксистских брошюрах. Этим критиков, а заодно с ними поэта М.А. Кузмина, упразднившего «законы естества» (имелся в виду рассказ писателя «Крылья», сюжет которого был связан с тогда еще казавшейся диковинкой однополый любовью), Троцкий именовал интеллектуальными трусами, потому, мол, что они боятся завтрашнего дня и «завидуют даже мистикам, несмотря на то, что так покровительственно хлопают их по плечу».

Продолжением той же темы, но на значительно более серьезном уровне, была статья, содержащая критику современных религиозных философских теорий, разрабатываемых Д.С. Мережковским, Н.М. Минским (Виленкиным), С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым [761]. Отнюдь не следуя ленинской манере голосового бичевания неприемлемых или неудобных философских взглядов, которая столь явно проявилась в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» [762], Троцкий стремился доказать бесплодие отечественных мистиков. Для Троцкого они были крайне индивидуалистичны; у каждого из них была своя собственная система «вечной абсолютной божественной правды»; они не связаны были с «великой насадкой» народом и со стихийным религиозным творчеством, которое черпается «из глубокого колодца души народной». Троцкий был весьма оптимистичен в своей уверенности в торжестве позитивного знания. Он завершал статью словами: «А если теперь принять во внимание, что со времени Лютера [763] черт неверия имел в своем распоряжении четыре поучительных столетия, в течение которых он прилежно изучал естественные науки, то придется окончательно прийти в выводу, что г. Бердяев при слабых силах его с чертом никогда не управится... Безнадежное дело!»

Многие статьи Антида Ото в «Киевской мысли» были посвящены конкретным событиям художественно культурной жизни – отдельным литературным произведениям, выставкам изобразительного искусства, другим событиям художественной жизни австрийской столицы и т. п. Все эти статьи отличались великолепным слогом, убедительностью, по крайней мере внешней, непререкаемостью суждений и в то же время отличным, возможно только на первый взгляд, знанием фактов и явлений, о которых шла речь. Среди этих работ выделялась большая статья «Мережковский», которая была опубликована в двух номерах «Киевской мысли» [764]. Как и другим работам, публиковавшимся в киевской газете, этой статье был свойствен весьма критический, иронический, порой чуть ли не презрительный тон не только по отношению к самому писателю и философу, но и по отношению к его новым друзьям – «господам Гессену и Милюкову» из кадетской партии, которые решили, что «пророчествование сие во благовремение». Пытаясь анализировать характер мистицизма Мережковского, Троцкий видел его особенность, как это ни покажется противоречивым, в его светском характере. «В ожидании грядущего завета г. Мережковский не только постное приемлет, но и скоромненькое. И скоромненькое то даже предпочтительно», – писал Троцкий ехидно.

По мнению автора статьи, революция 1905 г. оказала немалое воздействие на эволюцию Мережковского. В то время как Струве, Бердяев, Булгаков двигались слева направо, Мережковский совершал сдвиги в противоположном направлении.

«Революционная эпоха произвела трещину в его индивидуалистической скорлупе и показала, что есть на свете не только «я» и культура, но и третий фактор – масса». Троцкий соглашался с тем, что Мережковский пользовался определенными симпатиями на Западе, но в России он в лучшем случае встречал «скептическую благожелательность» со стороны либеральных деятелей. В то же время Троцкий был весьма скептичен в отношении возможности воздействия творчества Мережковского на общественное сознание: «Верует ли он окончательно? Если говорит, значит, верует. Но заражать других своей верой ему не дано. Он всегда являет вид тревожный, но он никого не тревожит. Он страшно богат титаническими антитезами, но они не волнуют, не врываються в сознание, не запоминаются... Ему не хватает немногого: подлинной страсти».

Именно на этом фоне Троцкий бросал писателю вызов – «непосильное испытание» со стороны «исторического, эволюционного или диалектического метода, который составляет самую суть современной умственной культуры». Разумеется, следовало бы оставить на совести Троцкого приравнение марксистской философии к «современной умственной культуре».

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Журналист Антид Ото постепенно расширял сферу своих интересов, пользуясь явным сочувствием со стороны редакции. От отдельных областей культурного творчества, от конкретных художественных фактов он переходил к общим рассуждениям по поводу усиления консервативных тенденций в интеллигентской среде и мещанства как «социального факта», который становится реальным в его западноевропейском понимании. Троцкий высмеивал претензии некоторой части философов, публицистов и критиков на российскую «особую историческую миссию». «Из гигантской встряски последних лет он [мещанин] выходит точно из римских терм (чтобы не сказать – из московской бани) – очищенный, благоумиротворенный и культурно самодовольный» [765] .

В редких случаях редакция «Киевской мысли» вынуждена была отказывать Троцкому в публикации его материалов или же затягивала их помещение в газете. В июне 1922 г., комментируя свою статью «Об интеллигенции», Троцкий снабдил ее примечанием: «Настоящая статья написана была в тоне вызова тому национально кружковому мессианству интеллигентских кофеен, от которого даже на большом расстоянии (Петербург, Москва – Вена) становилось неважно. Статья долго лежала в портфеле «Киевской мысли»: редакция не решалась печатать. Начинаясь политическое оживление 1912 г. освежило атмосферу, и статья увидела свет, правда, с жестокими сокращениями. В этом своем урезанном виде она печатается и здесь» [766] .

Восстановить сокращенные киевской редакцией места Троцкий не потрудился. Статья действительно давала весьма пессимистичную картину всей духовной жизни России после революции 1905 – 1907 гг. Характер «мрачного кошмара последних лет» определялся здесь как «веховщина» – по названию сборника «Вехи», вышедшего в 1909 г. В числе авторов этого сборника были видные философы, экономисты, литераторы, политики Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, С.Л. Франк. Оценивая прошлое участие широких кругов интеллигенции в революционном движении как тяжкую ошибку, большинство авторов призывали своих коллег к оказанию идейной поддержки в деле умиротворения России, в частности путем сотрудничества с правительством Столыпина.

Такая позиция вызвала самый резкий и решительный отпор со стороны не только революционных, но и леволиберальных сил, в первую очередь всех фракций социал демократии.

Троцкий не остался в стороне. Он был в числе наиболее рьяных критиков «Вех», если не самым жестким их противником. Однако свою статью он задумал и реализовал в широком контексте культурологии, прежде всего с позиций места и роли левой российской интеллигенции в качестве «национального щупальца, продвинутого в европейскую культуру». Эта специфическая роль породила, однако, «необузданное высокомерие», не имевшее под собой серьезных оснований. Именно поэтому так легко поворачивалась интеллигенция от одного – революционного – мессианства к другому, прямо противоположному, религиозному. Впрочем, Троцкий выражал уверенность, что с «апостольством интеллигенции» теперь покончено. «Как бы ни было само по себе значение интеллигенции, в будущем оно может быть только служебным и подчиненным. Героическое заместительство всецело относится к эпохе, отходящей в вечность». В «Киевской мысли» Троцкий выступал и по другим вопросам – размышлял о причинах самоубийств, об отличиях русского и американского быта, о зарождавшемся футуризме, об экономических взглядах М.И. Туган Барановского, о судьбах толстых журналов, о трудах чешского профессора Томаша Масарика... Обширное эссе он посвятил начинающему литературному критику Корнею Чуковскому. Отдавая должное эрудиции молодого исследователя, Троцкий в то же время жестко критиковал конкретные его оценки, заостря внимание в издевательской форме на личности автора, который почему то Троцкому очень не нравился.

Вплоть до 1912 г. Троцкий не публиковал в «Киевской мысли» статей откровенно политического содержания, хотя его позиция по некоторым культурно политическим вопросам, да и общая социальная позиция вполне четко прослеживались во многих материалах. «Опробовав» венского журналиста, высоко оценив его хватку, широту кругозора, умение преподнести материал оригинально и интересно, проникшись к нему доверием, редакция газеты в середине 1912 г. обратилась к Антиду Ото с заманчивым предложением: в качестве собственного корреспондента поехать на Балканский полуостров и освещать очевидно назревавший там военно политический конфликт. Согласие, которое было немедленно дано, означало, что Троцкий брал на себя обязательство отражать события на полуострове более или менее объективно, в определенной мере отвлекаясь от социал демократической политической целесообразности, хотя издатели понимали, что Троцкий не откажется от нее полностью, что это было бы для него невыносимо.

Видимо, были некоторые особые причины, по которым Троцкий, обычно очень осторожный в принятии на себя обязательств, особенно в таком неоднозначном деле, как сотрудничество в либеральной газете, решил согласиться на предложение киевлян. Неудача с созданием Августовского блока, почти сразу же возникшие

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. столкновения между вошедшими в него группами вызвали естественное чувство раздражения, которое Троцкий надеялся как то подавить, занявшись совершенно новой для него областью журналистской деятельности – работой иностранного корреспондента. Троцкому интересно было поближе познакомиться с тем регионом, в котором он побывал всего лишь несколько дней в 1910 г., да к тому же только в одной стране – Болгарии. Можно полагать, что он советовался по поводу целесообразности принятия предложения со своим другом Раковским. Наконец, 1912 г. оказался особенно трудным для семьи Льва Бронштейна в материальном отношении, и Троцкий поспешил воспользоваться предложением киевской газеты еще и для того, чтобы хотя бы в некоторой степени поправить свои финансы. Перед выездом на Балканы Троцкий договорился также о сотрудничестве с петербургской газетой «День», которую начала выпускать группа меньшевиков, а помимо этого еще и со своим родственником М.Ф. Шпенцером, издававшим теперь газету «Одесские новости». Непосредственно перед выездом Троцкий просмотрел обширную литературу по истории и современному положению Балканских стран и их внешней политике, попытался изучить полуостров как театр для возможных военных действий и даже написал небольшой реферат с известным социально психологическим оттенком под названием «Храбрость черногорца и храбрость албанца» [767]. Троцкий действительно оказался в «пороховом погребе» Европы как раз в тот момент, когда там разразился военный пожар.

2. Корреспондент на Балканах

Пребывание Троцкого на Балканах в 1912 – 1913 гг. было сравнительно недолгим, хотя сам Троцкий полагал, что его корреспонденции с Балканского полуострова были немаловажной подготовкой не только к 1914, но и к 1917 г. [768] Начавшаяся осенью 1911 г. война между Италией и Турцией в Африке за Триполитанию показала военную и внутривосточную слабость Османской империи. В Болгарии, важные исконные территории которой (Македония и Фракия) все еще находились под турецким господством, усиливались воинственные настроения. В декабре 1911 г., а затем в июне 1912 г. группы членов Внутренней македонско одринской революционной организации (ВМОРО) [769], добивавшейся воссоединения Македонии и Фракии с Болгарией или в крайнем случае их автономии как промежуточного этапа на пути к полному воссоединению, организовали взрывы, как тогда говорили, «адских машин» – бомб, от которых пострадали несколько турок. В ответ последовали волны кровавой расправы, буквально резни болгарского населения городов Штип и Кочани мусульманскими фанатиками [770]. Все болгарские политические силы выступали за национальное освобождение Македонии и Фракии, причем почти все партии (кроме социал демократов и крестьянской организации Болгарского земледельческого народного союза, стремившихся к мирному решению проблемы, что было нереально) охотно шли навстречу военному конфликту. Весной 1912 г. в результате подписания нескольких договоров и конвенций сформировался Балканский союз в составе Болгарии, Сербии и Греции, к которому в сентябре того же года примкнула Черногория. Создание Балканского союза было результатом долгих и трудных переговоров, мучительного, порой циничного торга, закулисных махинаций, вмешательства великих держав. Соглашаясь на словах с необходимостью автономии Македонии, Сербия и Греция на самом деле добивались присоединения к своим государствам ее частей (а Греция к тому же и значительной части Фракии). В тайном приложении к болгаро сербскому договору указывалось на наличие «бесспорной» (то есть безусловно болгарской) и «спорной» зоны Македонии, причем сербское правительство полагало, что эта зона, хотя она и именовалась спорной, должна была бесспорно отойти к самой Сербии [771]. Балканский союз был, таким образом, результатом крайне неустойчивого компромисса при недовольстве всех его участников и взаимных негласных территориальных претензиях. В частности, действовавшая подпольно ВМОРО, добивавшаяся национального освобождения Македонии, основную часть населения которой составляли болгары, поддержала создание Балканского союза, но рассчитывала, что Сербия и Греция не будут претендовать на македонскую территорию [772]. Балканский узел противоречий был завязан так, что распутать его было почти невозможно, а разрубить могла в любой момент любая из участвовавших в нем сторон, причем с совершенно непредвиденными, скорее всего кровавыми последствиями. 5 (18) октября 1912 г. между странами Балканского союза и Османской империей началась война [773]. Троцкому в качестве зарубежного корреспондента предстояло разобраться в массе балканских хитросплетений и донести информацию о происходящем до русского либерально демократического читателя.

Из Вены Лев выехал 25 сентября [774]. Несколько дней он провел в сербской столице Белграде. В «Киевской мысли» появились его балканские «первенцы» –

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. корреспонденции «В дороге» и «Белград» [775]. Оба материала были подписаны псевдонимом Антид Ото. В дальнейшем некоторые корреспонденции, особенно в тех случаях, когда в одном номере публиковалось несколько материалов, печатались также под именем Л. Яновский. Из Белграда Троцкий отправился в Софию, которая и стала его резиденцией на протяжении начального наступательного периода 1 й Балканской войны. Он понимал, что Болгария, являясь наиболее крупной в хозяйственном и военном отношении балканской страной, главным участником антиосманского союза, причем участником с парламентско конституционным монархическим управлением, будет наиболее удобным местом для его военно политических наблюдений. Он безвыездно находился в Болгарии полтора месяца, до 26 ноября 1912 г., а в следующие месяцы неоднократно приезжал в Софию. В результате болгарские сюжеты в корреспонденциях Троцкого преобладали. Хотя он уделял внимание и другим странам региона, но и в этих материалах то и дело всплывали болгарские темы. К тому же после выезда из страны он чувствовал себя несколько свободнее, не будучи связанным цензурными ограничениями болгарской стороны. Правда, российская цензура сохранялась в полной мере, с ней приходилось считаться, и не все статьи о болгарской действительности появились тогда в печати.

Троцкий не был единственным корреспондентом «Киевской мысли» на полуострове в период Балканских войн. Другим представителем этой газеты был довольно известный в это время писатель Евгений Николаевич Чириков [776], правда печатавшийся в «Киевской мысли» значительно реже, нежели Антид Ото. Они не поддерживали между собой непосредственного контакта, являясь своего рода конкурентами. В многочисленных корреспонденциях военного периода Троцкий продолжал рассматривать как общие, так и конкретные вопросы экономической и политической ситуации в Болгарии, хотя в основном, разумеется, под углом зрения военных действий, имея в виду, что Болгария находилась в центре 1 й Балканской войны союзных стран против Османской империи и что на ее армию выпали как основная тяжесть военных действий, так и решающие победы над турками.

Троцкий прибыл в Софию как раз в тот день, когда началась 1 я Балканская война, – 5 октября 1912 г. Первые впечатления у него возникли в поезде Белград – София, и он поделился ими с читателями еще одной русской газеты, с которой стал сотрудничать. Это была только начавшая выходить в Петербурге газета «День», стоявшая на меньшевистских позициях [777]. Статья «Перед событиями» была типичным репортажем, откликом о мнениях, которые высказывали ехавшие с ним в одном купе представители болгарской и сербской элиты и другая местная публика. Одним из главных объектов обсуждения была статья популярного германского военного эксперта, бывшего полковника Гедке, известного еще своими обзорами времен Русско японской войны 1904 – 1905 гг. Статья была посвящена балканским армиям. В основном соглашаясь с определением автором соотношения сил, Троцкий утверждал, что силы Балканского союза превышали турецкую армию только на протяжении первого, сравнительно недолгого этапа войны и что Болгария является наиболее мощным в военном отношении государством союза. По данным Гедке, из 335 тысяч наличных войск союзников болгарская армия составляла 200 тысяч человек. Троцкий полагал, что в численном отношении эти данные преуменьшены вдвое, если не больше. (Его мнение было полностью подтверждено современными исследованиями, определяющими численность болгарской армии после мобилизации в 592 тысячи человек, а ее союзников – в 350 тысяч [778].)

Опираясь на разнообразные свидетельства, в том числе мнения «зрелых политиков Болгарии» (не названных и, может быть, просто придуманных для большей убедительности), Троцкий полагал, и небезосновательно, что союзники могут рассчитывать на серьезные военные успехи только в первое время и лишь при условии самых энергичных действий с их стороны. Им была не по силам длительная военная кампания, так как Турция рассчитывала сравнительно скоро выдвинуть «тяжелые малоазиатские и сирийские резервы». В ряде следующих сообщений он давал реалистическое представление о фактическом единодушии народа в поддержке царя Фердинанда, правительства, командования, понимании войны как своего рода Крестового похода за освобождение единокровных братьев и сестер в Македонии и Фракии, остававшихся под турецким господством [779].

В последовавших затем корреспонденциях Антид Ото был весьма конкретен. Он сообщал о содержании военной прокламации Фердинанда, объявленной в Старой Загоре, где была размещена теперь штаб квартира царя. От глаз корреспондента не могли, разумеется, укрыться толпы народу, кричавшие «ура» царице и министрам, приветствовавшие проходивших солдат. В корреспонденциях об этом говорилось сдержанно, но достаточно объективно, хотя догмам, которых Троцкий придерживался, это отнюдь не соответствовало. От живых наблюдений журналист перешел к анализу причин и сущности войны, подчеркивал ее прогрессивный характер. Смысл войны он формулировал в том, что она явилась попыткой кратчайшим путем разрешить вопрос о

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

создании новых государственно политических форм, более приспособленных для развития балканских народов [780] . При этом подчеркивалось единство точек зрения европейских демократических кругов (Троцкий предусмотрительно не писал «социал демократических»): «Балканы – балканским народам! Нужно отстаивать для них возможность самим устраиваться – не только по воле и разуму их, но и по силе их – на той земле, которую они населяют». Автор признавал, таким образом, Фракию и Македонию болгарскими землями в этническом отношении, считая, что эти земли имеют все основания для воссоединения с Болгарским государством, то ли непосредственно, то ли через переходные формы.

Взгляды Троцкого были довольно близки к позиции основной части болгарского политического спектра и особенно к позиции ВМОРО, которая добивалась включения Македонии в состав Болгарии, но была готова в качестве промежуточного варианта на ее автономный или даже независимый статус [781] . Македонские революционеры, как и Троцкий, не исключали, что автономная или, скорее, независимая Македония с центром в городе Солуне может войти в будущую Балканскую федерацию и в этом случае станет «соединительным звеном между всеми балканскими государствами» [782] . Такой подход означал для Троцкого решительное, хотя реально недостижимое отвержение попыток подчинить судьбы полуострова притязаниям европейских держав. Отвергались и открытые проявления колониалистской политики, и те, которые прикрывались фразами об этническом родстве. Естественно, во втором случае имела в виду Россия. Автор, по существу, ставил на один уровень расчеты стран Антанты (России, Франции, Великобритании) и Тройственного союза (в него в то время входили Германия, Австро Венгрия и Италия), ведших сложную игру за влияние на Балканах.

Лозунг «Балканы – балканским народам!» рассматривался в сопоставлении, не вполне обоснованном, с идеями итальянской освободительной войны 1859 г. против Австрийской империи, в результате которой в основном произошло воссоединение Италии. Искусственность такого сравнения вытекала из того, что в итальянском случае речь шла о создании единого государства на базе единой этнической общности, на Балканах же таковой не было. Более того, в Балканский союз наряду со славянскими странами входила Греция с ее эллинским населением совершенно иного этнического происхождения. Внутренний смысл сопоставления состоял в том, что сохранялась надежда на решение проблем полуострова путем создания федеративного или конфедеративного государственного объединения.

В статье «Война объявлена...» Троцкий соглашался с тем, что смешанный состав населения полуострова представляет большие трудности для обеспечения «государственных условий сожительства», но настаивал на том, что в принципе создание таких условий возможно, примером чему являлись Соединенные Штаты Америки и Швейцария.

Вновь и вновь Троцкий был вынужден признать крайнюю отдаленность и неопределенность такого решения и неизбежность присутствия фактора великих держав в проектах нового государственно политического устройства на Балканах, на которые рассчитывали правящие круги стран Балканского союза – партнеры Болгарии, первоначально отодвинувшие на второй план собственные аннексионистские намерения, а затем все в большей и большей степени выставлявшие на стол переговоров притязания на земли, населенные болгарами.

Ставя перед войной и в самом ее начале ограниченные цели (главной из них было соблюдение Османской империей статьи 23 й Берлинского трактата 1878 г., предусматривавшей ту или иную степень автономии во всех ее европейских провинциях), союзники по мере продвижения болгарских вооруженных сил выдвигали новые задачи, приходившие в противоречие с планами друг друга. Отмечая этот факт уже 19 октября в газете «Одесские новости» [783] , Троцкий подчеркивал, что ответы на вопросы о целях войны давались государственными деятелями стран Балканского союза по разному, но их объединяло одно: надежда на поддержку со стороны России именно их планов [784] .

Эта надежда в устах болгарских политических деятелей, с которыми удавалось вступить в контакт Троцкому, перерастала в убеждение. Один из них сказал, что цели войны могли бы расширяться в зависимости от хода событий: «Россия поставила бы крест на своей балканской политике... Я имею в виду прямое военное наступление России... Два корпуса из Одессы сюда на черноморское побережье Турции, под Константинополь – и Балканский полуостров будет очищен от турецкого владычества».

Такого рода утопические, безответственные планы были весьма характерны для многих болгарских русофилов, веривших во всемогущество России. Троцкий давал понять читателям, что эти расчеты не связаны с официальным курсом Российской империи, которая не только учитывала намерения и позиции своих союзников по Антанте, но и вынуждена была считаться с политической стран противостоящего блока. Современные исследования убедительно показывают, что тогдашний министр иностранных дел

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Российской империи С.Д. Сазонов очень осторожно подходил к претензиям балканских союзников, в том числе и Болгарии. Троцкий, не располагая конфиденциальной информацией о позициях держав и их тайных переговорах, сумел сделать в целом правильные выводы.

Международная обстановка становилась все более и более напряженной, но великие державы упрямо выжидали, стремясь не допустить какой либо крупной военной конфронтации в неблагоприятных для себя условиях. В «Наблюдениях и обобщениях» Троцкий подчеркивал, что «под отзывами мнимого недоумения» в связи с тем, что Россия никак не вмешивается своей мощной армией в ход войны, ощущается уверенность, что «помимо официальной», рассчитанной на Европу, «русской политики миролюбия и status quo существует еще другая, настоящая русская политика, которая в основном совпадает сейчас с политикой балканских союзников». Автор продолжал с изрядной долей иронии: «Только в оправе этой уверенности, которая, разумеется, должна иметь свои серьезные основания, русским гражданам пока еще неизвестные, становится понятной решимость балканских правительств, которая на первый взгляд слишком похожа на беспечность».

Глубокое впечатление произвели на Троцкого первые серьезные победы болгарских войск: прежде всего занятие без боя города Лозенграда (по турецки киркилиссе), а также осада города Одрин (Адрианополи, Эдирне) – наиболее крупного центра этого региона.

«Население ожидало несомненного крупного успеха», – писал Троцкий в «Наблюдениях и обобщениях». Он воссоздавал картину того энтузиазма, которым был охвачен центр Софии. Развивались национальные знамена, военный министр (им был генерал Никифор Никифоров) обратился к толпе с краткой речью. На руки были подхвачены греческий посланник и британский корреспондент Ваучер. (Троцкий не удержался от едкости по отношению к западному коллеге и сопернику, Ваучер был назван «чем то вроде лорда протектора болгарского народа», по аналогии с лордом протектором колониальной Индии.) Вечером прошло факельное шествие, улицы были заполнены народом, пели патриотические песни, прохожие поздравляли друг друга. Газеты выпустили специальные срочные приложения (Троцкий употреблял болгарское слово «притурка»). Но, будучи серьезным наблюдателем, Троцкий в этой и в нескольких следующих корреспонденциях шел от воспроизведения непосредственных впечатлений к анализу значения взятия Лозенграда. Он оценивал этот успех как бесспорно крупное военно политическое событие, с которого, по существу, начиналась настоящая война. Болгария получала опорный пункт для наступления на Одрин с востока, облегчая действия армии, подходившей к городу с запада, с более защищенной стороны. Тем самым открывался путь для наступления на Константинополь. В то же время трезвый анализ заставлял автора существенно понизить тот восторженный энтузиазм, с которым было встречено взятие Лозенградской крепости. Он писал, что часть софийской прессы была «прямо таки бесстыдной» в информации об огромных трофеях и взятых пленных, вплоть до принцев и министров, что перечень трофеев «был высосан из собственных неопрятных пальцев» безответственными авторами газетных «притурок».

Троцкому не составляло большого труда установить, что первоначальные сообщения прессы об огромных трофеях более не подтверждались. Он делал вывод, что крепость «не столько была взята болгарскими, сколько покинута турками, отступавшими в беспорядке». Он предполагал, что в плен мог быть взят небольшой артиллерийский отряд, прикрывавший отступление. Предположение об отступлении турецкого гарнизона из Лозенградской крепости без активного сопротивления болгарам было подтверждено в дальнейшем многочисленными документами и рассматривается современными историками как бесспорный факт [785].

Проблемы, связанные с падением Лозенграда и его последствиями, Троцкий рассмотрел в специальной статье, которая так и осталась тогда неопубликованной (скорее всего, «Киевская мысль» не решилась ее поместить, но, возможно, статья не была пропущена болгарской военной цензурой) [786]. Хотя статья была написана по свежим следам событий, в ней на фоне все тех же проявлений патриотического энтузиазма содержалась попытка как можно глубже вникнуть в их существо. Еще более обоснованно была продемонстрирована Троцким фантастичность версии о численности пленных, которая на протяжении нескольких часов «увеличивалась» с 24 до 40 тысяч человек. За прошедшее время, делал вывод автор, победители просто не были в состоянии подсчитать даже приблизительно количество пленных и трофеев. Ситуации с Лозенградом противопоставлялось положение в Одрине (Троцкий называл город на русский манер Адрианополем), имевшем 17 фортов, расположенных на фронте 40 километров, и другие мощные средства обороны. «Адрианополю турки придают значение ключа к Константинополю», – говорилось в статье. Силу болгар автор видел в «большой скорости мобилизации и передвижения армии, в ее однородности и воодушевлении», а важные преимущества турок – в больших людских резервах и финансовых возможностях. Отсюда проистекала исключительная актуальность для

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

болгар фактора времени. Все эти рассуждения при учете расхождения между главной целью войны – освобождением Македонии – и основным театром военных действий – Восточной Фракией звучали у Троцкого весьма серьезным предостережением. Он был уверен, и болгарское общественное мнение служило ему опорой в этой позиции, что войну необходимо завершить как можно скорее, пока еще болгарская армия сохраняла боевую мощь и была в состоянии обеспечить национальные интересы Македонии, совпадавшие с волеизъявлениями македонских болгар.

На этом фоне Троцкий с чувством личного удовлетворения отмечал собственную правоту в оценке результатов взятия Лозенградской крепости. По уточненным данным, было взято в плен не 40 тысяч пленных, а всего лишь 1200. Скептически оценивались теперь планы достижения полной победы в районе Одрин. Генерал Михаил Савов (Троцкий называл его главнокомандующим, но это было не совсем так – главнокомандующим был царь Фердинанд, который, разумеется, практически армией не командовал; Савов был его заместителем) считал победу главной задачей: «Положим 20 тысяч душ, но Одрин возьмем».

По мере развития военных действий обнаруживалась все большая усталость болгарских войск. Надежды на скорую капитуляцию турецких формирований не подтверждались, завершилась неудачей попытка штурма хорошо укрепленных позиций турок в районе Чаталджи, на дальних подступах к Константинополю. Выявлялись существенные разногласия между союзниками, возник «румынский фактор» (не участвовавшая в войне Румыния стала требовать территориальных и материальных компенсаций), патриотический порыв болгарского населения постепенно угасал. В результате все рельефнее ощущалась «изнанка победы», как Троцкий назвал одну из своих статей [787]. Изнанка войны все в большей и большей степени выражалась в болгарских жертвах.

Цикл публикаций, полностью или частично посвященных страданиям рядовых участников войны, был открыт статьей «Раненые» [788]. Легкораненых вывозили в Софию (оставляя остальных пострадавших в госпиталях в восточной части страны), где с ними мог беседовать Троцкий, из первых рук получая информацию о тяжести войны для ее рядовых участников. Разумеется, впечатления раненых были связаны прежде всего с тем, что пришлось пережить им лично. «Окутанные еще громом и дымом сражения, которое их искалечило, они кажутся пришельцами из другого, таинственного и странного мира. У них нет еще мыслей и чувств, которые выходили бы за пределы только что пережитого ими сражения», – писал Троцкий.

Автор был не совсем прав, говоря о полной сосредоточенности раненых на собственных страданиях. Передаваемые им рассказы повествовали и о многом другом: о мужестве солдат и офицеров, об артиллерийских орудиях, застрявших в грязи, о попытках их вытащить под шрапнельным огнем врага, о нехватке боеприпасов, об отсутствии быстрой санитарной помощи раненым на поле боя, что многократно увеличивало смертность, о провокациях со стороны турок, гнавших в первых шеренгах войск прямо под огонь христианских подданных султана... Страшные последствия войны, обоснованно предполагал Троцкий, не ведая, какие новые испытания грозят миру, «надолго лягут страшной тяжестью на культурное развитие маленькой страны».

Троцкий продолжал убеждаться, что болгарский народ «считал эту войну нужной, справедливой, своей войной» [789]. Тяжести войны воспринимались болгарскими, «вплоть до самого темного селянина», как взваленные на плечи страны Турцией, прежде всего ее хозяйничаньем в Македонии. «Оттого болгарские солдаты, выступая в поход, украшают себя цветами, оттого полки так гордо идут в атаку под жестоким артиллерийским обстрелом, оттого отдельные кавалерийские части так удачно выполняют партизанские поручения, оттого, наконец, многие раненые просят, тотчас по выздоровлении, на боевую линию», – говорилось в статье.

Постепенно в репортажи Троцкого начинали проникать, вначале осторожно, а затем все более определенно, сведения, что и болгары не вели войну чистыми руками. В статье «Рассказ раненого» [790] передавался эпизод боя в районе Лозенграда. Его участник эмоционально рассказал журналисту, как он и его товарищи обнаружили несколько десятков тяжело раненных турок. «Тут наши их и прикололи. Был такой приказ, чтобы не отягощать ранеными транспорта... Не спрашивайте про это: невыносимо вспоминать про истребление безоружных, искалеченных, полумертвых людей».

Переход войны в новую фазу – осада мощных турецких укреплений Чаталджи, а затем и недолгое перемирие – привел к тому, что внимание Троцкого оказалось сосредоточенным на главных внутренних событиях, на анализе быта и поведения столичного тыла в условиях, когда стали иссякать последние надежды на краткосрочную и блестящую победу. Как и другим зарубежным корреспондентам, Троцкому трудно было вникнуть в сущность разногласий и раздоров между союзниками, которые все больше окрашивали ход и особенно закулисную сторону Балканской войны. Но некоторые факты все же лежали почти на поверхности, и в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

ряде статей Троцкого отмечалось, что именно болгарские вооруженные силы несли на себе основную тяжесть военных усилий на территории самой Турции, тогда как сербские войска были заняты в основном в Македонии, где существенных военных операций не было.

Теперь, когда характер информации и тон статей Троцкого стал более пессимистичен, его материалы все меньше удовлетворяли болгарскую военную цензуру, да и издателей газет, где он публиковался. Некоторые рукописи в прессу вообще не попадали, оставались в личном архиве автора и были опубликованы только в советское время. Такова была судьба статьи «длинный месяц» [791], небольшой по объему, содержащей важные оценки и выводы.

После «длинного месяца» патриотического порыва наступило отрезвление – такова была главная мысль статьи. «Пошли холодные ночи, Витоша [гора над Софией] покрылась снегом, хозяин отеля пустил по чугунным трубам горячую воду, по утрам вползает в открытое окно скверный туман, дождь идет два дня из трех». Финал этого нерадостного описания: «На улице все меньше корреспондентов и все больше раненых, уволенных из больниц». Давно уже не собираются торжествующие толпы, не слышны радостные крики на улицах Софии, сведения о победе в районе Чаталджи оказались ошибочными. Одрин все еще не взят, весть о перемирии декабря 1912 – января 1913 г. не встречена радостно, ибо сопровождалась поступающими сведениями и слухами о потерях Болгарии.

Троцкий впервые в этом цикле упоминал имя писателя и журналиста Василия Ивановича Немировича Данченко. Василий был к этому времени уже знаменитым военным корреспондентом, одним из основоположников жанра военной журналистики, автором нескольких романов на военные темы. Политически он примыкал к партии кадетов [792]. Ревниво относившийся к успехам других журналистов, Троцкий приводит в восторг большой патриотический барабан Вас.И. Немировича Данченко, ибо раздражающая фальшь слышится в звуках этого музыкального инструмента даже самому тугому уху», – писал Троцкий. «Население устало от побед – оно хочет победы» – этим афоризмом завершалась не опубликованная тогда статья Троцкого. Более удачной оказалась судьба статьи «Юч Бунар» (ныне это название пишется «Ючбунар»), хотя она также не могла прийти к успеху болгарским властям. Опубликованная в газете «Луч» [793], статья вела речь о бедняцком районе Софии (по турецки Юч Бунар – три колодца), с которым Троцкий был знаком не понаслышке. «Безраздельное царство нищеты» – так характеризовался этот район, близко расположенный к центру города, но являвшийся иным миром по сравнению с европеизированной, «чистой и щегольской» частью Софии. Исправно посещая бедняцкие кварталы, Троцкий отдавал должное идеологии, которую исповедовал. Автор не скрывал ужаса от того, что он видел в ючбунарском квартале: подростки, протягивающие руки за подающим, женщины – «вьючные животные нищеты»... В то же время Троцкий овладевал языком столичного простонародья (по стилю статей видно, что с болгарскими он вел почти свободные беседы).

Имея в виду, что ему придется публиковать свои статьи в российских леволиберальных газетах, стоявших на оппозиционных позициях, Троцкий особенно осторожно и взвешенно формулировал оценки российского внешнеполитического курса на Балканах. Непосредственно этой теме была посвящена только одна статья, появившаяся в пору «медового месяца» Балканского союза [794]. Для пущей осторожности статья была оформлена как беседа с «болгарским государственным деятелем», фамилия которого, разумеется, названа не была. Впрочем, это скорее была статья о болгарской политике по отношению к России, нежели наоборот. Отмечая, что Балканский союз был образован при содействии России, автор полагал, что российские дипломаты А.П. Извольский, Н.В. Чарыков и Н.Г. Гартвиг стремились направить его не против Османской империи, а против Австро Венгрии, что войны с Турцией Россия не хотела.

Троцкий признавал освободительную роль России по отношению к балканским народам только в прошлом. По мнению автора, ей пришел конец, когда освобожденные народы захотели действительной независимости. Для Болгарии автор называл в качестве такого рубежа 80 е гг. XIX в., то есть время, когда после серии переворотов и неурядиц установился диктаторский режим премьера Стефана Стамболова, ориентировавшегося на все большее отчуждение от России и сближение с Центральными державами. Да и сама Россия стала теперь на позицию сохранения статус кво на Балканах, перенеся центр своего внимания на Дальний Восток. Именно в этих условиях, по мнению Троцкого, сложилась новая болгарская государственная политика, ориентированная не против Дунайской монархии, а против Турции. «Болгария приняла идею союза, но вместе с тем она давлением своим превратила Балканский союз из оружия русской политики в орудие политики чисто балканской». Троцкий полагал, что официальная Россия просто ужаснулась тому направлению, которое стали принимать балканские события. Россия, по его мнению,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. разочаровалась в Балканском союзе и будет теперь ставить ему всяческие препятствия в расчете на разрушение военно политического сотрудничества входивших в его состав государств.

Тем не менее Троцкий высказывал надежду, что нынешняя война «станет историческим вступлением к балканской федерации», в которой он видел оплот независимости стран полуострова.

Если не принимать во внимание последнее, ставшее уже для Троцкого тривиальным положение о федерации, статья была примером не только разностороннего, хотя и довольно осторожного анализа, но в какой то мере логическим предостережением против дальнейшего развития событий, отказа России от взятых ею обязательств по поддержке Болгарии и роли арбитра в разрешении споров между Балканскими странами. Будущее подтвердило правильность выводов Троцкого, хотя о трещинах в Балканском союзе можно было тогда только догадываться.

Троцкий сознавал, что в центре внутривалканских противоречий и международных споров и конфликтов в пределах Европейского концерта находится македонский вопрос. О событиях в Македонии он писал во многих своих статьях, почти каждый раз подчеркивая болгарскую этническую принадлежность славянского населения этой европейской провинции Турции. Однако на значительные части Македонии по геополитическим и военным, но отнюдь не по национальным соображениям все больше и больше претендовали союзники Болгарии.

До предела болезненным оставался вопрос о четническом (партизанском) движении в Македонии, которому Троцкий посвятил специальную аналитическую статью «Четничество и война» [795]. В ней и других публикациях проявилось разностороннее знакомство автора с сущностью национально освободительной борьбы в Македонии, деятельностью внутренней македонско одринской революционной организации, с позицией ее руководителей и особенностями тактики. Троцкий встречался с македонскими деятелями в Софии, куда часть из них эмигрировала после поражения Илинденско Преображенского восстания 1903 г., подавленного турками с невероятной жестокостью. Немалый материал дали ему беседы с участником восстания Христо Матовым, считавшимся одним из правых македонских деятелей, сторонником так называемого верховизма (течение получило название по наименованию Верховного македонско одринского комитета, добивавшегося скорейшего присоединения Македонии к Болгарии). Соглашаясь с Мартовым, Троцкий высказывал мнение, что именно под влиянием четничества 1904 – 1908 гг. Турция вынуждена была приступить к финансовой реформе в Македонии, а затем последовало Ревельское (Таллинское) соглашение России и Великобритании (май 1908 г.) о проведении реформ в Македонии и назначении туда христианского генерал губернатора.

В русской печати благодаря Троцкому появились имена руководителей болгарского национально освободительного движения Яне Санданского, Петра Ацева, Петра Чаулева и других. Он дал читателям представление о расхождениях в тактике, о временном прекращении четнического движения в 1908 г. и сосредоточении внимания на легальной агитационно пропагандистской работе в национальных клубах, в которых была выработана программа полного самоуправления Македонии. В связи с карательными мерами, предпринятыми младотурецким режимом против болгарских клубов с 1910 г., стала восстанавливаться боевая организация, состоявшая из небольших чет (по 5 – 10 человек), причем в каждой казе (округе) действовало до трех таких групп. Боевая организация включала в себя также сельскую милицию во главе с воеводами, которая была готова пополнить четы в случае необходимости. Троцкий почти не комментировал приводимые им факты террористической деятельности македонских чет, давая, однако, понять, что она отнюдь не была конструктивной и в действительности направлялась против мирного населения, что гибли от покушений не только турки, но и болгары, и греки, и сербы.

Постепенно возникал и все более зрел конфликт Троцкого с болгарской военной цензурой. Вначале он относился к ней несколько снисходительно, даже иронично и вполне терпимо. Споры обычно утрясались. Цензура пропустила в русскую печать даже критическую статью о самой военной цензуре [796]. Соглашаясь с неоспоримой истиной о необходимости сохранения военной тайны, Троцкий ставил под сомнение вопрос о возможности получения неприятелем секретных сведений из газетной информации. Он скорее всего лукавил, ибо в начале XX в. уже хорошо было известно, какую важную стратегическую и оперативную информацию можно получить из на первый взгляд невинных репортажей (и сам Троцкий приводил пример на этот счет из истории франко прусской войны 1870 – 1871 гг.). Но Троцкий пытался показать, что цензура выходит за пределы отведенных ей функций, превращается из военной в полицейскую и политическую. Цензура, по мнению Троцкого, выходила даже за пределы политической сферы в узком смысле слова. Она считала своим правом и долгом убирать из поля зрения европейского читателя все те факты и толкования, которые, по ее мнению, способны были представить с неблагоприятной или

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. нежелательной стороны какую бы то ни было область болгарской общественной жизни, «соприкасающуюся и даже не соприкасающуюся с войной». «В результате телеграфное корреспондирование превращается в сплошную борьбу с препятствиями», – сокрушался Троцкий.

На вопрос о том, достоверен ли был Троцкий в описаниях тех бюрократических ужасов, которые ставила перед ним цензура, ответ был дан самой военной цензурой: его статья была пропущена как болгарской, так и российской цензурой и опубликована в газете «День» [797].

Пребывание Троцкого в Болгарии сохранилось в памяти ряда ее деятелей, не принадлежавших к социалистическим кругам. Почти через 30 лет в софийских газетах появились воспоминания о встречах с ним, написанные болгарским журналистом и издателем Костой Списаревским, в то время редактором газеты «България», которого познакомил с Троцким македонский политический деятель Борис Симидов [798]. «Среднего роста, с крепкой мускулатурой, крупной головой и открытым широким лицом, черной разбросанной грудой волос, с маленькой черной бородкой и золоченым пенсне... внешность его привлекала, не отталкивала» – таким запомнился Троцкий Списаревскому. В отличие от других русских корреспондентов Троцкий не пил ракию (болгарскую виноградную водку), а предпочитал чай, который «хлебал с утра до вечера» [799]. О болгарской «политической действительности он был плохого мнения. Он не мог представить себе, как в крестьянской стране с примитивной экономикой, с ограниченными возможностями хозяйственного развития смогли возникнуть целых пятнадцать политических партий» [800]. Списаревский полагал, что Троцкий собирался написать книгу о политической жизни Болгарии и о воздействии Российской и Австро Венгерской монархий на жизнь страны. Возможно, Списаревский был прав, но дальнейшие события не дали Троцкому возможности реализовать этот план.

С конца ноября 1912 до лета 1913 г. Троцкий находился в основном в Румынии, подчас выезжая в Вену, где оставалась его семья. В Бухаресте он снова встретился и еще более сблизился с Раковским. Уделяя на этом этапе значительно большее внимание ситуации в Румынии, Троцкий продолжал держать болгарские события в центре своего внимания, тем более что даже после подписания Лондонского мирного договора 17 (30) мая 1913 г. болгарский национально территориальный вопрос так и не был решен. Предписание договора о разделе между союзниками Македонии и Фракии оказалось для них неразрешимой задачей. Более того, великие державы потребовали, чтобы Болгария отдала Румынии чисто болгарский город Силистру с прилегавшими районами.

На фоне этих внешнеполитических событий неожиданно возник вполне внутрироссийский панславистский сюжет: революционная партия кадетов и ее лидер П.Н. Милюков настоятельно призвали правительство по возможности мирно, но в случае необходимости и военным путем добиваться получения Константинополя и Черноморских проливов. По этому вопросу Антид Ото выступал в «Киевской мысли», а Троцкий – в «Луче» [801]. Вступление в прямой спор с Милюковым было со стороны Троцкого смелым актом. Милюков к этому времени был хорошо известен не только как политический деятель и талантливый журналист, но и как известный историк, занимавшийся, в частности, проблемами Балкан [802]. Имея в виду состоявшуюся в 1912 г. поездку Милюкова на полуостров, его посещение нескольких районов, захваченных союзными войсками, Троцкий задавал кадетскому руководителю неудобные для того вопросы, в частности касающиеся насильственных действий союзных армий над турками, которые замалчивала газета Милюкова «Руль». Эти задиристые вопросы носили явно риторический характер. «Не похожи ли при этих обстоятельствах Ваши протесты против турецких жестокостей, которых я совсем не собираюсь отрицать, на отвратительное фарисейство, вытекающее, надо думать, не из отвлеченных начал культуры и гуманности, а из больших расчетов империалистической корысти?» – осмелев (в отношении цензуры), писал Троцкий, нарочито и не вполне справедливо заостряя в полемике стрелы, направленные против сокрытия «каиновой работы дальнейшего истребления людей полумесяца [турок] в интересах «культуры» креста». Милюков ответил. Он брал Болгарию под свою безусловную защиту. Особо острой была его статья, в которой он, не вступая в прямую полемику с Троцким, но явно имея в виду именно его публикации, утверждал, что болгарские офицеры прилагали все силы для соблюдения норм ведения войны [803], хотя и отмечал «не гуманное поведение» сербских и болгарских военных [804].

В полемику включились и другие печатные органы. Известный журналист М.А. Осоргин (Ильин) сообщил в «Вестнике Европы» о болгарском генерале, который распорядился «устранять» пленных, если они будут мешать передвижению. Его имени Осоргин не называл. Троцкий разъяснил, что речь шла о знаменитом Радко Димитриеве, которого Василий Немирович Данченко возвел в «болгарские Наполеоны». Троцкий поучал Милюкова и других российских политиков и журналистов, которые во имя низвержения турецкого владычества над славянами предпочитали не акцентировать внимания на

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

жестокостях самих болгар, хотя отлично об этом знали. Прогрессивность болгарского дела была для Троцкого безусловной, но он тыкал в нос Милюкову и другим либералам славянофилам, что «совсем не безразлично, какими путями это освобождение совершается».

Весной и летом 1913 г. в корреспонденциях Троцкого на первый план выдвинулись противоречия между союзниками, которые привели ко 2 й Балканской, или Межсоюзнической, войне. Сербия и Греция в мае 1913 г. заключили против Болгарии тайный договор, к которому примкнула Черногория. Он предусматривал раздел Македонии между Грецией и Сербией. Фактически антиболгарский союз поддержала Румыния, которая претендовала на Южную Добруджу. С востока Болгарии вновь угрожала Османская империя, стремившаяся возратить себе только что утраченные территории. Попытки России умерить аппетиты бывших союзников Болгарии не увенчались успехом, тем более что сама Россия не отказывалась от своих геополитических целей. В середине июня вспыхнула новая война, продолжавшаяся полтора месяца и завершившаяся полным поражением Болгарии. 28 июля (10 августа) был подписан Бухарестский мирный договор. Болгария потеряла Южную Добруджу в пользу Румынии, почти вся Македония (кроме небольшого Пиринского края) досталась Сербии и Греции. В этих условиях Троцкий, пребывая в Бухаресте и Вене, пытался дать собственный анализ событий, их причин и последствий. Его воззрения начали претерпевать все большую эволюцию от общедемократических оценок в сторону родной ему социал демократической ориентации. Эта динамика вполне четко прослеживается в его статьях весны, лета и осени 1913 г.

Зловещие сигналы тревоги прозвучали в статье «Их работа» [805], содержание которой выходило далеко за пределы балканских событий, хотя именно они составляли фактический фундамент статьи. Троцкий предсказывал вполне реальную возможность возникновения новой войны на Балканах: «И нет ничего невероятного в том, что окончание войны союзников с турками будет началом войны болгар с греками или сербами за деление добычи. Шестая балканская «держава», Румыния, не принимавшая участия в войне, ощущает, однако, большую потребность в присвоении того, что плохо лежит, и предъявила, как известно, Болгарии свой счет за «невмешательство». И пока еще неизвестно, чем будут подписываться обе стороны на счете: простыми чернилами или опять таки кровью».

Балканские события, полагал Троцкий, вышибли из равновесия все страны Европы, которая превращена теперь в «сплошной военный лагерь». Вывод о неизбежности европейской войны не был еще сделан, но факты «бешеного роста милитаризма» и «сказочных барышей... лавочников, торгующих броненосцами, пушками, ружьями и порохом» были для него очевидными. Имея в виду позицию социал демократов крупных европейских стран, Троцкий, однако, еще не выступал за радикальные действия, а говорил пока что о «просветительной работе». В том же духе им было написано то ли по согласованию с социал демократическими депутатами 4 й Государственной думы, то ли по собственной инициативе письмо от их имени, адресованное социал демократической фракции австрийского рейхсрата и Правлению венгерской социал демократии [806].

Продолжением и обобщением всего балкано болгарского цикла была группа статей, посвященная итогам Межсоюзнической войны, – «Организаторы катастрофы», «Голяма поука» («Большой урок» – статья была названа по болгарски), «Кризис Болгарии» [807]. В отличие от ряда предыдущих материалов, часто кратких и затрагивавших конкретные вопросы, эта группа статей, каждая из которых была значительной по объему, носила итоговый, ретроспективный характер, давала задним числом весьма негативные оценки истеблишменту Балканских стран, в частности Болгарии. Причины катастрофы Болгарии Троцкий видел в межпартийных склоках, конфликтах лидеров партий с царем Фердинандом, эгоистичности и стремлении лидеров нажиться на страданиях народа. «Мы привыкли думать, будто правящие [круги] знают какое то особое искусство управления, расчета и предвидения, – и когда оказывается, что наверху царят безоглядное легкомыслие и самоуверенная глупость, бывают всегда поражены», – не без основания утверждал Антид Ото.

Автор считал основным уроком того, что произошло, предостережение от вмешательства великих держав, в частности России. В то же время Троцкий был целиком на стороне Болгарии в ее конфликте с Румынией, который завершился «жестоким издевательством» – отторжением чисто болгарской территории. Болгарские солдаты, призванные в армию в Южной Добрудже, вынуждены были возвращаться из армии, с полей сражений, формально к себе на родину, но фактически уже в другую страну...

Пребывая в Бухаресте, Троцкий, склонный к историко культурному анализу, естественно, сопоставлял болгар и румын. Параллели в его публикациях возникли уже вскоре после прибытия в Бухарест [808]. Любопытны были бытовые и психологические зарисовки. Троцкий полагал, что болгары весьма экономны, что у них нет традиций роскоши и мотовства, ибо их страна – крестьянская, проходившая

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

лишь «скарედную стадию первоначального накопления». В Румынии ситуация выглядела иначе: хотя крестьянство там было еще беднее и индустрия только зарождалась, городская жизнь на центральных улицах создавала впечатление роскоши и мотовства. Автор связывал это с традицией боярской культуры, склонной к показному расточительству и транжирству, пусть за счет постоянно растущих долгов. Сравнения, однако, шли намного дальше, приходя в соответствие с жесткими марксистскими социально экономическими структурами. Тогда как Болгария и Сербия вышли из под османского господства «примитивными крестьянскими демократиями», в них не было пережитков крепостничества, пережитков сословной системы, Румыния, по мнению автора, сохраняла в деревне «чисто феодальные отношения». В этом, касательно Румынии, у Троцкого было сильное преувеличение: на самом деле в румынскую деревню проник капитализм, сельское хозяйство перестраивалось на базе рыночных отношений, крестьянская зависимость от крупных собственников приобретала новые, капиталистические формы. Что же касается Болгарии, то здесь социально экономическая структура была именно такой, какой ее представлял Троцкий. Его знакомство с Болгарией было намного более глубоким, нежели с Румынией.

Троцкий находился в Бухаресте как раз в то время, когда был подписан Бухарестский мирный договор. Этому документу, его предпосылкам, содержанию, предпологаемым последствиям и значению он посвятил большую статью [809]. Собственно говоря, она готовилась накануне подписания договора, но с его проектом наблюдатели были уже знакомы и, как указывал Троцкий, «в том, что мир будет подписан, никто не сомневался». Именно так и произошло. Опираясь на суждения политических наблюдателей в Румынии и других Балканских странах, а также дипломатических и иных экспертов в столицах крупных европейских государств, Троцкий высказывал вполне обоснованное и очень скоро подтвердившееся мнение, что договор не сможет обеспечить мир на Балканах, что он не решил ни одного из коренных вопросов балканского развития и состоит из недомолвок, что «восточный вопрос страшной язвой горит и гноится на теле капиталистической Европы».

При ретроспективном анализе Балканских войн Троцкий уделил определенное внимание геополитическим вопросам, что было несколько необычно для марксистского журналиста, пусть и сотрудничавшего в либеральной прессе. Правда, сам термин «геополитика» не употреблялся, и Троцкий вряд ли знал его [810]. Но геополитический подход явно присутствовал в некоторых его работах. Например, положение Румынии непосредственно после Межсоюзнической войны он оценивал следующим образом: «Румыния зажата между Россией и Австро Венгрией, что не позволяет ей вести наступательную политику... Пограничная Добруджа всегда будет поддерживать Болгарию в случае войны» [811].

В специальной статье Троцкий рассматривал характер румыно болгарских отношений после заключения Бухарестского мира [812]. Впрочем, это была не самостоятельная статья, а подробно комментируемое изложение брошюры одного из руководителей румынских социалистов Константина Доброджану Геря [813] «Румыно болгарский конфликт». Брошюра вышла в Силистре на румынском языке, которым, как видим, Троцкий овладел настолько, чтобы быстро прочитать ее текст и сделать необходимые ему переводы. Впрочем, Троцкому мог помогать в этом деле Раковский.

Любопытно, что Доброджану Геря был представлен читателям не как политический деятель, а как «виднейший румынский писатель» (на самом деле с художественной литературой он был связан слабо, подчас выступая с политизированными критическими статьями и рецензиями, а также работами по эстетике). Троцкий тем самым продолжал демонстрировать редакции «Киевской мысли» свою партийную неангажированность, журналистскую объективность и уж, во всяком случае, журналистскую осторожность. Но в то же время Троцкий неоднократно упоминал о том фактическом предательстве, которое высшие круги России совершили по отношению к Болгарии, став на сторону Сербии по соображениям высокой общеевропейской политики в тот период, когда назревала, а затем произошла Межсоюзническая война. Позиция и оценки Троцкого оказались намного ближе к действительности, нежели взгляды русских славянофилов, группировавшихся вокруг Милюкова.

Раковский стал главным героем статьи, посвященной румынскому социалистическому движению [814]. Это был первый опыт Троцкого в передаче биографии Раковского. Позже к жизни и деятельности этой личности Троцкий будет возвращаться неоднократно. Пока же, отмечая, что толчок румынскому социал демократическому движению дала революция 1905 г. в России, Троцкий писал, что незадолго до этого времени Раковский начал свою деятельность в Румынии и почти сразу же оказался во главе социалистической партии в силу своих личных политических и организационных качеств.

Иной характер носил обширный очерк «Поездка в Добруджу», написанный под влиянием общения с Раковским, по приглашению которого и была совершена эта поездка в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. живописный добруджанский город [815] . Из Бухареста в Констанцу Троцкий и Раковский ехали вместе поездом. На железнодорожной станции их встречал кучер из имени Раковского, в прошлом матрос броненосца «Потемкин» Козленко. Очевидно, в связи с тем, что Раковский – видный социалистический лидер – был владельцем крупного сельскохозяйственного имения да еще имел в качестве слуги бывшего «революционного моряка», Троцкий не называл героя своей статьи по имени. Из деликатной ситуации автор вышел просто, сказав только, что Козленко служил кучером «в имении матери моего приятеля, болгарского врача, с которым мы вместе совершали путешествие», хотя добруджанское имение было собственностью самого Раковского, полученной им по наследству. Очерк содержал живое описание жилья Раковского возле города Мангалия: «Старый уездный дом, низкие двери, низкие потолки». Отмечалось, что в доме хранится единственный в своем роде архив по истории борьбы болгарского народа за национальную независимость. Если иметь в виду черты характера Троцкого, которые складывались с юных лет, – эгоцентризм, высокомерное отношение к окружающим, трудный и почти невозможный процесс личного сближения с другими людьми, стремление всегда и во всех делах быть первым и демонстрировать это окружающим, просто поражает то чувство глубокого уважения и братской любви, можно сказать, даже почтения и почти восхищения, которое он испытывал по отношению к Раковскому. Вот лишь одно из описаний совместной прогулки по улице в Мангалии: «Мы проходим со своим другом и чичероне вдоль всей улицы, и я с почти мистическим удивлением гляжу, как он орудует в этом этническом и лингвистическом хаосе. Он поворачивает голову направо, налево, раскланивается, перебрасывается словами с одним столом, с другим, заглядывает в магазины, наводит хозяйственные справки, ведет мимоходом политическую агитацию, собирает сведения для газетных статей, и все это на полдюжине языков. В течение часа он без затруднений переходит десятки раз с румынского языка на болгарский, на русский, немецкий, турецкий – с приезжими колонистами и французский – с нотаблями».

Образ Раковского стал завершением цикла балканских наблюдений Троцкого. Столь тесных связей с Балканами у него уже не будет, хотя разного рода контакты еще возникнут. Но на протяжении следующей более чем четверти века дружба с Раковским и совместное участие в политической деятельности будут важнейшей нитью связей Троцкого с Балканами. В предисловии к книге своих статей 1913 г., в которую было включено обширное письмо Раковского, Троцкий отметит: «Я должен указать, что в этой книге моему старому другу Х.Г. Раковскому принадлежит не только заключительное письмо. Большая часть глав книги писалась мною в Бухаресте или Добрудже при самом непосредственном участии Раковского, с которым вряд ли кто может сравниться в отношении знакомства со всеми особенностями политического развития стран Балканского полуострова. Исторической судьбе было уготовано, чтобы Раковский, болгарин по происхождению, француз и русский по общему политическому воспитанию, румынский гражданин по паспорту, неоднократно изгонявшийся из Румынии за свою непримиримую революционную деятельность, оказался главой правительства в Советской Украине, с которой у Румынии близкое соседство и неутешительные отношения» [816] .

Корреспонденции Троцкого о Балканских войнах рассматривались в Болгарии того времени в качестве одного из немаловажных источников информации о том, как происходили события в действительности. В выпущенный уже в 1913 г. сборник материалов зарубежных журналистов о событиях 1 й Балканской войны были включены и выдержки из некоторых статей Троцкого [817] . По многим, но далеко не по всем вопросам позиция Троцкого в отношении Балканских войн была близка к оценкам болгарских «тесных» социалистов. Подобно Христо Кабакчиеву, Троцкий рассматривал 1 ю Балканскую войну как проявление стремления болгарского народа к достижению полной государственной самостоятельности в национальных исторических границах. В то же время, в отличие от Кабакчиева и других «тесняков», Троцкий не придерживался мнения о стремлении Болгарии к достижению гегемонии на Балканах и не акцентировал основного внимания на балканской федерации как средстве достижения социализма [818] . Его взгляды на балканские события были относительно объективными, не имели сугубой партийной предвзятости, хотя их отличала некая смесь социалистических и либерально демократических воззрений. В период пребывания на Балканах в качестве корреспондента российских либеральных газет это в какой то степени объяснялось необходимостью соответствовать позиции издателей. Но Троцкий не писал по политическому заказу вопреки собственному, пусть часто менявшемуся мнению. Это подтверждается тем, что он проявлял значительную степень умеренности и в тех случаях, когда выступал не в качестве журналиста, а как социалистический политический деятель, представитель 2 го Интернационала, ведущего борьбу за единство международной социал демократии, в том числе и на Балканах.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. Сотрудничество с «Киевской мыслью» продолжалось и после балканской командировки вплоть до начала мировой войны, правда значительно менее интенсивно. Последняя предвоенная статья Троцкого в этой газете была опубликована 19 июня 1914 г. Затем сотрудничество возобновилось в военные годы, но уже на иной основе. Статьи Троцкого о событиях, связанных с Балканскими войнами, стали значительным первичным вкладом в изучение современной истории Болгарии и других Балканских стран, их места в Балканских войнах, их взаимоотношений и отношений с великими европейскими державами. Вместе с тем, по выражению британского историка Я. Тэтчера, они стали «классикой антивоенного журнализма» [819] .

Глава 10 В годы мировой войны [820]

1. Формирование позиции. Циммервальдское движение

Начавшаяся 1 августа 1914 г. мировая война поставила перед социалистами всех направлений сложнейшие вопросы: каковы были причины начавшейся бойни; как следует относиться к ней социал демократам; следует ли занимать патриотические или интернационалистские позиции и вообще – возможно ли совместить патриотизм с интернационализмом; какую позицию необходимо занять по отношению к правительству своей страны, вовлеченному в войну с внешним врагом; допустимо ли продолжать классовые выступления во время войны, и если это возможно, то в каких формах; каковы пути выхода из войны.

Все эти вопросы встали перед Троцким в точно такой же степени, как и перед социал демократами всех воюющих и в определенной степени нейтральных стран. Но Троцкий, почти десятилетие ведший борьбу за объединение социалистического движения, оказался в особо трудном положении. Он очень болезненно воспринимал то глубочайшее размежевание в рядах социалистов, которое последовало за началом войны и которое было в значительной мере результатом национальных патриотических настроений, распространившихся в массах.

Одним из первых это ощутил на себе младший сын Троцкого Сережа, которому было шесть с половиной лет и который только научился читать по немецки. Выйдя во двор в день начала войны, ребенок увидел надпись крупными буквами: «Alle Serben müssen sterben!» («Все сербы должны умереть!») В ответ на эту странную надпись мальчик воскликнул: «Noch Serben!» («Да здравствуют сербы!») «Он вернулся домой с синяками и с опытом международной политики», – не без чувства гордости писал его отец через 15 лет [821] .

«Опыт международной политики» приобретал не только ребенок, но и его родители. Троцкий вспоминал: «Я бродил по центральным улицам столь знакомой мне Вены и наблюдал эту совершенно необычную для шикарного Ринга [главная улица австрийской столицы] толпу, в которой пробудились надежды... Война захватывает всех, и, следовательно, угнетенные, обманутые жизнью чувствуют себя как бы на равной ноге с богатыми и сильными... Недаром же война часто является в истории матерью революции» [822] . Одурманенная патриотическими лозунгами толпа превратилась под пером Троцкого в революционную массу.

3 августа, после объявления Германией войны России, Троцкий совместно с одним из австрийских социал демократических лидеров Виктором Адлером отправился к начальнику политической полиции Австрии Гайеру, чтобы выяснить положение, в котором теперь оказались политические эмигранты из России. Разумеется, они были врагами царского правительства, то есть врагами врагов Австро Венгрии, и им, казалось бы, не должно было ничего угрожать. Но в то же время это были подданные враждебного государства, и, как таковые, они вполне могли оказаться под молотом бездумной бюрократической репрессивной машины, тем более что в условиях войны с каждым часом усиливался истерический поиск шпионов.

Так и оказалось. Гайер высказал предположение (фактически раскрыв принятое уже решение), что уже на следующий день может появиться приказ об аресте всех русских и сербов. На сообщение Троцкого, что в этом случае он завтра же уедет с семьей в Швейцарию, полицейский начальник порекомендовал сделать это по возможности сегодня. Через три часа Лев, Наталья и оба сына находились в поезде, отправлявшемся в Цюрих [823] .

Троцкий был искренне потрясен энтузиазмом толп в столицах воюющих государств. Но уже через несколько дней после того, как вспыхнула всемирная бойня, произошло событие не менее важное: социал демократические партии Германии и Франции объявили о том, что их страны ведут «справедливую» войну, и в национальных парламентах проголосовали за предоставление своим правительствам военных кредитов. Вера в то, что социал демократы европейских стран проголосуют против предоставления для этой войны кредитов и таким образом остановят кровопролитие, оказалась еще одной социалистической утопией.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

В Цюрихе Троцкий стал вести дневник, который до нас дошел только в виде выдержек в его воспоминаниях и текстах, опубликованных в 1922 г. [824] Если судить по приводимым в мемуарах специально отобранном записям, главным выводом, сделанным Троцким в то время, был тот, что произошло полное крушение 2 го Интернационала. 11 августа в дневник было записано: «Только пробуждение революционного социалистического движения, которое должно будет сразу принять крайне бурные формы, заложит фундамент нового Интернационала. Грядущие годы будут эпохой социальной революции» [825]. Таким образом, Троцкий приблизился к позиции Ленина, который вскоре после начала мировой войны жестко сформулировал лозунги большевиков: отказ от поддержки своих правительств в империалистической войне; поражение своих правительств в войне; превращение империалистической войны в войну гражданскую; право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования независимого государства; создание нового Интернационала, свободного от оппортунизма и социал шовинизма.

Отчасти это были экстремистские и в значительной мере демагогические, популистские позиции, которые Ленин не собирался проводить в жизнь (в частности, требование самоопределения), отчасти просто граничившие с государственной изменой (особенно лозунг поражения своего правительства в войне). Троцкий не разделял этого требования, так же как и превращения «империалистической войны в гражданскую», и требования полного национального самоопределения, полагая, что такое может привести к необратимым и совершенно неожиданным отрицательным последствиям, например к кровопролитным столкновениям между нациями (что действительно и происходило не раз на протяжении XX – начала XXI в.). Его надежды на социальную революцию носили значительно более абстрактный характер. Он стоял на той позиции, что войну необходимо завершить как можно скорее демократическим миром, который, в свою очередь, будет способствовать развязыванию революции.

Так или иначе, Троцкий сразу же присоединился к тем группам международного социалистического движения, которые стали называть интернационалистами, в противоположность патриотически настроенным социал демократам, которых Ленин презрительно именовал социал шовинистами. Троцкий, правда, был пока весьма далек от тех ярлыков, которые Ленин без устали навешивал на деятелей 2 го Интернационала. После одного из докладов Ленина в Цюрихе Троцкий взял слово для того, чтобы выразить возмущение определением «предатель», которое Ленин употребил по отношению к глубоко почитаемому в широких социалистических кругах германскому патриарху социал демократии Карлу Каутскому [826].

В Цюрихе Троцкий включился в рабочий союз *Eintracht* («Согласие»). По предложению правления этого союза, в котором руководящую роль играли центристы, Троцкий подготовил в начале сентября тезисы о войне и социал патриотизме. По мотивам этих тезисов он прочитал доклад на собрании организации. «Это был едва ли не первый с начала войны интернационалистический документ от лица рабочей организации» [827]. Под влиянием позиции Троцкого общество «*Eintracht*» 7 октября утвердило текст, в котором разъясняло свою позицию по отношению к войне: резко осуждался, хотя и без открыто ругательных выражений, социал патриотизм, война объявлялась агрессивной с обеих сторон, провозглашался отказ от контрибуций и отторжения чужих территорий, а в неопределенной перспективе – самоопределение наций и формирование Соединенных Штатов Европы [828].

Материалы дневника и тезисы, подготовленные для собрания швейцарских социалистов, были тем толчком, который будил Троцкого приступить к подготовке значительно более подробного и обоснованного, с его точки зрения, документа, посвященного современному политическому положению. Он назвал свою брошюру «Война и Интернационал». Именно во время подготовки этой работы Троцкий ближе познакомился с польско германским социалистом Карлом Радеком [829], с которым у него ранее было лишь шапочное знакомство. Во время войны Радек, стоявший на крайне левом фланге германской социал демократии, переехал в Швейцарию, и Троцкий надеялся найти в нем единомышленника. Радек, однако, его в тот момент разочаровал: он считал, что капиталистический мир не готов к социалистической революции, и выступал с обоснованием этого на многих собраниях в городах альпийской республики. Под влиянием выступлений Радека и бесед с ним Троцкий написал к своей брошюре предисловие, в котором с особой силой подчеркивал, что вспыхнувшая война являлась естественным проявлением взрыва производительных сил против сковывавших их капиталистических отношений и существовавших традиционных границ между государствами [830].

С переводом книжки Троцкого, написанной на русском языке, на немецкий вышла вначале некоторая неувязка. Перевод сделал некий русский эмигрант, не владевший в совершенстве немецким. Тогда за редактирование взялся цюрихский профессор Леонард Рагац, человек, сочетавший социалистические симпатии с глубокой религиозностью. Хотя между ними не возникло душевного общения, Троцкий с

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

глубоким уважением относился к этому мастеру слова и прекрасному оратору, который умудрялся «одновременно признавать Дарвина и Троицу» [831]. Брошюра вышла на хорошем немецком языке [832]. Она получила распространение в Австро-Венгрии и Германии. Дело дошло даже до того, что какой-то немецкий суд заочно приговорил Троцкого за эту брошюру к заключению. Начав работу с балканского вопроса, в частности событий, связанных с «сараевским убийством» наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, что явилось поводом для объявления войны Австро-Венгрии Сербии, Троцкий напоминал, что Бухарестский мир 1913 г. не разрешил ни национальных, ни интернациональных проблем, а только усилил неразбериху и недовольство всех стран Европы. Троцкий стремился доказать, что возникновение войны было связано не с освободительными мотивами или интересами обороны, а вытекало из империалистического соперничества и конкуренции великих держав. Особенно едко Троцкий высмеивал заявления германских социал-демократов, что их страна ведет войну за освобождение против русского деспотизма. Наоборот, убеждал он, существование царизма укрепляет монархию Гогенцоллернов и олигархию прусских юнкеров. Реальными целями германских военных были экономические конкуренты – Франция и Великобритания. Троцкий стремился развить и обогатить применительно к новым условиям концепцию перманентной революции. Он писал, что развитие капитализма превратило мировую экономику в единую грандиозную хозяйственную мастерскую. Последняя требовала соответствующей политической структуры, которую капиталистический мир по своей природе был не способен создать путем мирной, организованной кооперации. Отсюда вытекала, по его мнению, борьба за то, какая держава обеспечит себе гегемонистские позиции в мировой экономике и политике. Такое решение, однако, не было под силу ни одной из воюющих держав обоих блоков. Всемирная социальная и экономическая организация должна была «восстать» против существующей варварской дезорганизации и военного хаоса. В результате на повестку дня становились пролетарская революция и социализм в международном масштабе. Из всего сказанного вытекала резкая критика позиций той основной части западноевропейской социал-демократии, которая оказала поддержку правительствам в их военных усилиях [833].

Леонард Рагац не был единственным человеком, с которым у Троцкого установилось в Цюрихе личное и политическое общение. Другими его новыми собеседниками, диспутантами и отчасти единомышленниками стали Фриц Брупбахер, анархист, позже перешедший на коммунистические позиции, и Вилли Мюнценберг, германский социалист, проживавший в это время в Швейцарии (после войны он не только станет коммунистом, но и возглавит коммунистический интернационал молодежи, а затем «Международную рабочую помощь» – коммерческую организацию, которая официально ставила своей целью оказание помощи рабочим во время экономических выступлений, стихийных бедствий и т. п., но на деле служила удобным каналом финансирования советским правительством зарубежных компартий). Брупбахер писал через много лет: «С приездом Троцкого в Цюрих в рабочем движении возродилась жизнь, по крайней мере в одном ее секторе» [834], крайне левом. В ноябре 1914 г. Троцкий принял новое предложение редакции газеты «Киевская мысль» – стать ее военным корреспондентом, на этот раз во Франции. Троцкий переехал во Францию 19 ноября. Семья вначале жила в небольшом городе Севр, недалеко от французской столицы, а затем переехала в Париж, где поселился Троцкий. Он снова стал регулярно публиковаться в «Киевской мысли» за подписью Антид Ото, получая столь необходимые ему небольшие гонорары. Франция оставалась союзной страной, и почтово-телеграфная связь с Россией не была нарушена. Первую заметку для «Киевской мысли» Троцкий написал уже в вагоне поезда по дороге в Париж – о мучениях раненых солдат, о женщинах в трауре [835]. Опубликована она не была, скорее всего просто не дошла до адресатов. Первый опубликованный материал был посвящен французскому генералу Жоффру [836]. Поразительно, но это не была статья в антимилиитаристском духе, свойственном Троцкому. «Жоффру верят, Жоффра любят, – писал он. – Он сделался руководителем современной армии не по праву рождения, а по праву воспитания и труда; он вращался в армии, обогащая свои познания и свой практический опыт по мере роста и усложнения военно-технического аппарата во всем его объеме». Однако со временем позиция Троцкого в «Киевской мысли» несколько изменилась. Тематика статей стала антивоенной, но, так сказать, осторожно антивоенной – приходилось учитывать и либеральный характер газеты, и существование двух цензур: французской и русской. В одной из корреспонденций рассказывалось, как в условиях войны идет ревностная борьба за соблюдение «добропорядочных нравов» во французской столице (когда один из театральных критиков осмелился написать, что парижане ходят в театры, чтобы отвлечься от войны, на него обрушились другие печатные органы, и он был вынужден публично оправдываться) [837]. Троцкий сообщал, что Париж постепенно превращался в военный город – на улицах

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. появились раненые, которых становилось все больше. Вначале их приветствовали и стремились оказать им услуги, затем перестали замечать. Над городом стали пролетать германские самолеты, еще чаще жители видели самолеты союзников, несущие «воздушную сторожевую службу по охране затихшего и потемневшего Парижа» [838]. Он осторожно описывал, как падал жизненный уровень французов, и столь же осторожно подвергал критике участие социалистов в правительстве страны. Антид Ото давал убийственную характеристику французских монархистов, в частности Леона Доде – сына знаменитого писателя Альфонса Доде, автора «Тартарена из Тараскона». Тут он мог не опасаться – республиканские власти относились к монархистам сугубо отрицательно, хотя в соответствии с демократическими процедурами терпели их антиконституционные выпады [839].

Внешне в форме беспристрастного репортажа «Русские гости во Франции» автор рассказывал о визите лидера кадетов Милюкова и других думских деятелей, которые заостряли внимание на необходимости передачи России Черноморских проливов. Речи Милюкова, констатировал Троцкий, шокировали французских политиков и журналистов, хотя они и писали о визите русских парламентариев очень мало [840].

Репортерский характер носили и статьи о Ницце и княжестве Монако, написанные без каких либо политических амбиций, явно просто для заработка [841]. Иногда Антид Ото затрагивал более острые вопросы, например цензурный режим. Но вновь, как это было однажды в Болгарии, его статья «Есть еще цензура в Париже» прошла без проблем эти самые двойные цензурные рогадки. В ней ехидно рассказывалось, что власти говорят об отсутствии цензуры во Франции [842]. И все же Троцкий никак не мог удержать своих теплых чувств по отношению к этому городу, что ярко видно по его статье 1916 г., которая так и осталась неопубликованной, ибо ее автор был депортирован из Франции. О площади Звезды он писал: «Могучая звезда Парижа, откуда 12 улиц расходятся радиусами из центра. Это одно из главных средоточий великого города. Волны его жизни приливают и отливают по этим двенадцати каналам. Если площадь Согласия на языке городской архитектуры выражает красоту простора, то Place d'Étoile раскрывает гармонию в хаосе движения» [843].

Через некоторое время основное внимание Льва Давидовича было сосредоточено не на киевской газете, а на сотрудничестве в выходившем во Франции русскоязычном социал демократическом печатном органе «Слово» (вскоре эта газета была переименована в «Наш голос»). При этом в первую очередь Троцкого занимала все та же проблема, которую он стремился выработать в своей швейцарской брошюре: задачи социал демократических партий в условиях войны. В своих выступлениях Троцкий занимал все более энергичную антивоенную позицию. Однако он по прежнему был весьма далек от экстремистских призывов Ленина к «превращению империалистической войны в войну гражданскую». Выход из войны Троцкий видел в заключении демократического мира без аннексий и контрибуций под давлением организованного рабочего движения, все более ориентировавшегося на социальную революцию.

Летом 1915 г. в кругах большевистских эмигрантов произошла небольшая ссора в связи с тем, что без ведома Ленина, вопреки позиции его и Зиновьева, Г.Л. Пятаков [844] и Е.Б. Бош [845] послали Троцкому приглашение принять участие в проектируемом ими журнале «Коммунист», попытка выпуска которого была предпринята в августе 1915 г. в Женеве (вышел всего один сдвоенный номер, а затем изданы были еще два номера под более спокойным наименованием «Сборник «Социал демократа»). В ответ Троцкий опубликовал в газете «Наш голос» открытое письмо с обоснованным отказом и осторожной критикой большевистских позиций по отношению к войне [846]. По этому поводу Ленин выговаривал своим единомышленникам, что они не были «архисторожными» в приглашении авторов, а в ответе Троцкому требовал выкинуть место о «голосах» внутри редакции «Коммуниста», то есть о внутренних разногласиях в большевистской среде. В частности, Ленин не хотел упоминания о том, что он и Зиновьев «голосовали против Троцкого» [847].

Тем временем в конце 1914 – первой половине 1915 г. в антивоенно настроенных социалистических кругах стран Антанты стала вызревать мысль о необходимости созыва международной конференции, которая сплотила бы социалистов и способствовала бы возрождению фактически распавшегося Интернационала на позициях противодействия войне. Инициатива принадлежала швейцарским и итальянским социалистам, прежде всего лидеру швейцарской партии и редактору ее печатного органа умеренному социалисту Роберту Гримму [848]. В подготовительных мероприятиях участвовали и российские эмигранты. 17 декабря 1914 г. Мартов писал Аксельроду по поводу намечавшегося предварительного совещания: «Встретился с Гриммом. Ничего нового он мне не сообщил, но условился, что приехать надо будет в середине января, и передал мне и Троц[кому], так сказать, полномочия выбрать французов, которых можно будет пригласить. Относительно россиян придется условиться Вам с ним: мы пока говорили о Троцком, Ленине, Вас и мне» [849]. В новом письме Аксельроду от 21 января 1915 г. Мартов сообщил, что говорил с Троцким, которому предложил попытаться получить мандаты от Организационного

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. комитета Августовского блока для него самого, Мартова и Аксельрода на основе платформы, включавшей агитацию в пользу мира, против «национальных блоков» и за продолжение борьбы против царского режима в России. Платформу Троцкий одобрил, но иметь мандат от Оргкомитета отказался, так как, по его словам, уже порвал с Августовским блоком [850]. В предварительном совещании Троцкий не участвовал, но, когда летом 1915 г. в Париж прибыл Оддино Моргари, итальянский депутат социалист, Троцкий вместе с Моргари участвовал в совещании французских социалистов, которое через много лет злобно высмеивал: «Дело шло довольно гладко. Но когда Моргари трагическим шепотом заговорил о необходимости раздобыть фальшивые паспорта для поездки в Швейцарию... у господ депутатов вытянулись лица, и один из них, не помню, кто именно, поспешно позвал гарсона и второпях заплатил за весь кофе, потребленный совещанием». Троцкий продолжил, что фальшивые паспорта не понадобились, так как правительство, еще не освободившееся от довоенных нравов, выдало законные [851].

Международная антивоенная социалистическая конференция, непосредственным организатором которой был швейцарский социал демократический лидер Роберт Гримм, состоялась 5 – 8 сентября в небольшом поселке Циммервальд, в Альпийских горах, примерно в 10 километрах от Берна. Делегатов было немного. Они довольно горько шутили по поводу того, что полвека спустя после основания 1 го Интернационала прогресс социалистического движения привел к незавидному результату: «оказалось возможным всех интернационалистов усадить на четыре повозки» [852].

В Циммервальде Троцкий вновь встретился с Раковским, который на происходившей незадолго перед этим II Балканской социал демократической конференции (Бухарест, июнь 1915 г.) стал секретарем Балканской социал демократической федерации, правда не превратившейся в сколько нибудь эффективный организационный центр [853].

В Циммервальдской конференции участвовал еще один болгарин – известный лидер «тесняков» Васил Коларов. Троцкий послал в «Киевскую мысль» небольшую статью, посвященную этим двум балканским социалистам [854]. О Раковском в ней, в частности, говорилось: «Раковский – одна из самых «интернациональных» фигур в европейском движении. Болгарин по происхождению, но румынский подданный, французский врач по образованию, но русский интеллеktуал по связям, симпатиям и литературной работе. Раковский владеет всеми балканскими языками и тремя европейскими, активно участвовал во внутренней жизни четырех социалистических партий – болгарской, русской, французской и румынской – и теперь стоит во главе последней». Цитируя резкий ответ Раковского французскому социалисту оборонцу Шарлю Дюма, Троцкий обратил внимание на то, что Раковский, как и сам Троцкий, во все большей степени поворачивал налево, в сторону активной антивоенной деятельности. Этому способствовали их разговоры в Циммервальде.

Участвовавший в конференции Ленин продолжал агрессивно и грубо отстаивать свои крайне революционные взгляды и полемизировал с большинством участников, включая Троцкого, отнюдь не стесняясь в выражениях. Накануне конференции Ленин опубликовал статью «О поражении своего правительства в империалистической войне» и брошюру «Социализм и война». Признавая, что Троцкий отвергает идею защиты отечества, Ленин продолжал атаковать своего соперника в социалистическом движении, обвиняя его в том, что он желает «совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей зарей» [855].

Речь шла о журнале меньшевиков, выходившем в Петербурге под редакцией Потресова. Требование поражения своего правительства в империалистической войне Ленин считал аксиомой, которую оспаривают только «сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал шовинистов», к которым он относил и Троцкого. При этом Ленина особенно возмущало, что Троцкий называл желание поражения России ничем не вызванной и не оправданной уступкой политике социал патриотов [856].

Большинство участников Циммервальдской конференции составляли центристки настроенные деятели, выступавшие за прекращение войны по соглашению держав. Позиция Троцкого была значительно левее. Он видел в заключении мира преддверие социальной революции. Примерно на такой же позиции стоял Раковский, который вместе с Робертом Гриммом и итальянцем Константино Лаццари был избран в состав бюро конференции [857]. Эта расстановка сил дала возможность Троцкому оказывать на ход дебатов и итоги встречи значительное влияние, тем более что в отношении непосредственных задач его мнение и позиция основной массы присутствовавших были близки, а с некоторыми почти идентичны. Это позволило выработать общий антивоенный манифест, проект которого написали Троцкий и голландская социалистка Генриетта Роланд Гольст, а затем окончательно отредактировал Троцкий [858]. Сам по себе этот факт был свидетельством все возрастающего авторитета Троцкого в международном социалистическом движении.

Ленин, однако, оставался верным себе. Он писал о Роланд Гольст другому голландскому социал демократу Давиду Вайнкопу: «Совсем как наш господин Троцкий:

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

«в принципе решительно против защиты отечества» – на практике за с фракцией Чхеидзе в русской думе» [859] . А в письме своей новой и ревностной стороннице А.М. Коллонтай [860] он был еще откровеннее по адресу уже целой группы тех, кого считал единомышленниками Троцкого: «Рональд Гольст, как и Раковский (видели его фракционную брошюру? [861] , как и Троцкий, по моему, все вреднейшие «каутскианцы»... все в разных формах прикрашивают оппортунизм» [862] . Троцкий планировал после конференции провести совещание российских делегатов, которое имело бы объединительную направленность и приняло бы «общую левую резолюцию». Узнав об этом, Ленин враждебно, но и с оттенком ревности заметил: «Интрига недурна!» Троцкий собирается «наш отказ использовать против нас» [863] . Впрочем, Троцкий не реализовал свой замысел – очень уж различными были позиции российских делегатов. Но для Ленина одних намерений Троцкого было достаточно, чтобы начать новый период его травли. Вскоре после Циммервальдской конференции, в середине сентября, Ленин писал своему стороннику А.Г. Шляпникову: «Троцкий и К° заграничных лакеев оппортунизма напрягает все усилия, чтобы «замазать» разногласия и «спасти» оппортунизм «Нашей зари» [864] . Акценты здесь были, разумеется, несколько иные, нежели в исполненных чувства ненависти статьях и письмах, направленных против Августовского блока за два года перед этим, однако крайняя личная неприязнь к Троцкому пока еще в полной мере сохранялась. Незадолго до конференции Ленин писал голландскому социалисту Герману Гортеру по поводу «оппортунистов» и примкнувшего к ним Каутского: «Главная ошибка Троцкого состоит в том, что он не нападает на эту банду» [865] . Очень любопытно, что в отношении Троцкого здесь было употреблено слово «ошибка», а не более сильное выражение, однако это письмо все таки направлялось хоть и левому, но западному деятелю, что Ленин должен был учитывать. По договоренности в Циммервальде после окончания конференции Троцкий приступил к подготовке II международной антивоенной социалистической конференции, состоявшейся в поселке Кинталь, 24 – 30 апреля 1916 г., тоже в нейтральной Швейцарии, так как это была единственная страна, где могли безопасно собираться европейские социалисты. В то же время участия в этой конференции он не принимал. Скорее всего, это явилось результатом недоразумения и самоуверенности Троцкого. Избранная в Циммервальде Интернациональная социалистическая комиссия приняла решение о приглашении в Кинталь всех участников Циммервальдской конференции, и председатель комиссии Гримм несколько раз разъяснял это [866] . Но Троцкий ожидал специального, личного приглашения, которое так и не последовало. В результате он счел себя ущемленным и в Кинталь не поехал [867] . В то же время создавалось впечатление, что циммервальдское движение постепенно переставало интересовать Троцкого. Он не видел в нем реальной силы, способной эффективно воздействовать не только на ход практического революционного движения, но даже на положение дел в социал демократических партиях и во 2 м Интернационале. И это было еще одной причиной, по которой Троцкий не появился в Кинтале. Он перестал огрызаться и на выпады Ленина, хотя последний продолжал их с не меньшей силой, подвергнув Троцкого критике еще и в национальном вопросе, который теперь, в условиях войны, рассматривался социал демократами как особенно важный, имея в виду неизбежность пересмотра границ европейских стран при любом окончании европейской бойни. «А Троцкий? – вопрошал Ильич. – Он герой за самоопределение, но и у него это пустая фраза, ибо он не требует свободы отделения наций, угнетенных «отечеством» данного национального социалиста; он молчит о лицемерии Каутского и каутскианцев» [868] . В то время как Троцкий вполне позитивно откликнулся на предложение меньшевика Ларина принять участие в легальном сборнике с пропагандой идеи Циммервальдской конференции, который предполагалось издать в Петрограде (так стала называться столица Российской империи после начала мировой войны: из за антинемецких настроений «немецкое» название Санкт Петербург было сменено на русское), Ленин аналогичное предложение Ларина отверг [869] .

2. «Борьба», «Голос» и «Наше слово»

С первой половины 1913 г. Троцкий, ранее активно сотрудничавший в газете «Луч», в частности во время пребывания на Балканах, стал все более отходить от нее, причем подчас у него возникала с редакцией острая конфронтация по самым мелким, порой надуманным поводам. Об одном из таких курьезных случаев Мартынов извещал Мартова: Троцкий жаловался, что конец его статьи был искажен. Оказалось, что после статьи были опущены слова: «Продолжение следует». Лев Давидович же написал «целый ультиматум». Мартов комментировал: «На меня эта история произвела самое прискорбное впечатление. Я впервые усомнился в личной безупречности и порядочности Троцкого... Нужно быть или нечестным или легкомысленным до бесстыдства, чтобы во имя дела единства, воплощенного в О[рганизационном]

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

К[омитете], вести кампанию против «данного состава редакции»... Каким нахальством надо обладать, чтобы после этого пытаться вновь третировать ликвидаторов, как граждан 2 го разряда, лишь терпимых в блоке!» [870]

Мартова, как видно, очень задели придирки Троцкого. Но за этим последовал новый «ультиматум» Троцкого «Лучу», в котором утверждалось, что газета отступила от «августовской линии» и стала органом «кружка ликвидаторов», и Аксельрод пришел к мнению, что Троцкий более не стремится к достижению единства. Обычно корректный и сдержанный, Мартов употреблял теперь в отношении Троцкого такие выражения, которые раньше позволял себе только Ленин: «великое свинство», «дикие выступления Троцкого»... 5 июня 1913 г., обвиняя Троцкого в дезорганизаторской деятельности, Мартов писал: «Что же касается посланий Троц[кого], то они все пронизаны удивительной мелочностью... Это так по плехановски или даже по ленински нечестно, что мне искренне жаль, что на это пошел Троцкий, к которому нам удавалось до сих пор сохранять личное уважение при всяком обострении полемики» [871] .

Взаимное раздражение достигло критической точки в середине 1913 г., когда между Троцким и «Лучом» произошел разрыв. Отказавшись от сотрудничества с газетой, которая была наиболее близкой к Августовскому блоку, Троцкий стал подумывать о создании еще более близкого к своей объединительско-центристской позиции легального журнала в Петербурге. По этому поводу Аксельрод писал Петресову: «Чует мое сердце, что готовится новая ахинея». «Ахинея» эта постепенно приобретала вполне очерченные формы. В декабре Троцкий распространил в социал-демократических кругах документ под названием «Неотложная задача. Письмо организационной группы по созданию марксистского рабочего журнала», в котором резко критиковал газету «Луч», требовал, чтобы она перешла с ликвидаторской позиции на объединительную, и предлагал начать издание популярного журнала для рабочей аудитории [872] . К изданию журнала он стремился привлечь как можно более широкий круг авторитетных лиц. В декабре он встречался по этому поводу в Лондоне с Н.С. Чхеидзе и М.И. Скобелевым [873] , которые вначале поддержали его, но по возвращении в Россию от этого плана отказались [874] .

И все же с февраля 1914 г. в Петербурге при ближайшем участии Троцкого начал выходить ежесемейный журнал «Борьба», в котором публиковались многие его статьи и другие материалы [875] . Это была первая и единственная попытка основать внутри России легальное издание, в котором Троцкий играл бы доминирующую роль, своего рода ответ на выпуск большевистской «Правды», хотя, конечно, с ежедневной газетой этот журнал равняться никак не мог. При этом «Борьбу» не следует считать журналом Троцкого [876] . Его издавала группа в составе девяти меньшевиков и двух нефракционных социал-демократов (Троцкого и Урицкого) [877] .

Журнал исходил из того, что решающая роль в российском рабочем движении постепенно будет переходить из рук интеллигенции к самим рабочим, но для этого они должны получить необходимое марксистское образование, которое вкупе с их активностью и самостоятельностью будет способствовать восстановлению единства социал-демократии. Иначе говоря, перед журналом ставились две главные задачи: знакомить пролетариев с азами марксизма и способствовать восстановлению социалистического единства. Немалая роль в реализации этих задач отводилась Интернационалу, причем в качестве самой близкой ставилась цель восстановления единства расколовшейся фракции в Государственной думе. В первом номере журнала Троцкий писал: «Необходимо, чтобы доверенные лица Интернационала свели обе части нашего расколовшегося парламентского представительства и совместно с ними рассмотрели, что их объединяет и что раскалывает... Может быть выработана детальная тактическая резолюция, формирующая основы парламентской тактики» [878] .

В журнале удалось опубликовать несколько статей по вопросам теории (в частности, об историческом материализме, об империализме, по национальному вопросу и др.), по истории классовой борьбы (среди них наиболее значительными были выступления М.Н. Покровского) и ее отражению в художественной литературе. Но главное внимание уделялось проблемам текущей политической деятельности, направленной на улучшение экономического положения рабочего класса, и особенно тактическим вопросам движения за социал-демократическое единство. Сам Троцкий посвятил несколько своих статей отношению рабочего класса к парламентаризму, роли государства в экономическом развитии общества и, разумеется, необходимости политического единства пролетариата. Эту задачу, которую редакция журнала считала для себя основной, она не реализовала и реализовать не могла и в силу того, что «Борьба» почти не получила распространения за пределами столицы, и потому, что с самого начала журнал встретил крайне враждебное к себе отношение со стороны большевиков, прежде всего Ленина.

С началом войны издание было прекращено. Сотрудничество же с «Киевской мыслью» полностью не удовлетворяло журналистским амбициям Троцкого в двух отношениях. Во

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. первый, газета находилась далеко, непосредственная связь с редакцией была невозможна. Во вторых, и это главное, свои позиции в леволиберальной газете, тем более находившейся под пристальным наблюдением российских властей, особенно в условиях войны и все более усиливавшегося цензурного контроля, приходилось выражать крайне осторожно. По этим причинам Троцкий сосредоточил внимание на сотрудничестве в выходившей в Париже русскоязычной социал демократической газете «Голос», издававшейся с 1 сентября 1914 г. на паритетных началах группой эмигрантов, стоявших на центристских и левых позициях. Главное, что их объединяло и что привлекало Троцкого, были четко выраженная антивоенная точка зрения и стремление к восстановлению социал демократического единства. Наиболее видной фигурой среди издателей «Голоса» был Мартов, новое сближение с которым произошло перед самым началом мировой войны, в середине июля 1914 г. в Брюсселе, когда оба они обратились в информационно совещательный орган 2 го Интернационала с протестом против раскольнической деятельности Ленина. Казалось, Троцкий и Мартов на время забыли или хотя бы притупили свои предыдущие острые разногласия и взаимные обвинения. Была предпринята очередная попытка добиться объединения фракций РСДРП. В состоявшемся в Брюсселе 3 (16) – 5 (18) июля 1914 г. совещании участвовали Организационный комитет меньшевиков, ЦК большевиков, плехановская группа «Едиство». Троцкий вместе с Эмилем Вандервельде и Карлом Каутским представляли Международное социалистическое бюро. Большевики по требованию Ленина от объединительных действий отказались. Был, правда, образован так называемый «третьеиюльский блок» (иронический намек на «третьеиюньский переворот» Столыпина в 1907 г.), но и он не означал какого либо реального объединения, поскольку Ленин был крайне возмущен происшедшим [879]. Сближение Троцкого с Мартовым продолжалось недолго. Если человеческие качества Мартова – его искренность в отстаивании собственной позиции, его публицистическая страстность и логика – были сродни натуре Троцкого, политическая деятельность Мартова, который не просто стремился добиться единства российской социал демократии – этого настойчиво добивался и Троцкий, – а пытался осуществить объединение на базе нереального, по мнению Троцкого, курса на нахождение некой средней линии, равнодействующей различных течений, вызвала у Троцкого резкое отторжение. Троцкий всячески пытался убедить Мартова порвать с оборонцами. «Заседания редакции превращались в длиннейшие дискуссии, во время которых Мартов с изумительной гибкостью ума, почти с каким то софистическим пронырством избегал прямого ответа на то, рвет ли он со своими оборонцами, а Троцкий наступал на него порою очень гневно», – вспоминал Луначарский. В конце концов дело дошло до «почти абсолютного» разрыва, и Мартов пришел к выводу, что с Антисоциализмом надо «держаться вечно настороже» [880]. В редакции «Голоса» нашлись и другие деятели, с которыми Троцкому несколько легче оказалось найти общий язык. Это были социал демократы, которые стояли на правом фланге большевизма или даже могли рассматриваться как полубольшевики, – А.В. Луначарский, Д.З. Мануильский [881], С.А. Дридзе (выступавший под псевдонимом А. Лозовский [882]). Все они в будущем, как и Троцкий, станут «подлинными» большевиками, однако, в отличие от Троцкого, превратятся в послушных сталинских слуг и будут изо всех сил стараться угодить новому вождю в жесточайшем преследовании его критика и соперника. Пока же они занимали близкие позиции, совместно редактируя не только газету, но и партийные прокламации [883]. Луначарский высказывал даже мнение, что «Голос» являлся в то время крупнейшим в Европе центром пропаганды интернационалистских убеждений [884]. Ближе всего из этой группы Троцкий сошелся с Луначарским. Тот проживал в Швейцарии и поддерживал связи с самыми разнообразными кругами российской социалистической эмиграции. В 1916 г. Троцкий использовал Луначарского как посредника при переговорах с газетой «День», где Троцкий сотрудничал во время Балканской войны и куда он пытался снова устроиться. «Теперь напрашиваться к ним считаю совершенно неудобным, – писал Троцкий. – Но если бы Вы в осторожной и тактичной форме, т. е. от себя лично, намекнули им, что есть, дескать, в Париже почтенный литератор, который мог бы быть им полезен, и что, если они согласны, Вы де берете на себя задачу запросить меня – за такую Вашу инициативу я был бы Вам только благодарен и даже могу гарантировать комиссию в размере бутылки красного вина при ближайшей встрече» [885]. Троцкий сблизился также с меньшевиком интернационалистом Владимиром Александровичем Овсеенко, который выступал под фамилией Антонов Овсеенко [886]. Этот человек несколько странной внешности, с вечно перекошенным ртом, щуплый и слабый на вид, имел богатый послужной список бунтаря. Окончив кадетский корпус и Владимирское пехотное училище, он использовал военные знания для организации солдатских выступлений, наиболее значительным из которых был бунт в Севастополе в 1905 г., за что был приговорен к смертной казни, замененной каторгой, бежал из

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

заклучения и эмигрировал во Францию. Троцкий и Антонов Овсеенко установили контакт с группой французских интернационалистов, работавших в профсоюзах, – Пьером Монаттом [887], Альфредом Росмером [888], учителем Фернаном Лорио, поэтом Марселем Мартине. Вся эта группа составляла тот круг близких людей, который особенно хорошо запомнился Седовой [889].

Довольно активно в газете участвовала Анжелика Балабанова [890], с которой у Троцкого установились если не дружеские, то, по крайней мере, приятельские отношения, тем более что Анжелика была очаровательной женщиной, умевшей, как и Троцкий, сочетать активнейшую политическую деятельность со столь же активными жизненными радостями. Анжелика обратила внимание на Троцкого еще на V партийном съезде 1907 г. и с того времени считала его одним из «титанов социал демократии революционной России» [891].

Возможность высказывать свое мнение без оглядки на позицию издателей (с учетом требований французской военной цензуры) Троцкий теперь получил. Уже в ноябре – декабре 1914 г. на страницах «Голоса» была опубликована его работа «Война и Интернационал», которая ранее вышла на немецком языке [892]. Одновременно и вслед за этим появился ряд статей, развивших те же идеи [893]. В одной из статей, опубликованной в качестве передовой, говорилось: «Наша позиция уже вполне определенно выявлена... Мы стоим на точке зрения Штутгартской резолюции нашего Интернационала, мы стоим на точке зрения декларации социал демократической фракции в Государственной думе. Мы рассматриваем эту войну как средство империалистических стремлений правящих классов Европы и определенных династических интересов. Наше к ней отношение – определенно отрицательное» [894].

Соглашаясь с Троцким в том, что партии 2 го Интернационала совершили ошибку, поддержав свои правительства в войне, Мартов считал, что брать курс на создание нового Интернационала не следует, что он превратится в секту, ибо рабочий класс охвачен патриотическим порывом. Необходима длительная и трудоемкая работа по «излечиванию» рабочих от провоенных настроений, полагал он. В нескольких письмах Луначарскому, Мануильскому, Антонову Овсеенко Троцкий жаловался, что Мартов, скорее всего, «порвет с нами» и тогда меньшевики подвергнут парижскую газету бойкоту [895]. Мартов стремился найти свой путь, но достичь адекватного решения, оставаясь до конца честным перед собой, было крайне трудно или даже невозможно. Это и было причиной его вечных колебаний [896].

Издание «Голоса» продолжалось недолго. В январе 1915 г. французские власти закрыли газету на 108 м номере, явно по рекомендации российских представителей в Париже. Эмигранты, однако, тотчас предприняли выпуск нового периодического органа «Наше слово» (газета начала выходить 29 января), в котором с 1 го номера активно участвовал Троцкий. Он быстро превратился в одного из основных авторов, а постепенно и в фактического руководителя газеты, которая являлась, по существу дела, продолжением «Голоса». Издавалась она в основном тем же коллективом редакторов и более или менее постоянных авторов. Неизменным помощником Троцкого в «Нашем слове» в качестве технического руководителя стал Антонов Овсеенко. Газета выходила на двух, иногда на четырех полосах. Приходилось преодолевать ожесточенное сопротивление французской цензуры, которая вычеркивала негодные ей места. В результате газета постоянно появлялась с большими белыми пятнами, иногда охватывавшими значительную часть страницы. «Редакция такой газеты, как «Наше слово», в эмигрантских условиях гораздо менее свободна в направлении деятельности газеты, чем можно было бы думать» [897], – разочарованно писал он Урицкому. Главным врагом газеты Троцкий считал посольство царской России. Там добросовестно переводили на французский язык наиболее негодные статьи и посылали их с соответствующими комментариями в министерство иностранных дел и военное министерство Франции. Оттуда, в свою очередь, давали жесткие указания военному цензору Шалю, который «свои колебания всегда разрешал в том смысле, что лучше вычеркнуть, чем оставить» [898].

Расписание Троцкого в тот период было следующим: он обычно засиживался дома за письменным столом примерно до трех часов ночи, наутро провожал в школу младшего сына Сережу, а затем отправлялся в цензуру с нелегкой миссией отстаивать поставленные под сомнение материалы газеты [899]. «Дипломатические» функции переговоров с цензором брал на себя, как правило, именно Троцкий, который не только оттачивал в этих беседах силу своей аргументации и демагогии, но и начинал формировать определенное искусство ведения толерантных бесед с политическими противниками. Иногда цензор приглашал на беседу с Троцким представителей министерства иностранных дел [900].

13 февраля 1915 г. Троцкий опубликовал в «Нашем слове» свое заявление в форме ответа меньшевику Ларину, который перед этим неосторожно назвал Троцкого, наряду с Плехановым и Аксельродом, лидером меньшевизма. Троцкий изложил историю своих разногласий с меньшевиками, сообщил, что еще за два года до этого он отказался

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. сотрудничать в меньшевистских газетах и выступать от имени меньшевиков на форумах 2 го Интернационала, что он отказался также от соблазнительного предложения представлять меньшевиков на запланированной в Лондоне конференции социалистов стран Антанты.

Продолжением воинственного дебюта в «Нашем слове» была статья, написанная в форме «некролога по живому другу» [901]. Она была посвящена Парvusу, который сыграл столь значительную роль в становлении Троцкого как самостоятельно мыслящего политического деятеля. К этому времени Парvus, развернувший активную коммерческую деятельность в Турции и на Балканах, стал еще более богатым человеком, упивавшимся жизненной роскошью. Он не отказался от социалистической идеологии, но ухитрился одновременно поддерживать и правившие круги Германии, причем даже активнее и эффективнее, чем это делало официальное руководство германской социал демократии. Позицию свою Парvus обосновывал тем, что успехи германского милитаризма, по его мнению, станут катализатором мировой революции. Он обратил внимание на фактическое совпадение германских интересов в мировой войне с целями крайних российских революционеров (прежде всего большевиков). В тот момент Парvus еще не был советником правительства кайзера по российским делам и посредником в передаче немецких денег на нужды русской революции (с этой целью он вскоре создаст в Копенгагене полуфактивный Институт по изучению последствий мировой войны). Но взгляды и перспективы деятельности Парвуса Троцкому стали ясны, и он их решительно осудил. Когда же Парvus создал свой институт, о котором стали ходить самые разнообразные слухи, а самого Парвуса обвинили в том, что он стал германским агентом, Троцкий счел целесообразным, с одной стороны, предостеречь социалистов против контактов с этим учреждением и, с другой, обратился в редакцию «Юманите» – центрального печатного органа французской социалистической партии – с письмом, разъясняющим, что он считает Парвуса социал патриотом, но не предателем [902].

Парvus пытался обелить себя, для чего написал письмо в «Наше слово». Мартов высказался за публикацию письма. Троцкий – против [903]. Контакты с Парvusом могли бы укрепить финансовое положение газеты, которое осенью 1915 г. стало прямо таки критическим. Троцкий даже сообщил Луначарскому, что стоит вопрос о прекращении ее издания, что не хватает денег даже на бумагу [904]. При помощи займов удалось, однако, выкрутиться. Но с Парvusом с этого времени Троцкий какие бы то ни было контакты прекратил. Как сказано было в «некрологе» Троцкого, его старый друг Парvus, к сожалению, умер, а вместо него на свет появился какой то самозванец, использующий его имя.

Серьезное значение имела обширная статья Троцкого «Нация и хозяйство» [905], в которой автор пытался сформулировать свою позицию по вопросу о противоречиях между принципом национального самоопределения и задачами эффективного развития экономики на межнациональной основе. Капитализм, по мнению Троцкого, втискивал нацию и экономику в рамки государства, создавая могущественные образования, которые в течение целой эпохи служили «ареной развития как нации, так и государства». Но нации и экономики пришли в непримиримые противоречия с государствами и друг с другом. «Место замкнутого национального государства должна будет неизбежно занять широкая демократическая федерация передовых государств на основе устранения всяких таможенных перегородок. Национальная общность, вытекающая из потребностей культурного развития, не только не будет этим уничтожена, наоборот, только на основе республиканской федерации передовых стран она сможет найти свое полное завершение».

Троцкий дополнял требование права наций на самоопределение еще и требованием демократической федерации всех передовых наций, имея в виду создание Соединенных Штатов Европы.

Лозунг Соединенных Штатов Европы, выдвинутый Троцким во время мировой войны, пропагандировался им в ряде статей. Он встретил ожесточенное противодействие Ленина, который считал этот лозунг утопическим и неприемлемым для революционной социал демократии [906]. Троцкий, однако, упорно настаивал на правильности, своевременности и достижимости поставленной цели, имея в виду, разумеется, перманентный характер назревавшей международной революции. Через полгода в «Нашем слове» появилась его статья «Их перспективы» [907], в которой доказывалось, что война чрезвычайно облегчила социально экономическое объединение всех европейских государств, и утверждалось, что «эпоха национальных государств завершена».

После прихода к власти большевиков Троцкий, сам ставший одним из ведущих большевиков и ближайшим соратником Ленина, продолжал отстаивать свое детище – Соединенные Штаты Европы, с чем Ленин вынужден был молчаливо смириться, фактически признав правоту своего бывшего противника, хотя никогда не отказывался от критической статьи, направленной против этой идеи. Уже после смерти Ленина, находясь в оппозиции, Троцкий выпустил брошюру, в основном

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. посвященную обоснованию возможности образования социалистических Соединенных Штатов Европы в некоей перспективе, хотя условия и возможности осуществления европейской социалистической революции благоразумно перемещались на задний план [908]. Если какие то долговременные прогнозы Троцкого когда то сбывались, прогноз создания Соединенных Штатов Европы, или объединенной Европы, разумеется не на утопически социалистических началах, а на «капиталистических», оказался наиболее жизненным и реальным почти через столетие после того, как этот воспринимавшийся утопическим план был выдвинут. Современное европейское экономическое и политическое сообщество в совершенно иных, нежели пророчил Троцкий, формах, на базе регулируемых государством рыночных отношений – это и есть на практике осуществленные Соединенные Штаты Европы.

Именно планы экономической и политической интеграции Европейского континента служили стимулом повышенного интереса Троцкого к национальным движениям, прежде всего в пределах Российской империи. В этом смысле представляли интерес его связи с украинскими национальными организациями, в частности выступавшими за автономию Украины в составе будущей Российской республики. Троцкий переписывался со Львом Юркевичем (псевдоним Л. Рыбалка), деятелем Революционной украинской партии, а затем Украинской социал демократической рабочей партии, автором ряда брошюр и многих ярких статей по национальному вопросу, которые печатались, в частности, в выходявшем в Киеве в 1913 – 1914 гг. журнале «Дзвін» (Звон), а затем в газете «Боротьба» («Борьба»), издававшейся в Лозанне.

Троцкий и Юркевич были солидарны в морально политическом осуждении Союза освобождения Украины, который был образован в 1914 г. во Львове украинскими эмигрантами в Германии и Австро Венгрии А. Скорописом Йолтуховским, В. Дорошенко и Д. Донцовым и который ориентировался на достижение национальной независимости Украины, опираясь на штыки и значительные денежные субсидии Центральных держав. В мае 1915 г. Троцкий писал Юркевичу о готовности оказать ему содействие в выявлении истинной физиономии Союза освобождения Украины, хотя и полагал, что устройство третейского суда над этой организацией, как «агентурой австрийского Генерального штаба», нецелесообразно, пока это обвинение не будет убедительно доказано. Еще в одном письме Юркевичу от 15 июля того же года Троцкий одобрял посланные его корреспондентом статьи в «Наше слово», но выражал беспокойство по поводу одного момента – «спекуляции на поражении России». Эта точка зрения, считал он, сближавшая Юркевича с Лениным, отдаляла его от «Нашего слова», где «все мы, несмотря на известные отделяющие нас оттенки, все принципиально отвергаем возможность вырвать вопрос о победе или поражении России из общей мировой связи». Тем более Троцкому было непонятно враждебное отношение Ленина к газете Юркевича «Боротьба» («Борьба») [909]. Эта непонятливость вызывает удивление, ибо Юркевич, как и Троцкий, выступал против лозунга поражения России в войне, который упорно проповедовал Ленин. Враждебность последнего к изданию Юркевича и к нему самому оказывалась вполне естественной.

Троцкий продолжал внимательно следить за развитием военно политической ситуации на Балканах. В «Нашем голосе» этому региону он посвятил ряд статей. Заметки «На Балканах» [910] содержали анализ военно политических метаний болгарского правительства Басила Радославова, менявшего свои планы вступления в войну в зависимости от ситуации каждого конкретного момента. По мнению автора, мировая война лишь подтвердила уже существовавшие социал демократические «рецепты» для Балкан – создание демократической федерации стран полуострова. «Чем больше... мировая война вскрывает всю невозможность балканской государственной неурядицы, тем больше она должна расчистить путь для единственной программы национального и государственного сожительства балканских народов». (После мировой войны это «сожительство» стало называться Югославией – еще одно пророчество Троцкого, сбывшееся, правда, только на время.)

Вновь и вновь повторяя лозунг федерации, Троцкий был прозорлив в том смысле, что военная эпоха, создавая крайнюю нестабильность, может породить эпоху революционную, чреватую самыми непредвиденными последствиями. «Пусть сейчас, в кровавом году, эта программа сохраняет преимущественно пропагандистский характер – в революционную эпоху она может тем скорее облечься в плоть и кровь, чем быстрее сейчас изживаются все другие программы и иллюзии и чем глубже социал демократия закрепляет авторитет своего политического и нравственного мужества в сознании балканских народных масс» – так завершал он свою примечательную статью, распространявшую общие положения разрабатываемой Троцким концепции на региональную ситуацию.

Общая же позиция редакции газеты была особенно четко выражена в написанном Троцким заявлении редакции от 19 июля 1916 г. Здесь указывалось, что газета считает необходимым отстаивать сотрудничество всех интернационалистов, независимо от их фракционного происхождения или принадлежности, что основу такого сотрудничества «Наше слово» видит в решениях Циммервальдской конференции,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

из которых непосредственно вытекает необходимость непримиримой и энергичной борьбы против социал патриотов. «Открытый разрыв с социал патриотическими шатаниями является необходимой предпосылкой действительно революционного воздействия на пролетариат и политического объединения – а в дальнейшем и организационного слияния – всех интернационалистов» [911].

Ленина заявление Троцкого не впечатлило: Троцкий, «как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал шовинистами, но во всем практически согласен с ними» [912], – писал Ленин. Ленин специально занялся концепцией перманентной революции Троцкого, которую тот «повторял» в «Нашем слове», не желая «подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории». Впрочем, Ленин признавал теперь, что Троцкий стоит на позициях «решительной революционной борьбы пролетариата» и завоевания им политической власти, но утверждал, что эту линию он «берет у большевиков», отрицая самостоятельность концепции Троцкого и «оригинальность» его теории. При этом Ленин извращал концепцию перманентной революции, приписывая ей игнорирование крестьянства, хотя позиция Троцкого в аграрно крестьянском вопросе была совершенно иной. «Отрицание» же роли крестьянства Троцкий вроде бы заимствовал у меньшевиков. «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию!» – навязчиво убеждал Ленин [913].

Но новые нотки, однако, все сильнее давали себя знать. Ленин писал: «В России даже примиритель Троцкий вынужден теперь признать неизбежность раскола с «патриотами», т. е. партией «Организационного комитета», ОК, оправдывающими вхождение рабочих в военно промышленные комитеты. И только из ложного самолюбия Троцкий продолжает защищать «единство» с думской фракцией Чхеидзе, который является вернейшим другом, прикрытием, защитой «патриотов» и «ОК» [914]. В этом заявлении вполне можно увидеть весьма сдержанное, как бы внутренне подавляемое, но все же вырывающееся наружу известное приглашение Троцкого к отказу от «ложного самолюбия», к диалогу и возможному сотрудничеству с большевиками. Косвенным прощупыванием возможности такого сотрудничества можно также считать открытое письмо Ленина Борису Суварину, который, как хорошо было известно Ленину, поддерживал связь с Троцким. Ленин писал, что Троцкий «понемногу движется влево и предлагает даже порвать с вождями русских социал шовинистов, но он не говорит нам окончательно, желает ли он единства или раскола по отношению к фракции Чхеидзе» [915] в Государственной думе. Со стороны лидера большевиков это были совершенно для него необычные, весьма много обещающие авансы по отношению к столь ненавистному для него в недалеком прошлом деятелю.

Троцкий, однако, выжидал. Его отделили от Ленина не только сохранявшиеся принципиальные разногласия, но, главным образом, нежелание попасть в прямую зависимость от руководителя экстремистской фракции, превратиться в деятеля второго ранга, что было бы неизбежным в случае присоединения к большевикам. Такая позиция Троцкого была тем более оправданной, что сам Ленин в этом вопросе не был последователен и, уведомляя о своем желании сблизиться с Троцким, продолжал навешивать на него ярлыки, объявляя «каутскианцем» [916] (во время мировой войны у Ленина, кажется, не было более ругательного слова).

Между тем публикации в «Нашем слове» сделали Троцкого в глазах французских властей крайне нежелательным элементом. В сентябре 1916 г. Троцкий был вызван в префектуру Парижа, где ему выдали предписание о немедленной высылке его из пределов Франции. Не помогло и вмешательство депутата социалиста Жана Лонге (внука Карла Маркса), явившегося с протестом против проведения этой акции к премьер министру и министру иностранных дел Аристиду Бриану [917]. Префектура информировала Троцкого, что он высылается из Франции в любую страну по его собственному выбору. Но его тут же предупредили, что Великобритания и Италия отказались предоставить ему убежище. Вслед за этим в визе отказала Швейцария. Оставалась Испания, куда Троцкий выехать отказался, считая ее европейской провинцией. Тем не менее в какой то момент на квартиру к Троцкому явились два инспектора полиции и препроводили его на скорый поезд, шедший к испанской границе. Здесь высылаемого перевели, причем фактически нелегально, из французского пограничного пункта Ирун в лежавший по ту сторону границы испанский город Сан Себастьян (точнее, показали ему, как можно без документов проехать на трамвае через границу из одного пункта в другой). Франко испанская граница почти не охранялась, тем более что нередко одна часть поселка или городка находилась на французской, а другая – на испанской территории.

Из Сан Себастьяна Троцкий отправился в Мадрид, откуда вновь обратился с просьбами о визах в министерства иностранных дел Швейцарии и Италии. Одновременно он написал открытое письмо французскому министру и лидеру социалистической партии Ж. Гэду, в котором объявил о «падении и позоре»

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. французского социализма. «Изгнанный Вами, – завершал он письмо, – я покидаю Францию с глубокой уверенностью в решительной победе. Через Вашу голову я посылаю братский привет французскому пролетариату, который пробудится для великих достижений без Вас и против Вас» [918].

Троцкий поселился в небольшом дешевом пансионе, где прожил полторы недели, посещая богатейшие музеи и великолепные памятники средневековой архитектуры испанской столицы. Виз он так и не дождался, а в один прекрасный день за ним опять пришли «два очень определенной внешности молодчика» [919]. На этот раз в мадридской префектуре ему вначале было заявлено, что он должен «незамедлительно» покинуть Испанию, но до того, как это произойдет, свобода Троцкого будет подвергнута «некоторым ограничениям». Из префектуры его прямоком отправили в тюрьму, в которой он, правда, провел всего три дня, после чего был выпущен под полицейский надзор.

В Мадрид приехала Наталья с сыновьями, и все семейство было отправлено в порт Кадикс. После протестов, запроса республиканского депутата Кастровидо, внесенного в Кортесы (испанский парламент), и нескольких недель ожиданий ему было определено новое место высылки: Барселона.

Еще находясь в Кадиксе, Троцкий 21 ноября написал для меньшевистской газеты «Начало» статью «Испанские «впечатления. (Почти арабская сказка)» [920], где в живой и остроумной форме давал известное представление о том, как он провел время в столичной тюрьме. Многие в этой статье выглядели карикатурно. Можно предположить, например, что испанские чиновники не были такими уж откровенными тупицами, какими их рисует Троцкий, приписывая одному из начальников фразу: «Ваши взгляды являются слишком передовыми для Испании». Скорее Троцкому, которому было в тот момент не до смеха, отказало чувство юмора. Кажется, это была первая и последняя публикация, где Троцкий попробовал себя в жанре фельетона.

В Барселоне после некоторых проволочек Троцкий с семьей был посажен на пароход «Монсеррат», принадлежавший Испанской трансатлантической компании, и отправлен в Нью Йорк. Вскоре после отплытия корабля испанские власти получили телеграмму из Швейцарии, в которой сообщалось, что Троцкому предоставлено в этой стране право убежища. «Ему опять не повезло: по видимому, телеграмма о том, что он может ехать в Швейцарию, его в Испании уже не застала (она была послана в последний момент) и он, возможно, уже на пути в Америку» [921], – писал 9 января 1917 г. Мартов своей возлюбленной Н.С. Кристи. «Опять не повезло» – применительно к Троцкому эта фраза тоже оказалась пророческой. Новый, 1917 г. семья Троцкого встретила на борту испанского корабля, в океане, отнюдь не предполагая, что принесет этот год России, миру и Троцкому. 13 января пароход пришвартовался в порту крупнейшего города Нового Света – в Нью Йорке.

3. Месяцы за океаном

Небольшую главу воспоминаний о пребывании в США Троцкий начинает словами: «Я оказался в Нью Йорке, в сказочно прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая форма кубизма, а в сердцах – нравственная философия доллара. Нью Йорк импонировал мне, так как он полнее всего выражает дух современной эпохи» [922]. Троцкого встречали представители не только русской революционной эмиграции, но и американские социалисты. В числе встречавших был старый знакомый по Николаеву Г. Зив, эмигрировавший в США и занимавшийся медицинской практикой.

Как только стало известно, что Троцкий приезжает в Нью Йорк, местная социалистическая пресса начала «кампанию подготовки и обработки публики для достойной встречи гостя». Обстоятельства для торжественной встречи были благоприятными: левая пресса писала о Троцком как о старом борце за свободу и демократию в России, изгнанном из Австрии, не допущенном в Германию, преследуемом во Франции и Испании, то есть подвергавшемся травле по всей Европе. «Чего больше надо для антимилитаристски настроенных читателей социалистических газет!» [923] Положительные отклики на прибытие Троцкого вместе с его портретами появились и в ряде либеральных изданий.

Прямо в порту Троцкий дал интервью корреспонденту еврейской газеты, которому попытался объяснить, видимо не очень убедительно, что еврейский вопрос может быть разрешен только на началах интернационального братства и только после социалистической революции. «Никогда, на самом строгом допросе жандармов я так не потел, как теперь, под перекрестным огнем этих специалистов своего дела», – имея в виду журналистов, вспоминал Троцкий. Интервью заняло полполосы газеты [924].

Семья поселилась в скромной квартире в Бронксе. По европейским меркам в квартире оказалась роскошь, которую американцы таковой уже не считали, к примеру телефон,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. значительно облегчивший быт и журналистскую деятельность Троцкого. Впрочем, бесперебойное электрическое освещение, газовая плита, ванная комната, «спуск сорного ящика вниз» жизнь тоже облегчали. В рассрочку была куплена мебель [925] (Троцкий собирался обосноваться в Нью Йорке довольно основательно, как и другие социал демократы, включая Ленина, он не предполагал, что в России вот вот начнется революция и придется возвращаться на родину). Имея небольшие сбережения, накопившиеся благодаря газетным гонорарам, Троцкий планировал продолжать привычную литературно политическую деятельность. На службу он устраиваться не собирался. Он посещал публичные библиотеки, где по статистическим сборникам и прессе изучал экономическую жизнь США в годы войны. Этот анализ дал ему возможность прийти к выводу, что США начинают превращаться в крупнейшую экспортную державу, что этой стране суждено сыграть решающую роль в послевоенном развитии земного шара. Своими выводами он делился с читателями американской, в основном русскоязычной, социалистической прессы, а позже значительно более подробно рассказал о них в ряде своих брошюр, написанных уже в советское время.

Охотнее всего Троцкий сотрудничал с газетой «Новый мир», которую издавали в Нью Йорке российские эмигранты, принадлежавшие к левому крылу социал демократического движения. В редколлегию газеты входили трое: Николай Иванович Бухарин [926] – большевик, по ряду вопросов позволявший себе вступать в полемику с Лениным; Александра Михайловна Коллонтай, состоявшая ранее в меньшевистской фракции, но теперь превратившаяся в яркую сторонницу большевизма, воспринимавшая его, однако, скорее эмоционально, а не доктринально и проповедовавшая с одинаковым рвением свободную любовь и самоуправление рабочих на предприятиях. Третьим членом редколлегии был В. Володарский [927] – так он подписывался в «Новом мире», и никто не знал, что означает инициал В., которым пользовался Моисей Маркович Гольдштейн, бывший член Бунда и меньшевистской фракции, с 1913 г. живший в США и являвшийся членом здешней социалистической партии. С Володарским, обладавшим и ораторским мастерством, и журналистской хваткой, у Троцкого установились наиболее теплые отношения. С Бухариным отношения были дружеские. Троцкий комментировал: «Со времени совместной работы в Нью Йорке начинается все возрастающая привязанность Бухарина ко мне, которая, все повышаясь, перешла в 1923 г. в свою противоположность» [928]. О том, какие отношения у Троцкого были с Коллонтай, остается только догадываться. Но в редколлегию «Нового мира» Троцкий был включен сразу же и оказал существенное влияние на политический курс газеты, превратив ее во второе «Наше слово» [929].

Хорошие деловые отношения сложились у Троцкого с Лазарем Клином – техническим редактором «Нового мира», проявлявшим высокие организаторские качества, ценимые Троцким. Позже они вновь встретятся в Москве в 1926 г., куда Клин приедет с намерением переселиться в СССР, но из-за связей с Троцким будет встречен властями враждебно и вынужден будет вскоре возвратиться в США (и тем спасет свою жизнь). Клин станет в Америке издателем рабочей еврейской газеты *Unser Kampf* («Наша борьба») [930] и возобновит связи с Троцким уже после его высылки из СССР.

Уже на третий день после прибытия в Нью Йорк в «Новом мире» появилась статья Троцкого «Да здравствует борьба!» [931]. Здесь впервые высказывались мысли о влиянии войны на соотношение сил двух континентов: «Величайший по значению экономический факт состоит в том, что Европа разоряется в самых основах своего хозяйства, тогда как Америка обогащается. И, глядя с завистью на Нью Йорк, я, еще не переставший чувствовать себя европейцем, с тревогой спрашиваю себя: выдержит ли Европа? Не превратится ли она в кладбище? И не перенесется ли центр экономической и культурной тяжести мира сюда, в Америку?» Мысли о росте могущества американского капитализма в условиях войны и о распространении его влияния составили основное содержание почти всех следующих выступлений Троцкого в «Новом мире».

Особенно ярко эти тезисы прозвучали в статье «За два с половиной года войны в Европе» [932], хотя ряд статей с анализом американской экономической и политической системы носил, безусловно, примитивный и поверхностный характер, вписывающийся разве что в марксистские догмы. Так, в статье от 9 марта «Для чего Америке война?» Троцкий писал, что в условиях «двух блокад» – британской блокады Германии и Австрии и германской блокады мировых морских путей – США оказываются в трудном положении. Прекращение вывоза в Европу означало бы небывалый кризис всего капиталистического хозяйства. «Важнейшие биржевые бумаги сразу упадут в цене. В мире капитала воцарятся стенания и скрежет зубовой». При открытом вмешательстве в войну американская военная промышленность в любом случае окажется отрезанной от европейского рынка. Но в этом особой беды для хозяйственного развития Соединенных Штатов нет, так как для американской индустрии будет открыт колоссальный новый рынок в самой Северной Америке и в

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. соседних южных странах. «Какой характер будет иметь война со стороны Соединенных Штатов – это вопрос особый, и он еще не ясен сегодня самим Вашингтонским законам. Но война им необходима. Им нужна «национальная опасность», чтобы обрушить на плечи американского народа вавилонскую башню военной индустрии». Более банальные выводы сделать было трудно. 31 января 1917 г. германское главное командование (доведя число своих подводных лодок до 120, о чем Троцкий, разумеется, знать не мог) объявило о начале «неограниченной подводной войны», что означало потопление не только военных судов враждебных стран, но также военных и гражданских кораблей нейтральных стран, если они окажутся в определенных районах мирового океана. В ответ 3 февраля США порвали дипломатические отношения с Германией. Это не было еще вступлением Америки в войну, но, безусловно, первый шаг к объявлению войны Четверному союзу. На карту было поставлено много большее, чем цены биржевых акций, борьба за европейский рынок и политические игры «вашиingtonских заправил». Из европейской войны превращалась в мировую, против чего решительно выступил Троцкий. 5 марта на организованном в Нью Йорке Социалистической партией США митинге он предложил в случае вступления США в войну ответить на это забастовками и сопротивлением мобилизации [933]. Предложение, как и следовало ожидать, руководством Социалистической партии США было отвергнуто. Троцкий резко полемизировал с издававшимися в Нью Йорке русскоязычными либеральными газетами «Русский голос» и «Русское слово», высмеивал их противоречивые суждения по поводу перспектив вступления США в войну или нежелания идти на этот рискованный шаг. Особенно доставалось писателю и журналисту Осипу Дымову, публиковавшему фельетоны в «Русском слове», которые, как и статьи Троцкого, не отличались глубиной анализа, но были написаны с чуждых Троцкому идеологических позиций, да еще с эпитетами типа «с ошеломляющей быстротой кружится, мчит, вертится в танце колесо истории». Троцкому не составило труда издевательски цитировать и комментировать подобного рода высказывания [934]. «Новый мир» был не единственным печатным органом, в котором публиковался Троцкий в начале 1917 г. Несколькими его материалов напечатала еврейская рабочая газета *Vorwärts*. Газета воздерживалась от вторжения в «большую политику», и Троцкий сосредоточился здесь на частном, как он считал, сюжете, рассказав в двух статьях о вмешательстве царского правительства во внутренние дела союзной Франции [935]. Но едва появились ответные статьи с легкой и осторожной критикой Троцкого, тот ответил резкой статьей в «Новом мире» под заголовком «Общей почвы с «Vorwärts» у нас нет» [936], хотя был в данном случае не откровенен. Через много лет он с оттенками известного уважения и даже зависти к достатку этой газеты вспоминал: «Мы все успешнее проникали в могущественную еврейскую федерацию с ее четырнадцатипятиэтажным дворцом, откуда ежедневно извергалось двести тысяч экземпляров газеты «Форвертс» [937]. До двухсоттысячного тиража газете Троцкого было далеко. Троцкого приглашали на многие так называемые «политические банкеты», которые, согласно американской практике, созывались для сбора средств в пользу партий и организаций. Он держался на них недоступно: «произносил речь, вызывал должный энтузиазм, получал свою порцию триумфа и сходил с кафедры; но не спускался в толпу, не сливался с нею, а исчезал» [938], часто отправляясь на другой банкет или митинг. Из Нью Йорка Троцкий несколько раз выезжал в соседние крупные города Восточного побережья США, в частности в Филадельфию, где выступал с докладами на русском и немецком языках. Но Троцкий был уже настолько известен, что его речи, встречи и выступления в леворадикальных кругах обрастали легендами. С оттенком явно показной скромности Троцкий вспоминал: «Мой английский язык был тогда еще слабее, чем сейчас, так что я и думать не мог о публичных выступлениях по-английски. Между тем я не раз встречал ссылку на мои английские речи в Нью Йорке. На днях только [в 1929 г.] редактор константинопольской газеты описывал мне самому одно из таких моих мнимых выступлений, на котором он присутствовал в качестве американского студента» [939]. Сведения об активности Троцкого в США поступали на Европейский континент главным образом через газету «Новый мир», которую привозили некоторые социалистически настроенные американские военнотруженики, отправлявшиеся на фронт. Мартов писал Кристи, что «в начавшейся в Америке кампании против войны Троцкий играет довольно активную роль. Пишет в газетах довольно часто, выступает на митингах. Между прочим, он начал себя называть на английский манер «Leo N. Trotzky»... Появились его статьи в «Новом мире»; там же чисто американские рекламы, приглашающие на «митинг встречи» («плата за вход 20 центов, место на сцене – 50 центов» и т. д.). Бьюсь об заклад, что через три месяца начнутся раздоры между ним и русскими американцами, и он образует свою фракцию» [940].

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Свою «фракцию» Троцкий действительно стал образовывать. Уже через несколько недель после приезда в Нью Йорк вместе с группой левых социалистов он начал создание организации единомышленников на межнациональном уровне, то есть некое подобие нового Интернационала. Троцкий и его единомышленники наметили выпуск «боевого марксистского еженедельника» [941], начали предварительное планирование первых номеров будущего журнала. Но этим планам не суждено было осуществиться из-за одного абсолютно неожиданного, но весьма знаменательного события, которое сразу же круто изменило не только личную и политическую жизнь Троцкого и его семьи, но и судьбу всего остального человечества. В России началась февральская революция. Телеграфные агентства стали передавать вначале неопределенные, а затем все более частые и четкие сообщения о волнениях в Петрограде, об отказе правительственных частей стрелять по демонстрантам, об отречении царя, о формировании нового правительства из числа членов Комитета Государственной думы и об образовании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

На собрании российских эмигрантов Троцкий выступил с докладом, в котором доказывал, что на второй стадии революции, причем в самом близком будущем, у власти должна оказаться партия пролетариата. «Это произвело примерно такое же действие, как камень, брошенный в болото, населенное чванными и флегматичными лягушками», – издевался докладчик [942]. О том, какие беды всему человечеству и самому Троцкому принесет планируемый им грандиозный социальный эксперимент, Троцкий в те дни и недели не знал. Вряд ли он сам представлял себе масштабы тех ужасов, того страшного кровопролития, которым предстояло произойти.

25 марта Троцкий посетил Российское генеральное консульство, где с удовлетворением обратил внимание на то, что на стене уже нет портрета русского царя. «После неизбежных проволочек и препирательств» [943] он в тот же день получил необходимые документы для возвращения в Россию, и это свидетельствовало о том, что никаких препон старые имперские чиновники, представлявшие новую российскую власть, ему не ставили.

Американская администрация предоставила возвращавшимся визы на выезд из своей страны. В общей суматохе необходимые транзитные документы выдало консульство Великобритании (явно не проконсультировавшись со своим лондонским начальством, которое очень скоро дезавуировало это его решение). Возможно, американские власти тоже сожалели о выдаче Троцкому выездных документов, ибо в следующие месяцы Государственный департамент США настоятельно предупреждал российские, французские и британские паспортные контрольные службы о необходимости самой тщательной проверки лиц, имевших американские документы и направлявшихся в Россию [944].

27 марта Троцкий с семьей и несколькими близкими ему эмигрантами – Г.Н. Мельничанским, Г.И. Чудновским, Константином Романченко, Никитой Мухиным и Львом Фишелевым – погрузился на борт норвежского парохода «Христианиафиорд». Перед отплытием состоялся митинг. Возвращавшихся на родину русских революционеров провожали как героев речами и букетами цветов распропагандированные немецкие военнопленные. Вместе с Троцким и его группой в Россию отправлялись и другие русские эмигранты, стремившиеся возвратиться на родину, а также американцы, желавшие поближе познакомиться с тем, что происходило в далекой и загадочной стране.

Троцкий возвращался в Россию, которую покинул беглецом из ссылки 10 лет назад. Вряд ли он имел представление о том, что именно ему уготовано выдающееся место в начавшейся революции. Вместе с тем краткое пребывание в США заставило его значительно осторожнее относиться к мысли о немедленной мировой революции. Теперь революция мыслилась преимущественно как европейская, ибо перспективы развития и потенциал американского капитализма начинали казаться далеко не исчерпавшими себя: «Я уезжал в Европу с чувством человека, который только одним глазом заглянул внутрь той кузницы, где будет выковываться судьба человечества» [945], – писал Троцкий.

К этому времени у Троцкого в основном завершилось формирование авторитарного типа сознания и поведения, существовавшие в зародыше в юные годы. И хотя Троцкий резко и едко критиковал авторитарные тенденции у Ленина, сам он считал себя не только несравненно более крупным оратором и журналистом, но и на голову выше стоящим политическим вождем. Троцкий возвращался в Россию не для того, чтобы писать статьи и выступать на митингах. И то и другое, бесспорно, предполагалось, но должно было послужить более внушительной задаче – превращению Троцкого в вождя перманентной революции. Вместе с началом принципиально новой эпохи в истории его страны начинался принципиально новый этап в жизни и деятельности Льва Давидовича Троцкого. На несколько лет он действительно выдвинется на самый передний план в России и в международном масштабе. Правда, на этой сцене он займет не первое, а второе место, уступив первенство своему извечному критику и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. конкуренту Владимиру Ильичу Ленину. «Троцкому опять не повезло» [946] .

Глава 11 От межрайонцев к большевизму

1. Новое возвращение в Россию. Межрайонная группа

Троцкий рассчитывал, что сравнительно скоро он окажется в Петрограде, что с головой окунется в политические страсти, приступит к практическому воплощению своих идей сплочения левых социалистических сил во имя развития начавшейся революции по тому направлению, которое проектировалось в его перманентной схеме. Но произошло событие, которое задержало его появление в столице, теперь уже не Российской империи, а новой, фактически республиканской России. В порту Галифакс, в канадской провинции Нова Скотия (Новая Шотландия), входившей в состав Британской империи, где пароход, следовавший в Норвегию, остановился 3 апреля для досмотра британскими пограничными властями, русских, по мнению Троцкого, подвергли грубой дискриминации. Их придирчиво допрашивали о политических взглядах и планах и о том, чем они собираются заниматься по возвращении на родину. Троцкий считал унижительным и оскорбительным отвечать на поставленные ему вопросы: «Сведения, устанавливающие мою личность, извольте получить, но не более того: внутренняя русская политика не состоит пока что под контролем британской морской полиции» [947] .

Разумеется, британские пограничники хорошо понимали, с кем они имеют дело. Проводы Троцкого в Нью Йорке были достаточно шумными, и о «крайне революционных» взглядах пассажиров из группы Троцкого стало известно в Галифаксе еще до прибытия корабля. Еще 29 марта пограничные военно морские службы в Галифаксе получили телеграмму из Лондона от своего начальства из адмиралтейства с указанием «сгрузить и задержать до предстоящих указаний» шесть пассажиров, включая Троцкого, причем в качестве основания для задержания указывалось, что «эти русские социалисты отправляются с целью организации революции против нынешнего русского правительства». Фамилии были перепутаны самым ужасным образом (например, Чудновский значился в телеграмме как Техеодновский), но идентифицировать их никакого труда не составляло, тем более что фамилия Троцкого была обозначена правильно [948] .

Чиновники Великобритании сочли членов группы опасными для британских интересов (и оказались абсолютно правы). Формальный повод для снятия с корабля Троцкий им предоставил сам: англичане, надменность которых была соизмерима с надменностью Троцкого, почувствовали себя оскорбленными наглым и самоуверенным поведением русских радикалов. Но если бы группа Троцкого вела себя интеллигентно и не вызывающе, ее все равно сняли бы с корабля, согласно приказу адмиралтейства. Конечно, Троцкий о приказе ничего не знал и позже обязан был признать свое поведение иррациональным, ошибочным и неадекватным с точки зрения политической целесообразности. Ведь главным для него и его товарищей было как можно скорее добраться до России. Но бедой Льва Давидовича, причем напоминавшей о себе вновь и вновь на различных отрезках его жизненного и политического пути, были внутренние столкновения между собственными убеждениями и манерой поведения, с одной стороны, и тем, как следовало бы себя вести для достижения поставленной цели, – с другой. Троцкий был слишком бескомпромиссен, слишком принципиален. Вежливость и необходимость уступить он путал с оппортунизмом, который он считал злейшим врагом рабочего движения в целом и, следовательно, личным своим врагом в частности.

Явившийся на борт «Христианафиорда» британский адмирал со свитой офицеров в сопровождении целой команды матросов потребовал, чтобы Троцкий с семьей и еще пять «русских» покинули борт для установления личностей и намерений. Учитывая военное положение, саму войну и связанные с этим меры безопасности, решение британских властей не было столь уж неожиданным и неестественным. Троцкий и тут помог англичанам: не желая признать свою ошибку и тем более извиняться, он отказался выполнять распоряжение, в результате чего театрально и торжественно на руках был вынесен матросами с палубы и перемещен на причаливший катер. 11 летний Лева – старший сын Троцкого – в это время подбежал к одному из офицеров и ударил его своим маленьким кулачком, а затем, с пониманием дела, обратился к отцу: «Ударить его еще, папа?» [949]

Седова с детьми была оставлена в Галифаксе в квартире полицейского инспектора русского происхождения. «Будучи неплохим человеком, был он глуп до комичности, – вспоминала Седова. – Получив приказ скрытно за мной наблюдать, он хвастал передо мной, как ловко он это делает» [950] . Троцкий был всем этим недоволен и считал, что квартира принадлежит «англо русскому полицейскому агенту» [951] . Через несколько дней власти смягчились и все три члена семьи были переведены в дешевый

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. отель, правда с обязательством ежедневной регистрации в полиции. Троцкого и остальных революционеров отвезли в лагерь для военнопленных, размещавшийся в близлежащем городке Амхерст. Из лагеря Троцкий обратился с протестом к королевскому правительству Великобритании, на который ответа не получил. Что же касается коменданта лагеря полковника Морриса, то тот в ответ на непрерывные протесты и жалобы отвечал: «Вы опасны для нынешнего русского правительства» и «опасны для союзников вообще». Моррису нельзя было отказать в проницательности.

Естественно, в Петроград сразу же была направлена телеграмма на имя министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского [952] с копией Совету рабочих депутатов, в которой содержалось требование немедленного вмешательства. Телеграмму самого Троцкого британские власти не пропустили [953]. Тогда находчивые арестанты организовали другую телеграмму, подписанную: «За группу русских пассажиров Петров». Эта телеграмма была оглашена на заседании Петроградского Совета 6 апреля. В ней говорилось, что 3 апреля в Галифаксе арестованы Мухин, Фишелев, Троцкий, Романченко, Чудновский и Мельничанский. «Мы против действий английского правительства и выражаем надежду, что примете решительные меры возратить их на родину». Совет принял решение обратиться с протестом к министру иностранных дел России П.Н. Милюкову и посольству Великобритании [954]. Вслед за этим Совет принял еще одну резолюцию: «Революционная демократия России с нетерпением ждет к себе своих борцов за свободу». К «английской демократии» предъявлялось требование «поддержать этот протест и призвать министра иностранных дел принять в экстренном порядке меры, необходимые для возвращения в Россию всех политических эмигрантов без изъятия» [955].

Попытки Троцкого послать новые телеграммы в Петроград, а также в Лондон на имя премьер министра Дэвида Ллойд Джорджа все время пресекались начальством лагеря. Когда же известие об аресте было опубликовано «Известиями» и другими печатными органами Петрограда, британский посол Джордж Бьюкенен разослал в газеты сообщение, что арестованные в Канаде русские ехали «с субсидией от германского посольства для низвержения временного правительства».

Если в отношении Ленина и других русских эмигрантов, приехавших в Петроград через территорию Германии в «запломбированном» вагоне, обвинение в получении денег от немцев имело основание, обстоятельства возвращения на родину Троцкого почти исключали возможность германских субсидий. В этот критический для себя и русской революции момент Троцкому протянул руку помощи тот, от кого он рассчитывал получить разве что удар в спину. В защиту Троцкого в «Правде» выступил Ленин (деньги у немцев бравший): «Можно ли поверить хотя на минуту в добросовестность того сообщения, что Троцкий, бывший председатель Совета рабочих депутатов в Петербурге в 1905 году, – революционер, десятки лет отдавший бескорыстной службе революции – что этот человек имел связь с планом, субсидированным германским правительством? Ведь это явная, неслыханная, бессовестная клевета на революционера! От кого вы получили это сообщение, г. Бьюкенен? Почему вы не скажете это?.. Шесть человек за руки и за ноги тащили товарища Троцкого – все это во имя дружбы к русскому временному правительству!» [956]

Выступление «Правды» было многозначительным. Оно свидетельствовало, что большевистское руководство, прежде всего Ленин, было готово принять Троцкого в свои ряды, если он, разумеется, будет вести себя должным образом. Даже революционный стаж Ленин Троцкому преувеличил: десятков лет Троцкий в революционном движении, разумеется, не провел.

Временное правительство заняло в отношении задержания Троцкого и его спутников двойственную позицию. С одной стороны, министр иностранных дел Милюков хорошо помнил прошлые столкновения и прекрасно понимал, какие заботы и беспокойства может ему и его правительству доставить этот неугомонный и красноречивый социал демократический демагог. С другой стороны, сам Милюков зависел от политической поддержки Петроградского Совета и в то же время считал необходимым продемонстрировать на международной арене суверенность новой России, включая дипломатическую защиту интересов ее граждан. Посол Великобритании в России того времени Джордж Бьюкенен вспоминает, что, согласно полученному им сообщению, Троцкий и другие российские политические беженцы были задержаны в Галифаксе «впредь до выяснения намерений» Временного правительства в отношении их, «до тех пор, пока Временное правительство не даст на их счет четких указаний». Бьюкенен немедленно поставил Милюкова в известность об аресте группы Троцкого. 8 апреля посол передал своему правительству просьбу российского министра об освобождении Троцкого и его спутников. Бьюкенен, как он доносил в министерство иностранных дел Великобритании, пытался переубедить Милюкова: «Я сообщил ему, что соглаюсь об этом решении, т. к. опасаясь, что возвращение этих людей значительно усилит

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. существующую нестабильность и создаст серьезные затруднения для правительства». Милюков поначалу настаивал [957] , но через два дня проинформировал посла, что отзывает свою просьбу. «Это означает, что за их задержание до 21 апреля несет ответственность Временное правительство», – констатировал Бьюкенен и потребовал, чтобы российское Временное правительство немедленно сделало заявление о том, что Великобритания не отказывает в выездных визах никому из тех русских, чьи интересы представляет российское консульство. Милюков ответил согласием [958] . Тем временем Ленин продолжал энергичные выступления в защиту Троцкого, которого он называл теперь «заведомым интернационалистом, противником войны». В обращении «К солдатам и матросам» в апреле он резко протестовал против ареста своего недавнего злейшего противника. В еще одном обращении – «Против погромщиков» – Ленин писал, что арест Троцкого доказал бессилие Милюкова перед Англией и Францией или же тот факт, что Милюков не хочет принять серьезных мер (на самом деле Милюкову в Петрограде Троцкий конечно же был не нужен). На митинге в Михайловском манеже 15 апреля Ленин повторял: «Англичане держат в тюрьме... нашего товарища Троцкого, бывшего председателем Совета рабочих депутатов в 1905 году, арестовали и держат в тюрьме» [959] . Троцкий теперь уже был «товарищем» Ленина.

В конце концов новое вмешательство Петроградского Совета вынудило Милюкова обратиться к англичанам с просьбой об освобождении группы Троцкого и предоставлении ей возможности беспрепятственно следовать в Петроград. Если задерживать Троцкого и его спутников и дальше, полагал Милюков, об этом станет известно радикалам в России, и тогда правительство все равно будет вынуждено разрешить ему въезд [960] . 20 апреля задержанные получили по телеграфу разрешение следовать далее и были посажены на датский пароход. Перед отправкой Троцкий заявил британскому офицеру Меккену, что первым делом он внесет в Учредительное собрание запрос министру иностранных дел России относительно издевательств англо-канадской полиции над российскими гражданами. «Надеюсь, что вы не попадете в Учредительное собрание», – парировал англичанин [961] и оказался прав только отчасти. В Учредительное собрание Троцкий от фракции большевиков попал, но наркомом иностранных дел к этому времени был сам Троцкий, так что запрос самому себе об «издевательствах» англичан он посылать не стал, а Собрание большевиками было разогнано.

Инцидент с Троцким был расценен некоторыми русскими социалистами эмигрантами, находившимися в Западной Европе, как предостережение против возвращения в Россию через территории, контролируемые англичанами, в пользу использования «ленинского пути», то есть проезда через германскую территорию, несмотря на то что это была территория вражеского по отношению к России государства. Мартов писал Н.С. Кристи 12 апреля: «Да после снятия Троцкого и др[угих] с парохода англичанами мы были бы дураками, если бы стали соглашаться на другие пути. Не хотят обменом – поедем через Германию просто» [962] . Тот же смысл заключался в телеграмме от 3 мая в Петроград Организационного комитета РСДРП (Аксельрода, Мартова, Мартынова и др.) своим единомышленникам: «После случая с Троцким невозможно доверять обещаниям правительства» [Великобритании] [963] . Правда, несколько более осторожные российские революционеры, находившиеся в самой России, требовали, чтобы эмигранты ни в коем случае не пользовались «услугами германского правительства» [964] . Было очевидно, что в этом случае вернувшихся заподозрят и обвинят в шпионаже в пользу Германии.

Задержание Троцкого в Галифаксе привело к тому, что он пропустил апрельский политический кризис, в результате которого Милюков вынужден был уйти в отставку с поста министра иностранных дел и было образовано первое коалиционное правительство, в которое вошли пять представителей социалистических партий. Среди них оказались два человека, которых Троцкий знал очень хорошо: бывший ближайший помощник Троцкого по венской «Правде» М.И. Скобелев и лидер эсеров В.М. Чернов, который некогда вместе с Троцким заседал в Петроградском Совете. С этими людьми и другими политическими деятелями социалистического направления Троцкий готов был сотрудничать, но идейно и политически он ушел от них далеко влево, в сторону большевистской фракции Ленина, которая после своей Апрельской конференции стала не только фактически, но и формально самостоятельной политической партией. Более того, это была партия, которая под давлением Ленина, ценой огромных усилий утвердила в качестве своей программы те идеи, которые Ленин провозгласил в так называемых «Апрельских тезисах»: отказ от доверия и поддержки Временному правительству, борьба за его свержение; передача всей власти в руки Советов; немедленный переход от первого этапа революции, отдавшего власть в руки буржуазии, ко второму этапу, который должен был привести к власти пролетариат и беднейшее крестьянство; заключение мира без аннексий и контрибуций; создание нового Интернационала, свободного от «оппортунизма». Все эти идеи схожи с концепцией перманентной революции Троцкого, хотя по ряду

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

вопросов оставались разногласия или не вполне полное понимание, особенно что касалось вопроса об Интернационале, ибо Троцкий считал недопустимым раскол последнего, на чем упрямо настаивал Ленин. Троцкий все еще полагал возможным восстановление 2 го Интернационала на принципах, сформулированных в Циммервальде и Кинтале, то есть на интернационалистской базе и под лозунгом заключения всеобщего мира без аннексий и контрибуций. Сохранялось еще одно разногласие, но оно теперь не имело существенного практического смысла – Троцкий энергично выступал против ленинского лозунга поражения своего правительства, выдвинутого в самом начале войны. Но в новых условиях на этом лозунге большевики, занятые более важными, с их точки зрения, делами, особого внимания не акцентировали. В России монархия уже пала, а до европейских тем было еще далеко.

С парохода, который доставил Троцкого с семьей и его группу в Швецию, Троцкий пересел на поезд и, с пересадкой в Финляндии, довольно быстро добрался до Петрограда. Он приехал в столицу революционной России 4(17) мая [965]. На ближайшей к городу станции Белоостров в вагон вошли для встречи Троцкого представители группы большевиков и «объединенных интернационалистов» [966] (так Троцкий не вполне точно воспринял и называл тогда Межрайонную социал демократическую организацию). Последних представляли его старый знакомый Урицкий и молодой армянский социал демократ Л.М. Карахан [967], игравшие в организации ведущую роль. Большевики же прислали для встречи фигуру невысокого ранга – рабочего металлиста Г.Ф. Федорова, вскоре ставшего председателем рабочей секции Петроградского Совета.

На финляндском вокзале, где за месяц перед этим дебютировал Ленин, состоялся митинг. Урицкий и Федоров официально поприветствовали Троцкого (Федоров не только от имени партии большевиков, но от имени Ленина лично, что Троцкому было крайне важно). В заготовленном выступлении, по поручению Ленина же, Федоров сосредоточил внимание на дальнейших этапах революции, диктатуре пролетариата и социалистическом пути развития, так как Ленин «считал этот вопрос решающим для возможности совместной работы» с Троцким. Троцкий быстро оценил ситуацию, принял протянутую Лениным руку и в ответной речи в целом выступил в духе позиций Ленина [968]. Но было одно препятствие человеческого свойства: Ленин выражал пожелание, чтобы Троцкий организационно присоединился к большевикам, но сам идти на переговоры на равных началах не намеревался; Троцкий же соглашался на переговоры на равных и рассчитывал создать некую объединенную организацию [969].

С большим трудом Троцкий с семьей смог поселиться в одной комнате небольшой гостиницы «Киевские номера». Правда, уже на следующий день к нему явился некий офицер в парадной форме, в котором Троцкий после разъяснений едва узнал молодого слесаря Логинова, участвовавшего в 1905 г. в боевой дружине Петербургского Совета. Настоящая фамилия этого человека была Серебровский. Он был студентом технологом, выходцем из богатой семьи, недолгое время увлекался революцией, но вскоре одумался, стал инженером и сделал неплохую карьеру, возглавив крупный столичный завод, а во время войны служил в армии. По предложению Серебровского Троцкий с семьей перебрался в его богатую квартиру. Удивительно, но с Серебровским вскоре возникли политические столкновения, и семья Троцкого возвратилась в «Киевские номера» [970].

Уже на следующий день после приезда, 5 мая, Троцкий явился в Таврический дворец на заседание Петроградского Совета. Его сухо приветствовал председатель Совета Чхеидзе [971], но по предложению Каменева (еще одного сторонника Ленина и бывшего политического противника Троцкого в социал демократии) Исполком Совета постановил включить Троцкого в свой состав с совещательным голосом, как бывшего председателя Совета 1905 г. Предложение было утверждено [972], и Троцкий «получил свой членский билет и свой стакан чаю с черным хлебом» [973]. Тот факт, что Троцкому не был предоставлен решающий голос, существенного значения не имел. Несравненно важнее было, что он получил возможность выступать и этим оказывать влияние на решения Совета.

На этом же заседании Троцкий выступил в Совете с первой своей речью. Он говорил о том, что революция в России потрясла не только Европу, но и Америку. Он не преминул рассказать о задержании в Галифаксе и о том, что в лагере для интернированных русские «близко сошлись с германскими пролетариями» [974]. Он провозгласил «три заповеди»: недоверие к буржуазии, контроль революционеров над собственными вождями, доверие к собственной силе. В связи с этим Лев Давидович высказался против образования правительственной коалиции социалистических партий с буржуазными, то есть против вхождения социал демократов и эсеров во Временное правительство, которое произошло как раз 5 мая, и этот вопрос был главным на заседании Совета, но по нему в тот день было принято положительное решение. Троцкий же считал, что следующим шагом должна стать передача всей власти в руки Советов, и завершил речь своей обычной «перманентной формулой» о русской

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. революции как прологе мировой революции [975] .

Социал демократы в России внимательно следили за первым появлением Троцкого на авансцене революции. Один из лидеров меньшевиков И.Г. Церетели [976] отмечал следующее: «В этом первом выступлении Троцкого сказалась разница между его характером и характером Ленина. Ленин нечасто выступал перед демократической аудиторией, враждебной его взглядам. Но когда ему приходилось это делать, он делал это в резкой и непримиримой форме, идя вразрез общему течению и не стесняясь вызывать самую враждебную реакцию со стороны слушателей... Троцкий... построил свою речь так, чтобы по возможности избежать резкого столкновения с собранием. Ударным пунктом своей речи он сделал не критику коалиции, а приветствие русской революции, указание на ее мировое значение, на сочувствие, вызванное ею в рабочих кругах Европы и Америки. Только после этого начала, встреченного общими аплодисментами, Троцкий отметил, что считает коалиционную политику ошибочной, буржуазным пленением Совета. Но эту критику он формулировал не в резкой, вызывающей форме, а в сравнительно мягких тонах, в форме дружеских советов, адресованных заблуждающимся единомышленникам. Тем же мирным по форме тоном он выразил надежду, что после этого шага будет сделан следующий, второй шаг, который он заранее приветствовал, а именно передача всей власти в руки Советов. Несмотря на эти предосторожности, критика Троцкого была встречена аудиторией очень холодно и прерывалась возгласами: «Это мы слышали от большевиков!», «Нам нужна демократия, а не диктатура!» [977] .

В Совете, однако, Троцкий выступал нечасто. 13 мая при обсуждении вопроса об участии социалистов во Временном правительстве он заявил, что «сомнения, привезенные из за границы, должны ли социалисты идти во Временное правительство», не рассеялись, а укрепились [978] . 25 мая он дебатировал в прениях по докладу Церетели, который вместе со Скобелевым ездил перед этим в Кронштадт для улаживания конфликта с местным Советом, отказавшимся подчиняться центральным властям, в частности Временному правительству. Из числа членов Совета только Троцкий счел возможным признать правильной кронштадтскую резолюцию в том смысле, что она отнюдь не означала «отложения от России», как полагал Церетели, а была вызвана недовольством политикой Временного правительства, которое не проводило «энергичной чистки» представителей старой власти, в частности в Балтийском флоте. В то же время сам Троцкий считал неверным неподчинение кронштадтцев центральной власти и энергично протестовал против распространявшихся слухов, приписывающих ему участие в составлении резолюции Кронштадтского Совета [979] .

Значительно более существенным для Троцкого было определиться с партийно политической принадлежностью, которая соответствовала бы его позициям, позволяла бы играть руководящую роль и проводить соответствующую агитационную и организационную работу. У Троцкого не было своей организации в Петрограде. Он счел наилучшим вариантом присоединиться к группировке, которая официально называла себя Петербургским межрайонным комитетом объединенных социал демократов интернационалистов, но которую, особенно ввиду ее длинного и неуклюжего, да и не вполне четкого наименования, обычно называли межрайонцами или даже межрайонкой. Возглавляла эту организацию, образовавшуюся накануне Первой мировой войны, Межрайонная комиссия, которой руководил до 1916 г. Константин Константинович Кротовский, известный под псевдонимом И. Юренев [980] .

К моменту возвращения Троцкого в Россию межрайонцы придерживались следующих основных принципов: социал демократическая партия фактически не существует в качестве отдельной, единой партии; имеющиеся социал демократические фракции и группы очень слабы; рабочие крайне нуждаются в объединении, в создании единой организации; процесс восстановления партии должен начаться снизу; организаторы фактически новой партии должны приступить к своей работе по объединению социал демократов, начав со сплочения революционеров вокруг пролетарского ядра. Межрайонцы в основном поддерживали лозунги большевиков, за исключением лозунга превращения империалистической войны в гражданскую [981] .

Еще в начале 1915 г. представитель межрайонцев А.Л. Попов посетил Западную Европу. Он встретился с Троцким и договорился с ним о совместной работе, в частности об участии Троцкого в планируемом межрайонкой журнале [982] . Численность межрайонной организации к началу февральской революции составляла несколько сот человек, но к середине 1917 г. возросла примерно до 4 тысяч, главным образом за счет возвратившихся эмигрантов, бывших заключенных и ссыльных. Быстрый рост межрайонки был обязан в первую очередь тому, что в ее состав вошел Троцкий, который, не заняв официального поста, стал естественным ее руководителем с самого момента присоединения, которое произошло уже в первые дни после его возвращения, и уже 10 мая он вел от имени этой организации переговоры с Лениным о совместных действиях.

В течение краткого времени к межрайонцам присоединились многие из тех, кто

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. занимал промежуточное положение между большевиками и меньшевиками, включая и деятелей, официально входивших ранее в одну из этих двух фракций, но стоявших на правом ее фланге (у большевиков) или на левом (у меньшевиков). Лишь некоторые были прямыми сторонниками Троцкого, но со всеми из них Троцкий поддерживал товарищеские или хотя бы терпимые взаимоотношения, сотрудничал с ними в издававшихся ранее печатных органах. Имеются в виду Луначарский, Мануильский, Иоффе, Володарский, Урицкий и др. По словам историка И. Дойчера, это была «блестящая политическая элита» [983], но их организация, крайне малая по численности, не была в состоянии действовать самостоятельно и не могла идти ни в какое сравнение с большевиками, набиравшими все большую силу. Межрайонная группа явочным порядком захватила довольно обширное помещение Общества спасения на водах по улице Садовой, 50, где в основном и работал Троцкий в те немногие часы, когда он не участвовал во всевозможных заседаниях или не выступал на митингах и собраниях [984]. По своим установам межрайонцы в начале революции были близки к тем правым большевикам (Каменев, Сталин и др.), которые выступали за условную поддержку Временного правительства и оказание на него давления с целью заставить его углублять революционный процесс. Еще до приезда Троцкого большевистская организация Петрограда предложила межрайонцам объединение. Но вопрос находился в подвешенном состоянии, отчасти из за того, что межрайонцы с нетерпением ожидали прибытия Троцкого, чтобы предложить ему возглавить свою организацию. Не случайно именно их представители (вместе с большевиками) поспешили встретить прибывшего в Петроград Троцкого. Позиция Троцкого в мае – июне 1917 г. была двойственной. Он действительно выступал за объединение, но такого курса придерживался и ранее. Теперь же, стремясь к объединению левых социал демократических сил, он вначале не торопился предложить свои услуги большевикам, и Ленину в особенности. Ленин со своей стороны почти сразу после возвращения Троцкого увидел в нем весьма полезный инструмент политической агитации и организации в духе тех идей, которые были выражены в «Апрельских тезисах» и с большой натугой утверждены Апрельской конференцией большевиков. Ленин считал весьма целесообразным объединение с межрайонцами, но ни в коем случае не как с равными партнерами, а путем вступления в большевистскую партию. Для Троцкого же это означало, что в большевистской партии он займет пусть не второстепенную позицию, но уж точно не равную ленинской. В то же время у Троцкого, скорее всего, не было искренней, внутренней надежды на объединение межрайонцев с большевиками на равных – очень уж разными были весовые категории тех и других. С одной стороны, действовала партия, имевшая организации по всей стране и насчитывавшая приблизительно 200 тысяч членов [985], с другой стороны, местная, в основном интеллигентская, группа – максимум в несколько тысяч человек, которая, хотя и увеличивалась, но имела естественные, причем весьма небольшие, пределы роста. 10 мая [986] Ленин совместно со своими ближайшими сотрудниками Зиновьевым и Каменевым посетил конференцию межрайонцев и предложил им план действий, направленных на подготовку слияния всех левых интернационалистических групп в единую партию. Ленин при этом не упоминал, что речь идет о фактическом вступлении в большевистскую партию, но это подразумевалось и вытекало из контекста выступления и подготовительных заметок к нему. Ленин предложил, что в редакцию «Правды» будет введен один представитель Межрайонной комиссии, что два ее члена и, возможно, один представитель меньшевиков интернационалистов войдут в Организационную комиссию по созыву партийного съезда, который намечалось созвать через шесть недель. На этом съезде предполагалось обсудить все спорные вопросы, поднятые в большевистской прессе (именно в большевистской, а не в социал демократической прессе вообще). Из того, что Ленин предлагал созвать именно большевистский съезд, в котором должны были участвовать межрайонцы, а также другие близкие к большевикам группы, было ясно, что он стремился к поглощению этих групп большевиками. Троцкий и другие руководители межрайонцев высказывали довольно сдержанное, хотя в целом положительное отношение к внесенным Лениным конкретным предложениям, однако не торопились их немедленно и тем более безоговорочно принимать. Троцкий выступал на совещании по крайней мере дважды. Он предостерегал межрайонную группу от немедленного и безоговорочного присоединения к большевикам и считал необходимым в преддверии общепартийного съезда «не растворить» межрайонную группу. Он выразил весьма сдержанное, не слишком одобрительное отношение к политике военного пораженчества, которая проводилась большевиками, хотя и заявил, что пораженчество лучше, чем пацифизм, что это «м[еньшее] зло» – но все же зло. Он считал, что революция находится на «национально демократическом» уровне, а не на «интернационально пролетарском», что на этом уровне возможна диктатура пролетариата и крестьянства, которая носит буржуазный характер, а не пролетарско социалистический. По всей видимости, Троцкий призывал

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

к тому, чтобы превратить революцию в «интернационально пролетарскую». «Большевики разболевшились, – заключил Троцкий, – и я называться б[ольш]е[ви] ком не могу». Троцкий имел в виду утрату большевиками, по крайней мере частично, их интернационалистическо революционного характера, их тенденцию к превращению в национальную, хотя и крайне левую, партию. При этом Троцкий утверждал, что «русский б[ольшевизм] интернализуется», то есть указывал на международное влияние большевизма, появление в западных социал демократических партиях групп, по своим установкам близких к большевикам. Наконец, касательно Организационного бюро по созыву съезда Троцкий предложил включить в него, кроме представителей тех групп, о которых говорил Ленин, польских, латвийских и других национальных социал демократов [987].

Встреча 10 мая не дала непосредственного результата. Но все таки это был первый, хотя и робкий шаг на пути вхождения Троцкого в большевистскую партию, шаг немаловажный, фактически определивший вектор его дальнейшего политического поведения. 30 мая на заседании столичного комитета большевиков Ленин объявил о намечаемой договоренности с межрайонкой и о «привлечении т. Троцкого к изданию популярного органа». Издание популярной газеты – сложный проект и требует большого опыта, заявлял Ленин, объясняя намерение использовать недавнего злейшего врага. «Поэтому ЦК и привлекает к участию в постановке популярной газеты т. Троцкого, сумевшего [в 1905 г.] поставить свой популярный орган «Русскую газету» [988].

И все же политически Троцкий в первой половине 1917 г. (точнее говоря, до середины июня) продолжал считать себя циммервальдовцем, имея в виду прежде всего то, что он придерживался курса на восстановление Интернационала на базе тех принципов, которые были сформулированы Циммервальдской конференцией. В печатном органе межрайонцев «Вперед», в газете М. Горького «Новая жизнь», в «Известиях» Петроградского Совета он продолжал пропагандировать те идеи, которые многократно высказывал в последние месяцы, прежде всего в нью йоркской газете «Новый мир». Троцкий резко критиковал непоследовательность Временного правительства, которое, по его мнению, мало что изменило в России со времени свержения монархии, не пошло на проведение радикальной реформы полиции и местной администрации, отказалось от провозглашения республики, отложив вопрос о форме государственного устройства до созыва Учредительного собрания, главное – не решилось на вывод России из войны. Поддаваясь эмоциям, он даже заявил, что Временное правительство импотентно. Но тем не менее не предлагал идти на полный разрыв с ним, не призывал организовывать новое социальное восстание.

Отстаивал он и необходимость сплочения с меньшевиками интернационалистами. Мартов писал Кристи 17 июня, выражая даже некоторое удивление, что Троцкий «держится политики – не трогать нас». Более того, после одного из выступлений Юлия Осиповича он «поднялся и нелепо закричал: «Да здравствует революционный социал демократ Мартов!» [989] Ранее межрайонцы во главе с Троцким, частью меньшевиков интернационалистов во главе с Мартовым и членами национальных социал демократических организаций блокировались с большевиками при выборах в районные городские думы Петрограда [990]. Так что в блоке с левыми меньшевиками во главе с Мартовым Троцкий не видел ничего неестественного.

Новому лидеру межрайонцев удалось выпустить брошюру «Программа мира» [991], в которой формулировались основные принципы: международные отношения дублируют рыночные отношения – сильные доминируют над слабыми; в ходе империалистических противоречий и войн неизбежны аннексии и порабощения стран; подлинное самоопределение наций может гарантировать только новый мировой пролетарский порядок. В брошюре вновь подчеркивалось приоритетное значение создания Соединенных Штатов Европы на социалистических началах. Автор всячески акцентировал внимание на том, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, что эта задача может быть осуществлена лишь в масштабе Соединенных Штатов Европы.

При всем неприятии Лениным этого лозунга сами установки перманентной революции теперь были несравненно ближе большевистскому лидеру, чем десятью годами ранее, хотя далеко не по всем вопросам он и теперь готов был согласиться с Троцким. В первую очередь это касалось вопроса о власти. Дело в том, что весной и летом 1917 г. Троцкий считал, что взятие власти Советами было бы преждевременной акцией, тогда как Ленин выдвигал лозунг «Вся власть Советам». Но Ленин и Троцкий подразумевали под властью Советов разное. Для Троцкого этот лозунг означал действительную передачу власти Советам – не Ленину и большевикам, а Советам, во главе которых Троцкий уже стоял в 1905 г. И не без оснований надеялся занять этот пост в 1917 м. Лозунг «Вся власть Советам» во главе с Троцким означал «Вся власть Троцкому». Но во главе Советов пока что стояли умеренные социалисты, ведомые авторитетным меньшевиком Чхеидзе. Бороться за власть с ним Троцкий не планировал. Он намеревался выждать, пока в силу исторических обстоятельств –

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

дальнейшей радикализации масс и революции, на что очевидным образом рассчитывал Троцкий, – власть упадет к нему в руки сама. По всем этим причинам он и считал выдвинутый Лениным лозунг пока преждевременным.

По мысли Троцкого, на первом этапе левые социал демократические силы должны были завоевать в Советах большинство (и проголосовать за Троцкого как своего лидера). До этого Советы, не претендуя на прямую власть, должны были осуществлять самый бдительный контроль за деятельностью Временного правительства [992] (то есть подвергать правительство постоянной критике и толкать влево). Ленин же понимал, что перехват власти Советами на нынешнем этапе создаст бесконтрольную ситуацию и увеличит шансы большевиков на захват с помощью Троцкого власти в Петроградском Совете, а через это – во всей столице.

Позиция Троцкого, как и всей межрайонки, была близка установкам той группы большевиков, доминировавших в Петроградской организации (ими руководил Каменев), которые до приезда Ленина в Петроград были подвергнуты Лениным критике и вынуждены были отказаться от своего мнения на Апрельской партийной конференции большевиков. С их помощью Троцкий уверенно восстанавливал позиции в этом самом революционном органе революции. Он сотрудничал в трех газетах: «Известиях» (органе Совета), «Вперед» (печатном органе межрайонцев, который стал выходить в начале июня) и в газете М. Горького «Новая жизнь». Особое внимание он уделял выступлениям на митингах, перед народом. В те месяцы, когда Россия внезапно, в течение нескольких дней, стала страной абсолютной свободы слова (для либералов и левых радикалов), Троцкий оказался именно тем персонажем, который был наиболее востребован массами. Он выступал в Совете, ездил в Кронштадт, где его речи с восторгом встречали революционные моряки. Он часто выступал в петроградском цирке «Модерн». Луначарский дал буквально восторженное описание его выступлений в этом цирке: «Я считаю Троцкого едва ли не самым крупным оратором нашего времени. Я слышал на своем веку всяких крупнейших парламентских и народных трибунов социализма и очень много знаменитых ораторов буржуазного мира и затруднился бы назвать кого либо из них, кроме Жореса... которого я мог бы поставить рядом с Троцким... Эффективная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика – вот достоинства речи Троцкого» [993] .

2. Сближение с большевиками

На уровне практической деятельности Троцкий активно сотрудничал с большевиками главным образом в Петроградском Совете и на I Всероссийском съезде Советов, состоявшемся 3 – 24 июня (16 июня – 7 июля) 1917 г. Троцкий был избран делегатом съезда вместе с еще девятью делегатами от группы «объединенных социал демократов», то есть от межрайонцев [994] . Еще до открытия съезда, 1 июня, состоялось «объединенное совещание социал демократических депутатов», на котором в числе других ораторов выступил Троцкий, посвятивший свою речь обоснованию того, что продолжавшаяся война носила империалистический характер. Однако уже 2 июня на совещании с директивной речью выступил большевик Каменев [995] , после чего большевики, а вместе с ними и Троцкий, отказались участвовать в совещаниях объединенных социалистических фракций. Это был первый экзамен, устроенный Лениным Троцкому, которому пришлось выбирать: оставаться ли с меньшевиками на совещании и сохранить ораторскую трибуну, или уйти с большевиками, пока что в никуда. Троцкий выбрал второе.

Первый раз он выступил на пленарном заседании съезда Советов 5 июня при обсуждении вопроса о продовольственной политике Временного правительства. Оценивая отчет министра продовольствия А.В. Пошехонова, Троцкий соглашался на определенную степень конструктивного сотрудничества с правительством, призывая министров к конкретности и деловитости, хотя и не объясняя, в чем эти качества должны были, по его мнению, состоять. В то же время он предупреждал, что страна живет в состоянии «панического кризиса власти», и полагал, что буржуазные партии будут саботировать промышленность, чтобы углубить кризис: «Представители помещичьего землевладения и крупного капитала занимаются политическим шантажом по отношению к партиям и революционным силам демократии», – утверждал он примерно в том же духе, что и большевистская пресса. Между тем если кто и работал на углубление кризиса в стране, то, конечно, радикальные партии, а не буржуазные.

Троцкий соглашался с тем, что власть расколота, но характер этого раскола он оценивал пока еще несколько иначе, нежели Ленин. У Троцкого речь шла не о двоевластии Временного правительства и Советов, как заявляли большевики вслед за своим лидером, а о том, что Временное правительство является не твердой

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.

государственной властью, а «постоянной конференцией, постоянной примирительной камерой между представителями помещиков и крестьян, представителями капитала и представителями рабочих». Выводом было заявление о «двоебезвластии» Советов и Временного правительства, которому наиболее революционное левое крыло противопоставит развитие и углубление революции [996].

На следующих заседаниях Троцкий продолжал проявлять высокую активность, постоянно вмешивался в прения, причем происходило это, как правило, в унисон с аналогичными репликами Ленина. На заседании 6 июня председательствующий Чхеидзе даже заявил: «Товарищ Троцкий и вообще все товарищи, еще и еще прошу вас соблюдать тишину и еще прошу». Ряд депутатов меньшевиков в своих выступлениях фактически ставили теперь позиции Ленина и Троцкого на один уровень. Наиболее четко и решительно, разумеется в категорически негативном контексте, такую убежденность высказал известный меньшевик Либер, с которым у Троцкого были столкновения еще со времени II съезда РСДРП [997].

9 июня Троцкий высказывался дважды. Вначале речь шла о характере государственной власти, причем Троцкий потребовал, чтобы Временное правительство сосредоточило в своих руках «всю полноту народного суверенитета». Оратор, впрочем, не торопился разъяснить, что он имел в виду под этим довольно расплывчатым понятием, которое можно было истолковывать по-разному. Вслед за этим новая речь была посвящена проблеме войны и мира. Он начал ее с заявления, что на съезде замечаются веяния, которые «гораздо ближе к либерализму, чем к революционному социализму». Он открыто высказался в пользу поддержки позиции Ленина и большевиков, возложил надежду на германскую революцию, но тут же оговорился, что если Германия не поднимется, «мы двинем наши полки им навстречу не для обороны, а для революционного наступления» [998].

Выступивший затем возмущенный лидер меньшевиков И.Г. Церетели демонстративно назвал Троцкого не товарищем, как это было принято на съезде, а гражданином, и в устах темпераментного грузина это было особенно оскорбительно. В свою очередь Плеханов, полемизируя со своим старым оппонентом – нелюбимым «гражданином Троцким» (Плеханов тоже назвал Троцкого «гражданином»), обвинил его в бакунинской тактике и других проявлениях анархизма, а Дан саркастически заметил, что на вопрос о мире Ленин и Троцкий дают ответ о войне [999].

В те дни почти уже ушедший с политической сцены когда то грозный лидер революционной конституционно демократической партии Милюков публично выступил с обвинением, которое одних удивило, а другим объяснило все: с обвинением Ленина и Троцкого в шпионаже в пользу Германии. Нужно отметить, что в отношении Троцкого эти обвинения были необоснованны, и Троцкий это хорошо знал. Он не имел отношения к германским деньгам, выдававшимся революционерам на нужды революции в годы Первой мировой войны в том числе и через структуры, созданные его старым знакомым Александром Парвусом. Ленин же через своих приближенных к этим деньгам имел самое непосредственное отношение, да к тому же в Россию возвращался через Германию. Обвинение Ленина в шпионаже на фоне его требований о прекращении войны с Германией выглядело достаточно правдоподобно. 30 июня Милюков выступил с этим обвинением в кадетской газете «Речь»: «Я, действительно, не доволен тем, что г[оспода] Ленин и Троцкий гуляют на свободе, но я мотивирую для правительства необходимость «быть последовательным» относительно них не тем, что они состоят агентами Германии, а тем, что они достаточно нагрели против уголовного кодекса».

Ленин конечно же промолчал. Он хорошо знал, что действительно нагрел против уголовного кодекса. За него ответил Троцкий, совесть которого была чиста: «С этой трибуны революционной демократии я говорю и обращаюсь к честной русской печати с просьбой, чтобы мои слова были воспроизведены: до тех пор, пока Милюков не снимет с нас этого обвинения, на его лбу останется печать бесчестного клеветника» [1000]. Газета Горького (в тот период Горький был всецело на стороне Ленина и большевиков) так отреагировала на эти слова: «Произнесенное с силой и достоинством заявление Троцкого встречает единодушную овацию всего зала. Весь съезд без различия фракций бурно аплодирует в течение нескольких минут» [1001]. Летописец революции 1917 г. меньшевик интернационалист Н.Н. Суханов (Гиммер) [1002] оценил это выступление чуть иначе: как «ядовитую, негодующую, вызывающую речь» [1003].

Столкнувшись со столь враждебной реакцией, Милюков заявил, что был неправильно понят: он не называл Троцкого и Ленина немецкими агентами. Но он полагал, что правительство должно арестовать их за подрывную деятельность [1004]. Понятно, что лавры победителя в этой политической дуэли достались Троцкому, а Ленин сделал еще одну зарубку в своей памяти: Троцкий снова поддержал и выручил его в критическую минуту.

На съезде Троцкий в последний раз встретился и вступил в стычку с патриархом российского социалистического движения Плехановым. В нескольких выступлениях

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Плеханов проповедовал войну до победного конца. Съезд с видимой прохладой воспринимал его заявления, но из уважения к заслугам и возрасту, как правило, не вступал с ним в споры. Троцкий оказался одним из немногих, кто резко упрекнул Плеханова за «патриотическую проповедь». Плеханов ответил новой высокомерной речью, называя себя Дантоном русской революции. И. Дойчер комментирует: «Больному ветерану революции Плеханову и в голову не могло прийти, что как раз его молодому оппоненту, занимавшему гораздо более скромное положение, предназначено стать русским Дантоном и дать русской армии глоток «живительного сока революции» [1005].

2 июля в «Правде» появилось письмо Троцкого о том, что никаких принципиальных или тактических разногласий между «объединенными» и большевиками нет, а значит, нет и мотивов для их отдельного существования, что объединение в Петрограде должно осуществиться немедленно, не дожидаясь партийного съезда, а последний должен будет дать «полное организационное слияние» [1006].

В это время российские социалисты разных направлений возобновили свои усилия по восстановлению международного социал демократического объединения в рамках Циммервальдского движения. Они провели свою полуофициальную встречу, на которой присутствовали в качестве зарубежных представителей циммервальдовцев швейцарец Р. Гримм и русско итальянская революционерка А. Балабанова, которая к этому времени фактически примкнула к большевикам. Обсуждался вопрос об участии в III Циммервальдской конференции, которую планировалось провести в Стокгольме. Большевики и Троцкий возражали против участия в ней, выступив за разрыв с Циммервальдским движением и за создание принципиально нового Интернационального объединения, которое соответствовало бы их радикальным установкам. Троцкий был особенно враждебно и агрессивно настроен по отношению к примиренческой позиции и заходил в своих нападках гораздо дальше, чем большевики, составлявшие внутри Циммервальдского движения левое крыло (Троцкий представлял центр). Балабановой это показалось удивительно, и она, выходя из помещения, где проходило заседание, с нарочитой наивностью задала Ленину вопрос, в чем же все таки состоит идейное различие между большевиками и Троцким: «Почему он держится в стороне от вашей группы?» Реакция Ленина была вполне ожидаемой: «Вы что же, не знаете?.. Амбиции, амбиции!» [1007]

Можно предположить, что у Балабановой создалось несколько субъективное и предвзятое впечатление от позиции Троцкого, вызванное его более высокими ораторскими способностями, чем те, которыми обладал Ленин. Скорее всего, явно досадливая реплика Ленина была вызвана тем же. Когда Троцкий отмежевывался от циммервальдовцев даже решительнее, чем это делал Ленин, амбиции тут были ни при чем, хотя Ленин даже в самую лучшую пору близости с Троцким подозревал его в стремлении обойти большевистского лидера, и общее недоверие к Троцкому Балабанова уловила:

«И большевики, и меньшевики относились к нему с затаенной враждой и недоверием, возможно, памятуя об острой полемике, которую он вел против них в прошлом, и отчасти, несомненно, из страха перед соперничеством с таким ярким писателем и оратором. Более, чем любая другая фигура в русской революции, Троцкий оказался способным поднимать массы силой своего революционного темперамента и блестящего ума. Но он не вызывал личных симпатий или если и вызывал, то не мог долго удерживать их, особенно в близких отношениях среди друзей и товарищей. Его высокомерие было равно его талантам и способностям, а его манера проявлять его в личных отношениях часто создавала дистанцию между ним и людьми из его окружения, которая исключала и личную теплоту, и какое бы то ни было чувство равенства и сотрудничества» [1008].

фактически присоединившись к большевикам, Троцкий отдавал себе отчет в сущности большевизма и характере Ленина как политического деятеля. Иоффе в начале лета 1917 г. во время беседы с Троцким возражал против безоговорочного вступления межрайонцев в большевистскую партию. «Лев Давидович! Они же политические бандиты!» – весьма темпераментно воскликнул Иоффе. «Да, я знаю, – ответил Троцкий, – но большевики сейчас единственная реальная политическая сила» [1009]

Троцкий был избран съездом Советов в состав Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) в качестве представителя все тех же межрайонцев [1010]. Когда большевики в глубокой тайне запланировали провести в Петрограде 10 июня массовую демонстрацию, межрайонцев они предупредили об этом в последний момент. 9 июня, несмотря на возражения Луначарского, фракция межрайонки на съезде Советов по настоянию Троцкого утвердила решение принять участие в демонстрации [1011]. И хотя демонстрация затем была отменена в связи с ее запретом властями, этот факт стал еще одной ступенью к слиянию большевиков с межрайонцами и еще одним плюсом, который поставил Ленин в отношении Троцкого. После отмены демонстрации 10 июня Троцкий совместно с Каменевым «по предложению

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.

Ленина» подготовил проект заявления ЦК РСДРП(б) и большевистской фракции на съезде Советов о запрете демонстрации Временным правительством. Заявление зачитывал большевик В.П. Ногин. Но дочитать текст до конца ему не дали. Он был лишен слова, а съезд принял резолюцию, осуждавшую действия большевиков [1012]. В начале июля в Петрограде возникли волнения, которые правильнее назвать бунтом. Распропагандированные большевиками солдаты первого пулеметного полка, размещенного в Выборгском районе столицы, заполнили улицы. Перед ними произносил речи Троцкий, в частности 2 июля, накануне их открытого антиправительственного выступления, и можно полагать, что его речь отчасти спровоцировала пулеметчиков, к которым присоединились моряки Кронштадта.

Кронштадтцы были хорошо знакомы с Троцким. Он несколько раз отправлялся в эту морскую крепость, рассматривая команды размещенных здесь военных кораблей в качестве наиболее надежной базы революции. Несколько раз он называл Кронштадт «крепостью революции». В действительности кронштадтские матросы и младшие флотские офицеры проявляли не столько «революционную сознательность», сколько традиционно свойственную морякам непокорность властям, анархизм, нежелание выполнять распоряжения «штатских начальников», введенных Временным правительством, которое не доверяло офицерам. Именно на этих чувствах и играл Троцкий.

Еще в конце мая – начале июня в Кронштадте произошли волнения, Троцкий 29 мая выступил на митинге в центре города крепости, на Якорной площади. Об этом выступлении и последующих событиях рассказал в своих воспоминаниях меньшевик В.С. Войтинский [1013]: «Я слышал и видел его много раз в Петрограде, но никогда так близко, как на Якорной площади. Он был среднего роста, но казался выше, когда говорил. Было что то привлекательное и в то же время злобное, дьявольское в его угловатых чертах. Его голос был сильным и ясным, идеальный голос для оратора на открытом воздухе. Я слушал его и пытался определить, говорил ли он искренне, одурманенный идеями, которые он проповедовал, и на самом деле являлся призраком революции, подобно Ленину, или бессовестным демагогом. Приветствуемый овацией, он говорил о крови и насилии как о необходимом выражении воли народа в революции», призывал моряков последовать примеру французской революции XVIII в. и ввести в действие гильотину. Это, по словам Войтинского, было «хладнокровным призывом к убийствам. Троцкий понимал, конечно, что матросы Кронштадта не воздвигнут гильотину на Якорной площади. Его ссылки на Французскую революцию были ораторским украшением, и его главной целью было возбудить зверя в [душах] слушателей». Войтинский пришел к выводу, что слушает «блестящего мошенника, для которого революция была сценой для демонстрации своих талантов и обретения силы и славы» [1014].

В тот день Кронштадтский Совет вновь принял резолюцию о разрыве отношений с Временным правительством, о том, что из всех членов правительства он признает только Керенского (в тот момент самого левого члена правительства). Тогда Исполком Петроградского Совета вызвал к себе кронштадтских руководителей, обвинив их в том, что Кронштадт намеревается «отложиться от России». 2 июня руководители Кронштадтского Совета Ф.Ф. Раскольников [1015] и С.Г. Рошаль [1016] прибыли в Петроград, где на заседании Петросовета выступили с разъяснениями своей резолюции. Несмотря на протесты Троцкого, Петросовет, в котором большевики и межрайонцы были все еще в меньшинстве, потребовал от кронштадтцев исполнения распоряжений Временного правительства [1017].

И вот теперь наступило 3 июля. Солдаты пулеметчики и моряки Кронштадта фактически осадили Таврический дворец, бывшую резиденцию российской Государственной думы, где проходили заседания столичного Совета. Каких либо определенных требований, кроме настойчивого повторения лозунга «Вся власть Советам», они не выдвигали, но находились в лихорадочно возбужденном состоянии после шествия по городу, которое сопровождалось пьянством, хулиганскими действиями, выстрелами по окнам и грабежами. В кругах «братишек матросов» в те дни и недели в моде было употребление кокаина, который под маскировкой названием «балтийский чай» использовался вначале для поддержания сил вахтенными ночью или в плохую погоду, а уже во время войны получил широкое распространение. По отношению к волнениям Троцкий занял двойственную позицию. Он был приглашен на заседание ЦК большевиков 3 июля и на нем поддержал предложение умеренного Каменева и других лидеров предпринять все усилия для того, чтобы сдержать массы. На следующем заседании, проходившем той же ночью, удостоверившись, что предотвратить выступление невозможно, Троцкий принял сторону тех, кто стоял за поддержку начавшегося выступления, планируя овладеть его руководством [1018]. Когда же агрессивная толпа оказалась перед Таврическим дворцом, несколько членов Совета, включая вездесущего Троцкого, вышли к бунтовщикам, формально – чтобы их успокоить. На деле Троцкий, не упустив случая, произнес речь, в которой заявил кронштадтцам, что они «цвет и слава революции», и добавил, что Советам пора

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. братъ власть [1019] .

Во время его выступления группа матросов окружила вышедшего вместе с Троцким лидера эсеров министра земледелия Чернова и пыталась затолкать его в автомобиль, чтобы увезти в неизвестном направлении как «заложника». Если бы не проявленное Троцким мужество и самообладание, Чернова, скорее всего, просто бы убили [1020] . Чтобы добиться освобождения Чернова, Троцкому пришлось выступить с длинной речью. Вот как описывал эту речь спасенный Троцким Чернов: «Он указал, что кто то хочет арестовать одного министра социалиста, что это какое то недоразумение, что кронштадтцы были всегда гордостью и славой революции, что они не могут потому хотеть никаких насилий над отдельными личностями, что отдельные личности ничего не могут значить, что здесь, вероятно, никто не имеет ничего против того, чтобы министр социалист возвратился в зал заседания, а что матросы останутся мирно обсуждать жизненные вопросы революции. После этой краткой речи он обратился к толпе с вопросом: «Не правда ли, я не ошибаюсь, здесь нет никого, кто был бы за насилие? Кто за насилие, поднимите руки». Ни одна рука не поднялась, тогда группа, приведшая меня к автомобилю, с недовольным видом расступилась. Троцкий, как мне кажется, сказал, что «вам, гражданин Чернов, никто не препятствует свободно вернуться назад, что это было недоразумение. Все, находившиеся в автомобиле, могли свободно выйти из него, после чего мы и вернулись во дворец» [1021] .

На заседании ВЦИКа 16 июля эпизод по спасению Чернова в устах самого Троцкого оброс уже совсем другими именами, нюансами, выводами: «Когда кадеты вышли из министерства, чья то преступная рука инсценировала попытку ареста Керенского [1022] и Чернова... Кто присутствовал при этой попытке, тот знает, что ни рабочие, ни матросы не видели и не слышали того, что происходило у колонн Таврического дворца. А именно: у колонн находилась кучка негодяев и черносотенцев, которые пытались арестовать Чернова. И еще раньше, чем они пытались это сделать, я говорил Луначарскому, указывая на них: вот это провокаторы».

Луначарский не поспешил подтвердить слова Троцкого. Так что в существовании «черносотенцев» и «провокаторов» нам приходится усомниться. Другое дело, что весьма авторитетный лидер крупнейшей социалистической крестьянской партии – социалистов революционеров – Чернов испытал чувство глубокого унижения, а Троцкий сыграл роль благородного и снисходительного спасителя, сохранившего присутствие духа, проявившего великодушие и обладавшего несравненно большим влиянием и авторитетом в среде народных низов, нежели несчастный министр, считавший себя крестьянским вождем.

А Ленина в эти опасные дни в городе не было. Он выехал в Финляндию и находился на Карельском перешейке в деревне Нейвола, на даче большевика В.Д. Бонч Бруевича [1023] , так как еще 14 июня получил анонимное предупреждение о том, что будет убит, если не покинет Петроград через две недели. Узнав о бунте в Петрограде, Ленин, однако, немедленно возвратился, хотя до конца не понимал, как именно использовать июльское восстание, которое большевики не столько организовывали, сколько провоцировали. Луначарский писал своей первой жене А.А. Луначарской, что «большевики и Троцкий на словах соглашались придать выступлению возможно более организованный характер, но на деле уступают стихии» [1024] . Однако вслед за этим Ленин смог более или менее трезво оценить соотношение сил. Особой проницательности для этого не требовалось. Достаточно было появления в городе одного только Волынского пехотного полка, сохранявшего верность Временному правительству, чтобы дезорганизованная масса солдат, матросов и городских люмпенов в течение нескольких часов полностью рассеялась. «Теперь они нас перестреляют, – говорил Ленин Троцкому 5 июля. – Самый для них подходящий момент» [1025] . Но Ленина с Троцким Временное правительство не тронуло.

Еще до возвращения Ленина из добровольной ссылки в Финляндию и в связи с отсутствием Ленина руководящая группа большевиков фактически признала Троцкого «своим», большевиком. Их фракция во ВЦИКЕ, избранном I съезде Советов, попросила Троцкого выступить с докладом о создавшемся положении, хотя последний членом партии не являлся. В докладе Троцкий высказал мнение, что за кризисом последует подъем революционного движения, что масса «вдвое привяжется к нам, когда проверит нашу верность на деле» [1026] . По существу дела, речь шла о необходимости усилить те демагогические лозунги, которые проповедовали большевики со времени Апрельской конференции под давлением Ленина, прежде всего лозунги рабочего контроля над производством, передачи земли крестьянам, заключения немедленного мира без аннексий и контрибуций. Весьма показательно, что Троцкий говорил о большевиках и своих сторонниках, употребляя местоимение «Мы» .

Уже после победы большевиков в революции (и пока еще Троцкий был при власти) некоторые партийные функционеры писали о том, что Троцкий фактически стал большевиком с момента возвращения в Россию. Об этом писал, например, Ф.Ф.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Раскольников, который действительно сблизился с Львом Давидовичем с начала лета 1917 г.: «Отзвуки былых разногласий довоенного периода совершенно изгладились. Между тактической линией Ленина и Троцкого не существовало различий. Это сближение, наметившееся уже во время войны, совершенно отчетливо определялось к момента возвращения Льва Давидовича в Россию; после его первых же выступлений все мы, старые ленинцы, почувствовали, что он – наш» [1027].

Мнение Раскольникова, стремившегося представить Троцкого «верным ленинцем» с самого начала революции 1917 г., было крайне неточным и упрощенческим. Однако остаточные разногласия с большевиками к началу июля действительно сошли на нет. Теперь выступления Троцкого в цирке «Модерн», на предприятиях, в университете и прочих учебных заведениях, в театрах, на площадях и во многих других общественных местах носили уже фактически большевистский характер и следовали одно за другим. «Я возвращался обессиленный за полночь, открывал в тревожном полусне самые лучшие доводы против политических противников, а часов в семь утра, иногда раньше, меня вырывал из сна ненавистный, невыносимый стук в дверь, меня вызывали на митинг в Петергоф, или кронштадтцы присылали за мной катер» [1028].

Где же был в это время Ленин? В это время он боролся за власть внутри своей большевистской партии, где все было не гладко и не едино. Поглоченный этой аппаратной возней Ленин, по выражению Луначарского, стал быстро тускнеть: «Но действительно, в тот период, после первого громового успеха его приезда в Россию и перед июльскими днями Ленин несколько ступался, не очень часто выступал, не очень много писал, а руководил главным образом организационной работой в лагере большевиков, между тем как Троцкий гремел в Петрограде на митингах» [1029].

Между тем в общественных кругах России все более настоятельно распространялись сведения о том, что большевики являлись платными германскими агентами. Об этом твердили известные журналисты сатирики А. Аверченко, А. Бухов и др. Последний в журнале «Новый Сатирикон» летом 1917 г. писал: «Когда из Германии большевикам были сделаны соответствующие предложения, они возмущенно заявили: – Это вам даром не пройдет! Действительно, Германии это даром не прошло». Российские власти воспользовались показаниями некоего прапорщика Ермоленко, который заявил, что возвратился в Россию из германского плена для проведения антивоенной агитации и что такое же поручение дано было Ленину и другим большевикам [1030].

Скорее всего, в данном случае речь шла о политической провокации, хотя позже финансирование антивоенной пропаганды большевиков германскими службами было убедительно доказано документально [1031], и, даже если показания Ермоленко были сфабрикованы, они оказались весьма точным предположением, хотя и не основанным в те дни на неоспоримых фактах.

В связи с кампанией в прессе против Ленина и других социал демократов, которые возвратились в Россию через германскую территорию, правые и либеральные печатные органы вновь выдвинули обвинения против Троцкого. Милюковская «Речь» сообщила, например, что Троцкий получил от немцев в США 10 тысяч долларов для «ликвидации Временного правительства». При этом использован был действительный факт сбора денег отъезжавшим, который проводили их сторонники разных национальностей. Но немецкие военнопленные (немцы) в числе этих людей доминировали. По словам Троцкого, сбор дал только 310 долларов, которые были распределены между всеми членами группы, отправлявшейся тогда на пароходе в Россию [1032].

Всю эту историю Троцкий рассказал в газете Горького «Новая жизнь», завершив ее следующими патетическими и в основе своей, видимо, правдивыми словами: «Для того чтобы на будущие времена ввести необходимый поправочный коэффициент в измышления обо мне гг. лжецов, клеветников, кадетских газетчиков и негодяев вообще, считаю полезным заявить, что за всю свою жизнь я не имел одновременно в своем распоряжении не только 10 000 долларов, но и одной десятой части этой суммы. Подобное признание может, правда, гораздо основательнее погубить мою репутацию в глазах кадетской аудитории, чем все инсинуации г. Милюкова. Но я давно примирился с мыслью прожить свою жизнь без знаков одобрения со стороны либеральных буржуа» [1033].

Когда же Временное правительство все таки отдало распоряжение об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева и других большевистских лидеров по обвинению в попытке организации государственного переворота 3 – 4 июля 1917 г. и по подозрению, что они действовали на основе указаний и на средства германского правительства (Ленин и Зиновьев предпочли скрыться, некоторые большевистские лидеры действительно были арестованы), Троцкий счел своим прямым долгом 10 июля обратиться к Временному правительству с открытым письмом [1034]. Он заявлял о своем полном одобрении «принципиальной позиции» большевистского руководства, о том, что защищал эту позицию во всех своих публичных выступлениях, что его отношение к событиям 3 – 4 июля было «однородным с отношением названных товарищей»: далее следовали разъяснения в ряде пунктов. В письме говорилось:

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. «Неучастие мое в «Правде» и невхождение мое в большевистскую организацию объясняются не политическими разногласиями, а условиями нашего партийного прошлого, потерянными ныне всякое значение». Письмо завершалось патетическим призывом к властям поступить с ним таким же образом, как с большевистскими лидерами: «У вас не может быть никаких логических оснований в пользу изъятия меня из под действия декрета, силою которого подлежат аресту тт. Ленин, Зиновьев и Каменев. Что же касается политической стороны дела, то у вас не может быть оснований сомневаться в том, что я являюсь столь же непримиримым противником общей политики Временного Правительства, как и названные товарищи». Временное правительство поверило в искренность заявления Троцкого и пошло ему навстречу. В ночь на 23 июля он и преданный ему в тот период Луначарский были арестованы.

3. Снова Кресты

Троцкий был задержан на квартире члена Исполкома Петроградского Совета С.Д. Лурье, у которого он ночевал, в доме номер 11 по Таврической улице. 24 июля начальник уголовной полиции Петрограда А.А. Кирпичников отрапортовал прокурору Петроградской судебной палаты об аресте: «Задержанные лица помещены в одиночную тюрьму с зачислением содержания за вами» [1035]. Разумеется, речь шла об одиночной камере, а не «одиночной тюрьме». Арестованный был отправлен в ту самую центральную питерскую тюрьму Кресты, где он уже находился после ареста в декабре 1905 г. На следующий день Троцкий был доставлен в суд на улице Фонтанке, где следователь по особо важным делам П.А. Александров предъявил ему и нескольким другим арестованным обвинения в подстрекательстве к вооруженному восстанию и в связях с лицами, находившимися на германской службе [1036].

Постановление Александра было подготовлено еще 21 июля. Согласно ему аресту подлежали Ленин, Зиновьев, Троцкий, Коллонтай, Раскольников, Луначарский, а также Парвус и ряд других лиц, подозреваемых в посредничестве с германскими секретными службами, всего 12 человек, которые вошли в соглашение с агентами вражеского государства и содействовали дезорганизации фронта и тыла [1037]. Следователь уже зачитывал показания об использовании большевиками германских денег, когда Троцкий внезапно поднялся и, стукнув кулаком по столу, заявил об отказе выслушивать «эти подлые и лживые показания» [1038].

Тем не менее Троцкому пришлось давать показания на предварительном следствии. В ответ на обвинение в том, что в ночь на 4 июля он находился в большевистском руководящем центре во дворце Кшесинской [1039], Троцкий сообщил, что в это время он «безвыходно» находился в Таврическом дворце, где заседал Петроградский Совет, и не преминул указать на своего свидетеля – спасенного Троцким министра Чернова, которого чуть было не убили субъекты «полууголовного, полупровокационного типа» [1040]. По вопросу о финансировании большевиков Германией Троцкий дал недвусмысленные показания. Он категорически отмежевался от Парвуса и большевистских финансовых связей Ленина – Якова Станиславовича Ганецкого, Михаила Юрьевича Козловского и Евгении Маврикиевны Суменсон. С Парвусом Троцкий публично порвал еще во времена парижской газеты «Наше слово» из за его национал патриотизма, а с остальными вообще знаком не был. Большевиков же, обвиняемых в незаконных связях с немецкими агентами, Троцкий объявил невиновными, так как знал их как «старых, испытанных и бескорыстных революционеров, неспособных торговать совестью из корыстных побуждений, а тем более совершать преступления в интересах немецкого деспотизма» [1041].

Оставим на совести Троцкого то, что в разгар революции в России его не сильно интересовало, каким образом Ленин оказался в Петрограде и кто за это платил и как и на что он жил и работал все военные годы. Тем более не в характере революционеров было давать показания на своих сокамерников, даже если до ареста между ними были расхождения. Временное (тоже революционное) правительство не должно было ожидать, что показания на Ленина даст его конкурент Троцкий. Оно не могло надеяться, что в скоротечном суде в разгар революции сможет юридически доказать факт получения большевиками и Лениным в том числе денег от германского правительства или иных немецких или международных структур, враждебных России. Троцкий все это прекрасно понимал. И уж раз его не убили сразу и по тихому, гденибудь по дорожке в камеру или из камеры в суд, вопрос о его освобождении был делом решенным. В этом можно было не сомневаться.

Из одиночной камеры Крестов Троцкий буквально бомбардировал различные органы и разных правительственных деятелей заявлениями разоблачениями и протестами. Его в наименьшей степени интересовало доказательство собственной невиновности. Начал он с заявления общего характера, написанного 25 июля на имя Временного правительства, где шла речь о характере сообщения прокурора Петроградской судебной палаты по поводу событий 3 – 5 июля [1042]. Общие свои позиции Троцкий

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. формулировал в этот период так: «1. Я разделяю принципиальную позицию Ленина, Зиновьева и Каменева и развивал ее в журнале «Вперед» и во всех вообще своих публичных заявлениях. 2. Неучастие мое в «Правде» и невхождение мое в большевистскую организацию объясняются не политическими разногласиями, а условиями нашего партийного прошлого, потерявшими ныне всякое значение» [1043]. Как уже это было в 1906 г., Троцкий из тюремной камеры рассылал публицистические статьи, но теперь он сотрудничал почти исключительно в большевистской печати. Наряду с острой критикой внутренней политики Временного правительства он разоблачал хищнический характер продолжавшейся «кровавой бойни» и поддержку войны «фальшивыми социалистами». Вопросу о войне была посвящена и агитационная брошюра, выпущенная большевистским издательством [1044]. На проходивших в это время митингах и собраниях не только большевиков, но и других левых сил принимались резолюции с острыми протестами против ареста Троцкого и других задержанных. Наиболее значительным был митинг 23 июля в цирке «Модерн», созванный меньшевиками интернационалистами, на котором «по требованию слушателей», помимо рассмотрения основного вопроса «Война и кризис власти», была принята резолюция, в которой говорилось: «Собрание 8000 рабочих, солдат и интеллигентных тружеников... заслушав тов. Мартынова, Суханова, Мартова и Семковского, энергично протестует против ареста тов. Троцкого и Луначарского, видит в этом новом акте репрессии проявление растущей контрреволюции, требует, чтобы Всероссийский исп[олнительный] к[омитет] и Петроградск[ий] Совет Р[абочих] и С[олдатских] д[епутатов] настаивали со всей энергией на освобождении этих товарищей, на прекращении всех подобных репрессий против представителей политических партий, на том, чтобы обвинения, выставленные прокурором против тов[арищей] большевиков, в скорейшем времени были рассмотрены гласным судом» [1045]. Против арестов на заседании в ЦИКа 24 июля энергично протестовал Мартов [1046]. Меньшевики интернационалисты были, таким образом, весьма благосклонны к Троцкому и другим большевистским лидерам (после прихода к власти большевиков это им зачтено не было). Но арестованных спасли не протесты левой общественности. По неписаным законам революции арестантов совместными усилиями спасли глава правительства А.Ф. Керенский и генерал Л.Г. Корнилов [1047]. В конце августа, по соглашению с Керенским, Корнилов выступил с преданными ему войсками в направлении Петрограда для установления в столице твердой государственной власти. Впервые в своей жизни Троцкий вполне физически ощутил на шее затягивающую петлю веревки. Не случайно в своих мемуарах, вспоминая об этих днях, он упомянул выражение «повис на тоненькой ниточке»: «В дни корниловского похода на столицу тюремный режим повис на тонкой ниточке. Все понимали, что если Корнилов вступит в город, то первым делом зарежет арестованных Керенским большевиков. ЦИК опасался, кроме того, налета на тюрьму со стороны белогвардейских элементов столицы. Для охраны «Крестов» прислан был большой военный наряд. Он оказался, разумеется, не «демократическим», а большевистским и готов был в любую минуту освободить нас». Однако на тоненькой ниточке в те дни повис не режим, а жизнь Троцкого. И вряд ли его мог освободить большевистский военный отряд, дежуривший у стен тюрьмы. Троцкому повезло. В юности Керенский мечтал стать актером и сыграть роль ревизора из пьесы Н.В. Гоголя. Эту роль он с успехом сыграл. Глава Временного правительства России оказался не более чем гоголевским ревизором. Когда Корнилов был уже на подступах к Петрограду, у Керенского сдали нервы. Он испугался, что вместе с Троцким будет повешен и сам. Глава Временного правительства отрекся от генерала и объявил его мятежником. От опоры на армию маятник Керенского качнулся к союзу с радикалами. 29 августа на заседании ЦК Социал демократической партии (объединенной), как стала официально именоваться в это время меньшевистская партия, в состав которой на объединительном съезде вошел ряд социал демократических групп и течений умеренного и левого толка, было принято решение предложить министру юстиции и члену партии народных социалистов А.С. Зарудному [1048] «пересмотреть дела арестованных большевиков и изменить меры пресечения относительно тех, которые не обвиняются в уголовных преступлениях и шпионстве. Освободить всех большевиков, которым не предъявлено обвинение» [1049]. Под давлением Керенского, с одной стороны, и радикалов, с другой, судебные следственные власти сочли целесообразным выпустить из тюрьмы арестованных большевиков, включая Троцкого, хотя обвинения с них сняты не были. 4 сентября Троцкий, проведший 40 дней в заключении, был освобожден под залог в 3 тысячи рублей. Залог был внесен Петроградским советом профсоюзов [1050]. Большевистский «Рабочий путь» (так называлась в это время «Правда») писал: «Наш горячий привет освобожденному борцу, наш привет выходящему на волю из «республиканской тюрьмы» товарищу!» [1051]. Но за эти 40 дней отсидки Троцкий пропустил одно важное в своей жизни событие.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. Дело в том, что в конце июля – начале августа в Петрограде полулегально состоялся VI съезд большевистской партии, на котором около 4 тысяч межрайонцев присоединились к большевикам. Наиболее видным и известным среди них был, безусловно, Троцкий. Вместе с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Коллонтай и Луначарским (то есть теми лицами, которые скрывались или находились в заключении) Троцкий заочно был избран в почетный президиум съезда. Льва Давидовича, тоже заочно, избрали также в ЦК большевистской партии, причем при выборах больше его голосов получили только Ленин (134) и Зиновьев (132). За Троцкого и Каменева было подано по 131 голосу. Троцкий стал также одним из пяти большевиков, выдвинутых кандидатами от большевистской партии в Учредительное собрание [1052]. Остается только догадываться, допустил бы Троцкий вхождение своих межрайонцев в большевистскую партию и собственное свое заочное выдвижение в ее руководящие органы, если бы он был в те дни на свободе. С августа 1917 г. начался отсчет большевистского стажа Троцкого, который закончился через 10 лет – в ноябре 1927 г., когда Троцкий был исключен из партии как руководитель антисталинской оппозиции.

Список аббревиатур

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БРСДП(о) – Болгарская рабочая социал демократическая партия (объединенная)
ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВКС – Всероссийский крестьянский союз
ВМОРО – Внутренняя македонско одринская революционная организация
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГПУ – Государственное политическое управление
ГУЛАГ – Главное управление исправительно трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения
ЗБЦ – Заграничное бюро ЦК
КИМ – Коммунистический интернационал молодежи
КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
МИД – Министерство иностранных дел
МИСИ – Международный институт социальной истории в Амстердаме
МСБ – Международное социалистическое бюро
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
НЭП – Новая экономическая политика
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОК – Организационная комиссия
ПСР – Партия социалистов революционеров
ПСС – Полное собрание сочинений
РГАСПИ – Российский государственный архив социально политической истории
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП – Российская социал демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СДКПил – Социал демократия Королевства Польского и Литвы
СДЛК – Социал демократия Латышского края
СНК – Совет народных комиссаров
СРД – Совет рабочих депутатов
ЦДА на РБ – Централен държавен архив на Република България
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия

фотоальбом

Л.Д.Троцкий в 1917 г.

Давид и Анна Бронштейн, родители Льва

Город Николаев. Соборная улица. Конец XIX в. Здесь начиналась революционная

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
деятельность Льва Бронштейна

Лев Бронштейн в возрасте девяти лет

Лев Бронштейн в ссылке (1901 г.)

Троцкий в ссылке в Иркутской губернии (1900 г.)

Троцкий и его первая жена Александра Соколовская в ссылке

Троцкий в Лондоне (конец 1902 г.)

Наталья Ивановна Седова, вторая жена Троцкого

Троцкий с дочерью Зиной

Троцкий в камере Петропавловской крепости (Петербург, 1905 г.)

Парвус, Троцкий и Лев Григорьевич Дейч, один из основателей российской социал демократии, в тюрьме (конец 1905 г.)

Парвус (Александр Израиль Гельфанд), германский и российский социал демократ

Троцкий читает петербургскую большевистскую «Правду», название которой повторяло наименование его газеты, выходившей в Вене (1912 г.)

Примечания

1

Broué P. Trotsky. Paris: Fayard, 1988. П. Бруэ в течение многих лет руководил Институтом Льва Троцкого в Гренобле. Под его редакцией в 1979 – 2003 гг. вышли 80 выпусков журнала Carriers Leon Trotsky («Тетради Льва Троцкого»).

2

Дойчер Исаак (1907 – 1967) – историк и публицист. Родился в окрестностях Кракова (Западная Галиция, входившая в состав Австро Венгрии). Учился в Краковском и Варшавском университетах. Был членом компартии Польши. В 1932 г. выступил против сталинистской политики в Коминтерне, а вслед за этим поддержал Троцкого, за что был исключен из партии. В 1938 г. дистанцировался от Троцкого, отказавшись поддержать создание 4 го Интернационала. В 1939 г. эмигрировал в Великобританию. После войны отошел от политической деятельности. Написал трехтомную биографию Троцкого, биографию Сталина, ряд публицистических произведений.

3

Трехтомник Дойчера появился впервые на английском языке в 50 – 60 х гг. прошлого века. См.: Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879 – 1921. М.: Центрполиграф, 2006; Он же. Троцкий. Безоружный пророк. 1921 – 1929. М.: Центрполиграф, 2006; Он же. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929 – 1940. М.: Центрполиграф, 2006.

4

Волкогонов Д. Троцкий: Политический портрет. М.: Новости, 1992. Т. 1 2.

5

Панцов А.В., Чечевишников А.Л. Исследователь и источник: О книге Д.А. Волкогонова «Троцкий» // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М.: АИРО XX, 1996. С. 100 – 114. На международной конференции, посвященной переоценке Троцкого и его наследия, в Абердинском университете (Шотландия) в 1990 г. московский историк В.П. Булдаков иронически назвал Волкогонова «генерал полковником философии», намекая на его воинское звание (The Trotsky Reappraisal. Edinburth University Press, 1992. P. 101).

6

Роговин В. Волкогоновский Троцкий // Бюллетень Четвертого Интернационала. 1993. № 7. С. 189 – 210. Роговину принадлежит несколько небезынтересных книг по истории советского общества в 20 х – первой половине 40 х гг., объединенных общим названием «Была ли альтернатива?» (речь идет об альтернативе сталинскому курсу социального и политического развития страны). Все эти книги, однако, проникнуты безудержной апологетикой Троцкого и проистекающим отсюда догматизмом.

7

Панцов А.В., Чечевишников А.Л. Исследователь и источник. С. 100 – 114.

8

Service R. Trotsky. Biography. London: Macmillan, 2009.

9

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. North D. In Defense of Leon Trotsky. Oak Park, Michigan: Mehring Books, 2010. P. 101 187.

10

Сходна своим характером книга того же автора: Папоров Ю. Фрида. Последняя любовница Троцкого. М.: Вагриус, 2004.

11

Из такого рода очерков на русском языке необходимо выделить первую и пока единственную достоверную статью, написанную А.В. Панцовым (Панцов А.В. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65 – 87). Этот же автор написал серьезное исследование, значительная часть которого посвящена влиянию Троцкого и его идей на революционное движение в Китае (Панцов А.В. Тайная история советско китайских отношений. Большевики и Китайская революция (1919 – 1927). М.: Муравей Гайд, 2001). В серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия» в 2010 г. вышла биография Троцкого, написанная Г.И. Чернявским.

12

North D. Leon Trotsky, Soviet historiography, and the Fate of Classical Marxism // World Socialist Web Site, 1st December 2008 (index.shtml/index.shtmlwsws.org).

13

Документы архива Троцкого Гарвардского университета, фонд bMs Russ 13 T и Russ 13.1 T в сносках даны как «Архив Троцкого. фонд 13, T» и «Архив Троцкого. фонд 13.1, T».

14

Материалы архива Международного института социальной истории в Амстердаме в сносках обозначены сокращением МИСИ.

15

Из материалов, сосредоточенных в зарубежных архивах, мы во многом опирались на четырехтомник «Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923 – 1927» (Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1988; М.: Терра, 1990) и на продолжающий его девятитомник «Архив Л.Д. Троцкого», подготовленный нами к публикации, но еще не опубликованный.

16

Pomper Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin. The Intelligentsia and Power. New York: Columbia University Press, 1990.

17

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 2. С. 141 142.

18

Аксенов В. Золотая наша Железка. М.: Эксмо, 2007. С. 118 – 119.

19

Частному эпизоду посвящен фильм английского режиссера Кеннета Макмаллена «Зина» (1986), посвященный судьбе дочери Троцкого.

20

За пределы возможного обсуждения выходит фильм «Л. Троцкий. Обречен на убийство», показанный по Центральному российскому телевидению в конце мая 2002 г., который назван его автором журналистом Сергеем Медведевым «документальным», хотя ничего документального в нем нет, в некоторых же местах представлены игровые сцены. Фильм снят, чтобы продемонстрировать непобедимость советских карательных органов, – именно исполнителям плана убийства Троцкого посвящен в первую очередь этот фильм.

21

Пифагорейцы – сторонники философского течения в Древней Греции в середине 1 го тысячелетия до нашей эры. Они исходили из чисел как основы всего существующего, считая, что числовые соотношения – источник всеобщей гармонии.

22

Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1. С. 12.

23

Изначально банальная ошибка в дате рождения позже была изобретательно использована Сталиным для поднятия собственного культа, широко развернувшегося в связи с празднованием 50 летия в 1929 г.

24

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 22 – 23.

25

Фельдман Д.З. Страницы истории евреев России XVIII – XIX вв. Опыт архивного исследования. М.: Древлехранилище, 2005. С. 108 – 110.

26

Кандель Ф. Книга времен и событий. История российских евреев. М.: Мосты культуры, 2002. Т. 2. С. 484.

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
27
Никитин В.Н. Евреи земледельцы. СПб., 1887. С. 107.
28
Фельдман Д.З. Страницы истории евреев. С. 130, 136.
29
Главный город уезда, входившего тогда в Херсонскую губернию, назывался Елисаветградом. В 1924 г. город был переименован в Зиновьевск в честь большевистского лидера Г.Е. Зиновьева, в 1934 г. – в Кирово в честь только что убитого сталинского наместника Ленинграда С.М. Кирова (Зиновьев был обвинен в организации его убийства). В 1939 г. Кирово стал Кировоградом и сохранил это наименование до настоящего времени.
30
Сам Троцкий часто неточно называл эту колонию Громоклей.
31
Еврейская энциклопедия. Санкт Петербург. Общество для научных еврейских изданий. Т. 6. Б. г. Стб. 800.
32
Фельдман Д.З. Страницы истории евреев. С. 140.
33
История городов и сел Украинской ССР. Николаевская область. Киев: Институт истории АН УССР, 1981. С. 441.
34
Слово (Одесса). 1998. 20 ноября.
35
Эта деревня многократно изменяла название. В настоящее время она называется Береславкой и входит в Бобринецкий район Кировоградской области Республики Украины.
36
Слово. 1998. 20 ноября.
37
Bronstein V. Stalin and Trotsky's Relatives in Russia // The Trotsky Reappraisal. Edinburgh University Press, 1992. P. 8.
38
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 37.
39
Бронштейн В.Б. Преодоление. М.: Адамантъ, 2004. С. 6.
40
Материалы Дома музея Л.Д. Троцкого в Койоакане (г. Мехико) (далее: Материалы Музея Троцкого); Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 35 – 37.
41
Недава Й. Вечный комиссар. Книгоиздательство «Москва – Иерусалим», 1989. С. 43.
42
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 17.
43
Истмен Макс (1883 – 1969) – американский журналист, писатель и общественный деятель. Преподавал логику и философию в Колумбийском университете в Нью Йорке. Участвовал в социалистическом движении и принадлежал к левой богеме нью йоркского района Гринвич Виллидж Создатель и руководитель радикальных журналов The Masses («Массы») и Liberator («Освободитель»). В 1921 г. недолгое время состоял в Рабочей партии, являвшейся легальной формой существования компартии, хотя, по мнению его биографа, вступил в эту партию и использовал ее членский билет исключительно с прагматической целью быть дружелюбно принятым в Советской России (O'Neil W.L. The Last Romantic. A Life of Max Eastman. New York: Oxford University Press, 1978. P. 86). В 1922 – 1924 гг. Истмен находился в России (СССР). Сблизившись с Троцким, собирался написать его биографию. Реализована была только первая часть замысла – книга о его юности. По возвращении в США Истмен выступил с разоблачениями внутрипартийной борьбы в большевистском руководстве и был первым публикатором «завещания» («Письма к съезду») Ленина. В 1929 – 1933 гг. являлся переводчиком работ Троцкого на английский язык и его литературным агентом в США. Постепенно разошелся с ним по политическим и теоретическим вопросам. С 1941 г. редактировал журнал Reader Digest (в нем публиковались сокращенные варианты художественных произведений). В 50 х гг. стоял на правых позициях, поддерживал маккартизм. Автор мемуаров и сборников стихов.
44
Крыленко Николай Васильевич (1885 – 1938) – социал демократ с 1904 г., большевик. В 1917 г. вел агитацию в войсках Юго Западного фронта. После Октябрьского переворота вошел в состав Комитета по делам военным и морским,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. образованного при Совнарком. 12 ноября 1917 г. был назначен Верховным главнокомандующим, пробыл им недолгое время. Обычно для хоть какого то оправдания этого назначения в советской историографии Крыленко называли прапорщиком, однако это не верно – в армии он не служил и никакого воинского звания не имел. В качестве главнокомандующего Крыленко отдал приказ прекратить военные действия. С 1918 г. служил в карательных органах (председатель Верховного трибунала, прокурор РСФСР). С 1931 г. являлся наркомом юстиции РСФСР, с 1936 г. – наркомом юстиции СССР. Был непосредственным организатором ряда провокационных судебных процессов. Арестован в начале 1938 г. и расстрелян.

45

Eastman M. Leon Trotsky. The Portrait of a Youth. New York: Greenberg Publishers, Inc. 1926. Когда Истмен попросил Троцкого о сотрудничестве, тот письменно ответил: «Моей первой реакцией было решение отказаться от какого либо сотрудничества. Но затем я подумал, что это будет неправильно. Хорошо это или плохо, мне выпала судьба сыграть определенную роль в Октябрьской революции и ее дальнейшем развитии. Многие люди находят свой путь к общему через личное. В этом смысле биографии имеют право на существование. Но я не могу согласиться прочитать Вашу рукопись, потому что это сделает меня в каком то смысле ответственным не только за фактическую сторону, но также за характеристику и оценки. Совершенно очевидно, что это невозможно. Я готов взять ответственность, и притом ограниченную, за факты, которые я Вам сообщу в ответ на Ваши запросы. За все остальное Вы должны нести личную ответственность» (Ibid. P. VII). В более поздней книге Истмен рассказал: «Я попросил у него об аудиенции, которую он сразу же назначил, и изложил, довольно робко, свою амбициозную идею. Он был, очевидно, доволен... «В принципе я согласен, – ответил мне Троцкий, – но у меня нет почти ни минуты свободного времени. Если вы остановитесь где нибудь поблизости и разрешите мне посылать за вами внезапно и без церемоний, когда я улечу момент, я попытаюсь сотрудничать с вами»... Я стал частым посетителем военного комиссариата... У нас было много веселых и насыщенных информацией разговоров с Троцким, сначала на французском языке, потом постепенно и на русском» (Eastman M. Love and Revolution. My Journey through an Epoch. New York: Random House, 1964. P. 336 – 337). Уже из этих строк вытекает очевидный апологетический характер работы Истмена. Через много лет в результате самых разнообразных контактов с Троцким Истмен отказался от обожествления его личности. В архиве библиотеки Лилли, университета штата Индиана, хранится фонд М. Истмена, в котором имеется ряд записанных им и присланных ему подлинников мемуарных свидетельств о детстве и юности Троцкого (Indiana University, Lilly Library, Max Eastman Archive).

46

Eastman M. Leon Trotsky. P. 1.

47

Фокус. Focus.in.ua. 2007. 7 октября.

48

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 57.

49

Там же. С. 57 58.

50

Eastman M. Leon Trotsky. P. 14.

51

Инбер (девичья фамилия Шпенцер) Вера Михайловна (правильно Моисеевна) (1890 – 1972) – писательница, родственница Троцкого. Автор лирических стихов и поэм, художественной прозы, литературно критических статей. Стремление всячески приспособиться к сталинской системе, особенно имея в виду родственные отношения Инбер с Троцким, крайне отрицательно повлияло на ее творчество. За поэму «Пулковский меридиан» (о блокадном Ленинграде) получила Сталинскую премию.

52

Еврейское происхождение Инбер тщательно скрывалось. В предисловии А. Макарова к четырехтомнику ее сочинений недостоверно и уклончиво, без упоминания имен родителей, говорилось: «Мать привила дочери любовь к родному языку и литературе. Она была педагогом, преподавала русский язык в женском училище. Отец возглавлял издательство «Mathesis» («Математика») (Макаров А. Вера Инбер // Инбер В. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1. С. 6.)

53

Инбер В. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1966. Т. 4. С. 271.

54

Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. New York: Basic Books, Inc. Publishers, 1975. P. 9.

55

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 61.
56
Там же. С. 84 85.
57
Там же. С. 85.
58
Eastman M. Leon Trotsky. P. 3.
59
Ibid. P. 16.
60
Eastman M. Leon Trotsky. P. 3.
61
Ibid. P. 17.
62
Ibid. P. 16.
63
Они хранятся в архиве университета штата Индиана (США).
64
Pomper Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin. P. 99.
65
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 109 110.
66
Там же. С. 109.
67
Eastman M. Leon Trotsky. P. 39.
68
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 121.
69
Eastman M. Leon Trotsky. P. 31.
70
Троцкий Л. Моя жизнь. С. 121.
71
Шопенгауэр А. Эристика, или Искусство спорить. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893.
72
Зив Г.А. Троцкий. Характеристика. (По личным воспоминаниям). Нью Йорк: Народоправство, 1921. С. 7 – 8.
73
Там же. С. 8.
74
Там же. С. 9.
75
Зив Г.А. Троцкий. Характеристика. (По личным воспоминаниям). С. 10.
76
Eastman M. Leon Trotsky. P. 38. Примерно то же вспоминала дочь квартирной хозяйки Троцкого в Николаеве. Она добавляет только, что Давид обрушился с руганью и на ее мать, упрекая ее в том, что она не следила в должной мере за своим юным жильцом (Pomper Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin. P. 105). Если ее не подвела память, то это свидетельствует, что отец Льва буквально потерял контроль над собой, ибо его великовозрастный сын уже никак не мог поддаваться воспитательному воздействию со стороны квартирной хозяйки.
77
Eastman M. Leon Trotsky. P. 41.
78
Ibid. P. 40.
79
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 123.
80
См. воспоминания Троцкого в письме историку российского революционного движения В.И. Невскому от 5 августа 1921 г. (Невский В.И. Южно Русский рабочий союз в городе Николаеве в 1897 г. М.: Госиздат, 1922. С. 89.)
81
Зив Г.А. Троцкий. С. 12.
82
Там же. С. 16.
83
Струве Петр Бернгардович (1870 – 1944) – экономист, философ, историк, публицист. В начале творческой деятельности придерживался марксистских взглядов, участвовал

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. в деятельности 2 го Интернационала, затем стал одним из лидеров партии кадетов. Редактор журналов «Освобождение», «Русская мысль» и др. Депутат 2 й Государственной думы. После Октябрьского переворота 1917 г. участвовал в борьбе против большевистской власти. Являлся членом Особого совещания при генерале А.И. Деникине, затем эмигрировал. Жил в Праге, Белграде, Париже. В эмиграции продолжал активную научную и публицистическую деятельность, редактировал газету «Возрождение».

84
Воспоминания А.Л. Соколовской в архиве университета штата Индиана (Pompet Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin. P. 109).

85
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 124.

86
Зив Г.А. Троцкий. С. 17.

87
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 124 – 125.

88
Зив Г.А. Троцкий. С. 12.

89
Мартов Л. (настоящие фамилия, имя и отчество Цедербаум Юлий Осипович) (1873 – 1923) участвовал в социал демократическом движении с 1893 г. С 1903 г. являлся одним из лидеров меньшевиков. В 1917 – 1918 гг. руководитель меньшевиков интернационалистов. В 1920 г. выехал в Германию на съезд Независимой социал демократической рабочей партии, но в Россию не возвратился, став эмигрантом. В 1921 г. был основателем меньшевистского журнала «Социалистический вестник». Являлся одним из организаторов центристского 2 го с половиной Интернационала (1921 – 1923).

90
Eastman M. Leon Trotsky. P. 47.

91
Плеханов Георгий Валентинович (1856 – 1918) начал свою деятельность как народник. Был одним из руководителей народнических организаций «Земля и воля» и «Черный передел». В 1880 г. эмигрировал. В эмиграции перешел на марксистские позиции и в 1883 г. основал в Женеве русскую марксистскую организацию «Освобождение труда». Автор ряда книг и памфлетов, направленных против народничества, а затем «легального марксизма» и «экономизма». Один из основателей в 1900 г. газеты «Искра». Вскоре после II съезда РСДРП (1903) стал лидером меньшевиков. После революции 1905 – 1907 гг. возглавлял группу «меньшевиков партийцев», сотрудничавшую с большевиками. Во время Первой мировой войны стоял на позиции обороны России. Резко отрицательно отнесся к большевистскому перевороту 1917 г.

92
Засулич Вера Ивановна (1849 – 1919) – видная деятельница революционного движения. С 1868 г. была народницей. В 1878 г. покушалась на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. В 1883 г. была одним из организаторов марксистской группы «Освобождение труда» в Женеве. С 1900 г. член редакции «Искры». С 1903 г. входила во фракцию меньшевиков.

93
Eastman M. Leon Trotsky. P. 46, 66 – 67.

94
Невский В.И. Южно Русский рабочий союз. С. 88.

95
Михайловский Николай Константинович (1842 – 1904) – народник. Публицист, социолог и литературный критик. Один из редакторов журналов «Отечественные записки», «Русское богатство» и др. В конце 1870 х гг. был близок к революционно народнической организации «Народная воля». Дважды подвергался высылке из Петербурга. Разрабатывал теорию героев и толпы. В многочисленных статьях анализировал художественное творчество Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других писателей.

96
Зив Г.А. Троцкий. С. 18.

97
Eastman M. Leon Trotsky. P. 65.

98
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 127.

99
Там же. С. 128 129.

100

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
Зив Г.А. Троцкий. С. 18.
101
Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 4. Оп. 14. Ед. хр. 49.
л. 3.
102
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 133.
103
Eastman M. Leon Trotsky. P. 61.
104
Невский В.И. Южно Русский рабочий союз. С. 24.
105
Там же. С. 21 23, 40, 55.
106
Невский В.И. Южно Русский рабочий союз. С. 31 – 33.
107
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 133 – 134.
108
Eastman M. Leon Trotsky. P. 85.
109
О попытках членов Южно Русского рабочего союза начать издание нелегального журнала упоминает и В.И. Невский, однако более детальные сведения об этом начинании у него отсутствуют (Невский В.И. Южно Русский рабочий союз. С. 41).
110
Зив Г.А. Троцкий. С. 23 24.
111
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 134 – 135.
112
Зив Г.А. Троцкий. С. 22.
113
Eastman M. Leon Trotsky. P. 69.
114
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 135.
115
Зив Г.А. Троцкий. С. 12 21, 23.
116
Там же. С. 18.
117
Eastman M. Leon Trotsky. P. 87.
118
Ibid. P. 62 63.
119
Вегман Вениамин Давидович (1873 – 1936) – участник социал демократического движения с 1896 г. в Одессе и Николаеве. После 1903 г. присоединился к большевикам. С 1917 г. жил в Томске, с 1920 г. в Новониколаевске (Новосибирске). Занимался в основном организационно пропагандистской деятельностью. Автор ряда статей по историко революционной тематике. Арестован в апреле 1936 г. По официальной версии, покончил самоубийством в августе 1936 г. во время следствия. По всей видимости, умер во время пыток.
120
Eastman M. Leon Trotsky. P. 54, 56, 60.
121
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 134 – 136.
122
Eastman M. Leon Trotsky. P. 99 100.
123
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 137 – 138.
124
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 139.
125
Eastman M. Leon Trotsky. P. 105.
126
Ibid. P. 105 106.
127
Зив Г.А. Троцкий. С. 29.
128
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 139.
129
Там же. С. 140.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
130
Eastman M. Leon Trotsky. P. 110.
131
Ibid. P. 111 112.
132
Eastman M. Leon Trotsky. P. 113, 116.
133
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 141.
134
Eastman M. Leon Trotsky. P. 113, 116.
135
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 140 141.
136
Eastman M. Leon Trotsky. P. 113 – 114.
137
Зив ошибается, полагая, что он встретился с Бронштейном в Одесской тюрьме в апреле 1898 г. (Зив Г.А. Троцкий. С. 25). Встреча произошла примерно на год позже, ибо весной 1898 г. арестованные по делу Николаевского рабочего союза находились еще в тюрьме в Николаеве.
138
Eastman M. Leon Trotsky. С. 142. Известный израильский общественный деятель А. Воронель в предисловии к книге о Троцком так комментирует этот факт: «Лев Троцкий учил языки по Библии, но вряд ли был достаточно внимателен к самому тексту. Поэтому он бы не понял, если бы человек, который приуготовил ему его участь, сказал, что поступит с ним, как Навуходоносор поступил с царем Цидкиягу (Седекией в русском произношении)» (Недава Й. Вечный комиссар. С. VIII). Имеются в виду слова: «И закололи сыновей Седекии пред глазами его...» (4 Цар., 25: 7). Именно таковой была судьба детей Троцкого, а затем и его самого.
139
Eastman M. Leon Trotsky. P. 115.
140
Зив Г.А. Троцкий. С. 30 31.
141
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 144 – 146.
142
Там же. С. 146.
143
Эта документация сосредоточена ныне в двух фондах Российского государственного архива социально политической истории (РГАСПИ), являющегося бывшим Центральным партийным архивом Института марксизма ленинизма при ЦК КПСС (фонд 32 – Библиотека и архив РСДРП в Женеве 1904 – 1905 гг. и фонд 33 – Библиотека РСДРП имени Г.А. Куклина в Женеве 1902 1917).
144
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 142.
145
Дейч Лев Григорьевич (1855 – 1941) – участник революционного движения с середины 70 х гг. XIX в., народник. С 1883 г. член плехановской марксистской группы «Освобождение труда». Был арестован в Германии и выдан российским властям. В 1884 – 1901 гг. находился на каторге и в ссылке в Сибири, откуда бежал. С 1903 г. один из лидеров меньшевиков. Подвергался новым арестам, вновь бежал и эмигрировал. В 1917 г. возвратился в Россию. После Октябрьского переворота в политической деятельности не участвовал, хотя власть большевиков осудил. Автор ряда работ по истории революционного движения и организатор публикации архивных документов Плеханова и его группы.
146
Зив Г.А. Троцкий. С. 33.
147
Гетье Федор Александрович (1863 – 1938) – русский врач, терапевт. Главный врач Басманной, затем Боткинской больниц. Один из основателей Лечебно санитарного управления Кремля. Был личным врачом В.И. Ленина и его семьи, врачом Л.Д. Троцкого и его семьи в 20 х гг. В 1937 г. арестован, умер в тюрьме от пыток.
148
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 123 – 124.
149
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 148.
150
Eastman M. Leon Trotsky. P. 120. Зив передавал этот эпизод несколько иначе. По его словам, кто то из арестантов был отправлен в карцер за то, что не снял шапку

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. перед начальником тюрьмы. Узнав об этом, Бронштейн предложил организовать демонстрацию солидарности. Решили выйти на очередную прогулку, потребовать от надзирателя вызвать начальника тюрьмы и при его приходе не снимать шапки. Явился начальник. Впереди всех стоял Бронштейн. «Ты почему шапку не снимаешь?» – закричал начальник. «А ты почему не снимаешь?» – высокомерно ответил узник. После этого последовал недолгий карцер (Зив Г.А. Троцкий. С. 39).

151

Eastman M. Leon Trotsky. P. 119.

152

Зив Г.А. Троцкий. С. 35.

153

Российский государственный архив социально политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 2 – 9. Это письмо было обнаружено в архивах жандармского управления. В 1922 г. редакция журнала «Пролетарская революция» обратилась к Троцкому с просьбой разрешить публикацию письма. Троцкий ответил решительным отказом. «Я еще не покойник, люди, с которыми я переписывался, тоже еще здравствуют, и не трудитесь превращать нас в исторический материал для Истпарта» (Там же. Л. 1). Все же главная причина отказа, видимо, состояла в том, что к этому времени Троцкий уже давно был женат вторым браком и публикация любовного письма, адресованного первой жене, безусловно, была бы неприятна и второй жене Н. Седовой, и ему самому.

154

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 148.

155

Зив Г.А. Троцкий. С. 40.

156

Прошение было обнаружено в Николаевском областном государственном архиве сотрудницей местного краеведческого музея Е.В. Гриневич, опубликовавшей в Интернете статью о взаимоотношениях Троцкого с семьей Соколовских.

157

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 148.

158

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 148 149.

159

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 19 20.

160

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 149 150.

161

Урицкий Моисей Соломонович (1873 – 1918) являлся социал демократом с 1897 г. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. С 1906 г. жил в Германии и Дании. Исполнял обязанности личного секретаря Г.В. Плеханова. На конференции 1912 г. в Вене был избран в Организационный комитет РСДРП от группы сторонников Троцкого. В агентурной записке в охранное отделение Урицкий характеризовался так: «Не производит впечатления серьезного человека, хотя и считается очень дельным партийным работником». После февральской революции Урицкий вернулся в Петроград, был одним из лидеров группы межрайонцев; вместе с ними был принят в большевистскую партию, стал членом ЦК. Он вошел в состав Петроградского Военно революционного комитета и участвовал в Октябрьском перевороте. С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК, в силу должности являлся одним из первых организаторов большевистского террора, хотя Дзержинский его неоднократно упрекал в излишней мягкости по отношению к контрреволюционерам. Урицкий был убит юнкером Леонидом Каннегисером в ответ на казнь его друга и аресты офицеров. Смерть Урицкого послужила основанием для усиления красного террора.

162

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877 – 1926) – участник польского и российского революционного движения, социал демократ с 1895 г. С декабря 1917 г. председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии (с 1922 г. председатель ГПУ, затем ОГПУ). Одновременно с 1921 г. нарком путей сообщения, с 1924 г. председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР. Нес главную ответственность за большевистский террор в годы Гражданской войны и после нее.

163

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 150.

164

Зив Г.А. Троцкий. С. 41.

165

Ярославский Е. Л.Д. Троцкий – Антид Ото. (Литературная деятельность Л.Д. Троцкого в сибирской газете «Восточное обозрение» в 1901 – 1902 гг.) // Сибирские огни. 1923. № 1 2. С. 113.

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
166
Ярославский Е. Л.Д. Троцкий – Антид Ото. С. 114.
167
Подробнее см.: Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки революционера. Иркутск: Восточно Сибирское книжное изд во, 1989; Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882 – 1906). Иркутск: Изд во Иркутского ун та, 1997.
168
Восточное обозрение. 1900. 15 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. Перед историческим рубежом. Политическая хроника. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 3 7.
169
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 6 – 7.
170
Антид Ото. Кое что о земстве // Восточное обозрение. 1900. 23 декабря; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 7 – 12.
171
Восточное обозрение. 1901. 29 марта, 30 мая, 4 – 9 августа, 26 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 17 – 42.
172
Восточное обозрение. 1901. 14 – 15 февраля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 12
17.
173
Антид Ото. «Нелиберальный» момент «либеральных» отношений // Восточное обозрение. 1901. 2 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 42 – 43.
174
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. Культура старого мира. Содержание. С. 125 132.
175
Боборыкин П.Д. Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века. СПб., 1900.
176
Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 142 144.
177
Восточное обозрение. 1902. 19 апреля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 3 9.
178
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 9 – 20.
179
Антид Ото. Герцен и «молодое поколение» // Восточное обозрение. 1901. 22, 26 апреля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 20 – 27.
180
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 27.
181
Антид Ото. Две писательские души во власти метафизического беса // Восточное обозрение. 1901. 25 августа; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 195 – 199.
182
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 198 199.
183
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 151.
184
Здесь и далее квадратными скобками [] отмечены слова в цитатах, принадлежащие авторам книги.
185
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6.
186
Стеклов Юрий Михайлович (настоящие фамилия, имя и отчество Нахамкис Овший Моисеевич) (1873 – 1941) участвовал в социалистическом движении в Одессе с 1893 г. Один из основателей одесской литературной социал демократической группы «Борьба». В 1894 г. арестован и приговорен к ссылке. Бежал из Якутии и эмигрировал. Возвратился в Россию во время революции 1905 г. и принимал участие в революционных событиях. В 1910 г. вновь выехал за границу и возвратился в 1914 г. Активно участвовал в меньшевистских организациях, но сотрудничал и с большевистскими изданиями. После февральской революции стоял на позициях революционного оборончества. С 1917 г. редактор газеты «Известия ВЦИК». После Октябрьского переворота перешел на сторону новой власти и вступил в большевистскую партию. Был инициатором создания журнала «Новый мир». Автор ряда исторических исследований (о Бакунине, о чартистском движении в Англии). Арестован во время Большого террора. Умер в заключении.
187
Из рабочего движения в Одессе и Николаеве. Женева: РСДРП, 1900.
188

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 151.
189
Eastman M. Leon Trotsky. P. 129.
190
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 156.
191
Махайский Ян Вацлав Казимирович (1867 – 1926) – польский революционер, близкий к анархизму. Автор труда «Умственный рабочий» (конец 80 х гг. XIX в.). Пытался доказать, что рабочий класс подвергается эксплуатации всем «образованным обществом», прежде всего интеллигенцией. В политической борьбе эти антиинтеллигентские взгляды получили название махаевщины. Махайский подвергался арестам и ссылкам, находился в эмиграции. С 1917 г. жил в России. В политической деятельности не участвовал.
192
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 153 – 154.
193
Eastman M. Leon Trotsky. P. 140.
194
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 157.
195
Там же. С. 156.
196
Воспоминания А.Л. Соколовской в фонде М. Истмена в архиве Индианского университета (США); Pomper Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin. P. 117 – 118, 415.
197
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.
198
Deutscher I. Stalin. A Political Biography. New York: Oxford University Press, 1977. P. 49.
199
Зив Г.А. Троцкий. С. 27.
200
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 158.
201
Гарви П.А. Воспоминания социал демократа. Нью Йорк: Фонд по изданию литературного наследия П.А. Гарви, 1946. С. 159 – 160.
202
Там же. С. 160.
203
Eastman M. Leon Trotsky. P. 146 – 148.
204
Адлер Виктор (1852 – 1918) – австрийский врач и политический деятель, один из создателей и руководителей Социал демократической партии Австрии. Считался лидером партии, являясь главным редактором ее центрального печатного органа «Арбайтер цайтунг» («Рабочая газета»). Активный участник разработки принципов австромарксизма – идейно теоретического обоснования центристской позиции австрийской социал демократии. В 1918 г. занимал пост министра иностранных дел Австрии.
205
Аксельрод П.Б. (1850 – 1928) участвовал в российском революционном движении с начала 70 х гг. XIX в. Был членом народнических кружков. В начале 80 х гг. эмигрировал и в 1883 г. был одним из основателей группы «Освобождение труда». С 1903 г. меньшевик. Отрицательно отнесся к приходу большевиков к власти. Последние годы жил в эмиграции.
206
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 163 – 165.
207
См.: Senn A.E. The Russian Revolution in Switzerland. 1914 – 1917. Madison: The University of Wisconsin Press, 1971. P. 3 – 14.
208
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М.: Молодая гвардия, 1932. С. 79 80.
209
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 167.
210
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. 84.
211
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 168.
212

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 170.
213
Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 1933) – социал демократ с 1898 г., с 1903 г. большевик. Участник первой российской революции, после которой эмигрировал. С 1909 г. участник группы «Вперед», отошедшей от большевиков. Разработал идею богостроительства, подвергнутую резкой критике Лениным. В 1917 г. был вместе с Троцким членом межрайонной группы социал демократов, а затем вступил в большевистскую партию. После Октябрьского переворота являлся наркомом просвещения РСФСР. С 1929 г. директор Научно исследовательского института литературы и искусства. В 1933 г. был назначен полномочным представителем СССР в Испании, но к работе не приступил в результате болезни и последовавшей смерти. Луначарский был автором ряда художественных произведений, в частности пьес, которые шли почти во всех театрах страны в результате занимаемого им государственного поста, несмотря на их сомнительную художественную ценность.
214
Луначарский А. Лев Давидович Троцкий // А. Луначарский. Силуэты. Политические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 343.
215
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 177.
216
Потресов Александр Николаевич (1869 – 1934) участвовал в революционном движении с середины 90 х гг. XIX в. Участник петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса в 1895 г. С 1903 г. меньшевик. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. Стоял на крайне правом фланге меньшевизма.
217
Мартов Ю.О. и Потресов А.Н. Письма. 1898 – 1913. М.: Собрание, 2007. С. 31. Потресов ответил Мартову просьбой прислать статью, которая его «весьма интересует» (там же. С. 41).
218
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 175.
219
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 80. Совершенно не выдерживает критики мнение Ф. Помпера о том, что в отношении Плеханова к Троцкому проявились антисемитские чувства (Pomper Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin. P. 123). Автор абсолютно ничем не подкрепляет это утверждение. Между тем сам он в соседних строках пишет о тесном сотрудничестве Плеханова с евреями Мартовым, Дейчем и Аксельродом, к которым почему то патриарх российского социализма враждебных чувств на национальной почве отнюдь не испытывал. Не говоря уже о том, что Плеханов был женат на еврейке Розалии Марковне Боград (1856 – 1949), которой в советское время было милостиво разрешено заведовать Домом музеем Плеханова в Ленинграде.
220
Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат (до 1963 г. – Госполитиздат. – Ред.) (далее: ПСС), 1964. Т. 46. С. 241. Официальное наименование 5 го издания собрания сочинений Ленина – Полное собрание сочинений – нужно на самом деле брать в кавычки – «ПСС», – так как оно не было полным собранием сочинений. Как признавал бывший директор института марксизма ленинизма при ЦК КПСС Г.И. Смирнов в письме в ЦК КПСС, в «Полное собрание сочинений» не были включены более чем три с половиной тысячи известных документов, а масса других документов были сокращены или «отредактированы», то есть попросту сфальсифицированы (Исторический архив. 1992. № 1. С. 216).
221
Перо. К 200 летию присоединения Шлиссельбурга // Искра. 1902. 1 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 44 – 45.
222
Eastman M. Leon Trotsky. P. 159.
223
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 48 – 50.
224
Искра. 1902. 15 ноября, 1 декабря; 1903. 1, 15 февраля и др.
225
Милюков Павел Николаевич (1859 – 1943) – политический деятель, историк, публицист. Один из создателей партии кадетов, член ее ЦК, редактор газеты «Речь». В годы Первой мировой войны выступал за расширение территории Российской империи и получил прозвище Милюков Дарданелльский. В 1917 г. являлся министром иностранных дел в первом составе Временного правительства. После Октябрьского переворота эмигрировал. Жил в Париже. За границей опубликовал ряд трудов по истории России и о революции 1917 г. Автор «Воспоминаний (1859 – 1917)».

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
226
Подробнее см.: Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879 – 1921. М.:
Центрполиграф, 2006. С. 80–81.
227
Искра. 1902. 15 декабря; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 56 – 59.
228
Зубатов Сергей Васильевич (1864 – 1917) – полковник жандармерии, начальник
Московского охранного отделения (с 1896 г.) и Особого отдела Департамента
полиции (в 1902 – 1903 гг.). Инициатор создания системы политического сыска и
рабочих организаций, подконтрольных полиции.
229
Автор издевательски переиначивал формулу «православие, самодержавие,
народность», выдвинутую графом Сергеем Семеновичем Уваровым, являвшимся в 1833 –
1849 гг. министром народного просвещения России.
230
Искра. 1903. 3 июля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 70 – 77.
231
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 77.
232
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 80.
233
Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 259.
234
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 170 – 171.
235
Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 278.
236
Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 278.
237
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 179.
238
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. The Hague: Europe Printing, 1967. С. 79
80.
239
Мартов Ю.О. и Потресов А.Н. Письма. С. 43.
240
Мартов Ю.О. История российской социал демократии // Мартов Ю.О. Избранное. М.,
2000. С. 62, 81.
241
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 80.
242
Мартов Ю.О. и Потресов А.Н. Письма. С. 52.
243
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 181.
244
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 80.
245
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 171 – 172; Serge V., Sedova Trotsky N. The Life
and Death of Leon Trotsky. P. 12.
246
Eastman M. Leon Trotsky. P. 153.
247
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 12.
248
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 172 – 173.
249
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 85.
250
Луначарский А. Силуэты. С. 343.
251
Рукописные воспоминания Луначарского о Троцком периода II съезда партии (РГАСПИ.
ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 90. л. 58).
252
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 182.
253
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 85 – 86.
254
Там же. С. 86.

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. 255
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 183. 256
- Вторым делегатом Сибирского союза был В.И. Мандельберг (псевдоним Посадовский), в то время искровец, а после съезда ставший меньшевиком. 257
- Ульянов Дмитрий Ильич (1874 – 1943) – брат Ленина, по специальности врач. Социал демократ с 1903 г., большевик. В 1917 – 1921 гг. участвовал в Гражданской войне и в установлении большевистской власти в Крыму, являлся заместителем председателя Крымского Совнаркома. С 1921 г. работал в Наркомздраве. В 1925 – 1930 гг. преподавал в Коммунистическом университете имени Свердлова. Затем работал в научном секторе поликлиники Сануправления Кремля и в Центральном музее В.И. Ленина. 258
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 182 – 183. 259
- Житомирский Яков Абрамович (кличка Отцов) (1880 – после 1941) – агент осведомитель. Завербован германской полицией в начале 1900 х гг., вскоре передан в распоряжение российских спецслужб, по заданию которых работал в заграничных социал демократических организациях. Входил в берлинскую группу «Искры». В 1909 г. являлся членом Заграничного бюро ЦК РСДРП. Позже возвратился в Россию. Разоблачен в 1917 г. и бежал за границу. Последние данные Иностранного отдела НКВД о нем относятся к 1941 г. 260
- Болгарскими паспортами российских революционеров снабжал социалистический деятель Болгарии Георгий Бакалов, который также активно способствовал транспортировке в Россию газеты «Искра» (подробнее см.: Чернявский Г., Станчев М. Георгий Бакалов. Политическая биография (с культурологическим компонентом). София: Изд во Болгарской академии наук им. проф. М. Дринова, 2006. С. 73 – 82). 261
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 183 – 185. 262
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 189. 263
- Тютюкин С.В. Лев Давидович Троцкий // Исторические силуэты. М.: Наука, 1991. С. 205. 264
- В дальнейшем все даты, связанные с этим съездом, даны по новому стилю. 265
- Либер (настоящая фамилия Гольдман) Михаил Исаакович (1880 – 1937) – с 1897 г. один из руководителей Бунда, эмигрант. После II съезда РСДРП меньшевистский деятель. Возвратился в Россию в 1917 г. Крайне отрицательно отнесся к Октябрьскому перевороту. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1937 г. арестован в последний раз и расстрелян. 266
- Второй съезд РСДРП. Июль – август 1903 г. М.: Партиздат, 1932. С. 20. 267
- Рязанов (настоящая фамилия Гольдендах) Давид Борисович (1870 – 1938) – участник революционного движения с 1887 г. Вначале народник, затем марксист. В 1901 г. основал за границей социал демократическую группу «Борьба». С 1903 г. нефракционный социал демократ. Подвергался арестам и ссылкам. Длительное время находился в эмиграции. За границей интенсивно работал в архивах, главным образом изучая документацию Маркса, Энгельса и международной социал демократии. В 1917 г. возвратился в Россию. Вначале был членом межрайонной социал демократической группы в Петрограде, с августа 1917 г. большевик. В 1918 – 1920 гг. руководитель Главного управления архивов. С 1921 г. директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. С 1928 г. академик. В 1931 г. исключен из партии и арестован по обвинению в связи с меньшевиками, затем исключен из Академии наук. Приговорен к ссылке. Работал в Саратовском университете. В 1937 г. вновь арестован и по приговору военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян. 268
- Второй съезд РСДРП. С. 28. 269
- Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 205; Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 93. 270
- Мартынов (настоящая фамилия Пиккер) Александр Самойлович (1865 – 1935) – народник, с конца 90 х гг. марксист. С 1900 г. был в эмиграции. Один из руководителей «экономистов», после II съезда РСДРП видный меньшевик. Возвратился

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. в Россию в 1917 г. После Октябрьского переворота постепенно отошел от меньшевизма. С 1923 г. член большевистской партии. Работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, являлся членом редколлегии журнала «Коммунистический Интернационал». Рьяно поддерживал сталинский курс. Был одним из наиболее активных «разоблачителей» «троцкизма» в международном коммунистическом движении и сам стал объектом ожесточенных атак со стороны Троцкого.

271
Второй съезд РСДРП. С. 36.

272
Там же. С. 40 41.

273
Второй съезд РСДРП. С. 55 56, 61, 68 71, 85, 100 101, 104 105.

274
Второй съезд РСДРП. С. 130 131, 139.

275
Акимов (настоящая фамилия Махновец) Владимир Петрович (1872 – 1921) участвовал в народнических кружках, а затем в социал демократическом движении с середины 1890 х гг. Был одним из лидеров «экономистов». С конца 90 х гг. жил в эмиграции. С 1903 г. меньшевик. В 1905 г. возвратился в Россию. После революции 1905 – 1907 гг. отошел от политической деятельности, занимался изучением истории социал демократической партии и работой в кооперативах.

276
Второй съезд РСДРП. С. 136 137.

277
Второй съезд РСДРП. С. 150, 168, 179 181, 184, 186, 189, 193, 198.

278
Там же. С. 212 214; Ленин в.и. ПСС. Т. 7. С. 279 286.

279
Второй съезд РСДРП. С. 276 278.

280
Там же. С. 252.

281
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 93. Крупская выражала убеждение, что никто всерьез не ожидал раскола, тем более по инициативе Ленина, хотя таковую возможность полностью не исключали. Скорее, как полагали делегаты, ситуацию на съезде могли обострить грубые и высокомерные шутки Плеханова. Однажды, когда Плеханов заявил, что лошади не умеют говорить, а ослы, к сожалению, этим занимаются, Троцкий почти пророчески сказал Крупской: «Уговорите Владимира Ильича взять председательствование, ведь Плеханов доведет дело до раскола» (Там же. С. 96).

282
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 185.

283
Второй съезд РСДРП. С. 248, 266.

284
Мартов Ю.О. История российской социал демократии. С. 74 – 75.

285
Красиков Петр Ананьевич (1870 – 1939) – участник социал демократического движения с 1892 г. С 1903 г. большевик. С декабря 1917 г. работал в ВЧК, затем являлся председателем кассационного трибунала. С 1921 г. заместитель наркома юстиции. С 1924 г. прокурор Верховного суда СССР, с 1933 г. заместитель председателя Верховного суда СССР.

286
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 185 – 186.

287
Там же. С. 186.

288
Второй съезд РСДРП. С. 276 278.

289
Ленин в.и. ПСС. Т. 7. С. 288, 307, 428, 433.

290
Литвинов Максим Максимович (настоящие фамилия и имя Баллах Меер) (1876 – 1951) – социал демократ с 1898 г. С 1903 г. большевик. Ряд лет проживал в эмиграции в Англии. С 1918 г. член коллегии Наркоминдела, в 1920 г. был полпредом в Эстонии, с 1921 г. – заместитель наркома иностранных дел, с 1930 г. нарком иностранных дел СССР. Был послушным проводником сталинского внешнеполитического курса, в частности в 1933 – 1934 гг., когда Сталин пошел на сотрудничество с западными державами и взял курс на коллективную безопасность. В 1939 г. снят с поста

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. наркома, чтобы открыть пути для советско нацистского сближения и подписания договора о ненападении с Германией (Гитлер не мог вести переговоры с евреем Литвиновым). После нападения Германии на Советский Союз был назначен советским послом в США. Отозван в 1943 г. Занимал номинально пост заместителя наркома, а затем министра иностранных дел СССР, но к практической работе Сталиным не допускался. В 1946 г. уволен в отставку.
- 291
Eastman M. Геоп Trotsky. P. 174 – 177.
- 292
Второй съезд РСДРП. С. 355, 357.
- 293
Eastman M. Leon Trotsky. P. 174.
- 294
Второй съезд РСДРП. С. 361 364, 371.
- 295
Там же. С. 373.
- 296
Второй съезд РСДРП. С. 394.
- 297
Там же. С. 384.
- 298
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 187.
- 299
Там же. С. 188.
- 300
См.: Политические партии России. История и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 227 259.
- 301
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 88.
- 302
Троцкий Н. Разложение сионизма и его возможные преемники // Искра. 1904. 1 января. Н. Троцкий – один из псевдонимов Троцкого.
- 303
Гарви (настоящая фамилия Бронштейн) Петр Абрамович (1851 – 1944) – социал демократ с 1900 г. Участник революции 1905 – 1907 гг. Член Петербургского комитета РСДРП, меньшевик. В 1917 г. член ЦК РСДРП (объединенной). После Октябрьского переворота вышел из ЦК в знак протеста против переговоров с большевиками об образовании однородного социалистического правительства. Жил в Одессе, где активно выступал против власти большевиков. В 1922 г. выслан в Сибирь, но вслед за этим получил разрешение на выезд за границу. Жил в Германии, Франции, США.
- 304
Дан (настоящая фамилия Гурвич) Федор Ильич (1871 – 1941) – социал демократ с 1894 г. С 1903 г. один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. был членом Исполкома Петроградского Совета, с августа 1917 г. член ЦК РСДРП (объединенной). После Октябрьского переворота служил в Красной армии. Неоднократно подвергался арестам. В 1922 г. был выслан из России. В эмиграции вел активную научную, издательскую и политическую работу. В среде эмигрантов меньшевиков занимал левые позиции. Был одним из руководителей журнала «Социалистический вестник». До 1933 г. жил в Германии, затем во Франции, с 1940 г. в США. В 1940 г. основал свой журнал «Новый мир» (позже «Новый путь»). Автор книги «Происхождение большевизма» (1946), в которой под влиянием итогов Второй мировой войны высказывал сочувственное отношение к СССР и даже восхвалял Сталина.
- 305
Гарви П.А. Воспоминания социал демократа. С. 380.
- 306
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 94.
- 307
Ленин В.И. ПСС. Т. 8. С. 44.
- 308
Протоколы 2 го очередного съезда Заграничной лиги русской революционной социал демократии. Женева, [1903]. С. 83.
- 309
Троцкий Н. Второй съезд Российской социал демократической рабочей партии (Отчет Сибирской делегации). Женева: РСДРП, 1903.
- 310
Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. М.: Издание Р.М. Плехановой, 1925. Т. 2. С. 199.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
311
Троцкий Н. Второй съезд Российской социал демократической рабочей партии. С. 12.
312
Ленин В.И. ПСС. Т. 8. С. 259, 281, 293, 299, 334, 448 449, 455, 466.
313
Троцкий Н. Наши политические задачи (Тактические и организационные вопросы).
Женева, 1904.
314
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 106.
315
Троцкий Н. Наши политические задачи. С. VII.
316
Троцкий Н. Наши политические задачи. С. VIII – X, 69, 75, 79.
317
Робеспьер Максимилиан (1758 – 1794) – деятель французской революции 1789 – 1799
гг., один из лидеров течения якобинцев. Будучи руководителем Комитета
общественного спасения, в 1793 г. фактически стал диктатором и организатором
массового террора против инакомыслящих. В результате государственного переворота
9 термидора (27 июля 1794 г.) власть якобинцев была свергнута, к власти пришли
умеренные силы, а сам Робеспьер казнен.
318
Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 95.
319
Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 54.
320
Драма российской истории. Большевики и революция / Руководитель авторского
коллектива О.В. Волобуев. М.: Новый хронограф, 2002. С. 48.
321
Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 382.
322
Стасова Елена Дмитриевна (1873 – 1966) – участница социал демократического
движения с 1898 г. В 1917 – 1920 гг. секретарь ЦК РКП(б). В 1921 – 1926 гг.
работала в Коминтерне, в 1927 – 1937 гг. председатель ЦК советской секции
Международной организации помощи революционерам (МОПР). В 1935 – 1943 гг.
являлась членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна.
323
Символ веры (лат.).
324
Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 389, 394, 408.
325
Ленин В.И. ПСС. Т. 8. С. 341 342.
326
Если верить Ленину, выражение это впервые использовал Троцкий. В предисловии к
брошюре «Две тактики социал демократии в демократической революции» Ленин
обосновал применение им термина «новоискровцы» тем, что, «продолжая издавать
«Искру», они [меньшевики] объявили устами тогдашнего своего единомышленника
Троцкого, что между старой и новой «Искрой» лежит пропасть» (Ленин В.И. ПСС. Т.
11. М.: Госполитиздат, 1960. С. 6). Ленин и позже пользовался выражением
Троцкого (Ленин В.И. ПСС. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 102).
327
Искра. 1903. 25 ноября, 15 декабря; 1904. 10 февраля, 5 марта, 5, 20 октября;
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 77 – 119.
328
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 81.
329
Искра. 1903. 25 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 86 – 87.
330
Искра. 1904. 10 февраля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 92 94.
331
Искра. 1904. 25 февраля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 94 102.
332
Искра. 1904. 5 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 102 – 106.
333
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 190.
334
Статья была помещена в «Искре» 15 марта 1904 г.
335
Достоинства (фр).

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский *filosoff*.
336
- Евдокия Кукшина – сатирический персонаж романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».
337
- Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 2. С. 198. 3 апреля 1904 г.
Мартов писал Потресову о новом конфликте по поводу статьи Троцкого (Мартов Ю.О.
и Потресов А.Н. Письма. С. 62).
338
- Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 2. С. 199 – 200.
339
- Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 102 – 105.
340
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 191. Руководящие меньшевистские деятели в это
время предпринимали и другие усилия, чтобы сохранить Троцкого в своих рядах.
Аксельрод переписывался с Потресовым по поводу того, что Троцкий и Дан могли бы
совместно положить начало «политической просветительной деятельности в настоящем
смысле слова», что совместно с Троцким следует «пересмотреть наши приемы борьбы
с большинством» (Социал демократическое движение в России. Материалы. М.; Л.:
Госиздат, 1928. Т. 1. С. 120, 121, 125).
341
- Парвус Александр Львович (настоящие фамилия, имя и отчество Гельфанд Израиль
Лазаревич) (1867 – 1924) – германский социал демократ российского происхождения.
Был близок с группой «Освобождение труда». Редактор ряда социал демократических
газет, автор многих книг и статей по социально экономической и политической
тематике, оказывавших влияние на позиции международной социал демократии.
Выдвинул идеи «перманентной революции», которые были затем развиты Л.Д. Троцким
в единую систему. С 1910 г. Парвус жил в Константинополе, занимался коммерческой
деятельностью и нажил большое состояние. В 1915 г. возвратился в Германию и
вскоре основал в Копенгагене Институт по изучению причин и последствий мировой
войны, через который германские спецслужбы финансировали российские
революционные организации, включая большевиков. После Октябрьского переворота
1917 г. предложил Ленину свой переезд в Россию, но не получил ответа. С 1918 г.
прекратил политическую деятельность.
342
- Этот псевдоним (в переводе «крошка») выглядел веселой иронией, имея в виду
массивную фигуру Парвуса.
343
- Zeman Z.A.V., Scharlau W.B. The Merchant of Revolution. The Life of Alexander
Israël Helphand (Parvus). London: Oxford University Press, 1965. Авторы очень
удачно назвали свою книгу о Парвусе «Купец революции».
344
- Социал демократическое движение в России. Материалы. М. Л.: Госиздат, 1928. Т.
1. С. 137.
345
- Симплициссимус – образ немецкого фольклора, вымышленный зверь, похожий на
дракона, но с огромными ногами и хвостом в форме петли. *Simplicissimus* –
литературно художественный и общественный еженедельный журнал сатирического
жанра. Выходил в Мюнхене в 1896 – 1944, а затем после перерыва в 1954 – 1967 гг.
346
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 193.
347
- Там же. С. 376.
348
- Социал демократическое движение в России. Т. 1. С. 376.
349
- Переписка П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 110 – 111.
350
- Социал демократическое движение в России. Т. 1. С. 140 – 141.
351
- Там же. С. 147. Под «тенденциями» Парвус имел в виду склонность меньшевистских
лидеров без нужды обострять любые разногласия.
352
- Мартов Ю.О. История российской социал демократии. С. 92.
353
- Участию Троцкого в революции посвящена интересная статья: Тютюкин С.В. Л.Д.
Троцкий в годы первой российской революции // История СССР. 1991. № 3. С. 83 –
99. Однако статья, с одной стороны, выходит за пределы темы и, с другой стороны,
не освещает в необходимой полноте комплекс деятельности Троцкого в этот период.
354

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Не соответствует истине мнение авторов книги «Политические партии России. История и современность» о том, что Троцкий был в 1903 – 1904 гг. «ярым меньшевиком, но затем стал типичным центристом, стоявшим на промежуточных между большевизмом и меньшевизмом позициях» (Политические партии России. С. 229). Действительность была несравненно сложнее этой примитивной схемы.
355
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 192.
356
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 15.
357
Луначарский А. Силуэты. С. 344.
358
Троцкий Н. До 9 января. Женева: Типография Социал демократической партии, 1905. В середине февраля 1905 г. Парвус писал Аксельроду, что в предисловии к брошюре Троцкого он развил мысль о возможности создания в России временного революционного правительства, которое будет правительством рабочих и по своему партийному составу должно стать социал демократическим. Он добавлял, что Троцкий беспокоится, как бы не пропала его брошюра, и заключал: «Странные у вас, однако, манеры и обычаи!» (Социал демократическое движение в России. Т. 1. С. 154, 157).
359
Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 74, 78, 307 308; Т. 11. С. 55.
360
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 194.
361
Красин Леонид Борисович (1870 – 1926) – по специальности инженер, социал демократ с 1890 г. С 1903 г. большевик. В 1903 – 1907 гг. член ЦК РСДРП, вместе с Лениным и А.А. Богдановым входил в руководящую партийную «тройку» большевиков. Являлся руководителем Боевой технической группы ЦК. Затем был оттеснен Лениным от руководящей партийной деятельности, отошел от революционной работы и прекратил членство в партии. Находясь в Германии, работал по специальности в фирме Сименса и Шуккерта. С 1911 г. являлся представителем этой фирмы в России, с 1913 г. – ее генеральным представителем. После Октябрьского переворота стал сотрудничать с большевиками, а затем был вновь принят в партию. В 1918 г. являлся наркомом торговли и промышленности, в 1919 г. наркомом путей сообщения. С 1920 г. нарком внешней торговли, одновременно с 1921 г. полпред и торгпред в Великобритании, с 1924 г. во Франции, затем с 1925 г. вновь в Великобритании.
362
Судя по наблюдениям известного в то время адвоката, уже накануне 1905 г. большевики и меньшевики «работали совместно» (Мандельштам М.Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М.: Изд во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. С. 172).
363
Фельштинский Ю.Г. Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 37 41.
364
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 194 195.
365
Сохранились они в архиве Киевского губернского жандармского управления (Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Наша первая революция. М.; Л., Госиздат, 1925. С. 210 224).
366
Гарви П.А. Воспоминания социал демократа. С. 465.
367
Гарви П.А. Воспоминания социал демократа. С. 466 – 467.
368
Искра. 1905. 3, 10, 17 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 153 – 158, 230 240.
369
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 153, 158.
370
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 236.
371
Там же. С. 239.
372
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 196 – 197.
373
Гарви П.А. Воспоминания социал демократа. С. 469.
374

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л. 23.
375
Дан Ф.И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью Йорк: Новая демократия, 1946. С. 342.
376
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 199.
377
Ленин В.И. ПСС. Т. 10. С. 145.
378
Третий съезд РСДРП. М.: Госполитиздат, 1955. С. 11 – 12.
379
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 200.
380
Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 67.
381
Алексинский Григорий Алексеевич (1879 – 1967) за участие в студенческом движении в 1899 и 1902 гг. был исключен из Московского университета. Социал демократ, в 1905 – 1914 гг. – большевик, в 1907 г. – депутат 2 й Государственной думы. После поражения революции Алексинский отстаивал наступательную тактику. В 1907 г. он является одним из лидеров бойкотистского течения по отношению к 3 й Госдуме. В 1908 г. обосновывал бессмысленную тактику «ультиматизма», то есть необходимости предъявления ультиматума 3 й Госдуме в смысле проведения ею революционной политики. После этого был в числе основателей группы «Вперед». В годы Первой мировой войны Алексинский полностью порвал с революционными социал демократами, вместе с Плехановым издавал в Париже социал патриотический журнал «Призыв». После февральской революции возвратился в Россию, примкнул к плехановской группе «Единство» и вел агитацию против большевиков. В 1918 г. был арестован ВЧК, но отпущен на поруки, поступил на советскую службу и перебрался в Эстонию. С 1918 г. эмигрант. В эмиграции занимал антибольшевистские позиции. В 1920 г. его судили заочно в Москве. Он был лишен права въезда в Россию. В дальнейшем отошел от политической деятельности.
382
Кнунянц Богдан Мирзаджанович (1878 – 1911) – участник социал демократического движения с 1897 г. Один из организаторов революционных кружков в Закавказье. С 1903 г. большевик. Осенью 1905 г. – член Петербургского Совета и его Исполкома. В 1905 – 1907 гг. вел партийную работу в Петербурге. В 1907 г. арестован, приговорен к пожизненной ссылке, бежал. Некоторое время находился за границей, но в конце 1907 г. нелегально возвратился в Россию. В 1910 г. был арестован в Баку и в следующем году умер, находясь в заключении в Бакинской тюрьме.
383
Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 11.
384
Доброскок Иван Васильевич (Николай Золотые Очки) – известный провокатор, дважды (весной и осенью 1905 г.) проваливший меньшевистскую организацию в Петербурге. Раскрытый, перешел на службу в Охранное отделение. После революции 1917 г. был арестован, но затем освобожден. Судьба неизвестна.
385
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 15.
386
Сверчков Д. На заре революции. М.: Госиздат, 1921. С. 6.
387
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 197.
388
См.: История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Первая серия. Т. VI. М., 1968. С. 217.
389
Тютюкин С.В. Л.Д. Троцкий в годы первой российской революции. С. 89.
390
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 201.
391
Там же.
392
Иорданский Николай Николаевич (1863 – 1941) – участник социал демократического и просветительного движения с 90 х гг. XIX в. Поддерживал меньшевиков. Организатор воскресных и воскресно вечерних школ для взрослых, съездов учителей. После 1917 г. работал в Наркомпросе РСФСР, затем в Московском университете.
393

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
Ленин В.И. ПСС. Т. 15. С. 62.
394
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 203.
395
Позже Аксельрод спрашивал его, за что он так не любит Троцкого, ведь тот – идейный человек и предан рабочему движению. Гарви отвечал: «Не спорю. Только холодом от него за три версты веет» (Гарви П.А. Воспоминания социал демократа. С. 386).
396
Там же. С. 591.
397
Наше слово. 1916. 27 июля; Троцкий Л.Д. Политические силуэты. М.: Новости, 1990. С. 186.
398
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 205.
399
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 145 – 146.
400
Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. С. 239.
401
Там же. С. 122.
402
Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883 – 1936) участвовал в социал демократическом движении с 1901 г. С 1903 г. большевик. Являлся ближайшим сотрудником Ленина в западноевропейской эмиграции. Член Политбюро ЦК РКП(б) в 1919 – 1925 гг. В октябре и ноябре 1917 г. дважды выходил из ЦК в связи с политическими разногласиями с Лениным. В ноябре 1917 г. председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета. В 1918 – 1926 гг. председатель Московского городского Совета. С 1922 г. заместитель председателя Совнаркома РСФСР (СССР). В январе – августе 1926 г. нарком внутренней и внешней торговли СССР, затем недолгое время полномочный представитель СССР в Италии. В 1923 – 1924 гг. совместно с Г.Е. Зиновьевым поддержал Сталина в борьбе за власть с Троцким («тройка», «триумvirат»). В 1925 г. вместе с Зиновьевым образовал так называемую «новую оппозицию» против Сталина. В 1926 г. вошел в состав объединенной оппозиции. На XV съезде ВКП(б) был исключен из партии, но сразу покаялся и вскоре был в партии восстановлен. В 1929 – 1934 гг. занимал ряд второстепенных административных должностей. Являлся директором издательства «Академия». В декабре 1934 г. вновь исключен из партии, арестован, обвинен в соучастии в убийстве С.М. Кирова и приговорен к тюремному заключению. На судебном процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско зиновьевского центра» (август 1936 г.) был приговорен к смертной казни и расстрелян.
403
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 204.
404
Новая жизнь, 1905, 15 ноября.
405
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Наша первая революция. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 58 62.
406
См.: Политические партии России. С. 135 – 150.
407
Там же. С. 151.
408
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 94 152, 196 209.
409
Известия Совета рабочих депутатов (далее Известия СРД). 1905. 18 октября;
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 78.
410
Известия СРД. 1905. 18 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 278 279.
411
Богданов Александр Александрович (1873 – 1928) – врач, социал демократ с 1896 г., с 1903 г. большевик. Член ЦК РСДРП в 1905 1906 гг. В следующие годы вместе с Лениным и Л.Б. Красиным входил в руководство Большевицкого центра, из которого был вытеснен Лениным. В 1909 г. организатор антиленинской группы «Вперед», в которую вошли отзовисты и другие группы. Организатор партийных школ на Капри, а затем в Болонье (Италия). Разрабатывал теорию эмпириомонизма, подвергнутую острой критике Лениным. Выдвинул идею создания науки управления (тектологии),

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. предвосхитившую некоторые идеи кибернетики. После Октябрьского переворота не занимал официальных постов, был руководителем и теоретиком Пролеткульта, подвергался жесткой критике Лениным. В 1926 г. организовал Институт переливания крови. Умер после неудачного опыта, поставленного им над самим собой.

412

Чернов Виктор Михайлович (1873 – 1952) – участник народнического движения, а затем один из создателей и руководителей партии эсеров. Вел активную пропагандистскую работу в крестьянской среде. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства, председатель Учредительного собрания. В годы Гражданской войны активно участвовал в борьбе против власти большевиков. В 1920 г. эмигрировал. Жил в Чехословакии, Франции, США. Автор многочисленных книг по социально политической тематике и мемуаров.

413

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878 – 1943) – один из руководителей партии эсеров. В 1917 г. был председателем Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Предпарламента. Министр внутренних дел Временного правительства. Участник антибольшевистского правительства во время Гражданской войны (Директории). В конце 1918 г. эмигрировал. Жил во Франции и США. Издавал журналы «Современные записки» и «За свободу». Авксентьев выдвинулся именно во время первой российской революции. В дальнейшем он стал влиятельным представителем «умеренного» крыла партии, настаивая на пропагандистско организационной работе и «центральном терроре», то есть организации покушений только на высших должностных лиц империи (см.: Политические партии России. С. 194).

414

Сверчков Д. На заре революции. С. 6 – 7.

415

Мартов Ю.О. История российской социал демократии. С. 137.

416

Хрусталева (Носарь) Георгий Степанович (1879 – 1918) – помощник присяжного поверенного в Петербурге, родом из крестьян. В 1905 г. являлся одним из организаторов профессиональных союзов. Председатель Петербургского Совета рабочих депутатов в октябре – ноябре 1905 г. Являясь председателем Совета, объявил себя меньшевиком. Был арестован и сослан. В 1907 г. бежал из ссылки и эмигрировал. Жил во Франции. От партийных дел отошел, занимался финансовыми операциями. В 1914 г. возвратился в Россию и был арестован за государственные преступления. В 1917 г. освобожден и выехал в родной город Переяславль, где был избран председателем земской управы. Поддерживал правительство гетмана П.П. Скоропадского. Известный русский монархист В.В. Шульгин вспоминал, что в Киеве во время правления гетмана он встречался с Хрусталевым Носарем, который ему говорил, что Троцкий был на службе Департамента полиции в 1905 г., что Хрусталева хотел бежать из Сибири вместе с Троцким, но тот его с собой не взял, и ему пришлось бежать «тайно от Троцкого» (Шульгин В.В. 1917 – 1919. Лица. Биографический альманах. М.; СПб.: феникс, 1994. Т. 5. С. 155). Скорее всего, эти высказывания Хрусталева Носаря были плодом воображения и зависти к Троцкому. После установления большевистской власти Хрусталева был расстрелян как контрреволюционер.

417

Завадский С.В. На великом изломе. Отчет гражданина о пережитом в 1916 – 17 годах // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 9.

418

Луначарский А. Силуэты. С. 344.

419

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 25.

420

Woytinsky W.S. Stormy Passage. A Personal Story through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom. 1905 – 1960. New York: The Vanguard Press, 1961. P.

44.

421

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 24 26, 37 38.

422

Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 25.

423

См.: Тютюкин С.В. Л.Д. Троцкий в годы первой российской революции. С. 91.

424

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 206.

425

Известия СРД. 1905. 3 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 286.

426

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. Известия СРД. 1905. 3 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 286 287.
427
Телеграмма была опубликована во всех центральных газетах в тот же день.
428
Сверчков Д. На заре революции. С. 128.
429
Новая жизнь. 1905. 7 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 287.
430
Известия СРД. 1905. 5 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 288.
431
Это известие было подтверждено на следующий день официально Петербургским телеграфным агентством (Правительственный вестник. 1905. 6 ноября).
432
Известия СРД. 1905. 7 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 290 293.
433
Известия СРД. 1905. 7 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 293 294.
434
Новая жизнь. 1905. 8 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 295.
435
Новая жизнь. 1905. 15 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 297.
436
Такое впечатление сложилось и у столичного прокурора С.В. Завадского, который через много лет вспоминал, что Троцкий был «властителем в совете рабочих депутатов» (Завадский С.В. На великом изломе. Архив русской революции. Т. VIII. С. 9).
437
Новая жизнь. 1905. 15 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 298 299.
438
Воспоминания о В.И. Ленине. М.: Политиздат, 1969. Т. 2. С. 122 – 123.
439
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 298 299.
440
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 208.
441
Новая жизнь. 1905. 30 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 303.
442
Соколов Николай Дмитриевич (1870 – 1928) – известный юрист, защитник на многих политических судебных процессах, нефракционный социалист, затем меньшевик. В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета. Автор текста знаменитого «приказа № 1» о правах солдат, приведшего к разложению Российской армии. После Октябрьского переворота работал юрисконсультантом в советских учреждениях.
443
Во многих изданиях ошибочно утверждается, что после ареста Хрусталева Носаря Троцкий был избран председателем Петербургского Совета (см., например: Zeman Z.A.V., Scharlau W.V. The Merchant of Revolution. P. 89).
444
Всероссийский крестьянский союз (ВКС) был образован в мае 1905 г. на базе местных крестьянских обществ. Официальное его провозглашение состоялось на нелегальном съезде 31 августа в Москве. Программа союза была близка к программе партии эсеров, при решающем участии которых была создана эта организация. 6 – 10 ноября 1905 г. в Москве состоялся II съезд ВКС, в резолюции которого содержались, в частности, требования не платить податей и налогов, а также считать недействительными долги царского правительства, заключенные по займам после 10 ноября 1905 г.
445
Помпер ошибается, приписывая авторство манифеста Парвусу (Pomper Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin. P. 142). Хотя в одной из своих статей Троцкий сам писал, что проект манифеста был написан Парвусом (Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 114), из всех других источников вытекает, что окончательная редакция документа принадлежала именно Троцкому. Можно предположить, что, осознавая бессмысленность этого документа, Троцкий в какой то степени стыдился своего авторства. Правда, однажды, выступая в 1925 г. перед рабочими в Тифлисе, он, совершенно извратив смысл финансового манифеста, объявил, что «наши собственные обязательства мы выполняем строго: так, мы открыто и торжественно обязались на первом Совете 1905 года не платить царских долгов, и это наше международное обязательство мы выполняем» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 365. Л. 87).
446
См.: Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 115 – 117.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
447
Русская газета. 1905. 2 декабря.
448
Полярная звезда. 1906. № 1. С. 11.
449
Зив Г.А. Троцкий. С. 50.
450
Woytinsky W.S. Stormy Passage. P. 87.
451
Троцкий Л.Д. Последние дни Совета // Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Наша первая революция. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 120 – 121.
452
Революция 1905 – 1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции. Ч. 1. М.: Изд во АН СССР, 1955. С. 440 442.
453
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 121 – 122.
454
Политические партии России. С. 233.
455
Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2 е. М.: Политиздат, 1954. Т. 1. С. 393; 1955. Т. 2. С. 137.
456
Парвус. Россия и революция. СПб.: книгоиздательство Н. Глаголева, 1906. С. 140 141.
457
Наше слово. 1915. 14 февраля.
458
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 45 46.
459
Троцкий Л.Д. 1905 год. М.: Госиздат, 1922. С. 4 5.
460
Мартов Ю.О. История российской социал демократии. С. 106 – 107.
461
Британский биограф Троцкого Я. Тэтчер придал чрезмерно большое значение этому «закону», посвятив ему обширную специальную статью (Thatcher I.D. Uneven and Combined Development // Revolutionary Russia. 1991. № 2. P. 235 258).
462
Троцкий Н. Наша революция. С. 286.
463
Там же. С. 278.
464
Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М.: Советский мир. 1919. С. 4 – 5.
465
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 214.
466
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 215.
467
Грузенберг Оскар Осипович (1866 – 1940) был основным защитником по знаменитому делу Бейлиса в Киеве в 1913 г. и убедил присяжных оправдать подсудимого. После 1917 г. он эмигрировал. Работал в Латвии, затем в Италии. Опубликовал несколько книг.
468
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 17.
469
Сверчков Д. На заре революции. С. 189.
470
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1 2.
471
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 216 – 217.
472
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 217.
473
История Совета рабочих депутатов г. Санкт Петербурга. СПб.: книгоиздательство Н. Глаголева, 1906.
474
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 205 206.
475

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 462 463.
476
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 3 – 50.
477
Гапон Георгий Аполлонович (1870 – 1906) – священник. В 1903 – 1905 гг. руководил организацией Собрание русских фабрично заводских рабочих города Санкт Петербурга. Был связан с С.В. Зубатовым. Инициатор подготовки петиции рабочих к царю, их забастовки и шествия к царскому дворцу с петицией 9 (22) января 1905 г. После расстрела и разгона шествия эмигрировал. За границей сблизился с эсерами. Встречался с Лениным и пытался установить единство действий эсеров и социал демократов. В октябре 1905 г. нелегально возвратился в Россию. Наладил связь с подпольными эсеровскими группами и попытался проникнуть в их боевую организацию. По подозрению в провокаторстве был убит эсерами боевиками под Петербургом.
478
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 18.
479
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 42 48.
480
Немирович Данченко Василий Иванович (1848 – 1936) – писатель и журналист. Брат знаменитого театрального режиссера Вл.И. Немировича Данченко. Автор многочисленных художественно этнографических очерков и военных корреспонденций с театров Русско турецкой войны 1877 – 1878 гг., Русско японской и Первой мировой войн, романов, рассказов. С 1921 г. эмигрант. Жил в Чехословакии.
481
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 137 149.
482
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 139.
483
См.: Наше отечество: Опыт политической истории. Т. 1. М., 1991. С. 238.
484
Политические партии России. С. 118.
485
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 380 386.
486
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 384, 639.
487
Там же. С. 459 462.
488
Там же. С. 139 140.
489
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 140 141.
490
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 89 90.
491
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 141.
492
Там же. С. 163 177.
493
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 172.
494
Там же. С. 177.
495
Троцкий Л.Д. Сталин. М.: Терра, 1996. Т. 1. С. 64 65.
496
Перед заседанием суда 13 октября защитник Троцкого Грузенберг сообщил подсудимым о получении им двух писем от бывшего директора Департамента полиции И.В. Лопухина, в которых тот информировал о своем докладе Столыпину в связи с проведенным им расследованием провокаторской деятельности в его собственном департаменте. Лопухин просил вызвать его в суд в качестве свидетеля того, что меры, принятые Петербургским Советом в конце октября 1906 г., спасли город от погромов. На самом заседании суда Грузенберг возбудил ходатайство о приобщении писем Лопухина к делу и о вызове его в качестве свидетеля. Суд в удовлетворении ходатайства отказал. По просьбе защиты заседание было прервано. На следующий день подсудимые объявили о своем отказе участвовать в дальнейших слушаниях по делу.
497
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 218 – 219.
498

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Приложение № 7. С. 330 – 345.
499
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 220.
500
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 477 478.
501
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 221; Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 18.
502
Ibid. P. 19 20.
503
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 222.
504
Троцкий Н. Туда и обратно. СПб.: Шиповник, 1907.
505
В своих мемуарах Троцкий так язвительно комментировал нарочитые искажения, которые были сделаны в этом первом рассказе о его бегстве: «В те времена излагать все, как было, значило бы наводить царскую полицию на след моих соучастников. Сейчас я надеюсь все же, что Сталин не станет их преследовать, тем более что преступлению их давно уже истекли все сроки. К тому же на последнем этапе побега, как видно будет дальше, помощь мне оказал и Ленин» (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 223). Лев Давидович и тут недооценил Сталина. Малейшей связи с Троцким, а тем более оказание ему помощи, независимо от срока давности, было для советского диктатора достаточно, чтобы это лицо подверглось самым жестоким преследованиям.
506
Сверчков Д. На заре революции. С. 217.
507
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 222.
508
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. л. 2.
509
Сверчков Д. На заре революции. С. 216 – 219; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 222 223.
510
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. л. 3.
511
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 226.
512
По этому поводу в воспоминаниях самого Троцкого и его супруги есть противоречие. Н.И. Седова писала, что Лев указал в телеграмме название станции, но телеграфист его по халатности пропустил (Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 20).
513
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 228 – 229.
514
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 21.
515
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 230.
516
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 231.
517
РГАСПИ. Ф. 325. Оп 1. Ед. хр. 14. л. 5, 7.
518
Там же. Ед. хр. 14. л. 4, 8.
519
Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель – май 1907 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1963. С. 15.
520
Шесть пенсов (англ.).
521
Ленин В.И. ПСС. Т. 15. С. 325.
522
Ленин В.И. ПСС. С. 345. Видимо, примерно в то же время Ленин предложил Троцкому сотрудничать в газете «Пролетарий», которую выпускали большевики в Париже с 1906 г.; Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М.: Соцэкгиз, 1931. Вып. 2. С. 13.
523
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 233.

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
524
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 6.
525
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 231 – 232.
526
Горький М. Письма. М.: Наука, 2000. Т. 6. С. 66, 195.
527
Суварин Борис (настоящие фамилия, имя и отчество Лившиц Борис Константинович, использовал также псевдоним Варин) (1895 – 1984) – деятель французского социалистического и коммунистического движения. Родился в Киеве. В детском возрасте, около 1900 г., вместе с родителями уехал во Францию, в Париж. С 1914 г. участвовал в социалистическом движении, примыкая к его левому крылу. Во время мировой войны познакомился и сблизился с Троцким. С 1916 г. – социалистический журналист. В декабре 1920 г., находясь в заключении, вступил в компартию и был избран членом ее руководства, входил в состав ЦК. В 1921 г., после освобождения из тюрьмы, был избран делегатом III конгресса Коминтерна, членом Президиума, членом Исполкома Коминтерна, секретарем Коминтерна. В 1924 г. во время так называемой «литературной дискуссии» поддержал Троцкого, за что был снят со всех постов в Коминтерне и исключен из партии. Возвратившись во Францию в 1925 г., издавал Bulletin Communiste, организовал оппозиционный марксистско-ленинский коммунистический кружок (оппозиционную группу). Издавал журналы, в которых подвергал критике французскую компартию и Коминтерн. В 1929 г. порвал с Троцким (считал систему, существовавшую в СССР, государственным капитализмом, в то время как Троцкий «дегенерировавшим рабочим государством»). В 1935 г. написал биографию Сталина, с острой критикой советского диктатора. Был подвергнут критике Троцким. Основал Институт социальной истории, собиравший материалы по истории коммунизма, СССР и международного рабочего движения. Впоследствии отошел от коммунизма, занял умеренную позицию. Во время Второй мировой войны был арестован правительством Виши, затем освобожден и в 1940 г. эмигрировал в США. В 1947 г. возвратился во Францию, возобновил журналистскую деятельность, издавал ряд журналов.
528
Souvarine B. Staline. Aperçu historique du bolchévisme. Paris: Gerard Lebovici, 1985. P. 112.
529
Троцкий Л. Сталин. М.: Терра, 1996. Т. 1. С. 133.
530
Чернявский Г. феномен Литвинова // Г. Чернявский. Новые притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2005. С. 111.
531
Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 2. С. 50 – 51.
532
Невежин В.А. Застольные речи Сталина. М.; СПб.: АИРО ХХ, 2003. С. 322.
533
Письмо Троцкому не сохранилось, и об этой истории известно из письма Ленина Горькому от 13 февраля 1908 г.
534
Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 137. Второе отточие в оригинале.
535
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 233.
536
Trotsky N. Russland in der Revolution. Dresden: Verlag Kaden & Cotr., [1910].
537
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 265.
538
Там же. С. 233 234.
539
Троцкий Н. О германской социал демократии. М., 1908.
540
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 234 – 235.
541
Раковский Христиан Георгиевич (настоящие фамилия и имя Станчев Крыстю) (1873 – 1941) – болгарский и румынский политический деятель, социалист, советский государственный деятель. Участвовал в европейском социалистическом движении с 1900 г. С 1904 г. жил в Румынии, был одним из руководителей социалистической партии. С 1917 г. жил в России. В 1918 г. вел дипломатические переговоры с Румынией и Украиной по поручению правительства Ленина. В 1919 – 1923 гг. был председателем Совнаркома Украинской ССР. Вступил в конфликт со Сталиным по

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. национальному вопросу, добиваясь большей самостоятельности советских республик. В 1923 – 1927 гг. заместитель наркома иностранных дел и полпред СССР в Великобритании, а затем во Франции. В 1927 г. активно включился в деятельность объединенной оппозиции в ВКП(б). В декабре 1927 г. исключен из партии, в январе 1928 г. сослан в Астрахань, затем в Саратов и, наконец, в Барнаул. Являлся наиболее стойким оппозиционером. Лишь в январе 1934 г. выступил с покаянным заявлением, возвращен в Москву и вновь принят в ВКП(б). Работал начальником управления медицинских учреждений Наркомздрава РСФСР. В 1937 г. арестован и на судебном процессе по делу «правотроцкистского блока» приговорен к 20 годам заключения. В сентябре 1941 г. расстрелян в Орловской тюрьме вместе с другими политзаключенными по приказу Сталина.
- 542
Broué P. Rakovsky ou la révolution dans tous les pays. Paris: Fayard, 1996. P. 30.
- 543
Racovski Ch. Scrieri social politice (1900 – 1916). Bucureşti: Editură politică, 1977.
- 544
Троцкий Л. Портреты революционеров / Сост. Ю. Фельштинский. Benson; Vermont: Chalidze Publication, 1988. P. 314.
- 545
Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА на РБ). Ф. 156Б. Оп. 1. Ед. хр. 474. Л. 1 2.
- 546
Там же. Л. 3 – 4. Ни на болгарском, ни на румынском языке издать брошюру не удалось.
- 547
ЦДА на РБ. Ф. 156Б. Оп. 1. Ед. хр. 474. Л. 6 7.
- 548
Broué P. Trotsky. P. 68.
- 549
ЦДА на РБ. Ф. 156Б. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1.
- 550
Zeman Z.A.V., Scharlau W.V. The Merchant of Revolution. P. 110.
- 551
О каком журнале шла речь, в письме не говорилось, но, по видимому, корреспонденты начали подготовку к выпуску будущего ежемесячного легального журнала «Наша заря», который стал выходить в Петербурге в январе 1910 г. Сотрудниками журнала являлись П.Б. Аксельрод, Ф.И. Дан, Мартов, А.С. Мартынов, Потресов и другие меньшевистские деятели. Журнал выступал за создание легальной рабочей партии, почему был определен Лениным как «ликвидаторский». В начале Первой мировой войны журнал «Наша заря» занял оборонческую позицию, но, несмотря на это, в сентябре 1914 г. он был закрыт властями.
- 552
Закуска (фр).
- 553
Многоточие в тексте.
- 554
Мартов Ю.О. и Потресов А.Н. Письма. С. 102 – 103.
- 555
Там же. С. 279, 304.
- 556
Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева. Сотрудники, друзья, почитатели: Сборник статей. Париж: Institut d'études slaves, 1987. С. 122.
- 557
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 235.
- 558
Гильфердинг Рудольф (1877 – 1941) – один из руководителей австрийской и германской социал демократии и 2 го Интернационала. Автор книги «Финансовый капитал» (1910), в которой пытался объяснить новые явления в развитии капитализма, введя термин империализм как социально экономическую категорию, а не только как проявление внешней политики. Автор считал империализм проявлением «организованного капитализма». Гильфердинг был одним из создателей Независимой социал демократической партии Германии. Министр финансов в 1923 и 1928 – 1929 гг. В 1933 г. эмигрировал во Францию. После оккупации Франции в 1940 г. выдан германским властям, арестован, скончался в заключении.
- 559
Реннер Карл (1870 – 1950) – один из руководителей Социал демократической партии

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Австрии и 2 го Интернационала. Идеолог австромарксизма как центристского течения в социал демократии. В 1918 – 1920 гг. канцлер (премьер министр) Австрии. После освобождения Австрии в 1945 г. краткое время являлся главой временного правительства. В 1945 – 1950 гг. президент Австрии.
560
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 264.
561
- Иоффе Адольф Абрамович (1883 – 1927) – участник социал демократического движения с начала XX в. Нефракционный социалист. После 1917 г. большевик, дипломат. Участник объединенной оппозиции в ВКП(б). Подвергался преследованиям со стороны сталинистов. Покончил жизнь самоубийством, будучи тяжелобольным и не получая медицинской помощи. Оставил предсмертное письмо Л.Д. Троцкому, распространявшееся оппозиционерами.
562
- Надежда Иоффе о Льве Троцком // Воспоминания Надежды Иоффе (23 марта 1999 г.). [Интернет].
563
- Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 203 204.
564
- В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М.: Знание, 1969. С. 37.
565
- На его наследнице женился большевистский авантюрист В.К. Таратута с тем, чтобы захватить средства для партийной кассы. Видя в нем полезного ему негодяя, Ленин приблизил Таратуту к себе и активно его использовал. Таратута Виктор Константинович (1881 – 1926) – социал демократ с 1898 г. На V партсъезде по настоянию Ленина избран кандидатом в члены ЦК, а после съезда вошел в Большевистский центр. С 1909 г. в эмиграции. В 1919 г. возвратился в Россию и занимал второстепенные хозяйственные посты.
566
- См. об этом подробнее: фельштинский Ю.Г. Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 41 – 45.
567
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 236. Особенно Троцкого возмутило, что во время мирных переговоров с Германией и ее союзниками в Брест Литовске в начале 1918 г. он получил письмо от Гильфердинга, который по прежнему обращался к Троцкому на «ты» и хлопотал за какого то австрийского военнопленного. «Мне казалось, что я не делал себе на его счет никаких иллюзий. И все же я не верил своим глазам». Троцкий поделился новостью с Лениным. «А что говорит о революции?» – поинтересовался тот. «О революции ничего». «Ни че го? – ничего! – Не может быть! – Ленин смотрел на меня во все глаза.. Я избавляю читателя от воспроизведения тех двух трех эпитетов, в которые разрешилось недоумение Ленина» (Там же. С. 236 – 237). Напомним, что Ленин отнюдь не чурался нецензурной лексики. Слово «говно» было обычным для его переписки. Вероятно, подобное, если не матерное выражение было им употреблено и в этом случае.
568
- Там же. С. 237 238.
569
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 241.
570
- Там же. С. 265.
571
- Троцкий Л. С.Л. Клячко // Борьба. 1914. 28 апреля; Троцкий Л. Политические силуэты. М.: Новости, 1990. С. 183 – 186.
572
- Через много лет, послав Троцкому одну из фотографий, она прокомментировала ее: «Вы сидите у нас на диване с самым безмятежным выражением на лице» (Архив Троцкого. Ф. 13, Т 2323).
573
- РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 100. л. 9.
574
- Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Серия 16. Ящик 3. Письмо Л.Д. Троцкого П.Б. Аксельроду от 20 июля 1912 г.
575
- РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 100. л. 20.
576
- Наша заря. 1911. № 11. С. 116 – 128; Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Обширная подборка документов по истории Большевистского

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский *filosoff*. центра и внутрипартийной борьбы между двумя российскими революциями публикуется авторами этой книги в журнале «Вопросы истории» (2010, № 6 – 2012, № 4) под названием «В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал демократии 1908 – 1912 гг.». Введение к первой части документации под заголовком «К истории «Большевистского центра» включено также в книгу: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории / Ред. сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Изд во гуманитарной литературы, 1995. С. 11 – 92.
577
- Наша заря. 1911. № 11. С. 128 132.
578
- В преддверии полного раскола. А.Н. Потресов – Ю.О. Мартову. 2 декабря 1911 г.
579
- Сарнов Б. Случай Эренбурга. М.: Эксмо, 2006. С. 159.
580
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 251.
581
- «Несмотря ни на что и вопреки всему» (нем.) – цитата из стихотворения немецкого поэта XIX в. Фердинанда Фрейлиграта – последователя Маркса и Энгельса.
582
- Гарви П.А. Воспоминания социал демократа. С. 385 – 386.
583
- Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 176 – 177.
584
- РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 100. Л. 2.
585
- Там же. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1.
586
- Там же. Л. 20.
587
- РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 33.
588
- Eastman M. Leon Trotsky. P. 154.
589
- РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 40.
590
- Там же. Л. 95.
591
- Там же. Л. 133 134.
592
- Коларов Васил (1877 – 1950) – деятель болгарского и международного коммунистического движения. По специальности юрист. С 1903 г. один из руководителей Болгарской социал демократической партии тесных социалистов. В 1919 г. был в числе основателей компартии и избран ее секретарем. В 1922 – 1924 гг. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна. В 1923 г. вместе с Г. Димитровым руководил безуспешным Сентябрьским восстанием в Болгарии, продиктованным советским руководством. После этого находился в эмиграции в СССР. Проводил курс, полностью соответствовавший линии Сталина. Инициатор политических репрессий против ряда болгарских политэмигрантов в СССР. В 1931 – 1941 гг. директор Международного аграрного института в Москве. В 1945 г. возвратился в Болгарию. Занимал ответственные государственные должности. После смерти Г. Димитрова в 1949 г. стал председателем Совета министров. Один из главных инициаторов навязывания Болгарии советской модели социализма.
593
- Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 201 – 202.
594
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 249.
595
- Vorwärts. 1910. 28. August.
596
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 249 250.
597
- Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 205. В письме имелась в виду статья Троцкого «Развитие российской социал демократии» в названном журнале, опубликованная 3 сентября 1910 г. за подписью «От нашего русского корреспондента». Сам Троцкий путает дату, считая, что это письмо было написано годом раньше (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 250).
598
- Луначарский А. Силуэты. С. 345 – 346. Примерно так же позицию Плеханова

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. оценивала Крупская, которая обращала внимание на то, что Плеханов, враждебно настроенный по отношению к Троцкому еще с 1903 г., безоговорочно подписал протест против его выступления вместе с большевиками (Крупская И К. Воспоминания о Ленине. Вып. 2. С. 51).

599

Зиновьев Г. Е. (настоящая фамилия Апфельбаум, в молодости также носил фамилию Радомысльский) (1883 – 1936) – один из ближайших сотрудников Ленина в дооктябрьский период. Большевик с 1903 г. С 1919 г. являлся председателем Исполкома Коммунистического интернационала, председателем Петроградского Совета и фактически всевластным хозяином города и Петроградской губернии в 1918 – 1925 гг. В 1923 – 1925 гг. совместно с Л.Б. Каменевым полностью поддерживал Сталина. С 1925 г. вместе с Каменевым возглавил так называемую «новую оппозицию» Сталину, осужденную на XIV партсъезде. В 1926 – 1927 гг. был одним из руководителей объединенной оппозиции в ВКП(б). В ноябре 1927 г. исключен из партии. После раскаяния в конце того же года восстановлен в ВКП(б), издательски назначен на работу в Центросоюз СССР (объединение потребительских кооперативов). В 1932 г. опять был исключен из партии и в следующем году восстановлен. В 1935 г. был исключен в третий раз, арестован и осужден на 10 лет тюремного заключения по обвинению в соучастии в убийстве С.М. Кирова. В августе 1936 г. был приговорен к смертной казни на судебном процессе по делу «антисоветского объединенного троцкистско зиновьевского центра» и расстрелян.

600

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 251.

601

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 248.

602

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 251.

603

Горький М. Письма. М.: Наука, 2001. Т. 7. С. 127, 146.

604

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 252.

605

Копп Виктор Леонтьевич (1880 – 1930) был социал демократом с 1900 г. После 1903 г. к фракциям не примкнул. В 1918 – 1921 гг. являлся дипломатическим представителем РСФСР в Германии. Затем работал заместителем наркома иностранных дел, полпредом СССР в Японии и Швеции.

606

Скобелев Матвей Иванович (1885 – 1938) – в социал демократическом движении с 1903 г. Эмигрировал в Австрию, окончил Венский политехнический институт. Присоединился к меньшевикам, одновременно работая в газете Троцкого. В 1912 – 1917 гг. – депутат 4 й Государственной думы. После февральской революции 1917 г. был сначала членом, а затем заместителем председателя Петроградского Совета, заместителем председателя ВЦИКа. В мае – августе 1917 г. – министр труда Временного правительства. После Октябрьского переворота выехал в Закавказье, откуда эмигрировал в самом начале 20 х гг. В эмиграции перешел на позиции большевизма, в 1922 г. вступил в РКП(б). Работал в советских торговых миссиях в Лондоне и Париже. В 1926 – 1930 гг. работал в Главконцесском СССР и возглавлял Концесском РСФСР. Позже являлся сотрудником Всесоюзного радиокомитета. Арестован во время Большого террора. Расстрелян по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

607

Явно под влиянием позднейших впечатлений Троцкий писал в очерке «Иосиф Сталин. (Опыт характеристики)» (Койоакан, Мексика, 1939): «впечатление от фигуры было смутное, но незаурядное. Или это позднейшие события отбросили свою тень на первую встречу? Нет, иначе я просто позабыл бы о нем. Неожиданное появление и исчезновение, априорная враждебность взгляда, нечленораздельное приветствие и, главное, какая то угрюмая сосредоточенность произвели явно тревожное впечатление...» (Троцкий Л. Портреты революционеров / Под ред. Ю. Фельштинского. М.: Московский рабочий, 1991. С. 46).

608

Историк и публицист Л.А. Безыменский ошибается, утверждая без ссылок на какие либо документы, что Сталину в Вене оказывал помощь Троцкий (Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000. С. 43).

609

Семковский (настоящая фамилия Бронштейн) Семен Юльевич (1882 – 1937) был социал демократом с 1898 г. С 1904 по 1921 г. меньшевик. В 1912 – 1914 гг. заграничный секретарь Организационного комитета РСДРП. После запрещения меньшевистских организаций в Советской России примкнул к большевикам, вступил в РКП(б). Работал

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. в Харькове профессором ряда вузов, в которых преподавал диалектический материализм. Пытался истолковать теорию относительности Эйнштейна с марксистских позиций в книге «Марксистская хрестоматия» (Екатеринослав, 1923). Был избран в состав Академии наук Украинской ССР. Семковский был арестован и расстрелян во время Большого террора как руководитель троцкистского подполья.

610

Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 258.

611

Полное название организации – Украинский социал демократический союз «Спілка». Она была образована в декабре 1904 – начале 1905 г. и вошла в состав РСДРП в качестве автономной организации на правах союза комитетов партии. По большинству вопросов организация поддерживала меньшевиков. Союз состоял из «громад», которые входили в местные социал демократические организации, сохраняя автономию, либо являлись самостоятельными организациями, если в данной местности организации РСДРП не было. «Спілка» издавала газету «Правда», в которой принимал участие Троцкий до того, как газета полностью перешла под его руководство (Михайлов В. История Коммунистической партии Украины. М.: Пролетарий, 1925. С. 17 – 21). Неизвестно, кто именно допустил анекдотическую ошибку – И. Дойчер или переводчик его работы на русский язык, но в его книге «Спілка» названа «Шпилькой» (Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. С. 202).

612

Меленевский Мариан Иванович (1878 – 1938) – деятель украинского национально освободительного движения, социал демократ. Один из основателей и руководитель украинской социал демократической организации «Спілка» («Союз»), созданной в 1904 г. (существовала до 1913 г.). Меленевский сотрудничал с Л.Д. Троцким, являлся одним из основателей газеты «Правда» в Вене. После 1917 г. занимал низовые должности в советских учреждениях. В 1937 г. арестован и расстрелян без суда.

613

Социал демократ. 1909. 17 июня.

614

Речь идет о Большевицком центре – фракционном неуставном, вначале действовавшем открыто, а затем фактически конспиративном в отношении самой партии центре большевиков, образованном на V партсъезде. Во главе центра стоял Ленин. Центр одновременно являлся расширенной редакцией газеты «Пролетарий». Используя этот факт, центр выступал перед публикой именно в этом последнем качестве, проводя, в частности, свои совещания в качестве «расширенной редакции «Пролетария», иногда присоединяя к этой формуле дополнение типа «и практически занятых работой среди масс товарищей». В 1910 г. Большевицкий центр был распущен.

615

Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 185.

616

Томский (настоящая фамилия Ефремов) Михаил Петрович (1880 – 1936) – участник социал демократического движения с 1904 г. Рабочий плотник (единственный «рабочий от станка» в высшем эшелоне большевицкой элиты). После Октябрьского переворота 1917 г. возглавлял профсоюзную организацию в Москве, с 1919 г. председатель Всероссийского (затем Всесоюзного) центрального совета профсоюзов. В 1921 г. недолгое время находился в опале и был направлен на работу в Туркестан за слабую попытку придать профсоюзам функцию защиты интересов трудящихся в экономической области и добиться меньшей зависимости профсоюзов от компартии. С 1922 г. член Политбюро ЦК РКП(б). В 1928 г. был фактически отстранен от руководства ВЦСПС, а в 1929 г. снят со всех высших должностей за участие вместе с Бухариным и Рыковым в «правоуклонистской группе». В следующие годы занимал второстепенные посты, являясь, в частности, некоторое время директором Госиздата, что было прямым издевательством и над издательским делом, и над самим Томским, не имевшим никакого систематического образования. В связи с кампанией травли, развернутой против него во время судебного фарса над Зиновьевым и Каменевым, покончил жизнь самоубийством.

617

Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 188, 208 209.

618

Рыков Алексей Иванович (1881 – 1938) являлся социал демократом с 1899 г. С 1903 г. большевик. В 1917 г. был членом Исполкома Московского Совета. После Октябрьского переворота выступал за создание коалиционного правительства с участием всех левых сил, в связи с чем вступил в конфликт с Лениным и ушел с поста наркома внутренних дел. С 1922 г. член Политбюро ЦК РКП(б). После смерти Ленина поддержал Сталина в борьбе против Троцкого, а затем против Зиновьева и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. Каменева. С февраля 1924 г. был председателем Совнаркома СССР. В 1928 – 1929 гг. выступал против свертывания нэпа, за что был подвергнут резкой критике как «правый уклонист». В 1930 г. смещен с поста главы правительства. До 1936 г. являлся наркомом связи. Арестован в феврале 1937 г., приговорен к смертной казни на судебном процессе в марте 1938 г. и расстрелян.

619

Сокольников (настоящая фамилия Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888 – 1939) – социал демократ с 1905 г., большевик. В 1909 г. эмигрировал. Окончил юридический факультет Сорбонны (Парижского университета) в 1914 г. Возвратился в Россию в 1917 г. вместе с Лениным. С августа 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета. Был членом советской делегации на переговорах в Брест Литовске, 3 марта 1918 г. подписал Брестский мир с Германией. Во время Гражданской войны занимал ряд ответственных командных и политических постов в Красной армии. Являлся наркомом финансов РСФСР, а затем СССР в 1922 – 1926 гг. Участвовал в «новой оппозиции» Зиновьева и Каменева, а затем объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В 1927 г. порвал с оппозиционным движением. В 1929 – 1932 гг. был полпредом СССР в Великобритании, затем заместителем наркома иностранных дел СССР. Арестован в 1936 г. и являлся одним из подсудимых на втором «открытом» судебном процессе в январе 1937 г. Был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Согласно официальной версии, был убит в тюрьме сокамерниками. На самом деле убийство было совершено по распоряжению Сталина.

620

Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. С. 205.

621

См.: В преддверии полного раскола // Вопросы истории. 2010, № 6 и след.); Владимир И.М. Ленин в Женеве и Париже. Харьков: Госиздат Украины, 1924. С. 62.

622

В преддверии полного раскола. Редакция «Правды» – К. Цеткин. 12 декабря 1911 г.

623

Решения пленума были более благоприятными в отношении «Правды», нежели намечал предварительно Большевицкий центр. Последний в ноябре 1909 г. постановил: «Относительно Троцкого максимальной уступкой «Правде» со стороны фракции признается: согласие оставить «Правду» в Вене при назначении редакции на началах равенства (т. е. один ред[актор] от «Правды», 1 б[ольш]е[ви]к от Ц[ентрального] к[омитета]) и с превращением «Правды» в орган Ц[ентрального] к[омитета]. Особой финансовой помощи «Правде», кроме общих взносов в Ц[ентральный] к[омитет], фракция не оказывает» (Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891 1922. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39).

624

На партийную дорогу. Правда. 1910. 25 февраля.

625

С Каменевым Троцкий и в предыдущие месяцы поддерживал связь, в основном обращаясь к нему за финансовой помощью «Правде» и собственной семье. В июне 1909 г. Троцкий просил своего зятя «добыть из под земли 100 руб. и выслать их мне по телеграфу». В противном случае, писал Троцкий, «сидим без хлеба, молока и мяса». Каменев посоветовался с Лениным, который, все еще надеясь приручить Троцкого и фактически овладеть его газетой, высказался за отправку денег. Указанная сумма была тотчас переведена (Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 34).

626

Луначарский с иронией констатировал, что ЦК отправил Каменева «в качестве всестороннего надзирателя за Троцким» (Луначарский А. Силуэты. С. 345).

627

Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1883 1903 1917. Париж, 1922. С. 212 213.

628

Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 244.

629

Правда. 1910. 7 июля.

630

Об этом конфликте Ленин напоминал неоднократно. Вопреки фактам он в декабре 1911 г. писал, что Троцкий якобы изгнал Каменева из редакции, в результате чего сам Троцкий и «Правда» отошли к ликвидаторству и отзовизму (Ленин В.И. ПСС. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 3 – 4). Крупская же излагала совершенно иную версию. По ее словам, Троцкий выступил в венском социал демократическом клубе против «Рабочей газеты», которую издавал Ленин в Париже с октября 1910 г. в сотрудничестве с Плехановым, назвав ее узкофракционным органом, в результате чего Каменев покинул редакцию «Правды» (Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. Вып. 2. С. 51). Обе версии представляются неосновательными. Каменев

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. действительно ушел из «Правды» после выступления Троцкого по поводу «Рабочей газеты», но не по своей воле, а в результате той кампании, которую против Троцкого развернул Ленин, написавший в декабре 1910 г. даже специальное письмо в Российскую коллегию ЦК РСДРП, в котором жаловался, что Троцкий объявил войну «Рабочей газете», проведя в Венском клубе (членов которого он называл «пешками в руках Троцкого») соответствующую резолюцию, которую издал затем отдельной брошюрой (Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 44 – 45).
631
Луначарский А. Силуэты. С. 345.
632
В преддверии полного раскола. Резолюция цюрихской группы «Ко всем членам партии». Около 29 июня 1911 г.
633
В преддверии полного раскола. Редакция «Правды» – ленинской «Организационной комиссии». Конец июня 1911 г.
634
Шкловский Григорий Львович (1875 – 1937) – социал демократ с 1898 г., с 1903 г. большевик. Вел нелегальную работу в Белоруссии, подвергался арестам и ссылкам. С 1909 г. находился в эмиграции. Участвовал в работе 2 го Интернационала. В 1917 г. возвратился в Россию вместе с Лениным. Стал заместителем председателя Московского совета районных дум. С 1918 г. на дипломатической работе. В 1926 – 1927 гг. участвовал в объединенной оппозиции, но в конце 1927 г. от нее отошел. После этого работал в Химсиндикате и других хозяйственных организациях. В 1936 г. арестован и приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам тюрьмы. В 1937 г. «особой тройкой» приговор был пересмотрен, Шкловский приговорен к смертной казни и расстрелян.
635
Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 251. Курсив документа.
636
В преддверии полного раскола. Венский с[оциал] д[емократический] клуб о созыве конференции.
637
В преддверии полного раскола. Открытое письмо [Венского партийного клуба] в редакцию «Социал демократа». 13 февраля 1911 г.
638
В преддверии полного раскола. «Правда» – к партийным организациям.
639
Правда. 1911. 8 июля.
640
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 208.
641
Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 71. Чуть позже, в сентябре 1911 г., Ленин вместе с Зиновьевым и Каменевым писал Каутскому, Мерингу и Цеткин, что Троцкий «имеет наглость» требовать деньги для оплаты редакторов (Там же. С. 93).
642
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 217.
643
Горький М. Письма. Т. 7. С. 139, 146, 434.
644
«Вперед» – группа, созданная в 1909 г. рядом большевиков на базе каприйской партийной школы. Фактически руководителем первоначально был А.А. Богданов. В число организаторов входили также А.В. Луначарский, Г.А. Алексинский, Д.З. Мануильский, В.Л. Шанцер и др. Группа выступала за сосредоточение партийной работы в нелегальных организациях, хотя и не отвергала полностью, как это утверждал Ленин, необходимости легальных выступлений. После того как выдвинутая Богдановым программа сосредоточения внимания на культурной работе в пролетарской среде и формирования пролетарской культуры была отклонена, он в 1911 г. покинул группу, которая фактически распалась в 1913 г.
645
Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 1.
646
Троцкий Н. Благочестивейший, самодержавнейший! О Николае П. юбилей позора нашего (1613 – 1913). [Вена:]: Редакция «Правды», 1912.
647
Сверчков Д. На заре революции. С. 225.
648
По оценке цюрихской группы социал демократов, ленинцы «вставляли палки в колеса» этой кампании (Резолюция цюрихской группы. Ко всем членам партии. Около 29 июня

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. 1911 г.) Связано это было как с тем, что инициатива принадлежала меньшевикам, так и с тем, что в ходе кампании не выдвигались открыто подрывные лозунги.
649
Правда. 1911. 23 декабря; 1912. 27 марта; Наша заря. 1912. № 5. С. 11 – 27.
650
В преддверии полного раскола. А.Н. Потресов – Ю.О. Мартову. 24 (11) января 1912 г.
651
Правда. 1909. 9 апреля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 256 – 260.
652
Правда. 1909. 14 июня; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 266 – 271.
653
Правда. 1909. 20 сентября (3 октября); Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 278 284.
654
Правда. 1910. 18 (31) марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 290 295.
655
Европейский Концерт – условное наименование системы международных отношений в Европе, совокупность международных договоров и соглашений, выработанных на протяжении XIX в. и продолжавших действовать до Первой мировой войны и отчасти в ее ходе. Целью Европейского Концерта являлось решение возникавших конфликтов и споров дипломатическими, а не военными средствами. На смену Европейскому Концерту в 1919 г. пришла Лига Наций, созданная на Парижской мирной конференции.
656
«Третьеиюньский порядок», или третьеиюньский переворот, – устоявшийся в революционной и леволиберальной прессе термин. 3 июня 1907 г. была досрочно распущена 2 я Государственная дума и опубликован новый избирательный закон, гарантировавший правительству более консервативную новую Думу.
657
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 311 322, 322 332.
658
Правда. 1909. 8 (21) декабря; 1910. 1 (14) января; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 332 337.
659
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 187.
660
Правда. 1910. (14) января; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 4. С. 362 – 364.
661
Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год / Под общ. ред. С.П. Мельгунова и М.А. Цявловского. М.: Задруга, 1918. С. 40 – 41.
662
Там же. С. 42.
663
Так именовала себя группа, образованная в 1909 г. на базе партийной школы на острове Капри в Италии. В группу входили в основном отзовисты. Группа находилась под влиянием новейших философских течений, в частности идей эмпириокритицизма австрийского физика и философа Эрнста Маха, фиксировавшего внимание на субъективной стороне категорий современной физики. А.А. Богданов, А.В. Луначарский и некоторые другие представители социал демократической интеллигенции пытались сочетать идеи марксизма и эмпириокритицизма и таким образом несколько «осовременить» философию Маркса и Энгельса, что вызвало гнев Ленина, нашедший выражение в его грубо полемической, малодоказательной, насыщенной цитатами и полной ругательств книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909).
664
Большевики. С. 43 – 44.
665
Ленин В.И. ПСС. Т. 19. С. 253 255.
666
В преддверии полного раскола. «Правда» – к партийным организациям. 26 февраля 1911 г.
667
Семашко Николай Александрович (1874 – 1949) – врач. Участник социал демократического движения с 1893 г. С 1904 г. большевик. В 1906 г. эмигрировал. Жил вначале в Швейцарии, затем во Франции. Активно участвовал в деятельности Ленина, один из ближайших его помощников в эмиграции (главным образом по техническим делам). В 1917 г. возвратился в Россию. После Октябрьского переворота заведовал медико санитарным отделом Моссовета. В 1918 – 1930 гг. нарком здравоохранения РСФСР. В 1927 – 1936 гг. вел преподавательскую работу,

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. занимал различные руководящие посты в медицинских исследовательских учреждениях, был главным редактором Большой медицинской энциклопедии.
668
В преддверии полного раскола. Д.З. Мануильский – Г.А. Алексинскому. Около 12 июня 1911 г.; ЗБЦК о расколе. Ко всем членам партии. 24 июня 1911 г.
669
В преддверии полного раскола. Ф.И. Калинин – Г.А. Алексинскому. Начало июля 1911 г.
670
В преддверии полного раскола. Совещание в Берне, созванное ЗБЦК. 23 августа 1911 г.; Листок ЗБЦК. 1911. 9 сентября.
671
В преддверии полного раскола. Ответ редакции «Правды» делегатам на Пражскую конференцию. 9 февраля 1912 г.
672
В Пражской конференции, наряду с большевиками, участвовали и два меньшевика партийца – сторонники Плеханова Д.М. Шварцман и Я.Д. Зевин, но первый вел себя совершенно пассивно и по многим вопросам поддерживал большевиков, а второй не был в состоянии изменить чисто большевистского характера этой конференции. О Шварцмане говорили, что Ленин привлек его на конференцию, чтобы показать, что и среди плехановцев есть его явные сторонники. Сам же Плеханов дезавуировал принадлежность Шварцмана к группе его сторонников – к меньшевикам партийцам. Плеханов назвал Шварцмана ленинцем, в интересах ленинской фракции назвавшим себя плехановцем.
673
Правильно Тышка Ян (псевдоним Лео Иогихеса) (1867 – 1919) – польский и германский социал демократический деятель, один из руководителей Социал демократии Королевства Польского и Литвы, крайне догматичный и авторитарный деятель. Сожитель (гражданский муж) Розы Люксембург. С 1918 г. Тышка являлся руководящим деятелем германского Союза Спартака (предшественника компартии). В марте 1919 г. был арестован и убит в берлинской тюрьме.
674
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 233 – 234.
675
Отточие документа.
676
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 252.
677
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 255 – 256.
678
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 13. л. 14 26.
679
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 15. л. 19 20, 23, 62.
680
Горький М. Письма. М.: Наука, 2002. Т. 9. С. 222.
681
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. л. 30 35.
682
Ларин Ю. (настоящие имя, отчество и фамилия Михаил Залманович Лурье) (1882 – 1932) являлся социал демократом с конца 90 х гг. С 1903 г. меньшевик. После революции 1905 – 1907 гг. стоял на ликвидаторских позициях. В 1917 г. вступил в большевистскую партию, занимал ряд хозяйственных постов. Отец последней жены Н.И. Бухарина.
683
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 15. л. 49, 55 56.
684
Пролетарская революция. 1925. № 1. С. 212.
685
Большевики. С. 113.
686
Там же. С. 118 119.
687
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 27. л. 7 9.
688
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 258.
689
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 257 – 258.
690

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
Луначарский А. Силуэты. С. 345.
691
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 233.
692
РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.
693
Под троцкистами имелись в виду не сторонники определенного идейно политического течения, а только близкие к Троцкому лично социал демократы.
694
Большевики. С. 125.
695
Там же. С. 194 195.
696
Действуя в составе РСДРП, социал демократия Латышского края оказалась втянутой во внутривнутрипартийную борьбу, так как в ее среде выделились сторонники как большевиков, так и меньшевиков (Политические партии России. С. 286).
697
Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 83, 224 – 225. Видимо, это высказывание дало основание А.И. Степанову и А.И. Уткину, слабо разбирающимся в том, какую роль играл Троцкий в РСДРП в это время, заявить, что Августовский блок распался после ухода из него Троцкого, «самого активного, перспективного и пассионарного лидера меньшевизма» (Драма российской истории. Большевики и революция. С. 116). Эти авторы не только ошибочно приписали распад блока личным действиям Троцкого, но и, к сожалению, забыли, что Троцкий являлся не меньшевиком, а нефракционным социалистом.
698
Ленин В.И. ПСС. Т. 16. С. 104.
699
Валентинов (псевдоним Вольский, в литературе часто упоминается как Валентинов Вольский) Николай Владиславович (1879 – 1964) – публицист, экономист. В 1908 – 1911 гг. опубликовал ряд статей о кооперации в сельском хозяйстве. После Октябрьского переворота 1917 г. работал в советских учреждениях. Был заместителем ответственного редактора «Торгово промышленной газеты». В 1928 – 1930 гг. сотрудник советского торгпредства во Франции. В 1930 г. объявил себя невозвращенцем. Автор ряда работ по социально экономической и политической истории Советской России в 20 х гг.
700
Вольский Н.В. (Валентинов). Встречи с Лениным. Нью Йорк: Изд во им. Чехова, 1953. С. 92.
701
См. подробнее: Кондаков И.И., Кленовская Л.А. Крылатые аргументы. (Афоризмы и крылатые выражения в трудах и выступлениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина). М.: Знание, 1989.
702
Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 381 384.
703
Там же. Т. 19. С. 132.
704
Горький М. Письма. М.: Наука, 2000. Т. 6. С. 155, 158, 166, 176.
705
Письмо Троцкого Горькому от 9 июня 1909 г.
706
РГАСПИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 1; Ал. Богданов и группа РСДРП «Вперед». 1908 1914 гг. / Сост. Н.С. Антонова, И.В. Дроздова. М.: АИРО ХХ, 1995. С. 196.
707
В кругах эмигрантов не без основания считалось, что Каприйская, а затем и Болонская партийные школы были созданы на средства, полученные от «миасских экспроприаций». Эти грабежи были осуществлены группой боевиков, совершившей в октябре 1908 и августе 1909 г. нападения на казначейство в Миассе, недалеко от Челябинска, в результате чего было захвачено примерно 110 тысяч рублей. Часть этой суммы была переправлена затем за границу (Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. Политические объединения на Урале до 1917 г. ч. 1. Челябинск, 1995. С. 59, 72).
708
Горький М. Письма. Т. 6. С. 426.
709
В преддверии полного раскола. Письма Троцкого Г.А. Алексинскому от 20 июня 1909 г., Инициативной группе по организации партийной школы от 6 августа 1909 г.,

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. Исполнительной комиссии школы от 17 августа 1909 г.
710
В преддверии полного раскола. Примечание Б.И. Николаевского № 177 к третьему разделу коллекции документов о противоречиях и конфликтах в РСДРП в 1907 1912 гг.
711
Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. С. 211.
712
Отчет Второй Высшей социал демократической пропагандистско агитационной школы для рабочих (ноябрь 1910 – март 1911 г.). [Париж:] Изд. группы «Вперед», 1911. С. 18; Лившиц С. Партийная школа в Болонье (1910 – 1911) // Пролетарская революция. 1926. № 3. С. 125.
713
Луначарский А. Силуэты. С. 346. Луначарский, однако, путает, утверждая, что Троцкий проводил практические занятия по журналистике и читал лекции о парламентской тактике германской и австро венгерской социал демократии, а также по истории РСДРП. Это утверждение не подтверждается только что названным официальным отчетом школы.
714
РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 38, 61; Луначарский А. Силуэты. С. 346.
715
Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 5.
716
Правда. 1932. 21 января; Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 44 45. 14 января 1932 г. директор Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) В.В. Адоратский обратился к Сталину с письмом, в котором предлагал опубликовать ряд документов Ленина, в частности связанных с его отношением к троцкизму. Подчеркнув соответствующее место красным карандашом, Сталин наложил резолюцию с разрешением опубликовать всего три из названных документов, но среди них специально выделялось указание о публикации «о краске стыда у иудушки». Материалы появились в «Правде» 21 января 1932 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Ед. хр. 2998. Л. 1; Сталин И.В. Историческая идеология в СССР... С. 53 54).
717
Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 96.
718
Имелась в виду школа в Болонье.
719
Правда. 1932, 21 января; Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 44 45.
720
Там же. С. 285.
721
Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 320.
722
Там же. С. 335.
723
Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 29 33.
724
Большевики. С. 96 – 97.
725
Vorwärts. 1912. 26. Marz.
726
Орджоникидзе Григорий Константинович (распространенная кличка Серго) (1886 – 1937) – участник революционного движения в России с 1903 г., большевик. С 1912 г. член Русского бюро, избранного на сепаратно созванной большевиками VI (Пражской) партконференции. После Октябрьского переворота 1917 г. возглавлял большевистские организации на Кавказе. С 1920 г. председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б). С 1926 г. председатель Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и нарком рабоче крестьянской инспекции СССР. С 1930 г. председатель Высшего совета народного хозяйства, с 1932 г. нарком тяжелой промышленности. «Скоропостижная смерть» Орджоникидзе была фикцией. По всей видимости, он покончил жизнь самоубийством, хотя не исключена версия его убийства сталинской агентурой в связи с тем, что он пользовался высокой популярностью среди партийных кадров и в некоторых случаях защищал лиц, подвергавшихся арестам в условиях Большого террора, в основном своих подчиненных по наркомату.
727
Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 55.
728
Речь шла о деньгах из наследства Шмита, полученных большевиками обманным путем и

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. переданных на хранение представителям германской социал демократии.

729

Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 59.

730

Там же. С. 69.

731

Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 79.

732

Там же. С. 86.

733

Поляков Андрей Александрович (псевдоним Кацап) (1884 – 1918) – социал демократ, большевик. Являлся секретарем Областного бюро РСДРП Центрально Черноземной области. В 1909 – 1913 гг. секретный сотрудник Московского охранного отделения. После обнаружения документов о его работе в охранке арестован и расстрелян.

734

Ленин В.И. Неизвестные документы. С. 104 – 105, 635. Вполне возможно, что именно Кацап был автором доклада об августовской конференции в Охранное отделение. На конференции в Вене Поляков являлся, таким образом, двойным агентом – большевиков и российских спецслужб.

735

Там же. С. 361.

736

Ленин В.И. ПСС. Т. 23. С. 307.

737

Сталин И. Сочинения. Т. 2. С. 259 260, 271 284.

738

Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Серия 16. Ящик 3.

739

Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864 – 1926) – один из основателей социал демократического движения в Закавказье. С 1903 г. меньшевик. Депутат 3 й и 4 й Государственных дум. С 1913 г. председатель меньшевистской фракции Госдумы. В 1917 г. председатель Петроградского Совета, затем одновременно председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета первого состава. После того как Петроградский Совет стал на большевистские позиции, ушел в отставку и был замещен Троцким. Чхеидзе резко осудил Октябрьский переворот и выехал в Грузию. В 1918 г. он был избран председателем Закавказского сейма, а затем председателем Учредительного собрания Грузии. После оккупации Грузии Красной армией в 1921 г. эмигрировал во Францию. Покончил жизнь самоубийством.

740

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932. С. 20. Копия письма сохранилась в коллекции Б.И. Николаевского в Архиве Гуверовского института (Серия 17С. Ящик 940). Составитель сборника документов Сталина по вопросам исторической идеологии в СССР М.В. Зеленов отмечает, что Сталин в борьбе против лидеров оппозиции активно использовал архивные материалы, «вынимая, как фокусник, нужные ему ленинские документы из архивной табакерки» (Сталин И.В. Историческая идеология в СССР. С. 114). Именно по просьбе Сталина была найдена и опубликована переписка Троцкого с Чхеидзе, содержащая резкую критику Ленина.

741

Для компрометации Троцкого это письмо было полностью опубликовано Л.Б. Каменевым в 1925 г. (Каменев Л. Был ли Ленин вождем пролетарской революции (К переписке т. Троцкого с Чхеидзе и т. Ольминским). [Юзовка]: Рабочий Донбасса, 1925. С. 26 32).

742

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 257.

743

В то же время на июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 г. в ответ на размышления Сталина по поводу этого письма Троцкий признал, что оно существовало, но было написано в момент ожесточенной межфракционной борьбы, что Ленин был на сто процентов прав в этой борьбе, что эта борьба давно уже дело прошлого и поднимать спор по названному поводу можно только для устройства скандала и организации интриг (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 246. Т. 4. л. 103 104).

744

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 258.

745

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 448. л. 4.

746

Арманд Инесса Федоровна (урожденная Стифен Инес Элизабет) (1874 – 1920) – дочь

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. британского оперного певца и французской актрисы. Родилась в Париже. С 1889 г. жила в России. Работала учительницей в семье промышленников Армандов. Вышла замуж за Александра Арманда, затем ушла к его младшему брату Владимиру. Родила пятерых детей. С 1904 г. – социал демократка, член большевистской фракции. С 1908 г. находилась за границей – в Бельгии и Франции, где стала любовницей Ленина и его доверенным политическим лицом. Работала в большевистской партийной школе в Лонжюмо под Парижем. Участвовала в различных международных встречах и конференциях. В 1917 г. возвратилась в Россию. После Октябрьского переворота была председателем Московского губернского совета народного хозяйства. В 1918 – 1919 гг. заведовала женским отделом ЦК РКП(б). Умерла от холеры.
747
- Elwood R.C. Lenin and Brussels // The Russian Review. 1980. № 39. P. 32 49.
748
- Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 3 4.
749
- Там же. С. 142.
750
- Борьба. 1914. № 2. С. 25.
751
- Ленин В.И. ПСС. Т. 25. С. 312.
752
- Там же. С. 186 187, 190.
753
- Там же. С. 353 359.
754
- Библиография периодических изданий России. 1901 – 1916. л.: Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова Щедрина. Б. г. Т. 2. С. 149.
755
- С учетом соответствующих отличий, с изменениями, вытекающими из обстоятельств (лат.).
756
- Троцкий имел в виду целый ряд изданий, но прежде всего тома своих «Сочинений», в частности т. 4; т. 6 «Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война» (М.; Л.: Госиздат, 1926); т. 9 «Европа в войне (1914 – 1918 гг.)» (М.: Госиздат, 1927); т. 20 «Проблемы культуры старого мира» (М.: Госиздат, 1926). Троцкий неточно выразился: он имел в виду не то, что его статьи из «Киевской мысли» заняли несколько томов, а тот факт, что они были включены в несколько томов (наряду с другими материалами).
757
- Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 262 – 263.
758
- Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 275 – 285.
759
- Так в тексте Троцкого.
760
- Киевская мысль. 1908. 18 августа; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 285 287.
761
- Антид Ото. Аристотель и Часослов // Киевская мысль. 1908. 6 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 287 – 293.
762
- М. Горький уместно писал в мае 1909 г., что он «с тоской бросил ее к черту». «Что за нахальство», – продолжал Горький, сравнивая «философические экскурсии» Ленина с самыми худшими образцами и особенно отмечая «хулиганский тон» этой книги (Горький М. Письма. Т. 7. С. 137 – 138).
763
- Лютер Мартин (1483 – 1546) – основатель лютеранской церкви, лидер церковной реформации, потрясшей Европу в XVI в.
764
- Киевская мысль. 1911. 19, 22 мая; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 314 327.
765
- Киевская мысль. 1908. 23 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 293 300.
766
- Это примечание было включено в том сочинений: Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 20. С. 327. Статья была опубликована в «Киевской мысли» 4 и 12 марта 1912 г.; Там же. С. 327 342.
767
- РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 258. л. 14 17.
768

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 258 – 262.
769
Одрин – болгарское наименование города Адрианополя, центра той части Фракии, которая оставалась в составе Турции. Турецкое название города – Эдирне.
770
Доклад на парламентарната изпитателна комисия. София: Държавна печатница, 1918.
Т. 1. С. 11 20, 35 36, 40 41.
771
Тошев А. Балкански войни. София: факел, 1929. Т. 1. С. 76.
772
ЦДА на РБ. Ф. Александър Протогеров. Б. Материали и документа на ВМОРО.
773
См.: Червенков Н.Н., Шкундин Г.Д. Балканские войны // Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М.: Наука, 2003. С. 35 – 45.
774
В России в это время действовал Юлианский календарь (старый стиль), и корреспонденции Троцкого в «Киевской мысли» и в других газетах, с которыми он затем также установил связь, были датированы соответственно. Во избежание хронологической путаницы мы даем в этой главе даты по старому стилю. Только в отдельных случаях, когда события происходили в странах, где действовал новый стиль, мы будем отмечать даты двумя стилями, называя даты по новому стилю в скобках.
775
Киевская мысль. 1912. 4 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 57 – 63.
776
Чириков Евгений Николаевич (1864 – 1932) в 1920 г. эмигрировал в Болгарию, а в 1921 г. переехал в Чехословакию, где провел последние годы жизни.
777
День. 1912. 13 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 134 – 139.
778
Червенков Н.Н., Шкундин Т.Д. Балканские войны. С. 37.
779
Такой характер общественного мнения разнообразных общественных слоев подтверждается современными исследованиями (Марков Г. България в Балканския съюз срещу Османската империя. 1912 – 1913. София: Наука и изкуство, 1989. С. 17 – 18; Hall R. Bulgaria's Road to the First world war. New York: Columbia University Press, 1996. P. 101 130).
780
Антид Ото. Война обявена... / Киевская мысль. 1912. 14 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 140 144.
781
ЦДА на РБ. Ф. Александър Протогеров. Материали и документи на ВМОРО.
782
Беломорец (Солун). 1912. 4 ноември.
783
Троцкий Л. Наблюдения и обобщения // Одесские новости. 1912. 19 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 144 – 153.
784
Троцкий Н. Наблюдения и обобщения; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 144 153.
785
Червенков Н.Н., Шкундин Т.Д. Балканские войны. С. 38.
786
Троцкий Л. Около Киркилиссе // Л. Троцкий, Х. Кабакчиев. Очерки политической Болгарии. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 64 – 67; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 165 174.
787
Киевская мысль. 1912. 19 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 174 – 179.
788
Киевская мысль. 1912. 31 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 180 – 185.
789
Антид Ото. Со слов участников // Киевская мысль. 1912. 4 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 185 191.
790
Луч. 1913. 29 января; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 194 199.
791
Троцкий Л., Кабакчиев Х. Очерки политической Болгарии. С. 78 – 80; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 205 – 206.
792

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
О жизни и деятельности Вас.И. Немировича Данченко см. его мемуары «На кладбищах. Воспоминания и впечатления» (М.: Русская книга, 2001).
793
Луч. 1913. 2 апреля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 207 – 211.
794
День. 1912. 9 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 211 – 217.
795
Киевская мысль. 1912. 22 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 218 – 225.
796
День. 1912. 12 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 244 – 248.
797
Троцкий Л. Болгарская военная цензура // День. 1912. 19 октября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 244 248.
798
Празнични вести. 1940. 29 август; Мир. 1940. 30 август и др.
799
Мир. 1940. 30 август.
800
Празнични вести. 1940. 29 август.
801
Киевская мысль. 1913. 8 февраля, 7 марта; Луч. 1913. 13 января, 19, 21, 22 февраля, 5 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 273 – 300.
802
См., например: Милюков П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб.: Общественная польза, 1910.
803
Речь. 1913. 4 октября; Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. СПб., б. г. С. 1 17.
804
В июле 1913 г. Милюков участвовал в работе комиссии фонда Карнеги, побывавшей в Македонии. Он пришел к выводу, что сербы применяли всевозможные приемы, чтобы «превратить болгарскую Македонию в сербскую» и что все воюющие стороны нарушали правила и обычаи войны (Милюков П.Н. Воспоминания (1859 – 1917). Нью Йорк: Изд во им. Чехова, 1955. Т. 2. С. 130 142).
805
Луч. 1913. 15 марта; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 301 – 303.
806
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 306 – 309.
807
Киевская мысль. 1913. 10 июля, 17 октября, 2 ноября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. Ч. 320 339.
808
Троцкий Л. Первые впечатления // Л.Д. Троцкий. Сочинения. Т. 6. С. 346 348.
809
Киевская мысль. 1913. 8 июля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 350 – 355.
810
Термин «геополитика» как наука о государственном контроле над пространством был введен в обращение шведским политологом Рудольфом Челленом в начале XX в., но широкую известность получил только после выхода его книги «Государство как организм» в 1916 г. Книга затем была переведена на многие языки.
811
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 360.
812
Киевская мысль. 1913. 31 июля, 2 августа; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 356 361.
813
Доброджану Геря Константин (настоящие фамилия и имя Кац Соломон) (1855 – 1920) в молодости участвовал в российском народническом движении. В 1875 г. эмигрировал в Румынию, где стал марксистом и одним из основателей и идеологов румынского социалистического движения. Автор многочисленных работ по проблемам истории, социологии, а также литературоведению.
814
Киевская мысль. 1913. 12 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 386 394.
815
Киевская мысль. 1913. 3, 5, 6, 13 сентября; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 6. С. 411 432.
816
Троцкий Л., Раковский Х. Очерки политической Румынии. М.: Госиздат, 1922. С. 6 7.

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff.
817
Материали за историята на Балканската война. Шумен: Ив. Лесичков, 1913. С. 16
18.
818
Кабакчиев Х. Към Балканската федерация! София: Партийна социалистическа
книжарница и печатница, 1914. С. 5, 29 – 33, 136 и др.
819
Thatcher I. Trotsky. London; New York: Pontledge, 2003. P. 64.
820
Деятельности Троцкого в период Первой мировой войны посвящена интересная
монография британского историка Я. Тэтчера, сосредоточившегося в основном на его
отношении к различным российским и европейским политическим силам и
воздерживающегося от освещения остальных областей деятельности Троцкого, в
частности его роли на Циммервальдской конференции 1915 г. (см.: Thatcher I.D.
Leon Trotsky and world war One. August 1914 – February 1917. New York: St.
Martin's Press, 2000).
821
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 266.
822
Там же. С. 267.
823
Там же. С. 269 270.
824
Троцкий Л. Война и революция. М.: Госиздат, 1922. Т. 1. С. 47 – 70. Из
швейцарского дневника, записи 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 26
августа, 1 сентября 1914 г.
825
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 272.
826
Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. Вып. 2. С. 129.
827
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 273.
828
Senn A.E. The Russian Revolution in Switzerland 1914 – 1917. P. 25.
829
Радек (настоящая фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1885 – 1939) – деятель
польской и российской социал демократии, с 1908 г. германский социал
демократический деятель, примыкал к левому крылу СДПГ. С 1917 г. член
большевистской партии, но одновременно сохранял связи с германскими
коммунистами. Участвовал в подготовке несостоявшейся германской революции в 1923
г. В 1919 – 1924 гг. был членом ЦК РКП(б). Принимал участие в объединенной
оппозиции в ВКП(б) в качестве активного деятеля. В конце 1927 г. был исключен из
партии и отправлен в ссылку. После покаянного заявления в 1930 г. возвращен из
ссылки и восстановлен в партии. Был назначен заведующим отделом международной
информации ЦК ВКП(б). Радек был весьма остроумным и циничным человеком, являлся
автором многих политических анекдотов, широко распространявшихся в СССР. В 1936
г. был вновь исключен из ВКП(б) и арестован, на следствии дал согласие выступить
с разоблачениями и показаниями против кого угодно. В качестве одного из главных
обвиняемых был привлечен к судебному процессу по делу «параллельного
антисоветского троцкистского центра» в начале 1937 г. Стал центральной фигурой
процесса, давал подробные показания о собственной «заговорщической деятельности»
и «предательстве» других подсудимых, а также тех, кто на процессе фигурировал,
но не в качестве обвиняемых. Был приговорен к 10 годам тюрьмы. В Верхнеуральском
политизоляторе был, по официальной версии, 19 мая 1939 г. убит другими
заклученными, причем в убийстве обвинили заключенных «троцкистов». В ходе
расследования 1956 – 1961 гг. бывшие оперуполномоченные НКВД показали, что
убийство Радека было произведено по прямому указанию Берии, а распоряжение об
убийстве исходило лично от Сталина.
830
Позже Радек резко изменит свои взгляды, что было типично для этого неординарного
человека, сочетавшего в себе природный ум, аналитический талант, политические и
журналистские амбиции, умение бойко писать, жальщее циничное остроумие и
отсутствие каких либо устойчивых и долговременных убеждений с постоянным твердым
желанием всегда оставаться на первом плане.
831
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 274.
832
Trotsky L. Der Krieg und die Internationale. Zürich: Kommissionverlag der
Страница 204

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. Buchhandlung des Schweizen Grütlivereins, 1914.

833

В своих мемуарах Троцкий рассказывает, что после революции в России какой то предприимчивый нью йоркский издатель выпустил эту брошюру на английском языке и что даже президент Вудро Вильсон затребовал ее корректуру, когда формулировал в январе 1918 г. свою программу мира, известную как «14 пунктов» (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 276). По видимому, у Льва Давидовича произошел сбой памяти. Обнаружить эту его брошюру на английском языке не удалось. Нет ее ни в каталоге Библиотеки Конгресса США, ни в библиографиях Троцкого. По всей видимости, Троцкий перепутал ее со своей брошюрой «Что такое программа мира?», изданной на английском языке сначала в Петрограде, а затем в Сан Франциско (Trotsky L. What is a Peace Programme? San Francisco: The People's Institute, 1918).

834

Grupbacher F. 60 Jahre Ketzler. Selbstbiographie. Zürich: Verlaggenossenschaft, 1973. Z. 188 189.

835

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 357. Л. 22 26.

836

Киевская мысль. 1915. 9 января.

837

Киевская мысль. 1916. 3 января.

838

Киевская мысль. 1916. 15, 22 января, 19 ноября.

839

Киевская мысль. 1916. 27 марта.

840

Киевская мысль. 1916. 7 июня.

841

Киевская мысль. 1916. 12, 28, 29 июля.

842

Киевская мысль. 1916. 20 февраля.

843

РГАСПИ. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 82.

844

Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890 – 1937) – участник революционного движения в России. Большевик. Председатель Киевского ревкома во время Октябрьского переворота 1917 г. Председатель Временного рабоче крестьянского правительства Украины в конце 1918 – начале 1919 г. В 1923 – 1927 гг. заместитель председателя ВСНХ, а затем торгпред СССР во Франции. Активный участник объединенной оппозиции в ВКП(б) 1926 – 1927 гг. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б), но вскоре, после подачи покаянного заявления, восстановлен в партии. В 1930 – 1932 гг. вновь заместитель председателя ВСНХ, в 1932 – 1936 гг. заместитель наркома тяжелой промышленности. В 1936 г. арестован и на судебном процессе по делу так называемого «параллельного троцкистского центра» (январь 1937 г.) приговорен к смертной казни, после чего расстрелян.

845

Бош Евгения Богдановна (Готлибовна) (1879 – 1925) – участница социал демократического движения с 1901 г. Большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. являлась председателем Киевского областного комитета большевиков и народным секретарем внутренних дел. Затем занимала административные посты в Киеве и Харькове. Покончила жизнь самоубийством.

846

Наш голос. 1915. 4 июня.

847

Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 78, 86, 88.

848

Гримм Роберт (1881 – 1956) – один из лидеров Социал демократической партии Швейцарии. Председатель партии в 1909 – 1919 гг. Являлся председателем Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференций, руководил Циммервальдским объединением. Весной 1917 г. посетил Россию и агитировал за ее выход из мировой войны путем заключения сепаратного мира с Германией. Во время визита было установлено, что он обменивался секретными письмами с швейцарским министром Гофманом по поводу германских условий заключения сепаратного мира. Временным правительством Гримм был выслан из России. Интернациональной социалистической комиссией (исполнительным органом Циммервальдского движения) его действия были признаны несоместимыми с этим движением, и он был освобожден от обязанностей председателя Комиссии. Являлся одним из организаторов центристского 2 го с половиной Интернационала. В 1945 – 1946 гг. был

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoffi. председателем Национального совета (правительства) Швейцарии.
849
Письма А.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 307.
850
Там же. С. 315.
851
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 284.
852
Там же. С. 285.
853
Работнически вестник. 1915. 15, 16 юли.
854
Антид Ото. Раковский и Коларов // Киевская мысль. 1915. 23 октября; Троцкий Л. Политические силуэты. С. 75 – 78.
855
Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 324, 349.
856
Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 286.
857
Die Zimmerwalder Bewegung. Protokolle und Korrespondenz. Herausgegeben von Horst Landemacher. The Hague – Paris: International Institute of Social History, 1967. Т. 1. S. 48, 53, 115.
858
Манифест Интернациональной социалистической конференции в Циммервальде // Троцкий Л. Война и революция. Петроград: Госиздат, 1922. Т. 2. С. 52 – 55; Senn A.E. The Russian Revolution in Switzerland. P. 94 – 95.
859
Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 105.
860
Коллонтай Александра Михайловна (1872 – 1952) – участница социал демократического движения с 1906 г. Примыкала к меньшевикам, с 1915 г. большевик. Длительное время находилась в эмиграции в Швеции, Дании, США. В 1917 г. возвратилась в Россию. После Октябрьского переворота нарком государственного призрения. С 1920 г. заведовала женским отделом ЦК РКП(б). В 1920 – 1922 гг. была одним из руководителей рабочей оппозиции. С 1923 г. на дипломатической работе – полпред, затем посол в Норвегии, Мексике, Швеции. С 1945 г. советник НКИДА (затем МИД) СССР (фактически на пенсии). Получила известность своей концепцией «марксистского феминизма», в основе которой лежало отрицание женщины как «слабого пола» и отказ от сокрытия женской сексуальности.
861
Ленин был неточен. Имелась в виду брошюра, содержащая письмо французского социалиста оборонца Шарля Дюма и ответ Раковского, в котором доказывалось, что в каждой социалистической партии имеются две непримиримые тенденции – антивоенная и провоенная (Duma Ch., Rakovsky Ch. Les socialistes et la guerre. Bucureşti: Cercul de editura socialista, 1915; Станчев М., Чернявский Г. Л.Д. Троцкий, Болгария и българи. С. 113). Судя по письмам Троцкого Раковскому от 6 и 20 октября 1915 г., Троцкий оказывал помощь в подготовке ответа Раковского (ЦДА на РБ. Ф. 156 Б. Оп. 1. Ед. хр. 475. Л. 1 – 2). Ленин выражал недовольство тем, что Раковский ограничивался антивоенными лозунгами, не требуя непосредственного перехода к революции.
862
Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 117.
863
Там же. С. 91.
864
Там же. С. 141.
865
Там же. С. 75.
866
Serin A.E. The Russian Revolution in Switzerland. P. 156.
867
На самой Кинтальской конференции по поводу отсутствия Троцкого последовали озабоченные запросы некоторых делегатов. Отсутствием его особенно интересовался Д.Б. Рязанов (Die Zimmerwalder Bewegung. Т. 2. Z. 444, 450, 456, 464, 467). «Газета «Наше слово» объясняла это тем, что часть российских делегатов не получила паспорта, то есть выездные визы (Наше слово, 1916, 13 мая), но у Троцкого виза в Швейцарию была.
868

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 273.
869
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 434. Л. 1.
870
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 261. Имелся в виду Августовский блок.
871
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 264 – 265, 273, 284.
872
Социал демократическое движение в России. Т. 1. С. 226, 395.
873
Окончив Венский политехникум в 1912 г., Скобелев, до этого работавший, как мы знаем, в редакции «Правды» Троцкого, возвратился в Россию. Он был избран в Государственную думу по рабочей курии Закавказья, выступал по бюджетным и другим экономическим вопросам и быстро выдвинулся в число наиболее авторитетных лидеров меньшевиков и экономических экспертов.
874
Социал демократическое движение в России. Т. 1. С. 395.
875
Thatcher I. Trotsky and «Bor\'ba» // Historical Journal. 1994. P. 113 – 125;
Ibid. «Bor\'ba». A workers Journal in St. Petersburg on the Eve of world war One // The English Historical Review. Vol. 113. № 450 (Feb. 1998). P. 99 116.
876
Так считает, например, Ян Тэтчер, который в то же время обоснованно оспаривает мнение Джеффри Свейна о том, что издание «Борьбы» было чуть ли не ключевым моментом в предреволюционной политической деятельности Троцкого (Thatcher I. Trotsky and «Bor\'ba». P. 99. 115 – 116; Swain G. Russian Social Democracy and the Legal Labour Movement. 1906 – 14. Basingstoke, 1983. P. 183 184).
877
РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1; Thatcher J. Trotsky and «Bor\'ba». P. 102.
878
Борьба. 1914. № 1. С. 29 30.
879
Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 126.
880
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 321.
881
Мануильский Дмитрий Захарович (1883 – 1959) – социал демократ с 1903 г. Находясь в эмиграции, примыкал к группе «Вперед», с которой остро конфликтовал Ленин. Возвратившись в Россию в 1917 г., стал членом межрайонной группы, а затем вступил в большевистскую партию. Занимал государственные посты на Украине. С 1924 г. член Президиума Исполкома Коминтерна. В 1928 – 1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. Являлся одним из главных проводников сталинской линии в международном коммунистическом движении. В 1944 – 1950 гг. заместитель председателя Совнаркома (Совета министров) Украинской ССР и нарком (министр) иностранных дел этой республики. С 1950 г. его имя как члена правительства Украинской ССР исчезло. Мануильский был автором ряда догматических работ о международном социалистическом и коммунистическом движении.
882
Лозовский А. (настоящие фамилия, имя и отчество Дридзо Соломон Абрамович) (1878 – 1952) – социал демократ с 1901 г., большевик. Позже отошел от большевизма, сотрудничал с Троцким. В 1917 г. опять стал большевиком. В 1921 – 1937 гг. генеральный секретарь Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна). После этого недолгое время был директором Госиздата. В 1939 – 1946 гг. заместитель наркома, позже министра иностранных дел СССР, возглавлял Советское информационное бюро. В 1947 г. смещен с государственных постов, некоторое время заведовал кафедрой истории международных отношений и внешней политики Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) и был ответственным редактором «Дипломатической энциклопедии». В январе 1949 г. был ложно обвинен в еврейском национализме, арестован, а затем на судебном процессе по делу Еврейского антифашистского комитета (1952) приговорен к смертной казни. Расстрелян вместе с рядом деятелей науки и культуры.
883
Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. С. 347.
884
РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 42.
885
Там же. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 431. Л. 5.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. 886

Антонов Овсеенко В. А. (1883 – 1939) был социал демократом с 1902 г. Он являлся одним из главных технических организаторов государственного переворота в Петрограде в октябре 1917 г. Во время гражданской войны командовал фронтами, затем являлся начальником Политуправления Реввоенсовета Республики. Участвовал в дискуссии 1923 г. на стороне Троцкого, но вскоре отошел от него. Занимал различные государственные посты. Арестован и расстрелян во время Большого террора.

887

Монатт Пьер (1881 – 1960) – французский профсоюзный деятель. В 1904 – 1914 гг. один из руководителей Всеобщей конфедерации труда, поддерживавшей связь с социалистической партией. В 1923 г. вступил в компартию, но через год был из нее исключен за нарушение дисциплины, фактически же за поддержку Л.Д. Троцкого. В 1926 г. основал Синдикалистскую лигу. Сотрудничал с А. Росмером, совместно с которым в течение некоторого времени пропагандировал отдельные идеи объединенной оппозиции в ВКП(б). В течение всей своей жизни популяризировал идеи синдикализма (самодостаточности профсоюзов без влияния политических партий).

888

Росмер Альфред (1877 – 1964) – французский политический деятель. Участвовал в деятельности социалистической партии. Был одним из основателей компартии, из которой исключен в 1924 г. по обвинению в ультралевом уклоне. Совместно с Пьером Монаттом во второй половине 20 х гг. издавал журнал *Revolution Proletarienne* («Пролетарская революция»), в котором пропагандировал некоторые взгляды объединенной оппозиции в ВКП(б). VII пленум Исполкома Коминтерна (конец 1926 г.) объявил журнал контрреволюционным и запретил коммунистам в нем сотрудничать. Считая Росмера раскольником, Троцкий в 1929 г. прервал с ним отношения, но в 1930 г. контакты между ними возобновились. В доме Росмера в 1938 г. происходила учредительная конференция 4 го Интернационала. Во время Второй мировой войны Росмер находился в США. После войны возвратился во Францию. Автор мемуаров «Москва после Ленина» (1953).

889

Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 28.

890

Балабанова Анжелика Исааковна (1877 – 1965) родилась в богатой ассимилированной еврейской семье. Получила хорошее домашнее образование. Вышла замуж за инженера М. Балабанова, но вскоре оставила его. В 1897 г. выехала в Западную Европу, где училась в Брюсселе, Лейпциге и Риме. Стала членом Союза русских социал демократов за границей. В 1900 г. вступила в Итальянскую социалистическую партию, в 1912 г. была избрана в ее ЦК. Работала в газете партии «Аванти!», в которой сблизилась с Б. Муссолини и стала его любовницей, не отказываясь от связей и с другими партнерами. После перехода Муссолини на позиции активной поддержки участия Италии в мировой войне разошлась с ним. Участвовала в работе Циммервальдской конференции европейских социалистов, выступавших против войны. Летом 1917 г. возвратилась в Россию и присоединилась к большевикам. В 1918 г. по рекомендации Троцкого стала заместителем наркома иностранных дел Украины (пост наркома по совместительству занимал с 1919 г. председатель Совнаркома друг Троцкого Х.Г. Раковский). Балабанова участвовала в I и II конгрессах Коминтерна, возглавляла Южное бюро Коминтерна с центром в Харькове. В 1922 г. в результате разногласий с руководством РКП(б) покинула Россию и возвратилась в Италию, в 1924 г. была исключена из РКП(б). После прихода к власти фашистов эмигрировала. Жила в Швейцарии, Франции, США. Возвратилась в Италию после Второй мировой войны и возобновила участие в социалистической партии.

891

Балабанова А. Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки. 1897 1938. М.: Центрполиграф, 2007. С. 81.

892

Голос. 1914. 20, 21 ноября, 13 декабря.

893

Троцкий Н. Пролетариат в войне // Голос. 1914. 7, 28 ноября; Он же. К 100 му номеру «Голоса» // Голос. 1915. 15 января; Он же. Наш политический лозунг // Голос. 1915. 15, 17 января и др.

894

Голос. 1914. 10 ноября.

895

РГАСПИ. ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 431. л. 1, 4 5.

896

Позже, в 1919 г., Троцкий назвал Мартова одной из самых трагических фигур российского революционного движения. По мнению Троцкого, Мартову не хватало

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. воли, решимости и поэтому он стал самым изощренным представителем мелкобуржуазной интеллигенции (Троцкий Л. Политические силуэты. С. 67 – 68). Современный исследователь констатирует: «Троцкий ошибался: он путал сомнение с безволием, а поиск бескровного компромисса – с трусостью. В его оскорбительном для Мартова заявлении сквозило личное самоутверждение временного победителя, не знавшего, что делать с непокорным противником» (Урилов И.Х. История российской социал демократии (меньшевизма). Источниковедение. М.: Раритет, 2000. Т. 1. С. 169).

897
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 448. л. 22.

898
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 288.

899
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 28.

900
Там же. С. 289 290.

901
Наше слово. 1915. 14 февраля.

902
Наше слово. 1915. 5 октября.

903
Мартов Л. Письмо редактору // наше слово. 1915. 9 ноября.

904
РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 424. л. 1.

905
Наше слово. 1915. 3, 9 июля; Троцкий Л.Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 9. Европа в войне (1914 1918 гг.). С. 209 216.

906
Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // ПСС. Т. 26. С. 351 – 355. По поводу лозунга Соединенных Штатов Европы Ленин ожесточенно полемизировал с Троцким в статье «Поражение своего правительства в империалистической войне», в которой с оттенком презрения утверждал, что Троцкий «заблудился в трех соснах», обвинял его в пустом фразерстве и даже в лицемерии (Там же. С. 286 – 291).

907
Наше слово. 1916. 25 января; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 9. С. 221 – 224.

908
Троцкий Л.Д. Европа и Америка. М.: Госиздат, 1926.

909
В свойственном ему лексиконе Ленин относил Юркевича к представителям «низкопробного, тупого и реакционного национализма» (Ленин В.И. ПСС. Т. 24. С. 127).

910
Наш голос. 1915. 30 июля.

911
РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 424. л. 9 10.

912
Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 295.

913
Ленин В.И. ПСС. Т. 27. С. 80 81.

914
Там же. С. 236.

915
Там же. С. 271.

916
Ленин В.И. ПСС. Т. 27. С. 168.

917
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 290 291.

918
РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 358. л. 183 191.

919
Там же. С. 297.

920
Начало. 1916. 2 декабря; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 9. С. 251 – 256.

921
1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М.: Изд во Российского ун та дружбы народов, 2005. С. 123.

922
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 307.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
923
Зив Г.А. Троцкий. С. 67.
924
Jewish Daily Forward. 1917. January 16.
925
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 308 309.
926
Бухарин Николай Иванович (1888 – 1938) – социал демократ с 1906 г., большевик. В 1908 – 1910 гг. член Московского комитета РСДРП. В 1911 г. арестован и сослан. Бежал из ссылки и эмигрировал. За границей установил связь с Лениным. Во время Первой мировой войны находился в США. В 1917 г. возвратился в Россию. Стал одним из руководящих деятелей большевистской партии. В начале 1918 г. – руководитель группы левых коммунистов, выступавших против Брестского мира, за революционную войну. Автор (вместе с Е.А. Преображенским) «Азбуки коммунизма» (1919), выдержавшей массу изданий. В 1924 – 1929 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б) и редактор центрального органа большевистской партии газеты «Правда». Являлся одним из ближайших соратников Сталина в проведении политики нэпа. Рассматривал нэп как долговременный курс, ведущий к построению социализма, играл весьма активную роль в борьбе официального партруководства против объединенной оппозиции 1926 – 1927 гг. В 1926 – 1928 гг. фактически руководил Коминтерном. В 1928 – 1929 гг. совместно с А.И. Рыковым и М.П. Томским выступил против насильственной коллективизации сельского хозяйства и отказа от нэпа (так называемый «правый уклон»). После снятия с ответственных постов в апреле и декабре 1929 г. по обвинениям в «демагогии и клевете на партию» заявил об отказе от своих взглядов. В 1930 – 1934 гг. работал в Наркомате тяжелой промышленности, в 1934 – 1936 гг. был ответственным редактором газеты «Известия» (формально до середины января 1937 г., хотя он уже был отстранен от этой работы). Имея в виду противоречивость и непоследовательность взглядов Бухарина, его многословие, Троцкий называл его Колечкой Балаболкиным. В феврале 1937 г. Бухарин был арестован, на судебном процессе по делу «правотроцкистского блока» в марте 1938 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.
927
Володарский В. (Гольдштейн Моисей Маркович) (1891 – 1918) – участник революционного движения с 1905 г., член еврейской социал демократической организации Бунд и украинской «Спілки». С 1913 г. эмигрант в США. В 1917 г. возвратился в Россию вместе с Троцким и вместе с ним же присоединился к межрайонной социал демократической организации. В августе 1917 г. стал большевиком. После Октябрьского переворота занимал пост комиссара печати, пропаганды и агитации в Петрограде, являлся одним из главных душевателей оппозиционной прессы. Одновременно был редактором выходившей в городе «Красной газеты». Убит рабочим маляром эсером Никитой Сергеевым 20 июня 1918 г. Это был первый террористический акт против большевистского руководящего деятеля, причем руководство партии эсеров от этого акта отмежевалось.
928
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 311.
929
Зив Г.А. Троцкий. С. 73.
930
Недава Й. Вечный комиссар. С. 33.
931
Новый мир. 1917. 16 января.
932
Новый мир. 1917. 22 марта.
933
New York Times. 1917. March 5.
934
Троцкий Н. Затруднения читателя // Новый мир. 1917. 9 марта.
935
Две статьи на эту тему были опубликованы на языке идиш (Троцкий Н. Как Николай оперирует в свободной Франции // Jewish Daily Forward. 1917. January 30; Он же. Русское правительство совершает провокации во Франции // Jewish Daily Forward. 1917. February 17).
936
Новый мир. 1917. 6 марта. Этому предшествовало бурное объяснение Троцкого с редактором газеты Абрахамом Каганом, поскольку в его печатном органе появился материал, указывающий, что каждый американец готов пролить свою кровь, защищая США. Троцкий счел этот материал шовинистическим (Nedava J. Trotsky and the Jews. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1971. P. 26).

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
937
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 314.
938
Там же. С. 74.
939
Там же. С. 308.
940
1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 132, 138.
941
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 314.
942
Там же. С. 315.
943
Там же. С. 318.
944
National Archive of the United States. US State Department File. 316 – 85 – 1002 – 861 – 111 – 315.
945
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 262.
946
1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 123.
947
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 318.
948
Canadian Government Records; <http://www.montreal.mid.ru/hist.html>.
949
Троцкий Л. Война и революция. Т. 2. С. 478; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 319.
950
Serge V., Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 31.
951
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 321.
952
Керенский Александр Федорович (1881 – 1970) – политический деятель, адвокат. Лидер фракции трудовиков в 4 й Государственной думе. С марта 1917 г. эсер, министр юстиции, позже военный и морской министр, а затем министр председателя Временного правительства. С конца августа Верховный главнокомандующий. После Октябрьского переворота предпринял неудачную попытку оказать сопротивление большевикам, в 1918 г. эмигрировал во Францию. В 1922 – 1932 гг. редактор газеты «Дни». С 1940 г. жил в США. Участвовал в различных организациях российских эмигрантов. В последние годы жизни профессор Стенфордского университета в Калифорнии. Автор обширных воспоминаний, составитель документальных публикаций по российской истории.
953
Троцкий Л. Война и революция. Т. 2. С. 476.
954
Петроградский Совет рабочих депутатов. Протоколы заседаний. М.: Госиздат, 1925. С. 92.
955
Известия. 1917. 9 апреля; Петроградский Совет рабочих депутатов. С. 97.
956
Правда. 1917. 16 апреля.
957
1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 24.
958
Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910 1918. М.: Центрполиграф, 2006. С. 290.
959
Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 204, 226, 228, 268 269.
960
1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 25.
961
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 326.
962
РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 134; Меньшевики в 1917 году. М.: Прогресс Академия, 1994. Т. 1. От января до июльских событий. С. 248.
963

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 1; *Меньшевики в 1917 году*. Т. 1. С. 252.
964
РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 2.
965
Авдеев Н. *Революция 1917 года. (Хроника событий)*. М.; Пг.: Госиздат, 1923. Т. 2. С. 108.
966
Троцкий Л. *Моя жизнь*. Т. 2. Берлин: Гранит, 1930. С. 6.
967
Карахан (настоящая фамилия Караханян) Лев Михайлович (1889 – 1937) – социал демократ с 1904 г., меньшевик. В 1915 г. был арестован и сослан в Томск. После февральской революции приехал в Петроград и присоединился к Межрайонной группе. С августа 1917 г. большевик. После Октябрьского переворота на дипломатической работе. Был секретарем советской делегации на мирных переговорах с Центральными державами в Брест Литовске. С 1918 г. заместитель наркома иностранных дел. Являлся полпредом в Польше, Китае, Турции. Арестован и расстрелян во время Большого террора.
968
Троцкий Л. *Сталинская школа фальсификаций*. С. 17.
969
Троцкий Л. *Моя жизнь*. Т. 2. С. 6.
970
Троцкий Л. *Моя жизнь*. Т. 2. С. 9 – 10. В своих воспоминаниях Троцкий не вполне точно передает биографию Александра Павловича Серебровского (1884 – 1938). Он был социал демократом с 1903 г. Учился в Петербургском технологическом институте, откуда был исключен за революционную пропаганду и эмигрировал. Окончил Высшее техническое училище в Брюсселе. Возвратился в Россию в 1913 г. После Октябрьского переворота работал в Наркомате торговли и промышленности, затем был председателем правления нефтесиндиката. Автор ряда исследований по термоизоляции. Арестован и расстрелян во время Большого террора.
971
Троцкий Л. *Моя жизнь*. Т. 2. С. 7.
972
Петроградский Совет рабочих депутатов. С. 136.
973
Троцкий Л. *Моя жизнь*. Т. 2. С. 7.
974
В канадском лагере содержались германские военнопленные, главным образом матросы с затопленных англичанами военных кораблей, а также интернированные немцы, проживавшие в Канаде. Пленные офицеры рассматривали русских как своих злейших врагов, но среди солдат Троцкий, не теряя времени, начал политическую агитацию. «Этот месяц жизни в лагере походил на сплошной митинг», – вспоминал Троцкий о периоде, когда он вербовал немцев «на сторону Либкнехта и Ленина» (Троцкий Л. *Моя жизнь*. Т. 1. С. 321).
975
Известия Петроградского Совета. 1917. 6 мая; Троцкий Л.Д. *Сочинения*. Т. 3. Ч. 1. Историческое подготвление Октября. От февраля к Октябрю. М.; Л.: Госиздат, 1924. С. 44 – 45. На этом заседании Троцкий задал вроде бы «наивный» вопрос Церетели, почему вместо вхождения в правительство просто не передать власть Советам, и получил прагматичный и трезвый ответ, что такое решение означало бы ответную мобилизацию сопротивления буржуазии, растущее беспокойство среди армии и крестьянства, разочарование пролетариата из за неспособности такого правительства справляться со своими задачами (Хеймсон Л. *Меньшевики. Политика и проблема власти в 1917 году // Меньшевики в 1917 году*. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 3. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской республики до конца декабря. С. 22).
976
Церетели Ираклий Георгиевич (1881 – 1959) – один из лидеров партии меньшевиков. Депутат 2 й Государственной думы. Во время Первой мировой войны стоял на позициях революционного оборончества. После февральской революции 1917 г. был признанным меньшевистским руководителем, являлся министром Временного правительства. С 1918 г. член правительства независимой Грузинской республики. После оккупации Грузии Советской Россией эмигрировал (в 1921 г.). С 1923 г. был представителем грузинских социал демократов в Социалистическом рабочем интернационале. С 1929 г. в политической деятельности не участвовал. С 1940 г. жил в США. Автор обширных мемуаров о событиях 1917 г.
977
Церетели И.Г. *Кризис власти*. М.: Мир. 1992. С. 111 – 112.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff.
978
Авдеев Н. Революция 1917 года. С. 149.
979
Петроградский Совет рабочих депутатов. С. 165.
980
Кротовский Константин Константинович (псевдоним И. Юренев, который позже был изменен на К. Юренев) (1888 – 1938) – социал демократ с 1905 г., большевик, с 1913 г. межрайонец. В 1916 г. был призван в армию, но бежал. С августа 1917 г. большевик. В годы Гражданской войны командовал частями и соединениями Красной армии. С 1921 г. на дипломатической работе. Был полпредом в Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии. Арестован и расстрелян во время Большого террора.
981
Юренев И. «Межрайонка» // Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 116.
982
Попов А. Страничка воспоминаний о работе в «Межрайонке» // Пролетарская революция. 1923. № 10. С. 98, 101. Примерно через десять лет в своем обширном ответе на вопросы сталинистской комиссии по истории партии (Истпарт) Троцкий сообщил, что он узнал о существовании Межрайонной группы только по прибытии в Петроград. Видимо, Троцкий неточно выразился. По крайней мере, он не мог иметь в виду то, что он не знал о существовании этой группы вообще.
983
Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. С. 264.
984
Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 199.
985
Политические партии России. С. 258.
986
Дойчер ошибочно утверждает, что 7 мая (Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. С. 264).
987
Ленинский сборник. М.: Госиздат, 1925. Т. 4. С. 301 – 303.
988
Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 225 226.
989
1917. Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 210.
990
Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 503.
991
Троцкий Л. Программа мира. Пг.: книга, 1917; Троцкий Л. Война и революция. Т. 2. С. 485 597.
992
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 49.
993
Луначарский А. Силуэты. С. 348.
994
Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 375.
995
Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 522 – 523, 526 – 527.
996
Первый Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 1. С. 144 149.
997
Первый Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Т. 1. С. 171, 278 280.
998
Там же. С. 295, 352 357.
999
Там же. С. 357, 368, 370, 425.
1000
Первый Всероссийский Съезд Советов. Т. 1. С. 158.
1001
Новая жизнь. 1917. 6 июня.
1002
Суханов (настоящая фамилия Гиммер) Николай Николаевич (1882 – 1940) – участник революционного движения, экономист, историк. С 1903 г. эсер, в 1917 г. народный

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. социалист, по ряду вопросов поддерживал меньшевиков интернационалистов. С мая 1917 г. меньшевик интернационалист. После Октябрьского переворота работал в советских учреждениях. В 1920 г. порвал с меньшевиками. Автор семитомных «Записок о русской революции». В 1931 г. был арестован и на провокационном судебном процессе по делу «вредительской» организации – Союзного бюро меньшевиков, которого на самом деле не существовало, приговорен к 10 летнему заключению. Позже заключение было заменено ссылкой. Во время Большого террора вновь арестован и расстрелян по приговору трибунала Сибирского военного округа. 1003
- Суханов Н. Записки о революции. Берлин: Изд во З.И. Гржебина, 1922. Т. 4. С. 212. Суханов писал, между прочим, что в жаркий июльский день Троцкий был одет в «костюм *fantasie*, не особенно привычный для «советского» глаза» (Там же. С. 213). Костюм *fantasie* – модный летний костюм свободного покроя, свидетельствующий об определенном достатке человека и его стремлении следовать ритуалам моды. 1004
- Речь. 1917. 7 июня. 1005
- Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк. С. 277. 1006
- Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 149. 1007
- Балабанова А. Моя жизнь – борьба. С. 164 – 165. 1008
- Там же. С. 165 166. 1009
- Интервью с дочерью Иоффе Надеждой Адольфовной Иоффе в Москве 5 июня 1991 г., проведенное А.В. Панцовым (Панцов А.В. Тайная история советско китайских отношений. С. 40). 1010
- Политические деятели России 1917 г. С. 376. 1011
- Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М.: Республика, 1992. С. 79. 1012
- Там же. С. 132 – 135; Троцкий Л. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Госиздат, [1924]. С. 58. 1013
- Войтинский Владимир Савельевич (1885 – 1960) – участник социал демократического движения с 1903 г., большевик. В 1905 г. председатель Петербургского совета безработных. В 1908 г. арестован и отправлен на четырехлетнюю каторгу. После отбытия каторжного срока находился в ссылке, где сблизился с меньшевиками. С 1917 г. меньшевик. После Октябрьского переворота уехал в Грузию, где сотрудничал с национальным правительством, в частности представляя его в международных организациях. С 1921 г. эмигрант. Жил в Германии и Швейцарии. Стал видным экономистом, автором многочисленных исследовательских трудов и проектов. В 1935 г. переехал в США. Являлся профессором университета имени Джонса Гопкинса. Во время Второй мировой войны советник президента Ф. Рузвельта. Автор ряда мемуарных произведений. 1014
- Woytinsky W.S. Stormy Passage. P. 286. 1015
- Раскольников (настоящая фамилия Ильин) Федор Федорович (1892 – 1939) – большевик с 1910 г. В 1917 г. окончил Отдельные гардемаринские классы, был произведен в мичманы. С марта 1917 г. находился в Кронштадте, где редактировал газету «Голос правды» и руководил Советом. Был организатором мятежа в крепости в начале июля 1917 г., сопровождавшегося кровопролитием. После Октябрьского переворота был заместителем наркома по морским делам, командующим Волжской военной флотилией. В 1920 – 1921 гг. командующий Балтийским флотом. Поддерживал тесную связь с Троцким. С 1921 г. на дипломатической работе (с перерывами). Был полпредом в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. В 1938 г. отказался возвратиться в СССР, выехал во Францию, где опубликовал «Открытое письмо Сталину», являвшееся фактически обвинительным актом, уличавшим Сталина в организации террора. Раскольников скончался при подозрительных обстоятельствах: видимо, был убит агентами НКВД. 1016
- Рошаль Семен Григорьевич (1896 – 1917) – социал демократ с 1914 г., большевик. В 1915 г. был мобилизован в армию, но вскоре арестован за революционную

- Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosofff. пропаганду. В 1917 г. освобожден и отправлен большевистским руководством в Кронштадт, где возглавил местную организацию большевиков и стал членом Исполкома Совета. В июле – октябре 1917 г. Рошаль вновь находился в заключении. После Октябрьского переворота был направлен Лениным комиссаром на Румынский фронт, но по приказу командующего фронтом Д.Г. Щербачева был выдан румынам и ими расстрелян.
- 1017
Woytinsky W.S. Stormy Passage. P. 286 288.
- 1018
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 165 – 166.
- 1019
Новая жизнь. 1917. 5 июля.
- 1020
Woytinsky W.S. Stormy Passage. P. 304 – 305.
- 1021
Чернов В.М. Записки социалиста революционера. Берлин: Изд во Гржебина, 1922. С. 262.
- 1022
Керенского пытались арестовать на вокзале перед его отъездом из Петрограда. Почти сразу он был освобожден. Между попытками арестов Керенского и Чернова не было никакой связи.
- 1023
Бонч Бруевич Владимир Дмитриевич (1873 – 1955) – участник социал демократического движения с 1895 г. С 1903 г. большевик. Занимался организацией большевистских печатных изданий. В 1908 – 1918 гг. руководил легальным издательством «Жизнь и знание». После Октябрьского переворота 1917 г. управляющий делами Совнаркома (до 1920 г.). Затем занимался научной и пропагандистской работой. Автор трудов по истории революционного движения, религиозно общественных движений и др.
- 1024
РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 66 67.
- 1025
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 34.
- 1026
Там же. С. 35.
- 1027
Раскольников Ф. В тюрьме Керенского // Пролетарская революция. 1923. № 10. С. 150 – 152. Под влиянием изменившейся ситуации – начавшейся борьбы с Троцким после смерти Ленина – Раскольников существенно изменил тон своих оценок. В рецензии на 3 й том сочинений Троцкого (Красная новь. 1924. № 7 – 8. С. 395 – 401), предисловием к которому была статья «Уроки Октября», вызвавшая бешеную травлю со стороны сталинской группы, Раскольников писал: «Тов. Троцкий еще не выяснил своего отношения к большевизму и меньшевизму. В то время тов. Троцкий еще сам занимал колеблющуюся, неопределенную.. позицию». Эта оценка была столь же неточной и прямолинейной, как и противоположная ей, высказанная незадолго до этого, в 1923 г.
- 1028
Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 15.
- 1029
РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 63.
- 1030
Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1826. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 8.
- 1031
Николаевский Б.И. Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны // Б.И. Николаевский. Тайные страницы истории. М.: Изд во гуманитарной литературы, 1995. С. 233 – 411.
- 1032
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 151 – 158; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 19.
- 1033
Новая жизнь. 1917. 27 июня. В то время как получение Лениным крупных сумм от Германии в годы мировой войны подтверждается многочисленными источниками, аналогичные обвинения против Троцкого документально – на уровне неопровержимых источников информации – не подтверждаются. Попытки некоторых авторов привлечь документы не всегда убедительны. А. Арутюнов, например, ссылается на адресованный Л.Б. Каменеву доклад Н.С. Ангарского, посланного в 20 х гг. за границу для розыска большевистских и прочих документов. В докладе речь идет о

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. переговорах с неким «бывшим комиссаром Временного правительства» С.Г. Сватиковым. Последний за крупную сумму денег предлагал продать «донесения», в которых шла речь «о посещении Лениным и Троцким в конце [19] 16 и январе 1917 г. немец[кого] и австрийского] консула в Цюрихе, Базеле и др[угих] местах», и «подробный доклад о «поведении» Ленина и Троцкого в 1916 – 1917 г. за границей, указывавший на получение денег Троцким и др[угими]» (РГАСПИ. Ф. 347. Оп. 1. Ед. хр. 19. л. 89 – 90; Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. М.: Вече, 1999. С. 211 – 212). Сам доклад хранится в: Архив Гуверовского института. Коллекция Б.И. Николаевского. Ящик 150. Папка 11.
1034
ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Ед. хр. 18. л. 41 43; Новая жизнь. 1917. 13 июля.
1035
Там же. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 40. л. 6.
1036
Протокол предварительного следствия по делу 3 – 5 июля // Л.Д. Троцкий. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 193 – 200; День. 1917. 25 июля. В использовании денежных средств, полученных от враждебных государств, обвинялись Ленин, Зиновьев, Коллонтай, Парвус, Ганецкий, Раскольников, Сахаров и Семашко (Известия. 1917. 22 июля).
1037
ГАРФ. Ф. 1826. Оп. 1. Ед. хр. 4. л. 18 35.
1038
Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. С. 21.
1039
Речь идет о доме, принадлежавшем ранее приме балерине Мариинского театра Матильде Кшесинской. После февральской революции этот особняк был захвачен большевиками, разместившими здесь свое руководство. Дом Кшесинской был занят правительственными войсками 6 июля, после того как руководители большевистской партии были объявлены вне закона по обвинению в государственной измене.
1040
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 198.
1041
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 198 199.
1042
ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 40. л. 10 16; Новая жизнь. 1917. 30 июля; Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 201 – 202.
1043
Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 165 – 166.
1044
Троцкий Л. Когда же конец проклятой бойни? Пг.: Прибой, 1917.
1045
Новая жизнь. 1917. 25 июля; Большевики в 1917 году. М.: Прогресс Академия, 1995. Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа. С. 197 – 198.
1046
Большевики в 1917 году. Т. 2. С. 211 – 212.
1047
Корнилов Лавр Георгиевич (1870 – 1918) – генерал от инфантерии. Во время Первой мировой войны попал в германский плен, откуда бежал. В 1917 г. был командующим войсками Петроградского военного округа, а затем (июль – август) Верховным главнокомандующим. В конце августа попытался выступить за установление твердой государственной власти в России, но не получил поддержки политических сил. Глава Временного правительства Керенский, сам вызвавший Корнилова в Петроград для ликвидации большевиков и вступивший с Корниловым в переговоры, прервал их и объявил о мятеже генерала. Корнилов был взят под стражу, затем освобожден. После Октябрьского переворота был одним из организаторов Белого движения, военного сопротивления большевикам. Бежал на Дон и стал одним из создателей Добровольческой армии с целью свержения большевистского режима. Был убит во время боя в районе Екатеринодара (ныне Краснодар).
1048
Зарудный Александр Сергеевич (1863 – 1934) – юрист и политический деятель. В конце 80 х гг. XIX в. недолгое время участвовал в организациях народников. С 1891 г. служил в органах прокуратуры. С 1902 г. адвокат. Защищал участников революции 1905 – 1907 гг., в том числе лейтенанта П.П. Шмидта. Получил всероссийскую известность своими выступлениями в защиту М. Бейлиса на антисемитском судебном процессе в киеве 1913 г. В 1917 г. член Трудовой группы, а затем Трудовой народно социалистической партии. Министр юстиции в третьем составе Временного правительства. После Октябрьского переворота в политической деятельности не участвовал. Выступал в судах защитником по уголовным делам.

Троцкий. Книга первая. Революционер. 1879 – 1917 гг. Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский filosoff. Читал лекции по вопросам истории и юриспруденции.

1049

Меньшевики в 1917 году. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. С. 76. Еще одно конкретное предложение об освобождении Троцкого и некоторых других большевиков было внесено на заседании комиссии по защите Петрограда от войск Корнилова, в состав которой входил меньшевик В.С. Войтинский. «Я указал, – писал Войтинский в мемуарах, – что их освобождение может быть понято публикой как доказательство, что мы не можем защитить столицу без них». Эта аргументация подействовала, и «предложение было взято назад» (Woytinsky W.S. Stormy Passage. P. 352).

1050

Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 год. Л.: Госиздат, 1927. С. 76.

1051

Рабочий путь. 1917. 4 сентября.

1052

Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 г. М.: Партиздат, 1934. С. 234 – 235, 253.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!